

ВЕСТНИК
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

**ВЕСТНИК
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН**

Издается с 1963 г.
Журнал зарегистрирован в 2008 г.
в Управлении Россвязькомнадзора по Республике Калмыкия
Рег. номер ПИ № ТУ 08-00025

№ 1, 2008
Выходит 4 раза в год.

Редакционная коллегия:

Н.Г. Очирова (главный редактор), **Э.П. Бакаева** (заместитель главного редактора),
Е.В. Бембеев (ответственный секретарь), **Б.А. Бичеев**, **К.Н. Максимов**,
Э.У. Омакаева (заместитель главного редактора), **У.Б. Очиров**

Адрес редакции и издателя:
Республика Калмыкия 358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;
тел. (847)22 3-55-06, (847)22 3-55-39; факс (847)22 2-37-84

E-mail: kigiran@elista.ru
Сайт: www.kigiran.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Абсалимова Ю.А. Башкирско-калмыцкое межэтническое взаимодействие в восточном Оренбуржье в первой половине XVII в.....	3
Александрова Е.А. Представления калмыцкой молодежи о месте традиции в современной культуре Республики Калмыкия.....	6
Бадмаева Е.Н. Миграционные процессы в Калмыкии в период НЭПа.....	12
Басхаев А.Н. Участие калмыков в русско-турецких войнах второй половины XVII в. (1677-1681 и 1686-1700 гг.).....	16
Галкина Е.В. Современное гражданское общество и национальный вопрос: региональный аспект.....	22
Гунаев Е.А. Государственный язык республики - субъекта Российской Федерации: особенности конституционно-правового статуса (на примере Республики Калмыкия).....	26
Дорджиева Г.Ш. Багша Хойча Бабуркаев.....	33
Иванов Д.В. Неизвестные предметы из собраний Петра Симона Палласа.....	36
Измайлова Е.И. Введение земства и проведение выборов земских гласных в Ставропольской губернии.....	41
Корнилова И.М. К вопросу о развитии высшего образования Марийской и Чувашской АССР, Поволжья в годы Великой Отечественной войны	47
Максимов К.Н. Реалии и мифы в истории военного периода Калмыцкой АССР.....	52
Мацакова Н.П. Реформа 1892 г. в Калмыкии: реорганизация налогообложения.....	71
Настинова Г.Э. Экокультурные ориентации и профессиональные ценности современного учителя.....	76
Очирова Н.Г. К вопросу о языке в условиях трансформации современного общества (на примере Республики Калмыкия).....	81
Санджиев Н.Д. Роль этнической правосубъектности и религиозного компонента в истории российской государственности (на примере Северного Кавказа).....	84
Сартикова Е. В. Реформа общеобразовательной школы в Калмыкии в 80-е гг. XX в.....	89
Ушницкий В.В. Меркитский хан Тохтоа Беки как предшественник Чингис-хана.....	94
Хохлов А.Н. Русская пресса первой половины XIX в. о трудах Н.Я. Бичурина о Западном крае.....	99

ФИЛОЛОГИЯ

Бадгаев Н.Б. О роли аффрикат в развитии консонантизма монгольских языков.....	102
Манджикова Б.Б. Растительный мир Калмыкии в лексике калмыцкого языка.....	107
Маюрова Ж.Д. Прозвища в историческом аспекте (на материале бурятского языка).....	113
Мулаева Н.М. Функционально-семантическая характеристика модальных частиц калмыцкого языка.....	116
Омакаева Э.У. О формальном описании зависимых конструкций в современном монгольском языке.....	120
Дугаров Б.С. Образ Хон Саган Тенгри в контексте тюрко-монгольских орнитологических представлений о лебеди.....	129
Осорин Утнасн. Шинжэнэ өөрд Моңһлын урн зокъялын залһлдан болн көгжлт.....	134
Пюрвеева Н.Б. Эпический характер конфликта в «Джангаре».....	138
Садалова Т.М. О современной сказительской традиции в Западной Монголии.....	142
Сальманова Л.К. Башкирские песни о батырах как жанр военных погребальных обрядов.....	144
Ханинова Р.М. Портрет калмычки с трубкой в аспекте имагологии: лирика Михаила Хонинова.....	147

РЕЦЕНЗИИ

Халоупкова Лыгжима. Новая книга о монгольской литературе. Л.К. Герасимович «Монгольская литература XIII вв.».....	155
Бурыкин А.А., Решетов А.М. Ученые-исследователи Калмыкии (XVII - начало XX вв.). Библиографический указатель.....	158

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....

Дарбеева А.А. О научной деятельности главного научного сотрудника отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, доктора филологических наук, профессора Пюрбеева Григория Цереновича.....	167
Монраев М.У. Убушаев Николай Надбитович - ученый-лингвист.....	173

Дорогие читатели!

«Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» издается с 1963 г. С 2008 г. журнал выходит в новом формате с периодичностью не менее двух раз в год.

В структуре каждого номера журнала - постоянный перечень разделов, которые следуют друг за другом в установленном порядке: основное содержание составляют исследования, «Критика и библиография» с подразделами «Обзоры» и «Рецензии», а также «Научная жизнь».

Сегодня Институт является центром актуальных интегральных гуманитарных исследований. За почти 70-летний период деятельности в Институте сформированы новые научные направления в области востоковедения: монголоведение, тибетология, буддология, синология и др.

Социальное и духовное состояние современного общества значительно расширяет горизонты гуманитарного знания. Каждый выпуск журнала построен таким образом, чтобы по возможности максимально представить весь спектр современных гуманитарных исследований. Журнал предоставляет возможность ученым Республики Калмыкия, других регионов России, ближнего и дальнего зарубежья обменяться мнениями и представить результаты своих исследований по актуальным проблемам изучения истории и археологии, межкультурной коммуникации и этнографии, языка и фольклора, культуры и литературы, философии и религии, социальных и политических процессов, экологии и экономики.

Настоящий выпуск имеет три важные характерные особенности. Во-первых, включенные в него статьи отражают междисциплинарность научных исследований. Во-вторых, в нем широко представлены публикации иногородних авторов, что свидетельствует об известности нашего журнала за пределами Калмыкии. И, наконец, публикуются дебютные работы с изложением основных положений и результатов диссертационных исследований молодых ученых.

Редколлегия надеется, что обновленное издание найдет положительный отклик как у ученых Калмыкии, так и у научной общественности других регионов России.

Очирова Н.Г.
Главный редактор,
Директор КИГИ РАН

ИСТОРИЯ

ББК 63.3 (2 РОС=БАШ)

БАШКИРСКО-КАЛМЫЦКОЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ВОСТОЧНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Ю.А. Абсалямова

В статье рассматривается период активного башкирско-калмыцкого взаимодействия в 1-й пол. XVII в., анализируются интенсивные контакты, нашедшие отражение в этнонимии оренбургских башкир.

Ключевые слова: *контакты, этнические связи, башкиры, калмыки.*

The article deals with the period of active Bashkir-Kalmyk interaction in the first half of the XVIIth century. The author analyzed intensive contacts reflected in the ethnonyms of Orenburg Bashkirs.

Keywords: *contacts, ethnic relations, the Bashkirs, the Kalmyks*

Оренбургские степи в течение длительного времени представляли собой пограничную зону, что в немалой степени было обусловлено их географическим положением: здесь проходит граница между Великой Степью и горно-лесными массивами Южного Урала, а естественные рубежи, как известно, всегда играют роль этнических границ. На этой территории особенно активно проходили межэтнические взаимодействия и, следовательно, этнокультурный обмен, интеграционные процессы.

Степи Восточного Оренбуржья, по крайней мере, с IX в. населяли башкиры, они являлись юго-восточной окраиной башкирских земель. Заметный след в истории башкир Восточного Оренбуржья оставило соседство с калмыками несмотря на то, что последние в оренбургских степях пробыли недолго: в течение первой половины XVII века они прошли через Южный Урал на запад, к Волге. Калмыки появились на границе с восточными башкирскими землями в начале XVII века, когда часть их прикочевала из степей Западной Монголии на юг Западной Сибири из-за нехватки пастбищ для скота и междоусобиц. Крушение Сибирского ханства и слабость позиций Русского государства в Сибири позволили калмыкам продвинуться дальше на северо-запад, где они вошли во взаимодействие с зауральскими башкирами [1]. Войдя в пределы Южного Урала, бассейны рек Эмбы и Яика, они просили подданства у русского государя и позволения торговать в соседних русских городах. Правительство разрешило калмыкам посещать в торговых целях Тюмень, Пермь, Уфу, Казань и другие,

ближайшие к их кочевьям, города [2]. Однако главной целью продвижения калмыков на запад были степи, и с этого времени борьба за территории для пастбищ стала причиной враждебных отношений между башкирами и калмыками. Характерной особенностью их взаимоотношений были традиционные для кочевников набеги, сопровождавшиеся угоном скота – барымта. Уже в 1619 году калмыки вплотную подошли к «башкирским вотчинам» и стали претендовать на их земли по рекам Яик, Орь, Илек, Кизил. Российское правительство не раз обращалось к калмыкам с требованием откочевать за Иртыш и прекратить набеги на своих подданных - башкир [3]. В отписке уфимского воеводы Г.И. Желябужского в Посольский приказ калмыкам (1630 г.) говорится, чтобы те «... в Уфинском бы уезде и в башкирских вотчинах по Ембе и в Казачьей Орде и Яицким вершинам не кочевали, и чтобы от них, калмыцких тайшей Уфинского уезду башкирцам и Большим Ногаям задоров и утеснения не было ...». Калмыкам приказывается кочевать «на старых своих кочевьях в Ыртышских вершинах» и ещё раз отмечается - «...а по Яику бы вниз и по Ембе и по Тоболу не кочевали, потому, что подошли Уфинского уезда башкирские вотчины, а по ту сторону от Яика качуют блиско Большие Ногаи...» [4]. Во второй трети XVII в. калмыки занимают земли юго-восточных башкир, в результате расширяется круг спорных территорий: кроме Яика сюда включаются земли по рекам Ори и Сакмаре, то есть территория современного Восточного Оренбуржья. В царской грамоте от июля 1649 года правительство вновь призывало

Дайчина тайшу отойти за реку Яик и Эмбу, а по рекам Ори, Килу (Кизилу?), Сакмаре и другим не кочевать и также указывало на то, что тогда прекратятся и набеги на них башкир, на которые жаловались калмыки. В ответ было получено согласие калмыков «уйти из государственной земли, не нападать на башкир и других русских подданных». В течение нескольких последующих лет здесь между башкирами и калмыками наступил период затишья [5]. Так как попытки продвинуться в северном направлении натолкнулись на активный отпор русского правительства, калмыки начинают движение на юго-запад, где занимают кочевья ногайцев и башкир Степного Заволжья и обосновываются в низовьях Волги. Шерти, подписанные в 1650-х гг., оформили отношения Русского государства с калмыками, этим периодом обычно датируется создание Калмыцкого ханства. Начиная с середины XVII в. русское правительство повело борьбу уже с набегами башкир на калмыцкие кочевья.

Таким образом, основным содержанием взаимоотношений башкир Восточного Оренбуржья и калмыков в первой половине XVII в. были взаимные набеги, которые сопровождались угоном скота и захватом пленных. Этот период отразился в топонимии края, в которой зафиксировано множество названий, связанных со сражениями башкир и калмыков. Рядом с деревней Старо-Халилово (Гайский р-н Оренбург. обл.) находится гора «Калмак-караул», на которой, по преданию, стоял караул – сторожевой пост в период набегов калмыков. В Зианчуринском районе Республики Башкортостан, с которым граничит на севере Восточное Оренбуржье, тоже есть гора «Калмак-караул», а также несколько топонимов со схожими названиями в разных местах района, в д. Рысаево (Кувандыкский р-н Оренбург. обл.) – местность, называемая Калмак-бутаган («Запутавшая калмыков»), и т.д.

Но отношения между калмыками и башкирами не ограничивались взаимными набегами. Несмотря на различия в религии и культуре, они поддерживали и мирные контакты. Фактором, сближающим их, было схожее полукочевое хозяйство. Известны факты совместного выступления калмыков и башкир против царских войск. В 1681-1683 гг. калмыки, татары и башкиры «ходили... под разные российские города, также в Казанский и Уфимский уезды и разоряли села и деревни», «российских людей и черемис с женами и детьми в полон брали, конские и скотские табуны отгоняли, грабежи чинили и ... разо-

ряли» [6]. Калмыки принимали у себя башкир – участников восстания. Так, в акте князя Андрея Ивановича Голицына о принятии в подданство калмыков говорится «Аюке впредь Великим Государям служить верно, а на российские города, села и деревни не нападать и Башкирцев, ежели они учиня измену, бегать будут, в улусы калмыцкие не принимать, а выдавать возвратно» [7]. Сохранились сведения о мирных контактах и в фольклоре. Например, в калмыцком фольклоре известен цикл произведений о Мазан-батаре, в котором отразились сложные взаимоотношения с башкирами как мирные соседские, так и враждебные [8].

Близость кочевых традиций обуславливала и контакты на уровне брачных связей, инкорпорацию отдельных групп калмыков в состав башкир. Существуют предания, в которых содержатся сведения о башкирско-калмыцких брачных союзах, хотя брачные отношения между ними все же не были распространенным явлением из-за религиозных различий.

Период активных контактов с калмыками отразился и в этнонимии оренбургских башкир. Военные столкновения часто сопровождались взаимным захватом пленных, которые затем ассимилировались в среде башкир. У оренбургских башкир распространены предания, согласно которым родовые подразделения «калмак» произошли от пленных калмыков. Причем, этноним «калмак» – один из наиболее часто встречающихся у башкир Восточного Оренбуржья. Р.Г. Кузеев отмечал, что «в большинстве случаев ... этнонимы калмак в среде башкир сохранились в названиях групп калмыцкого населения, захваченных в плен в периоды многочисленных набегов, оставшихся в Башкирии и затем полностью ассимилировавшихся в среде башкир» [9]. В легендах о подобном происхождении родов «калмак», распространенных в Восточном Оренбуржье, говорится, что башкиры деревни, в которой проживает род, подобрали младенцев-калмыков после сражения с калмыками. Происхождение родовых подразделений от потомков мальчика, оставшегося на башкирской земле во время калмыцких или казахских набегов, – традиционный мотив народных преданий. Подобное предание существует и в деревне Кашкар Зилаирского района, где Кашкаровы считаются потомками мальчика-калмыка, оставшегося после нападения калмыков [10]. Такие сюжеты иллюстрируют сохранение давней кочевнической традиции принимать в свой состав представи-

телей других народов с целью укрепления, разрастания племени путем «обновления» крови [11]. Часть калмыков вошла в состав башкир целой группой, образовав сарт-калмакский род у зауральских башкир [12]. В этнонимии калмыков также отразились контакты с башкирами. В их составе зафиксированы подразделения «ишткуд» или «ишткуд-мангыт», под которыми подразумеваются башкиры [13]. Известно, что иштяками башкир называли соседние кочевые народы.

Таким образом, период активного башкирско-калмыцкого взаимодействия ограничился первой половиной XVII века, но контакты между ними продолжали существовать и в дальнейшем. Даже в XIX веке в Восточном Оренбуржье в отдельных поселениях совместно с русскими продолжали проживать группы калмыков. В основном это были калмыки, входившие в состав оренбургских казаков. По сохранившимся сведениям, в 1866 году калмыки проживали в станице Гирьялской (ныне с. Гирьял), казачьих отрядах Донском и Алабайтальском (ныне села Донское, Алабайтал) и в Кондуровской слободе [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ланцанова Л.Ю. Калмыцко-башкирские отношения в XVII-XIX вв. и калмыцкий след в этногенезе башкир // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Уфа, 2006. С. 76.
2. Кичиков А.Ш. Жанровое своеобразие повествований о Мазан-баатаре в аспекте калмыцко-башкирских межэтнических связей // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1983. С. 120.
3. Маннапов М.М. К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков в XVII веке на Южном Урале и Степном Заволжье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2006. С. 145-146.
4. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607 – 1636. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959.
5. Ланцанова Л.Ю. Указ. соч. С. 77.
6. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особенно из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 г. Элиста, 1995. С. 26.
7. Там же.
8. Кичиков А.Ш. Указ. соч. С. 120-128.
9. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 164.
10. Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987.
11. Абдулкадир Инан. Традиции, связанные с усыновлением у тюркских кочевых племен (на баш. языке) // Ватандаш. 1998. № 6. С. 118.
12. Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 130.
13. Авляев Г.О. О тюркоязычных этнических компонентах в составе приволжских калмыков XIX века // Всесоюзная тюркологическая конференция. Алма-Ата, 1976. С. 8.
14. Список населенных мест по сведениям 1866 г. Оренбургская губерния. XXVIII. СПб., 1871.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОЙ МОЛОДЁЖИ О МЕСТЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ*

Е.А. Александрова

Статья посвящена проблеме знания содержания традиции и на основе анализа представлений современной калмыцкой молодежи о роли традиции в культуре и обществе.

Ключевые слова: *традиция, обычай, ритуал, молодежь, общество, культура, религия.*

The article is devoted to problem of Knowledge of content of tradition on basis of analysis of representations of modern Kalmyk youth about the role of tradition in culture and society.

Keywords: *tradition, rite, ritual, youth, society, culture, religion.*

Одной из самых интересных проблем, с которой сталкивается современная гуманитарная наука, является проблема углубленного изучения развития и изменения традиционной культуры в условиях глобализации.

Традиционный компонент является глубинной основой этнической психологии. Обучение содержанию традиции обязательно и неизбежно охватывает всю человеческую личность и каждую из её сфер – поведенческую, эмоциональную, интеллектуальную. Стереотипную форму поведения, воспроизводимую на протяжении веков, представляет собой обычай. Одной из форм обычая является ритуал. При этом ритуал в разной степени, но в достаточной мере распространяется на всех членов общества и является осознаваемым и внутренне осмысленным действием. Способность и потребность человека к ритуализированным действиям внутренне воплощает человеческую социальность и требует созерцательного взгляда. Установить связь между скрытым и явным сложно, но символизация человеческого бытия и выражение его через ритуальные, обрядовые действия - это один из доступных нам путей.

Традиция, как символическая и физическая реальность, присутствует в любом обществе, однако в культурах, которые мы позиционируем как азиатскую (буддийскую) и западную (индустриальную), роль, значение и содержание традиции различны. Заметим, тем не менее, что демаркационная линия между этими культурами не является непреодолимым препятствием. В данном исследовании внимание уделяется проблеме знания содержания традиции. В первую очередь автора интересуют знание респондентов своей религии, и степень их знакомства с ней, проявляющаяся в повседневной жизни.

Религиозность включает в себя ориентацию на будущее и сформированное соответственно мировосприятие и мировоззрение, а также набор символических действий в их материальном, предметном и идеологическом воплощении. Но при этом религиозность также является существенной характеристикой бытия любого человеческого существа. Соответственно, религиозность как основа и ритуальное действие, как проявление, может использоваться в качестве общего знаменателя при изучении таких культурных комплексов, как азиатский (буддийский) и западный (индустриальный).

В буддийской традиции на протяжении тысячелетий разрабатывались различные способы налаживания коммуникации не только с внешним миром другими людьми, но и с самим собой. Данная культурная традиция опирается на такие основные положения, как созерцательность, включённость в окружающий мир, цельность, сострадательное внимание к происходящему. На формирование этой традиции повлияли древние культуры Китая, Японии, Монголии, Тибета, стран Юго-Восточной Азии. В каждом регионе на первом месте по силе воздействия выступают исторические, этнические особенности, а также особенности окружающей среды, то есть условий существования.

Республика Калмыкия в этом отношении является очень интересным регионом. Калмыкия, с одной стороны, включена в общероссийские и общемировые изменения, а с другой стороны, сохраняет исконные традиции и веру предков. Интересен этот регион

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных МК-2275.2007.6

ещё и тем, что не утрачивает своей специфики, находясь в окружении народов иной этнической, антропологической, религиозной принадлежности. На примере Республики Калмыкия можно показать возможность соединения буддийского, традиционного типа культуры и западного (индустриального). Теоретическими основаниями для исследования в таком русле является концепция гуманистической этнологии, теория Ф.Л.К. Хсю о межличностном взаимодействии в социуме, а также теория этничности Дж. Де Воса, учитывающая культурные, религиозные и личностные особенности индивида.

Необходимо заметить, что человек лишь опирается на культурные ценности и нормы, а не слепо ими руководствуется в своей повседневной жизни, он обычно действует, исходя как из групповых норм, так и опираясь на свои индивидуальные ощущения. Всё дело в преобладающих позициях, которые человек занимает по отношению к этносу и к миру в целом. Человек вынужден решать дилемму между преемственностью, стабильностью и изменчивостью. В каждом мгновении своего бытия он находится на пересечении трёх «линий жизни»: пути предков, современности и будущего, немыслимого без истории. На индивидуальном уровне эта дилемма выражается в поиске баланса между спонтанностью человеческих личностных проявлений в настоящем и организованностью, требуемой от человека жизнью в социуме; рациональностью и иррациональностью. Успешное осуществление социального взаимодействия во многом зависит от индивидуальных особенностей человека, от возможностей его психики и способности к вариативному мышлению. Другой фактор – культурная специфика, формирующая способы мышления индивида, формы его реакций на окружающую среду. Эти факторы – общекультурный и личностный – рассмотренные в комплексе, помогают ответить на вопрос об особенностях приспособления человека к изменениям в обществе, о степени открытости культурного комплекса вовне. Общеэтнические нормы и индивидуальная жизнь человека не совпадают, а взаимодействуют, при этом они могут как дополнять и питать друг друга, так и игнорировать. В каждый момент своего бытия человек находится в созданной им самим культурно-психологической парадигме и тем самым определяет для себя выбор той или иной поведенческой стратегии. Сохраняется лишь общий вектор развития, состоящий в

том, чтобы сопоставлять различные способы реагирования на ситуацию с теми, что даёт человеку его культура.

С целью проверки изложенных выше теоретических положений, весной-летом 2007 года автором были проведены полевые исследования в Республике Калмыкия. Как уже говорилось, Калмыкия представляет особый интерес для учёного, работающего на стыке нескольких гуманитарных дисциплин. Современная калмыцкая культура сочетает в себе традицию и инновацию, соблюдение этнических норм и обычаев, передаваемых из поколения в поколение, и всего комплекса современной культуры. Таким образом, Калмыкия является регионом, где мы можем наблюдать течение неоднаправленных глобализационных процессов, характеризующихся не столько нивелированием локальных культурных ценностей, сколько включением этих особенностей культуры в общемировой процесс.

Значительный интерес представляет также отмеченная многими исследователями особенность культуры, когда традиционные этнические верования в сознании и жизни народа сливаются с обрядами и построениями позже принятой мировой религии. В случае с буддизмом это явление особенно характерно, ибо буддизм как религиозная и государственная система впитывает в себя культурные особенности народа, на чьей земле пускает корни. «Необходимо отметить, что традиционные календарные праздники калмыков унаследованы ими с древнейших времён и обусловлены исторически сложившимися формами хозяйствования. К моменту принятия калмыцким народом буддизма их религиозные представления и ритуалы не составляли единой системы, поэтому в праздниках, вошедших в буддийскую обрядность, отразились различные исторические эпохи и конфессии. Такая черта любых праздников, как непрерывность, передача традиции от поколения к поколению, сыграла «консервирующую» роль в сохранении черт национальной культуры»[2: 87].

В ходе исследований было опрошено 110 человек по возрастному и этническому признакам (юноши и девушки калмыцкой этнической принадлежности в возрасте 18 – 22 лет, студенты калмыцкого и исторического факультетов Калмгосуниверситета).

На вопрос: «Насколько для вас важна этническая принадлежность?» большинство опрошенных ответили, что «важна», и около

30 % опрошенных – «очень важна».

На вопрос: «Можете ли Вы отнести к себе слова: «Я – калмык и в то же время россиянин. Это не делится, как душа и сердце» большинство опрошенных ответили положительно.

В ответах на вопрос: «Как бы Вы ответили на вопрос: я – калмык (калмычка), потому что...», можно было выделить 24 варианта ответа.

1. Родился им
2. Родители – калмыки
3. Предки – калмыки
4. Живу в Республике Калмыкия
5. Соблюдаю калмыцкие обычаи
6. Знаю калмыцкий язык
7. Люблю Родину
8. Это в подсознании
9. Уважаю калмыцкий народ
10. Передавать культурные традиции
11. Национальность не выбирают
12. Дано свыше
13. Во мне калмыцкая кровь
14. Карма
15. Духовные качества (религия)
16. Родился в Республике Калмыкии
17. Гражданин Российской Федерации
18. Знаю историю происхождения народа
19. Хочу сделать свою Республику счастливой
20. Отличаюсь от других
21. Антропологический тип
22. Степь
23. Потомки древнего народа Азии
24. Это мои корни

Отметим наиболее часто употребляемые варианты ответа на вопрос «Что значит быть калмыком?»:

1. чту и знаю калмыцкие обычаи и традиции
2. родители – калмыки
3. предки – калмыки
4. родился калмыком
5. говорю и учу калмыцкий язык
6. родился в Калмыкии
7. живу в РК
8. чувствую гордость

В ходе опроса были выделены наиболее часто встречающиеся нормы, правила и обряды буддизма, по мнению опрошенных, наблюдаемые в повседневной жизни Республики Калмыкия:

1. посещение хурула
2. календарные праздники
3. свадебные и похоронные обряды

4. молебны
5. молитвы
6. республиканские праздники
7. подношения

Культура имеет два пласта бытия: идеальный и реальный. По мнению автора, наиболее ярко рассмотреть первую сторону культуры можно, выделив характеристики идеальной личности. При этом вопрос такой модели задавался респондентам дважды, но в разной форме: сначала студенты должны были описать идеальную модель поведения человека, а затем охарактеризовать человека, исповедующего буддизм. В результате можно выделить характеристики идеального человека, совпадающие с представлениями опрошенных о том, кто исповедует буддизм:

1. спокойный
2. соблюдает буддийские традиции и нормы
3. хочет и может помочь
4. занят самосовершенствованием, познанием себя
5. спокойно относится к жизни
6. думает о других
7. не убивает
8. уравновешенный
9. не причиняет боль
10. прощает, не держит зла
11. чист душой
12. терпеливый
13. целенаправленный
14. Далай-лама
15. мудрый
16. открытый для новых идей
17. умный
18. обладает твёрдым характером, противостоит соблазну, обладает силой воли
19. не пьёт
20. не ворует
21. уважает старших
22. является патриотом родины, языка, культуры (соблюдает калмыцкие традиции и обычаи)²

При этом некоторые характеристики идеальной личности указывают на значимость образования в современной калмыцкой культуре. Для подтверждения этого предположения нами был проведен опрос по мето-

² Опрошено 110 человек. По результатам опроса выделены следующие категории по степени важности в ориентации калмыцкой молодёжи на будущее:

1. создание и благополучие семьи
2. получение образования
3. карьера.

дике «Незаконченные предложения».

Культура подвержена изменениям и упадку, она не является законом, чётко указующим человеку, что он должен делать. «Эти люди наделены специфическими ожиданиями, побуждающими к чему-либо других людей, культура же остаётся абстракцией, основанной на наблюдаемых фактах, равно как и на выводах из этих фактов» [6].

В анкеты были включены и открытые по форме вопросы. Респондентам предлагалось порассуждать на тему воздействия западной, современной культуры на традиционную калмыцкую. Однако большинство опрошенных ограничились ответом на первую часть вопроса и не поделились своим мнением о форме такого воздействия. И на вопрос «Велико ли воздействие современной (западной) культуры на культуру Республики Калмыкия» большинство опрошенных ответили «да».

На вопрос «Есть ли конфликт между западной и традиционной калмыцкой культурой» большинство опрошенных ответили отрицательно.

Результаты опроса говорят о том, что калмыцкая молодёжь не выделяет себя и свою культуру из общеевропейского процесса. А также не видит конфликта между традиционной культурой и западной.

В анкетах также затрагивались вопросы, позволяющие выявить знакомство информантов с традиционными нормами. Для примера были выбраны обычаи, связанные с воспитанием детей. Это интересно, ибо именно в процессе воспитания ребёнка происходит передача знаний, накопленных поколениями.

На вопрос «Соблюдаются ли традиционные методы воспитания детей?» большинство опрошенных ответили положительно. Мнения остальных разделились: 27% опрошенных считают, что не соблюдаются, а 28,5% опрошенных говорят, что соблюдаются, но не всегда.

На вопрос «Какие обряды, связанные с различными возрастными этапами ребёнка, Вы помните?» ответы распределились следующим образом (ответы расположены от наиболее часто встречаемых по убывающей):

1. Обрезание пупка
2. Обрезание волос
3. Отрезание «чёрного языка»
4. Продление жизни
5. Наречение имени
6. Обряд раскалённым свинцом
7. Национальные танцы
8. Калмыцкий язык

9. Рассказы о предках

10. Перерезание пупка

На вопрос «Что из калмыцких обычаев используется в Вашей семье?» наибольшее количество студентов отметили «обрезание волос». Далее ответы распределились следующим образом (в порядке убывания).

1. Продление жизни
2. Наречение имени
3. Обрезание пупка
4. Отрезание «чёрного языка»
5. Открытие дороги
6. Молитва
7. Почитание старших
8. Жертвы огню
9. Вызывание дождя

Для уточнения деталей студентам было предложено вспомнить, знают ли они «семьи, где детей воспитывают строго по традиционным нормам?». Здесь мнения разделились практически поровну: «да» и «нет» ответили равное число человек.

В ответах на вопрос «Знаете ли Вы семьи, где детей воспитывают по нормам, принятым в других культурах и не используют традиционные калмыцкие обычаи?» наблюдается такая же картина.

В анкете также был задан вопрос «Что именно из калмыцких обычаев Вам больше всего импонирует?». Студентами были отмечены следующие ответы:

1. Трудолюбие
2. То, что мальчиков с раннего возраста учат скакать на лошади
3. То, что девочки очень рано учатся рукоделью и мастерить
4. Играть в интеллектуальные игры
5. Уважение к старшим
6. Строгость
7. Почитание памяти предков
8. Знание родословной «до седьмого колена»
9. Когда при рождении сына отцу выносят шапку
10. Высокий уровень авторитета мужчины в семье
11. Знание родного языка
12. Возжигание лампадок
13. Народные песни и танцы
14. Вера
15. Терпимость
16. Традиции кулачного боя
17. Навык бросания аркана
18. Посещение хурула
19. Молитва
20. Знать историю Калмыкии

21. Вызывание дождя
22. Жертва огню
23. То, что в семьях не балуют детей
24. Подчинение старшим
25. Те, что формируют правильную личность.

Из общеевропейских норм воспитания полезными названы:

1. Воспитание самостоятельности
2. Не знаю, но они необходимы для жизни в современном мире
3. Учиться с раннего детства владеть полезной, важной информацией
4. Выработка ответственности
5. Стремление к совершенству и лидерству
6. Более высокий уровень культуры
7. Няни
8. Детские сады
9. Культура поведения
10. Практичность
11. Твёрдая целеустановка
12. Стремление к знаниям
13. Работа в коллективе
14. Тесное общение детей и родителей
15. Владение компьютером
16. Мягкость и понимание
17. Коммуникабельность
18. Общительность
19. Умение поддерживать отношения с другими людьми

Интересно сравнить ответы на два таких казалось бы, очень простых и однозначных вопроса. Притом, что импонирующим в калмыцких обычаях называются подчинение старшим, строгость, главенствующая роль мужчины, а также то, что детей не балуют. А общеевропейских нормах воспитания полезным названа мягкость, тесное общение детей и родителей, работа в коллективе, коммуникабельность и умение поддерживать отношения с другими людьми. Эти выводы позволяют говорить о достаточном воздействии западной культуры на традиционную, во всяком случае, в сфере коммуникации.

Весьма значительным для нашего исследования являлось рассмотрение современного состояния знания о буддизме как религии, ритуале, философии, с этой целью было проведено анкетирование.

Абсолютное большинство опрошенных на вопрос «Соблюдаются ли в Вашей семье буддийские нормы поведения?», ответили утвердительно. Однако с буддийскими текстами знакомы менее 50% опрошенных. При этом значительное число студентов хотели

бы восполнить этот пробел.

Те, кто знаком с небольшим числом текстов или кажущимся недостаточным их количеством, хотя и ознакомились с другими текстами. Один человек считает, что необходимо читать также Библию и Коран.

Передачи на тему буддизма интересуют больше половины опрошенных. В анкетах также была возможность рассказать, какие темы было бы интересно затронуть в такой «авторской программе». Вот двенадцать самых популярных:

1. Буддизм в Калмыкии
2. Буддизм в Тибете
3. Духовное воспитание
4. Терпимость к людям разной этнической принадлежности
5. Темы, способные привлечь к изучению буддизма
6. Тема соблюдения обрядов и традиций буддизма
7. Единство Бога и родство всех людей
8. Оккупация Тибета Китаем
9. Национальные темы для прославления Калмыкии
10. Проблема вырождения модели поведения буддиста – мирянина
11. Война 1941-45 годов
12. Экранизация эпоса «Джангар»

Таким образом, можно говорить о том, что в сознании калмыцкой молодёжи буддийская и традиционная калмыцкая культуры представляют неразрывное целое. «В народном сознании всегда присутствовало особое отношение к миру и поклонение Будде, проповедуемой им философии жизни... Калмыки, придя на Волгу, в условиях инонациональной культурной среды сохранили свои религиозные воззрения. Кенпо Римпоче, настоятель монастыря Дрепунг Гоманг, отметил, что калмыцкий народ «исповедовал буддийскую веру всю свою жизнь, не утратив, не отрекаясь от неё даже в самые жестокие для народа годы – годы репрессий и гонений на церковь. Это очень важно – уметь сохранить своё лицо, укрепить свой дух в дни испытаний» [4: 77-78]. Интересным также является вывод о том, что калмыцкая молодёжь не видит конфликта между традиционной и западной культурой, стремится, развивая и вспоминая собственную культуру, воспользоваться достижениями культуры западной как в области технологии, так и в области духа. Несмотря на то, что многие не знакомы с буддийскими текстами, большинство опрошенных студентов хотят воспол-

нить этот пробел. Анализируя интересные для молодёжи темы передач, посвящённых буддизму, можно увидеть, что важными для студентов являются не только исторические сюжеты, но и современные проблемы. Многие отмечают значительную роль буддизма в повседневной жизни Республики: от обрядов, связанных с основными жизненными циклами, до республиканских праздников. Буддизм в Калмыкии является важнейшей составляющей этничности, самопредставления народа, участвует в конструировании ориентации на будущее и направляет в настоящем. Роль традиции в современной калмыцкой культуре велика и чётко осознаётся всеми опрошенными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста, 2002.
2. Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Элиста, 1994.
3. Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. Элиста, 2003.
4. Джамбинова Р.А. Буддийская практика в жизни и литературе // Буддийское духовенство и культура калмыцкого народа. Материалы Международной конференции, посвящённой 405-летию со дня рождения выдающегося просветителя Зая-Пандиты Намкай Джамцо (Элиста, 20-21 октября 2004 г). Элиста, 2004.
5. Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки. Элиста, 2002.
6. Хонигман Дж. Понятия // Личность, культура, этнос. М., 2001. С. 53.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАЛМЫКИИ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Е.Н. Бадмаева

На примере Калмыцкой автономной области рассматриваются особенности миграционных процессов в период нэпа.

Ключевые слова: *миграции, нэп, переселенцы, образ жизни, историческая родина*

The paper deals with the peculiarities of the migrations on the example of Kalmykia in the years of new economic policy.

Keywords: *migrations, new economic policy, migrants, the Kalmykia, the way of life, the historical motherland.*

В научной литературе и публицистике XX век называют веком миграций. Это точная и емкая характеристика сложного и противоречивого столетия, отмеченного гигантскими перемещениями людей и народов на огромных просторах нашей страны. Необходимость массовых передвижений населения в годы советской власти обосновывалась как социально-политическими, так и чисто экономическими причинами, задачами хозяйственного освоения и обживания территории. Большинство современных историков, обществоведов, экономистов считают целесообразными принятые государственные решения об освоении целинных земель, о строительстве БАМа, потребовавшие массового передвижения трудовых ресурсов и способствовавшие экономическому прогрессу. К прискорбному сожалению, в 40-е годы ушедшего века было совершено чудовищное преступление против отдельных народов СССР, подвергшихся незаконной депортации в Сибирь и в республики Средней Азии. Бесчеловечная «миграция» по-сталински унесла сотни тысяч жизней, подорвала генофонд репрессированных народов и вошла черной страницей в историю страны.

Проблемы исследования миграционных процессов в историческом разрезе имеют актуальное значение, исходя из сегодняшних задач социально-демографического развития России. Для понимания и выработки осознанного подхода к решению современных демографических проблем представляется крайне важным изучение истории миграционных процессов на примере отдельных российских регионов. В этом плане исследование истории миграционного развития типичного аграрного региона - Калмыцкой автономной области (далее КАО) в период нэпа заслуживает, на наш взгляд, пристального научного внимания. Следует отметить, что миграционные процессы являются предметом исследова-

ния нескольких научных дисциплин, между тем, история миграционных процессов в Калмыкии в период новой экономической политики в 20-е годы до сих пор остается малоизученной.

Необходимость изучения миграционных перемещений калмыцкого населения по России в первой половине XX в. определяется как научными, так и социально-демографическими факторами. Среди них выделяются проблемы миграционной политики советского государства, национальных меньшинств и национальной политики в условиях послевоенной разрухи, в разгар ожесточенного голода в Поволжье и начала новой экономической политики. В 20-30-е гг. национальная политика советского государства строилась с учетом специфики и уровня развития различных районов страны. Согласно записке «О советском строительстве в национальных республиках и областях», в СССР выделялись, в частности, кочевые и полукочевые районы - Казахстан, Туркменистан, Киргизская, Ойротская (ныне Республика Алтай), Якутская, Башкирская, Бурятская и Калмыцкая области [1]. Новая экономическая политика в КАО означала изменение и начало новых форм жизни и труда калмыцкого общества. В этот период времени происходили массовые плановые и стихийные переселения населения из сопредельных территорий в Калмыкию. Следовательно, по форме все миграционные процессы в Калмыкии, протекавшие в начале 1920-х годов, можно поделить на организованные (плановые, общественно-организованные) и неорганизованные (стихийные). По основным признакам миграционные процессы в этот период на территории указанного региона относятся к этническим. Стратегически все государственные мероприятия того времени были направлены на решение главной задачи - переход основной части калмыков к оседлому образу жизни.

Между тем, проблема оседлости кочевого населения в Калмыцкой степи не была новой. В дореволюционные годы эта тема неоднократно поднималась и частично решалась царским правительством. Но в условиях перехода к нэпу решение данного вопроса приобретало особую актуальность. У калмыков, кроме основного кочевнического занятия - животноводства, усиливается интерес к земледелию, что способствует переходу основной части калмыков к оседлому образу жизни. Если в 1920 г. оседлым хозяйством занималось всего 365 калмыцких семей [2], то уже к концу 1922 г. только в Яндыко-Мочажном улусе Калмыцкой области к оседлости перешли 2503 калмыцких семей. В лихие голодные годы, по всей вероятности, переход к оседлости стал вынужденным из-за полного разорения калмыцких скотоводческих хозяйств. Массовый голод, заставил сниматься с места все новые и новые крестьянские семьи, перейти на оседлые формы хозяйствования. Этот процесс наблюдался повсеместно среди кочевых и полuosедлых улусов. В 1923 г. на пленуме Багацохуровского ЦИК отмечалось, что «около 2500 кибиток (семей) соглашаются перейти к оседлости» [3].

В начальный период нэпа участился массовый приток калмыков-беженцев в Калмыкию. Сильнейший неурожай подтолкнул крестьянство к стихийному переселению к своим сородичам в Калмыцкую степь. Именно в этот период усилился самовольный миграционный процесс калмыцкого населения из соседних регионов. В августе 1921 г. второй общекалмыцкий съезд Советов специально включил вопрос о переселении оренбургских, терских и донских калмыков, желавших воссоединиться со своими сородичами. Было принято решение: «Всячески стремиться к проведению в жизнь постановления ЦИК о приближении калмыцкого народа к оседлой жизни путем группировки отдельными хотонами в постоянные оседлые поселки» [4]. В мае была создана специальная комиссия по присоединению донских калмыков к Калмыцкой области [5]. Позднее Наркомнац принял постановление о присоединении донских калмыков к национальной автономии путем организованного переселения.

Недостаток продовольствия спровоцировал переселение калмыцких крестьян из Терской губернии. По переписи 1917 г., их насчитывалось более двух тыс. чел. [6], часть которых сразу же перебралась в Калмыкию после образования области. В 1922 г. кумские калмыки переселились в Большедербетовский улус, расположившись в 2-х километрах от улусного центра Башанта, образовав так называемый Кумский аймак. Пересе-

лившиеся вслед за ними терские калмыки поселились рядом с ними в одном аймаке [7]. В 1921 г. калмыки, проживающие в Оренбургской области, также проявили желание мигрировать в Калмыцкую область. В последующем, около 160-ти семей переселились в Большедербетовский улус. Местные власти вынуждены были обратиться в Наркомзем и Наркомат путей сообщения с просьбой об оказании помощи и выделении 25 товарных вагонов для переселенцев [8].

Поскольку массовое переселение крестьянства стало носить самовольный характер, то Комиссия Наркомзема специальным циркуляром от 23 марта 1921 г. временно запретило массовое и беспорядочное переселение калмыков «куда бы то ни было» и, таким образом, наложило вето на миграцию [9]. Но и после этого «грозного» циркуляра миграция калмыков активно продолжалась. Об этом свидетельствуют многочисленные информационные сообщения, а также специальные оперативки, направляемые областными земельными отделами в Центр. В них содержались различные сводки, в том числе и сведения о сложностях переезда людей, дорожных трудностях и других непредвиденных обстоятельствах. В этих документах особо подчеркивалась недостаточная финансовая помощь.

Тем не менее, миграционные процессы в КАО в период нэпа активно продолжались. Переселение людей из других регионов тщательно отслеживалось и поддерживалось местным руководством. Документы областных и улусных конференций, общекалмыцких съездов Советов свидетельствуют о внимательном отношении местного руководства к мигрировавшему калмыцкому населению. Если до революции миграция калмыков активно претворялась в земледельческом Большедербетовском улусе, то в период нэпа вопросами обоседления стал заниматься рыболовецкий Яндыко-Мочажный улус, перешедший впоследствии к полной оседлости [10].

Аналогичная картина была и в других улусах Калмыкии. Процесс обоседления шел быстрыми темпами, при активной поддержке кочевников. К слову, в Казахстане переход к оседлости претворялся гораздо медленнее и не вызывал у самого местного населения особого оптимизма. Более того, казахские кочевники к переходу к оседлости относились враждебно, что подтверждается архивными материалами. По свидетельству московской комиссии, побывавшей в Балхашском районе (пригород Алма-Аты), скотоводы видели в обоседлении «ловушку», устроенную им для того, чтобы было легче их переписывать, облагать налогами и грабить [11].

Отвечая на вызовы времени, Правительство попыталось регулировать последствия стихийного процесса переселения. Декретом ВЦИК и СНК СССР от 22 июля 1922 г. было легализовано миграционное движение и предусмотрен ряд радикальных мер: переселенцы освобождались от налогов на срок до пяти лет и от очередных призывов на военную службу на срок до трех лет [12]. Кроме того, правительственный документ содержал подробную схему переселения, сроки, размер вознаграждения за оставленное имущество. Несмотря на принятые меры, повсеместно возникали проблемы с транспортом, перебои с продовольственной помощью, материальным обеспечением переселенцев, отсутствием ясной и необходимой информации о местах водворения.

Особую нужду испытывало калмыцкое крестьянство. Для многих переселенцев в КАО выделенных льгот оказалось недостаточно для обустройства на новом месте. Большая их часть не имела возможности приобрести на первый случай продукты питания и корм для скота.

Калмыцкое руководство оказывало посильную помощь своим соотечественникам, жившим за пределами автономной области, используя для этого в основном средства, отпущенные правительством России, а также гуманитарную помощь. Значительная продовольственная помощь была направлена 18-ти тыс. донским калмыкам, проживавшим в Сальском округе Ростовской области. На экстренном заседании Калмыцкого ЦИКа в мае 1922 г. было вынесено решение о выделении 4-х вагонов муки, поступившей из Бурятии «калмыкам - донцам и червленцам» [13]. На том же заседании большое внимание было также уделено вопросам переселения калмыцкого населения на территорию Малодербетовского и Большедербетовского улусов.

Как отмечалось нами выше, в период нэпа в Калмыкии миграционный процесс проходил неорганизованно и стихийно. Несмотря на отдельные успехи в организации учета массового миграционного движения населения, в целом организовать точный учет мигрировавших кубанских, уральских, семиреченских калмыков Туркестанской республики не удалось.

В декабре 1922 г. областной комитет помощи голодающим совместно с калмыцким представительством в г. Москве разработал комплекс плановых мероприятий в связи со стихийным, неорганизованным притоком мигрировавшего калмыцкого крестьянства в Калмыцкую область. Было решено значительное число переселенцев определить в места новых поселений - Малые и Большие Дербеты. На эти мероприятия совет-

ским правительством выделялось около 200 тыс. руб. [14].

Стали появляться новые поселения, которые располагались в основном, в местах, удобных для земледелия. Калмыки старались селиться по берегам степных речек, вокруг небольших озер, у колодцев и других водных источников. Таким образом, в 1921-1922 гг. оседлые поселки появились на территории Абганеровского аймака (ныне Малодербетовский район), в урочищах Кеке-Булак на берегу небольших рек Сухоты, Сухатин Годжур, Гаврушкин Булак, Амта Бургуста и др. [15].

Большим препятствием в обоседлении кочевников и в восстановлении народного хозяйства Калмыкии была неустроенность земельной территории. В КАО не было проведено не только внутриселенное, но и межселенное землеустройство. Границы землепользования улусов были приблизительными, и даже внешние границы не на всех участках были установлены. В этих условиях проведение сплошного землеустройства приобретало особую актуальность.

По сведениям калмыцкого руководства, землеустройство в области отсутствовало вплоть до 1923 г., т.к. до этого времени вообще не были разрешены территориальные споры между Калмыкией и соседними регионами [16].

По решению IV общекалмыцкого съезда Советов, проходившего в октябре 1923 г. была создана специальная комиссия для обследования территории области с целью организованного и планового устройства переселенцев.

В 1924 г. для обследования Калмыцкой степи прибывает Поволжская колонизационно-мелиоративная комиссия НКЗ РСФСР, задача которой - оказание консультационной помощи в решении социально-экономических проблем региона [17].

Основные направления работы Поволжской экспедиции в 1925 г. сосредоточились на изучении перспектив хозяйственного развития низменной степи и приморской полосы Калмыкии. Кроме того, экспедиция предполагала подготовить материал для намечающегося землеустройства в более густонаселенных частях указанного района с применением научно-исследовательских изысканий к конкретным улусам. В частности, ученые пришли к выводу, что «Черные земли» являются резервным фондом для зимнего выпаса скота.

В 1926 г. деятельность Поволжской колонизационно-мелиоративной экспедиции Наркозема РСФСР на территории Калмыкии завершилась. Впервые за всю историю про-

живания калмыцкого народа в составе Российского государства были систематизированы и представлены наиболее полные сведения о климатическом, почвенном, ботаническом, мелиоративном и хозяйственном состоянии Калмыкии.

Областное руководство осуществило серию неотложных мер по оказанию помощи переселенцам. Так, осенью 1923 г. было выделено зерновых - 200 тыс. пуд. ржи, весной 1924 г. - 18 тыс. пуд. ржи. Кроме того, местные власти выделили переселенцам денежные средства в размере - 37500 руб., каждой семье - от 10 до 40 руб. Особо нуждающимся, а их насчитывалось порядка 1 тыс. семей, было выделено по 60 руб. и к ним прилагались дополнительные пособия. Для более эффективного оседания кочевого народа 1 ноября 1924 г. Президиумом Госплана было дополнительно отпущено 30 тыс. руб. безвозмездной ссуды и 375 тыс. руб. долгосрочного кредита. В частности, для поддержки переселенческого хозяйства правительство отпустило 350 тыс. руб. по банковскому кредиту. В 1924 г. фуражная помощь была оказана 800 хозяйствам из числа 1800 нуждающихся семей, хотя нормы выдачи кормов для сельскохозяйственных животных были уменьшены на 25-30% [18].

Таким образом, процесс перехода калмыков на оседлый образ жизни, несмотря на трудности в период проведения нэпа, все же имел ряд положительных моментов для социально-экономической жизни Калмыкии. В этот период процесс оседания означал не просто смену форм быта степных кочевников. Он был обусловлен, в конечном счете, сменой форм хозяйствования, переходом к новым занятиям и производствам - земледелию и рыболовству, к кустарным промыслам и мелкой торговле. Эти занятия становятся не только подсобными, но и зачастую главными и единственными источниками существования калмыцкого населения.

Как иллюстрирует анализ первоисточников, общая экономическая ситуация в Калмыкии при переходе к нэпу определяла не только степень внедрения рыночных отношений в аграрную сферу, но и также уровень культурной жизни на улусном (уездном) и особенно на аймачном (волостном) уровне. Процесс аккультурации, частичного восприятия русской культуры носил доминантный характер для вчерашнего скотовода. У калмыков-переселенцев стали отмечаться такие отличительные характеристики, как преданность исторической родине, наличие групповой со-

лидарности и кровной связи с соотечественниками и единоверцами. Калмыцкое население в своей основной массе стремилось к консолидации нации в переломные моменты своей истории.

Активное миграционное движение калмыцкого населения продолжалось в течение всей первой половины 20-х годов. Побудительными причинами этого массового явления в период новой экономической политики стали засуха и жесточайший голод 1921 года, вызвавшие экономическую нестабильность в ряде регионов России, где проживали ранее калмыки, переселившиеся в КАО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хмара Н.И. Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-е - 1930-е годы) // Отечественная история. 2006. №3. С. 133.
2. ГАРФ. Ф. 393. Оп.54. Д. 81. Л. 254; Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М. «Наука», 1970. С. 122.
3. НАРК Ф.Р-3. Оп.2. Д.366. Л. 3.
4. НАРК Ф.Р-3. Оп.1. Д.25. Л. 102.
5. ГАРФ. Ф. 17. Оп.14. Д. 284. Л. 2.
6. НАРК. Ф.Р.-3.Оп.2.Д.179.Л.19.
7. НАРК. Ф.Р.- 112. Оп.1. Д.88. Л.187-188.
8. Улан Хальмг. 1926. 14 апреля.
9. Власть Советов. 1921. № 521.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. /Под ред. Н. Тройницкого. XVII. Ставропольская губерния. - СПб, 1905.
11. Пьянчол Н. Казахские пастухи между коллективизацией и голодом // Казахстан и Россия: общества и государства. М., 2004. Вып. 6. С. 84
12. РГАЭ Ф. 1562. Оп. 20. Д. 73. Л. 32.
13. НАРК. Ф.Р.-3.Оп. 2. Д. 298. Л. 7,9.
14. НАРК.Ф.Р-3.Оп. 2. Д. 257. Л. 9,15.
15. Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М. «Наука», 1970. С.122.
16. НАРК Ф.Р.-3.Оп.2.Д.366.Л.3.
17. Поволжская колонизационно-мелиоративная экспедиция НКЗ РСФСР во главе с начальником экспедиции Банатовым прибыла на территорию Калмыкии в 1924 г. В ее задачи входило срочное обследование Калмыцкой области для решения ее социально-экономических проблем. Ее деятельность на территории КАО завершилась в 1926 г.
18. Ланцанова Л.Ю. Переселение калмыцкого Оренбуржья, Урала, Кавказа и Дона в Калмыцкую автономную область // Калмыкия - субъект Российской Федерации: история и современность. Мат-лы Российской науч. конф. (6-7 октября 2005 г.). Элиста: изд-во КГУ, 2005. С. 275.; НАРК Р-3. Оп. 2. Д. 288. Л. 32.

УЧАСТИЕ КАЛМЫКОВ В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА (1677-1681 И 1686 – 1700 гг.)

А.Н. Басхаев

Статья посвящена участию калмыков в двух русско-турецких войнах XVII в.

Ключевые слова: *калмыки, Россия, Турция, война, сражение.*

The article is devoted to the participation of the Kalmyks in two Russian-Turkish wars in the XVIIth century.

Keywords: *the Kalmyks, Russia, Turkey, war, battle.*

Русско-турецкие войны второй половины XVII века (1677-1681 и 1686 – 1700 гг.) были столкновениями между крупнейшими державами евразийского континента того времени. На всем протяжении XVI-XVII вв. (и вплоть до середины XVIII в.) Россия стремилась обезопасить свои южные границы от набегов крымских татар, бывших вассалами Турецкой империи. При этом при эскалации конфликтов между Крымским ханством и Россией следовало дипломатическое, а иногда и военное вмешательство Турции. Первое в истории крупное русско-турецкое столкновение (1677-1681 гг.) стало продолжением спора великих держав за Украину. Посчитав, что Речь Посполитая и Российское государство достаточно истощили себя в войне в ходе русско-польской войны 1654 – 1667 гг., Турция решила вступить в спор за украинские земли. Виновником вовлечения в конфликт Турции стал гетман Петр Дорошенко. Он объявил о переходе Украины в подданство Турции и призвал на помощь турецко-крымскотатарские войска. В 1672 г. на помощь П. Дорошенко пришла крымско-турецкая армия.

Русское правительство дало указание русско-украинским войскам под командованием Григория Григорьевича Ромодановского и Ивана Самойловича идти на помощь полякам и украинцам, а против Крыма был направлен русско-калмыцкий отряд во главе с К.М. Черкасским, который должен был оттянуть на себя татарскую конницу и облегчить положение на польском фронте. Из архивных источников известно, что с отрядом К.М. Черкасского Аюка направил Мазан-Батора с тысячей воинов.

Русские, калмыцкие и кабардинские войска, стоявшие на Дону, получив указ, двинулись к Киеву на помощь запорожскому

войску. В результате успешных совместных действий украинцев, русских, донских и запорожских казаков, кабардинцев и калмыков угроза захвата Киева была снята, турецко-татарское продвижение в районе Киева и Чугуева было остановлено.

В 1677 г. Турция официально объявила войну России. Началась *русско-турецкая война 1677-1681 гг.* В начале августа 1677 г. 120-тысячная турецкая армия под командованием Ибрагим-паши подошла к г. Чигирин и 4 августа осадила город, где находился русский гарнизон во главе с генералом Трауернихтом [1]. Там же к ним присоединилась 40-тысячная крымско-татарская армия [2]. Однако после трехнедельной осады турецко-татарские войска были разгромлены объединенной русско-украинской армией [3]. Но Российское правительство прекрасно понимало, что борьба с таким сильным противником, как Османская империя, будет тяжелой и долгой. Были предприняты меры для пополнения армии, увеличения количества артиллерии и т.д. К калмыкам была послана просьба о дополнительной военной помощи. И опять, как и до этого, калмыки с большим желанием предоставили свои стремительные, неудержимые в дерзких атаках конные отряды.

В конце 1677 г. хан Аюка направил тысячный калмыцкий отряд под Чигирин, а в 1678 г. еще 3 тысячи калмыцких воинов на помощь русским войскам, действовавшим на Кавказе и Кубани. Т.И. Беликов отмечал: «Нужда в калмыках определялась не столько стремлением русского правительства за счет их численно увеличить свои войска, сколько высокими боевыми качествами калмыцкой конницы» [4]. Современник тех событий, полковник Яков Павловский 6 марта 1687 г. сообщал: «Писал в сих не в давних временах

визирь к хану (крымскому – А.Б.), спрашиваясь его о способе, как бы Чигирин взять; который так отписал: естли бы калмыков не было, которые нам суть страшны, и к замешанию сил наших способны, могли бы эти быти. Те прямые слова из уст господаря волоского, который совместно с визирем живет и ему тайны открывает» [5].

Летом 1678 г. 125-тысячная турецкая армия под командованием великого визиря Кара-Мустафы вторглась на Украину и опять осадила Чигирин [6]. В рядах турецкой армии находился и Юрий Хмельницкий (сын Богдана Хмельницкого), которого турецкий султан утвердил гетманом после пленения русскими войсками П. Дорошенко [7]. Крымский хан прислал на помощь еще 30 тысяч бойцов. Турки прорыли подкопы и подорвали стены города. В Чигирине возникли пожары.

На помощь осажденному городу подошла русско-украинская армия под командованием Г.Г. Ромодановского. К ней присоединились калмыки Мазан-Батора и кабардинские отряды под общим командованием К.М. Черкасского. Ожесточенные сражения происходили 12 июля, 1-3 и 12 августа. Калмыцкие воины принимали в этих битвах самое активное участие. Так, 3 августа калмыки занимали левый фланг штурмующих Чигиринские высоты войск. В донесении к царю Федору Алексеевичу воеводы писали: «...и у тех гор у всех твоих ратных людей и у калмык с неприятельскими людьми были бои большие. И твои ратные люди и калмыки с Чигиринских гор турецких и крымских и иных земель войска сбили, и окопы и городки взяли, и, вшед на те горы... многих неприятелей побили, и обозы и наметы и пушки и знамена и значки и языки многие поймали, а достальных неприятельских людей прогнали за реку Тясмин...». За отступающими турками и крымскими татарами «...гнались и истребляли их закоренелые враги калмыки». Но особо жестокое поражение турецкая армия потерпела в сражении 19 августа, после чего начала отступление.

Разгром турецких войск на Чигиринских высотах был началом конца затеи с захватом Чигирин, а затем Киева и подчинения власти Турции всей Украины [8].

После ухода турок на Правобережной Украине остался Ю. Хмельницкий с отрядами крымских татар. Он занял ряд городков (Корсунь, Немиров и др.) и совершил несколько набегов на Левобережье. В ответ И.С. Самойлович с отрядами казаков и кал-

мыков совершил несколько рейдов на правую сторону Днепра. В 1678-1679 гг. крымский хан Мурат-Гирей при содействии Ю. Хмельницкого возобновил наступательные операции в Киевском направлении и напал даже на Запорожскую Сечь. На помощь запорожцам выступили русские полки, калмыцкие конники и кабардинские воины. Летом 1679 г. под Чугуевым, а вскоре затем и у г. Валуйки крымским войскам было нанесено серьезное поражение.

Турецкий султан сосредоточил также значительное количество войск под Азовом с целью наступления на Харьков и Чугуев. Но в сражении на р. Биликлейке русско-калмыцкое войско при поддержке донских казаков разгромило эту армию.

И хотя бои продолжались еще несколько лет, больших турецких вторжений больше не было, и в 1681 г. был подписан Бахчисарайский мирный договор [9]. Только после подписания этого мирного договора калмыцкий отряд под командованием Мазан-Батора смог вернуться в родные улусы.

В 1686 г. начинается *русско-турецкая война 1686 – 1700 гг.* Эта война стала частью крупной коалиционной войны европейских держав против Турции (1684-1699 гг.). В 1684 году для борьбы с Османской империей создается т.н. «Священная лига», в которую входят Австрия, Речь Посполитая и Венеция. Лига пригласила в союзники и Россию, для которой усиление Турции и Крыма тоже было нежелательно. Эта война практически не известна в отечественной историографии, так как включала в себя ряд военных кампаний: Крымский поход 1687 г., Крымский поход 1689, Первый Азовский поход 1695 г., Второй Азовский поход 1696 г., походы турецко-крымских войск в 1697 г. и битвы при Кагальнике и под Таванском (1697 г.), которые рассматривались самостоятельно или в рамках различных исторических периодов [10]. Русско-турецкая война 1686-1700 гг. была одной из первых войн, когда Российское государство активизировалось в своей европейской политике и в союзе с центрально-европейскими странами вступило в борьбу против общего врага.

Калмыцкое ханство направляет свои воинские контингенты в помощь русской армии и в течение всей войны 1686-1700 гг. выступает как активный и преданный союзник России.

Весной 1687 г. калмыцкие отряды участвовали в первом походе российско-украинских

войск (100 тыс. чел.) под командованием князя В.В. Голицына и гетмана И.С. Самойловича против Крымского ханства [11]. В.А. Потто писал: «В походе... Голицына на Крым наряду с донскими, яицкими, терскими, гребенскими казаками и ногайцами участвовали и калмыки. Всего этих войск было 16 тыс. человек» [12]. М.П. Астапенко и Е.М. Астапенко отмечают: «По пути движения к русской армии... присоединились союзные отряды калмыков» [13]. Калмыцкие конники совместно с конными казаками охраняли походное движение русской армии, отбивая атаки отрядов крымских татар. «Отряды калмыков» с присоединившимися донскими казаками «столкнулись близ урочища Овечьи Воды с тысячей конников, посланных из-под Перекопа крымским ханом для добывания сведений о численности и направлении движения русской армии» [14]. Обнаружив противника, калмыки некоторое время выжидали, определяя численный состав и маршрут движения татарского отряда, а потом после короткой перестрелки стремительно атаковали его, разрезая боевое построение врага надвое. В последовавшей за этим кровопролитной схватке крымские татары были разгромлены. В.Д. Сухоруков писал: «Поле сражения усеяно было татарскими трупами... коих найдено на месте пятьсот человек кроме убитых при преследовании; причем взяли в плен пятьдесят человек, забрали весь их кош и отбили 90 человек пленных российских людей» [15].

Татары, не вступая в большое сражение и используя тактику выжженной земли, остановили продвижение русской армии. Люди и кони стали ощущать недостаток продовольствия и фуража. Сказался и недостаток конницы, способной противостоять постоянным атакам крымских татар. 17 июня 1687 г. на военном совете было решено вернуться назад ввиду бесперспективности продолжения похода. Вернулись в родные улусы и калмыки.

Несмотря на неудачу похода, большинство его участников (не менее 90 тыс. чел.) получили различные награды (особый нагрудный знак – «золотой», позолоченная серебряная копейка и др.) [16]. Российское правительство высоко оценило и заслуги калмыцких воинов. В знак особых заслуг хану Аюке и некоторым другим калмыцким тайшам было определено годовое жалование, состоявшее из денег, муки, вина и боевых припасов.

После Крымских походов и свержения с престола Софьи Алексеевны в русско-

турецкой войне 1686-1700 гг. с русской стороны не предпринималось активных боевых действий. Крымское ханство, наоборот, усилило набеги на южнорусские и южноукраинские поселения. Так, в 1692 году двенадцатитысячное крымско-татарское войско вторглось в пределы Южной Украины, разорило окрестности г. Немирова и увело большое количество пленных [17].

Только в 1695 году Петр I начинает активные боевые действия. Целью наступления становится турецкая крепость Азов в устье Дона.

В марте-июле 1696 года состоялся поход русской армии на Азов [18]. Вся русская армия, скомплектованная для проведения Азовского похода 1696 г., состояла из 75 тысяч человек [19]. Формально русской армией руководил воевода А.С. Шеин. Петр I присутствовал в армии инкогнито под именем «бомбардира Петра Алексеева».

Были учтены ошибки первого, неудачного похода 1695 г., в частности, недостаточное количество легкой конницы, способной противостоять кавалерии крымских татар [20]. Российское правительство обратилось к Аюке, который прислал во главе с Чакдоржапом «...ратных людей три тысячи человек... в большой полк к боярину и воеводе к Алексею Семеновичу Шеину» [21]. Совместно с донскими и украинскими казаками калмыки сорвали попытки крымских и кубанских татар прорваться к крепости. Так, особенно сильно беспокоивший своими атаками русский лагерь отряд крымских татар под командованием Нурадына, который соединился с конницей кубанских татар под руководством аги Кубега, был разбит калмыцкой конницей, обезопасившей русский лагерь от внезапных атак [22].

В результате второго похода с помощью специально построенного для этой цели флота удалось взять эту сильнейшую турецкую крепость, пленив ее гарнизон.

Взятие Азова стало первой крупной победой России в войнах с Османской империей XVII в. Это был серьезный стратегический успех, поскольку Азов перестал служить северо-восточным оплотом имперских устремлений Турции. С взятием этой стратегической турецкой крепости нарушалась также сухопутная связь между владениями Крымского ханства в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе.

В крепости Азова, ставшем важнейшим стратегическим пунктом Российского госу-

дарства на юге, был оставлен сильный гарнизон (около 7-8 тыс. чел.), куда в 1697-1698 гг. для несения конной разведывательно-дозорной службы были включены 400 калмыков [23].

К тому же, отъезжая за границу в составе Великого Посольства, Петр I в 1697 г. официально возложил на хана Аюку охрану юго-восточных границ Российского государства. Г.Н. Прозрителев писал: «Петр Великий... оценил Аюку и, ... уезжая за границу в 1697 году, отправил к нему посольство и просил охранять русские приделы... Поручая эту охрану, ... Петр понимал, ... как ревностно будет наказано всякое посягательство на русскую границу» [24]. Со своей стороны Российское правительство обязалось снабжать Аюку пушками, порохом и свинцом. Юридически это нашло свое отражение в договоре хана Аюки и князя Б.А. Голицына, подписанном 17 июля 1697 г. Договор гласил:

1. «В случае похода против Бухарцев, Каракалпаков, Киргиз-кайсаков (казахов – Б.А.) снабжать Аюку-хана артиллерией с достаточным количеством ядер и бомб.

2. Указами предписать в Уфу, на Яик и в Донские городки, чтобы казаки и башкирцы не заводили ссор с калмыками и запретить им сие под смертною казнию.

3. Ежегодно давать хану Аюке по 20 пудов пороха и по 10 пудов свинца...» [25].

Этот договор был заключен не зря. Ведь, стремясь вернуть устье Дона, Турция продолжала вести широкомасштабные боевые действия. Одна турецко-крымская армия, в основе которой была конница крымских татар, ногайцев и черкесов под командованием Калга-султана, летом 1697 г. двинулась к Азову. Навстречу ему выступила вместе с калмыцкими отрядами русская армия под командованием А.С. Шеина. 1 августа 1697 г. у реки Кагальник (к югу от нижнего течения Дона) произошло ожесточенное сражение. После упорного 11-часового боя турецко-крымское войско было обращено в бегство. Одновременно была отбита попытка турецкого флота атаковать Азов с моря [26].

В то же самое время летом – осенью 1697 г. еще одна 30-тысячная турецко-крымская армия стремилась отбить у русских захваченные ими прежде крепости в низовьях р. Днепр и осадила крепость Таванск (в низовьях Днепра) [27]. 1 октября был произведен взрыв подкопов под стенами крепости. Положение осажденных было критическим. Турецко-крымские войска готовились к ре-

шающему штурму, но 10 октября на помощь к обороняющемуся гарнизону пришли войска под командованием князя Я.Ф. Долгорукова и гетмана И.С. Мазепы. Подход свежих сил вынудил турецко-крымскую армию отступить. На поспешно отступающих татар и турок обрушились «российские калмыки и, многих положи на месте, принудили с великим страхом оставшихся к бегству» [28]. О результатах разгрома турецко-крымской армии свидетельствует тот факт, что только одних убитых было около 4 тысяч человек [29]. Отмечая заслуги калмыцких воинов, их храбрость и мужество, проявленные в боях, Петр I приказал выдать «...Аюке и иным тайшам и улусным людям... десять партиц объарей разных цветов, мерою по 5 аршин...» [30].

В ответ на эти походы в 1698 году объединенный отряд, состоявший из 500 калмыков и 130 донских казаков под командованием атамана Максима Фролова, разорили Казиев улус Крымского ханства. В 1700 году отряд калмыков и казаков (700 чел.) настиг и разбил крупный отряд татар Казиевского улуса, возвращавшихся с богатой добычей после набега на русские поселения, расположенные близ Камышина [31].

Кроме того, для обороны южных границ 28 февраля 1700 года в районе г. Чугуева была образована «Чугуевская 5-ти сотенная команда», состоявшая из 200 калмыков и 300 татар и донских и яицких (уральских) казаков [32].

После разгрома у Кагальника и Таванска, Турецкая империя и Крымское ханство больше не предпринимали серьезных попыток отбить Азов и низовья Днепра. В 1699 году на Карловицком конгрессе представители стран «Священной лиги», за исключением России, подписали с Османской империей мир. Спустя год мир с Турцией заключила и Россия. По Константинопольскому договору, заключенному в июле 1700 года, Азов с прилегающими землями, на которых по приказу Петра возвели крепость Таганрог, перешел к России. Россия также прекращала традицию посылать подарки крымскому хану (эти подарки в Крыму рассматривались как дань). Калмыцкие воины проявили в боях русско-турецкой войны 1686 – 1700 гг. мужество и героизм и внесли свой вклад в победу над общим врагом.

В заключение хотелось бы привести слова Г.Н. Прозрителева: «Теперь, когда упорядочение свершилось, когда русский чело-

век поставил свое знамя высоко над всеми соперниками в обладании страной, и народный гений стремится к братскому общению со своими противниками и правдивому, без насилия чужого достоинства, общему укладу, не может быть забыт и калмык, как сын великой страны, для оберегания единства которой и он проливал свою кровь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Чигирин был местом расположения ставки гетмана Правобережной Украины и по своей сути являлся политическим и военно-стратегическим центром южной Украины. В 1676 г. Чигирин заняли русско-украинские войска под командованием Г. Касогова и Л. Полуботка и пленили гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко, придерживавшегося протурецкой ориентации.
2. Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. М., 1999. С. 157.
3. В начале сентября 1677 г. в бою у Бужинской пристани турецкий авангард потерпел поражение от армии воеводы князя Григория Ромодановского, подкрепленной казаками гетмана Левобережной Украины Ивана Дорошенко. После этого Ибрагим-паша счел за благо отступить от Чигирина.
4. Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста, 1965. С. 42.
5. Цит. по: Беликов Т.И. Указ. соч. С. 42.
6. Шефов Н.А. Указ. соч. С. 157.
7. Там же.
8. Чигиринские походы по своей сути – важный эпизод войн, которые вели с Оттоманской империей практически все державы Восточной и Центральной Европы: Речь Посполитая, Австрийская империя, княжества Германии. Фактически весь христианский мир сплачивался против общего и грозного противника, и с 1686 года и Россия вошла в состав антитурецкой коалиции. После Чигиринских сражений турки воевать с Россией уже не хотели и перенаправили вектор своих походов в Центральную Европу, вторгнувшись в 1683 г. в Венгрию и земли Австрийской империи Габсбургов, осадив Вену.
9. По Бахчисарайскому миру, заключенному в январе 1681 года, Россия признала Правобережную Украину за Оттоманской империей, а та, в свою очередь, согласилась с присоединением Левобережья к России. Турция в тот момент вела борьбу со Священной Римской (Австрийской) империей и не была заинтересована в продолжении борьбы с Россией за Украину. После поражения под Веной в 1683 году Турция утрачивает контроль над Правобережной Украиной, которая в конце XVII века вернулась в состав Польши.
10. Так, Крымский поход 1687 г., Крымский поход 1689 г. обычно изучали в рамках периода правления Софьи Алексеевны (1682 – 1689). Первый (1695 г.) и Второй (1696 г.) Азовские походы относились традиционно к периоду правления Петра I (1689 – 1725), походы турецко-крымских войск в 1697 г. и битвы при Кагальнике и под Таванском (1697 г.) практически вообще не рассматривались и оценивались как незначительные набег (См. Беликов Т.И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста, 1960; Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста, 1965; Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII-XIX вв.). Элиста, 1991.).
11. Шефов Н.А. Битвы России. М., 2002. С. 267.
12. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). Т. I. Владикавказ, 1912. С. 110.
13. Астапенко М.П., Астапенко Е.М. История Донского края. Ростов-на-Дону, 2005. С. 105.
14. Там же.
15. Цит. по: Астапенко М.П., Астапенко Е.М. Указ. соч. С. 105-106.
16. Шефов Н.А. Указ. соч. С. 268.
17. Очерки истории СССР, первая четверть XVIII в. М., 1954. С. 436.
18. Это был второй поход русской армии под Азов. Первый поход русской армии при участии Петра I (31 тыс. чел.) состоялся в июле – октябре 1695 года. Но полной блокады крепости достичь не удалось. Отсутствие у русских флота позволяло осажденным получать поддержку (боеприпасы, продовольствие и т.д.) со стороны моря. Гарнизон крепости (7 тыс. чел.) отчаянно сопротивлялся, и штурмы крепости (5 августа и 25 сентября) результатов не дали. В октябре 1695 г. Петр I снял осаду и отступил.
19. Шовунов К.П. Исторические истоки программы первого Президента Республики Калмыкия // Выбор Калмыкии. Элиста, 1995. С. 10; Шефов Н.А. Битвы России. М., 2002. С. 11.
20. Австрийский эмиссар Плейер уже после завершения первого Азовского похода 4 января 1695 г. писал в своем донесении австрийскому императору Леопольду II о состоянии одной из колонн русской армии: «...там (в Царицыне – А.Б.) уже находилась армия... численностью 20 тыс. человек. Но конных было мало, всего 500...». Цит. по: Рябов С.И., Самойлов Г.П., Супрун В.И. Петр I в Царицыне и на Среднем Дону. Волгоград, 1994. С. 23-24.
21. Цит. по: Беликов Т.И. Участие калмы-

- ков в войнах России... С. 32. См. также; Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутовского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995. С. 27; Рябов С.И., Самойлов Г.П., Супрун В.И. Указ. соч. С. 31.
22. Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII-XIX вв.). Элиста, 1991. С. 129.
23. Перепечаева Л.Б. Азов – пограничная крепость России (конец XVII – начало XVIII вв.). Азов, 2006. С. 42.
24. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь, 1912. С. 20-21.
25. Пальмов Н.Н. Очерки истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России. Элиста, 1992. С. 52.; Прозрителев Г.Н. Указ. соч. С. 20-21.
26. Шефов Н.А. Указ. соч. С. 216.
27. Шефов Н.А. Указ. соч. С. 542.
28. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. 1. М., 1837. С. 509.
29. Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины... С. 49.
30. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. С. 335.
31. Чонов Е. Калмыки в русской армии XVII, XVIII вв. и 1812 г. Пятигорск, 1912. С. 13.
32. Казачьи войска. Хроники гвардейских казачьих частей. СПб., 1912. С. 13.

СОВРЕМЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Е.В. Галкина

В статье рассматриваются региональные аспекты проблемы проведения национальной политики в современном гражданском обществе.

Ключевые слова: *гражданское общество, национальная политика, регион, аспект.*

The article deals with regional aspects of the problem of conducting national policy in modern civil society.

Keywords: *civil society, national policy, region, aspect*

В настоящее время Россия находится на крутом вираже своей истории. Общество мучительно тяжело самоопределяется по отношению к новым реалиям в мире и в собственном развитии.

В настоящее время все понимают, что для обеспечения стабильности во всех сферах общественной жизни необходимо реальное функционирование механизмов и институтов гражданского общества. Практика показывает: нельзя проводить реформы в стране в интересах населения, когда власть оторвана от общества, которое, в свою очередь, не имеет возможности влиять на формирование государственной политики [1].

Гражданское общество – это совокупность социальных образований (групп, коллективов), объединенных специфическими интересами (экономическими, этническими, культурными и т.д.), реализуемыми вне сферы деятельности государства [2].

Смысл гражданского общества состоит в том, что оно снимает напряжение между государством, локальными социальными группами и индивидами, неизбежно возникающее по мере общественного производства и углубления социальной дифференциации. Эта острота взаимоотношений вызвана тем, что в большом и разнородном обществе, таком как российское, труднее добиться принципа социальной справедливости из-за разногласий между общими и частными интересами.

Исходя из исторически сформировавшихся этнонациональных и социокультурных особенностей российского политико-правового менталитета, можно утверждать, что гражданское общество в России может сложиться только тогда, когда будут на практике реализованы основные параметры соответствующего ему типа правовой культуры

и массового правосознания. Преодоление девиаций в сфере правопонимания, компенсация искажений, возникших в результате исторических ошибок, опора на лучшее в отечественных политических традициях и радикальный отказ от худшего в них являются необходимым условием нормализации политических и социальных отношений в России, ее выхода из затянувшегося кризиса.

Существенный аспект общественной жизни страны затронул министр РФ по делам национальностей Владимир Зорин, выступивший перед журналистами с обоснованием государственной политики в области административно-территориального устройства России. По его словам, многонациональность регионов не создает проблемы, а приносит пользу для общества. «Национальная политика не может реализоваться без участия неправительственных и общественных организаций. В Южном федеральном округе накоплен огромный опыт в этой сфере, которым интересуется Совет Европы», – отметил министр [3].

Важнейшими положениями региональной политики современной России являются децентрализация и демократизация власти, передача большего числа полномочий субъектам федерации, повышение влияния населения на принимаемые решения. Но при этом функции местным органам власти и самоуправлению нередко передаются без должного финансового и экономического обеспечения. Подлинный федерализм разрушает централизацию управления и монополизацию власти и тем самым в немалой степени способствует усилению гарантий гражданской свободы.

В этом плане, особое значение имеет взаимодействие региональных органов власти с институтами и структурными элементами

ми гражданского общества – общественными объединениями, политическими партиями, общественно-политическими движениями, профсоюзами, кооперативами, самостоятельными гражданскими ассоциациями любого профиля.

Если обратиться к Южному Федеральному округу, то здесь процессы идут более сложно, связано это с многонациональным и поликонфессиональным составом населения, этнополитическими конфликтами и т.д.

ЮФО является не только самым многонациональным регионом РФ, но и отличается сложной конфессиональной картиной. Здесь зарегистрировано 3275 религиозных организаций [4]. Конфессиональное пространство региона можно разделить условно на 4 основные части: религиозные организации Русской православной церкви (40%), религиозные организации мусульман (30%), протестантские организации (27%), буддисты и иудеи (3%). При этом количество мусульманских организаций по сравнению с другими конфессиями растет наиболее интенсивно. Поэтому проблема толерантности (готовность идти на компромисс) приобретает большую значимость для российского общества, которое столкнулось в настоящее время с различными проявлениями социально-политической, этнической, религиозной нетерпимости [5].

На территории Южного федерального округа реально функционирует множество общественных организаций и движений - действующих субъектов гражданского общества. Так, активно работают такие организации как Общественная организация по проблемам вынужденных переселенцев и беженцев «Статут» (г. Ставрополь), Научно-практический центр по исследованию и изучению проблем исламского экстремизма и терроризма на территории Ставропольского края, «Центр гражданских инициатив» (г. Георгиевск), Ростовское региональное общественное движение пострадавших в чеченском конфликте, Калмыцкое региональное отделение «Российский фонд милосердия и здоровья» (г. Элиста), общественная организация «Новая Калмыкия - Гражданский курс», конгресс общин Северного Кавказа (г. Черкесск), общественное движение Северной Осетии «Согласие и стабильность», Астраханское областное общество культуры чеченского и ингушского народов «Вайнах» и др.

Важнейшей задачей своей деятельности общественные организации Юга России ви-

дят предупреждение этнических конфликтов, урегулирование конфликтных ситуаций путем переговоров, достижение человеческой безопасности и упрочение национального единства.

Итак, формирование институтов гражданского общества предполагает широкий компромисс, толерантность между разными этнонациональными, этнокультурными и этносоциальными группами. Гражданское общество – это сумма инициатив, которые выступают не только в качестве проблем, но и в качестве вариантов их решения. Гражданское общество можно также представить как способ решения проблем, которые существуют путем привлечения инициатив, талантов, возможностей людей - в индивидуальном смысле, или в виде сообществ, предприятий, общественных организаций [6]. Общество становится гражданским лишь тогда, когда в нем признается самоценность гражданина, личности, а государство выполняет функцию средства для всестороннего развития человека.

В настоящее время большой значение и резонанс в обществе приобрела инициатива Президента РФ В.В. Путина по созданию Общественной палаты. Этот орган призван способствовать взаимодействию усилий гражданского общества и государственной власти, отладить механизм контроля за властью и т.д. Задача Общественной палаты – существенно расширить спектр возможностей для участия граждан в управлении государством и осуществлении общественного контроля за деятельностью органов власти. В свою очередь, Общественная палата воспринимается гражданскими ассоциациями и союзами как орган, в котором они могли бы легитимно позиционироваться в высших эшелонах власти и по закону влиять на принятие государственных решений.

Приоритетом для Общественной палаты стала работа над документами по четырем национальным проектам, выдвинутым Президентом РФ. Это образование, медицинское обслуживание населения, обеспечение россиян доступным жильем, развитие сельского хозяйства [7]. Во вступительном слове на заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов 7 апреля 2006 г. Президент РФ В.В. Путин подчеркнул: «К реализации национальных проектов реально подключаются не только органы власти, но и структуры гражданского общества. Но проекты потому и национальными называются, что

их успех достигается солидарными усилиями государства и общества, и сами они работают на общенациональные цели» [8].

В регионах отрабатывались свои версии, кто и на каких основаниях будет входить в Общественную палату, призванную отстаивать народные интересы. 18 ноября 2005 г. окружная конференция Южного федерального округа избрала представителей в Общественную палату России. Форум представителей общественности ЮФО проходил в Ростове-на-Дону. В этом важном общественном мероприятии участвовали около 260 делегатов. Участники собрания приняли решение о выдвижении 13 кандидатов - по одному от каждого субъекта - в Общественную палату России [9]. Кандидатами Южного федерального округа в Общественную палату при Президенте РФ были избраны: М. Кадзоев (конгресс интеллигенции Ингушетии), Ш. Таов (федерация профсоюзов Кабардино-Балкарии), И. Машбаш (общественная организация «Союз писателей Адыгеей»), Ф. Алиева (общественная организация «Женщины Дагестана»), Л. Лебедева (общественное движение «Союз женщин Калмыкии»), Х. Солтагереев (Совет профсоюзов Чеченской Республики), М. Шолохов (Ростовская область, «Всевеликое войско Донское»), Епископ Феофан (Ставропольский краевой общественный благотворительный фонд «Мир и здоровье»), А. Зайцев (Краснодарская региональная общественная организация «Знание-Сила»), М. Загорулько (Волгоградское региональное отделение «Детского фонда»), Ф. Тарасевич (Астраханская общественная организация «Россия и Белоруссия - навеки вместе») и др. В итоге - 6 человек - Шолохов М. М., Солтагереев Х. Г., Машбаш И. Ш., Алиева Ф. Г., Лебедева Л. Д. и Епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан вошли в Общественную Плату при Президенте РФ как региональные представители от общественных организаций [10].

Общественная палата видится как важнейший инструмент оздоровления всей политической жизни нашего государства. Ее девизом могут стать следующие слова: доверие, взаимопонимание, сотрудничество и ответственность.

На наш взгляд, Общественная Палата – институт защиты прав и свобод граждан – может и должна стать действенным механизмом в сложной цепи взаимоотношений государственной власти и гражданского общества в современной России. Для этого необходима готовность каждой из сторон идти

на компромисс и сотрудничать друг с другом. Создание такого нового политического инструмента, как Общественная палата, может сделать наше государство более стабильным и дееспособным.

Некоммерческие организации (НКО) – один из главных субъектов гражданского общества - активно работают в сфере адаптации, снижения политических рисков в обществе для человека, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, укрепления и отстаивания принципов толерантности в обществе. Здесь же отметим, что гражданское общество – это та сфера, где в основу положен принцип отстаивания частных интересов граждан. Так, в данном случае социально-политический риск накладывается на сферу гражданского общества, активизируясь и реализуясь в ней. Гражданское общество, в свою очередь, создает определенные механизмы борьбы с политическими рисками (например, проведение Гражданских форумов, создание Общественной палаты при Президенте РФ и др.)

В Южном федеральном округе активно действуют некоммерческие организации (НКО), которые условно можно назвать организациями гражданских инициатив, ставят своей целью содействие становлению гражданского общества в регионе или содействующие партнерским отношениям общества и власти (например, Совет старейшин при Администрации Кавказских Минеральных Вод, Северо-Кавказское отделение ассамблеи народов России) [11].

Так, в Калмыкии благодаря совместной деятельности многих НКО и государственной власти удается избежать роста социальной напряженности. Межрегиональное сотрудничество НКО в рамках ЮФО является одним из условий успешного развития субъектов РФ. Например, Калмыкия сейчас начинает осваивать новые экономические связи с Ростовской областью, продолжая сотрудничество и со Ставропольским краем [12].

Свобода объединений помогает ослабить социальную напряженность в обществе. Она дает возможность членам социума устанавливать связи с другими и строить переплетающиеся сети личных взаимоотношений. В результате непохожие друг друга и незнакомые люди объединяются в товарищество. Возникшие по разным поводам связи снимают напряженность, которая в противном случае могла бы разъединять людей [13].

Неосведомленность населения о суще-

ствующих в стране гражданских организациях и - часто - недоверие к ним, отсутствие веры в результативность их деятельности обусловлены несколькими обстоятельствами - прежде всего тем, что в основном эта деятельность носит локальный характер. Действительно, гражданские организации содействуют решению проблем конкретных групп населения в масштабах городов и регионов, а точнее, оказывают помощь конкретным людям, в эти группы входящим. Людей, такой помощи не получивших и вообще с гражданскими организациями непосредственно не контактировавших, в России, естественно, подавляющее большинство. И в условиях крайней атомизации российского общества, слабости межгрупповых и межрегиональных связей опыт общественных организаций остается за пределами «когнитивных горизонтов массового сознания» [14].

В нынешней России налицо явный приоритет групповых и клановых интересов над гражданскими, общенациональными. В связи со слабостью личностного начала в политической жизни страны, а также с неразвитостью публичной сферы как арены общественной рефлексии по поводу того, кто мы, куда идем и как надо решать наши проблемы, сопряжения частных и публичных интересов не происходит или же оно идет очень медленно [15].

Таким образом, продвижение к зрелому гражданскому обществу требует преодоления ограниченности частных интересов. Россия сегодня находится лишь в начальной стадии борьбы с интересами корпоративного характера, пока преобладающими в ее социально-экономической и политической системах. Ключом к решению этой важнейшей проблемы, позволяющей сбалансировать полюса антиномии гражданского и корпоративного, могли бы стать всемерная поддержка и развитие публичной сферы как открытого форума для диалога политических и гражданских сил.

Развитие гражданского общества в нашей стране, безусловно, невозможно без грамотной национальной политики, которая должна строиться с учетом деятельности институтов гражданского общества и государства, используя гибкие диалоговые механизмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов С.А. Вступительная статья // Зотова З.М. Власть и общество: проблемы взаимодействия / Под общ. ред. С.А. Попова. М., 2001. С. 3.
2. Политология: Учебник для вузов / Под ред. М.А. Василика. М., 2001. С. 143.
3. Цит. по: Абакумов С.А. Гражданское общество и государство в России: реалии и перспективы развития и взаимодействия // Подберезкин А.И., Абакумов С.А. Гражданское общество и будущее Российского государства: в поиске эффективного алгоритма развития. М., 2004. С. 23.
4. <http://www.southru.inf>. Портал Юга России. 2006. 4 февраля.
5. Толерантность как основа социальной безопасности / Под ред. Н.П. Медведева. М. – Ставрополь, 2002. С. 104.
6. Петренко К. Проблемы общественных организаций накануне Форума НКО // Поговорим о гражданском обществе. Серия «Хроника социологических наблюдений» / Сост. Е.В. Петренко. М., 2001. С. 79.
7. См.: Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (10 мая 2006 г.) // Официальный сайт Президента России. <http://www.kremlin.ru/teft/appears/2006/105546.shtml>
8. Официальный сайт Президента России. <http://kremlin.ru>
9. <http://regnum.ru/news/546692.html>
10. Члены Общественной палаты Российской Федерации от межрегиональных и региональных общественных объединений, избранные 23 декабря 2005 г. // Официальный сайт Президента России. <http://kremlin.ru>
11. Аствацатурова М.А. Общественный диалог в системе институтов гражданского общества в полиэтническом регионе // Проблемы становления гражданского общества на Юге России: Материалы всероссийской научно-практической конференции (15-16 апреля 2005 г.) / Науч. ред. Варгумян А.А. Ставрополь, 2005. С. 315.
12. Серенко А. 2006 год будет в Калмыкии годом прорыва // Южный Федеральный. 2006. № 7(230).
13. Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика / Пер. с англ. и под ред. А.В. Куряева. Челябинск, 2004. С. 148.
14. Дилигенский Г. Существует ли в России гражданское общество? // Поговорим о гражданском обществе. Серия «Хроника социологических наблюдений» / Сост. Е.В. Петренко. М., 2001. С. 16.
15. Красин Ю.А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. 2003. № 1. С. 102.

ББК 86.2

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК РЕСПУБЛИКИ –
СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА
(на примере Республики Калмыкия)**

Е.А. Гунаев

В статье рассматриваются правовые аспекты языкового регулирования в Российской Федерации на примере Республики Калмыкия.

Ключевые слова: *государственный язык, Конституция, правовой статус, Российская Федерация, Республика Калмыкия.*

The article deals with legal aspects of language regulation in Russian Federation on the example of Republic of Kalmukia.

Keywords: *state language, Constitution, legal status, Russian Federation, Republic of Kalmukia.*

Статус языка – это его правовое положение в социальной системе, определяемое и закрепляемое в государстве основным законом – Конституцией, законом о языках, а также положение языка, определяемое сферой и объемом его функционирования [1]. Согласно Конституции РФ, государственным языком на всей ее территории является русский язык (ч.1 ст.68). Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком РФ (ч.2 ст.68). В основном законе страны также закреплено, что РФ гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ч.3 ст.68). Как отмечается в литературе, в законодательстве СССР термин «государственный язык» практически не использовался. Так, Н.А Любимов считает, что отказ от термина «государственный язык», возможно, связан с тем, что В.И Ленин давал ему отрицательную характеристику. Он полагал, что обязательный государственный язык сопряжен с «принуждением, вколачиванием». Отвергая вслед за В.И. Лениным термин «государственный язык», советские законодатели стремились, видимо, подчеркнуть равноправие всех наций, населявших СССР, поскольку наделение какого-нибудь одного языка статусом «государственного» могло быть расценено как нарушение принципа национального равноправия, закрепленного в Конституциях СССР 1936 и 1977 гг. (ст. 123 и ст.36). Русский язык по

традиции использовался как язык межнационального общения народов СССР, но ни в одной из советских конституций этот статус не был закреплён» [2]. В советских конституциях, помимо понятия «родной язык» и связанных с ним прав, использовалось также понятие «язык союзной, автономной республики, автономного округа, автономной области и язык большинства населения данной местности» применительно к сфере судопроизводства. В этой связи, следует согласиться с точкой зрения судьи Конституционного Суда РФ Н.В Витрука, высказанной им в 1998 г. в «Особом мнении по делу о проверке конституционности отдельных положений ч.1 ст.92 Конституции Республики Башкортостан, ч.1 ст. 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в ред. от 28.08.97 г.) и ст.1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан», о том, что в автономной республике язык титульной нации имел статус государственного наряду с русским, поскольку было предусмотрено его использование не только в судопроизводстве, но и при опубликовании законов, а также в государственной символике [3]. Например, в Конституции Калмыцкой АССР 1978 г. – это статьи 98, 148, 157, 158.

В годы, непосредственно предшествовавшие дезинтеграции СССР, языковые проблемы значительно обострились, свидетельством чему стало принятие Закона СССР от 24 апреля 1990 г. «О языках народов СССР» [4]. В названном законе впервые было закреплено право союзной, автономной респу-

блики определять правовой статус языков республик, в том числе устанавливать их в качестве государственных языков (ст.4). С учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач русский язык признавался на территории СССР официальным языком СССР и использовался как средство межнационального общения. В РСФСР таким актом стал Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» от 25 октября 1991 г., а также Декларация «О языках народов России», принятая в тот же день [5]. По мнению Ж. И. Овсепян, принятие данных актов означало официальное признание СССР и РСФСР в качестве не только национальных, но и лингвистических федераций, поскольку специальные законы о языках впервые появились в отечественном праве именно в 1990 – 1991 гг. [6].

Закон РСФСР объявил языки народов Российской Федерации национальным достоянием Российского государства. Государство на всей территории РФ взяло на себя обязательство способствовать развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия (преамбула в ред. ФЗ от 24.07.98 № 126 – ФЗ). В 1991 г. правовое положение государственных языков было определено следующим образом. Русский язык был определен в качестве основного средства межнационального общения народов РСФСР и в этой связи получил статус государственного языка РСФСР на всей территории РСФСР. Республики в составе РСФСР в соответствии с настоящим Законом получили право самостоятельно принимать решения о правовом положении языков народов, проживающих на их территориях. Республики также получили право устанавливать собственные государственные языки (ч.2 и 3 ст.3).

Особенностью Закона РСФСР «О языках народов РСФСР» 1991 г. являлось то, что он провозглашал языковой суверенитет и закреплял его государственные гарантии. Языковой суверенитет был определен как «совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения» (ч.1 ст.2). Необходимо отметить, что период 1990 – 1991 гг. характеризуется как «парад суверенитетов», когда не только союзные (например, РСФСР), но и автономные республики принимают собственные Декларации о суверенитете, распространяя его действие на многие сферы общественной жизни, включая языковую. С

принятием Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 126 – ФЗ данные положения исключаются из Закона РСФСР «О языках народов РСФСР». Понятие «языковой суверенитет» заменяется на понятие «равноправие народов РФ», которое понимается аналогично как «совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения» (ч.1 ст.2) [7]. Декларация «О языках народов России» от 25.10.91 г. также упоминает о языковом суверенитете, и формально ее положения сохраняют силу. Однако, данное положение действует лишь в части, не противоречащей Конституции РФ 1993 г. и федеральному законодательству, включая Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» с изменениями 1998 г.

24 июля 1998 г. в Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» были внесены изменения в части регулирования правового положения государственных языков. В частности, относительно русского языка, уже прямо было закреплено, что государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык, т.е. была исключена его характеристика как «языка межнационального общения». Как отмечает В.Ю. Михальченко, «это не юридический термин, так как язык межнационального общения применяется в межличностном неофициальном общении людей разных национальностей, а эта сфера частной жизни юридическому регулированию не подлежит» [8]. Относительно республик было сохранено положение о праве устанавливать свои государственные языки с небольшим уточнением: «в соответствии с Конституцией РФ» (ч.1 и 2 ст.3 в ред. от 24.07.98 г.). Таким образом, Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» 1991 г. был приведен в соответствие с Конституцией РФ 1993 г.

Правовые аспекты языкового регулирования получили развитие и в решениях Конституционного Суда РФ. Например, в упоминавшемся деле Республики Башкортостан, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 24 апреля 1998 г. № 12–П пришел к следующему выводу: «Конституция РФ (ст. 68, ч.2) закрепляет право республик устанавливать свои государственные языки, которые употребляются в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик наряду с государственным

языком РФ, что обусловлено государственной целостностью РФ, единством системы государственной власти, особенностями федеративного устройства РФ и служит интересам сохранения двуязычия (многоязычия) их многонациональных народов. Из этого, однако, не вытекает ни обязанность республик устанавливать государственные языки, ни необходимость специальных требований к знанию этих языков в качестве условия приобретения пассивного избирательного права, в том числе при выборах главы государства» (главы исполнительной власти субъекта РФ). Конституционный Суд РФ выразил также правовую позицию, согласно которой нормативно должны быть определены надлежащие предпосылки для признания языка (языков) в качестве государственного, а также вытекающие из такого признания правовые последствия, с тем, чтобы при этом исключалась произвольная трактовка языка в качестве государственного, а также не допускались чрезмерные языковые требования. Такие условия, по мнению Конституционного Суда, связаны в том числе с реальным соотношением языковых групп, рассчитанных на переходный период программ и мероприятий, обеспечивающих возможность изучения и использования соответствующего языка населением республики [9]. В последующем, в Определении от 13 ноября 2001 г. № 260 «По запросу Совета республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея о проверке соответствия Конституции РФ п.1 ст. 76 Конституции Республики Адыгея» Конституционный Суд РФ подтвердил позицию о том, что требование о свободном владении государственными языками как условия приобретения пассивного избирательного права, в том числе при выборах высшего должностного лица республики, противоречит Конституции РФ, поскольку ограничения пассивного избирательного права возможны путем установления только федеральным законом или в строгом соответствии с ним (когда федеральный закон допускает установление таких ограничений законодательством субъектов РФ) [10].

По мнению автора, важным актом в определении статуса государственных языков республик в РФ является Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального

закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ». Хотя в Постановлении напрямую не рассматриваются вопросы языкового регулирования, однако оно важно в свете так называемой проблемы «суверенитета», которая была характерна для 90-х гг. прошлого столетия. Как заключил Конституционный Суд РФ, «использование в ст.5 (ч.2) Конституции РФ применительно к установленному ею понятия «республика (государство)» не означает – в отличие от Федеративного договора от 31 марта 1992 г. – признание государственного суверенитета этих субъектов РФ, а лишь отражает определенные особенности их конституционно-правового статуса, связанные с факторами исторического, национального и иного характера» [11].

Следовательно, республики как субъекты РФ не обладают государственным суверенитетом и не могут распространять его действие, в том числе и на языковую сферу. Как уже было отмечено, понятие «языковой суверенитет» было исключено из федерального законодательства в 1998 г. А в 2002 г. в Законе РСФСР «О языках народов РФ» от 25 октября 1991 г. было установлено, что «в РФ алфавиты государственного языка РФ и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка РФ и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами» (п.6 ст.3) [12].

Более подробно правовые аспекты языкового регулирования были даны в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2004 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений п.2 ст.10 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», ч.2 ст.9 Закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», п.2 ст. 6 Закона Республики Татарстан «Об образовании» и п.6 ст.3 Закона РФ «О языках народов РФ» в связи с жалобой гражданина С.И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан». В частности, Конституционный Суд РФ установил, что «вопросы, касающиеся правового статуса государственных языков республик, затрагивают конституционные права как гражд-

дан – носителей соответствующего государственного языка республики, в том числе проживающих в РФ за пределами данной республики, так и граждан, проживающих в ней и не владеющих этим языком, включая права в области общения, воспитания, обучения, творчества, изучения и развития родных языков (ч.2 ст.26; ч.3 ст.68 Конституции РФ), а также в сфере культуры, включая право на доступ к культурным ценностям (ч.2 ст.44 Конституции РФ). В этой связи, определяя предметы ведения РФ и совместного ведения РФ и ее субъектов, за пределами которого субъекты РФ осуществляют собственное правовое регулирование, Конституция РФ относит регулирование прав и свобод человека и гражданина, а значит прав в языковой сфере, и установление основ федеральной политики в области культурного и национального развития РФ, составной частью которой является государственная языковая политика, к ведению РФ (п. «в», «е» ст.71), а защиту прав и свобод человека и гражданина и общие вопросы образования, культуры и языка как их компонента – к совместному ведению РФ и ее субъектов (п. «б», «е» ч.1 ст.72). Таким образом, считает Конституционный Суд РФ, по смыслу указанных положений Конституции РФ, федеральный законодатель вправе устанавливать основы правового регулирования языков народов РФ, включая общие вопросы языковой политики, в том числе относящиеся к статусу государственных языков республик в его соотношении со статусом государственного языка РФ. Как постановил Конституционный Суд РФ, статус государственных языков республик в составе РФ, как затрагивающий статус государственного языка РФ, права и свободы и ее граждан в сфере образования и культуры, не может быть предметом исключительного ведения субъектов РФ [13].

Как заключил Конституционный Суд РФ, в целях обеспечения использования государственного языка республики во всех сферах официальных отношений, республиканский законодатель вправе – по смыслу ст.68 Конституции РФ во взаимосвязи с ее ст.43 и в соответствии с федеральным законодательством – предусмотреть его изучение как государственного языка соответствующей республики при получении основного общего образования. Однако, регулирование статуса языка как государственного соответствующей республики, его за-

щита и развитие, изучение (преподавание) в рамках основного общего образования как обязательной учебной дисциплины должно осуществляться без ущерба для функционирования и изучения русского языка как государственного языка РФ в соответствии с общефедеральными государственными стандартами. С учетом того, что в отличие от русского языка государственный язык республики не является официальным языком на территориях других субъектов РФ. В противном случае, утверждает Конституционный Суд РФ, создавалась бы возможность нарушения гарантированных Конституцией РФ принципов равенства прав и свобод человека и гражданина и несения гражданами РФ равных обязанностей на всей ее территории, в том числе применительно к реализации права на образование и языковых прав и свобод (ч.2 ст.6; ч.2 ст.19; ст.43 и ст.68).

Как отметил Конституционный Суд РФ, государственные языки республик – один из элементов конституционного статуса этих субъектов РФ, который определяется Конституцией РФ и конституцией республики (ч.1 ст.66 Конституции РФ) и вместе с тем обусловлен федеративным устройством РФ, основанным на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, равноправии и самоопределении народов в РФ (ч.3 ст.5 Конституции РФ). Конституционный Суд РФ постановил, что «в силу указанных принципов федеративного устройства и исходя из того, что Конституция РФ относит установление основ федеральной политики и федеральные программы в области культурного и национального развития РФ, в том числе основ государственной языковой политики и содействие развитию государственных языков республик, к ведению РФ (п. «б», «е» ст.71), федеральный законодатель вправе урегулировать принципиальные вопросы статуса государственных языков республик, затрагивающие интересы всей РФ и конституционные права и свободы граждан, а также определить общие принципы правового регулирования этих языков, к которым должны предъявляться особые требования по сравнению с иными языками, не имеющими статус государственных».

Обязательным и важным компонентом правового статуса государственного языка

является графическая основа его алфавита. В этой связи, как считает Конституционный Суд РФ, «установив единую графическую основу алфавитов государственного языка РФ и государственных языков республик, федеральный законодатель прежде всего констатировал и легитимировал исторически сложившиеся в Российской Федерации реалии – существование и развитие языков народов России, получивших статус государственного языка, на графической основе кириллицы». По мнению Конституционного Суда РФ, «такое законодательное решение в настоящее время обеспечивает – в интересах сохранения государственного единства – гармонизацию и сбалансированное функционирование общефедерального языка и государственных языков республик, направлено на достижение их оптимального взаимодействия в рамках общего языкового пространства и не препятствует реализации гражданами РФ прав и свобод в языковой сфере, в том числе права на пользование родным языком».

Вместе с тем федеральный законодатель не исключил возможность изменения графической основы алфавитов государственных языков республик. При этом, как пояснил Конституционный Суд РФ, «он не вправе действовать произвольно, по своему усмотрению, – такое изменение допустимо, если только оно преследует конституционно-значимые цели, отвечает историко-культурным, социальным и политическим реалиям, а также интересам многонационального народа РФ». По мнению Конституционного Суда РФ, «решение же этого вопроса республикой в одностороннем порядке, без учета вытекающих из Конституции РФ требований и гарантий в языковой сфере, могло бы привести не только к ослаблению федеративного единства, нарушению полномочий РФ в языковой сфере, но и к ограничению конституционных прав и свобод граждан, в том числе проживающих за пределами республики, для которых данный язык является родным, – на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, на участие в культурной жизни, на доступ к культурным ценностям, многие из которых созданы на основе исторически сложившейся письменности» [14].

1 июня 2005 г. был принят ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», в котором, в частности, говорится, что «ста-

тус русского языка как государственного языка РФ предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных федеральным законодательством, его защиту и поддержку, а также обеспечение права граждан РФ на пользование государственным языком РФ». Далее отмечается, что «государственный язык РФ является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов РФ в едином многонациональном государстве. Защита и поддержка русского языка как государственного языка РФ способствует приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов РФ». Также оговаривается, что «обязательность использования государственного языка РФ не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящимися в составе РФ, и языками народов РФ» (п.2, 4, 5, 7 ст.1 ФЗ) [15].

Итак, статус государственного языка (языков) республики в составе РФ нельзя рассматривать в отрыве от статуса общефедерального государственного языка, каковым является русский язык. Де-факто и де-юре они взаимосвязаны. Например, согласно Степному Уложению (Конституции) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. (в ред. от 23.04.07 г.) государственными языками в республике являются калмыцкий и русский языки (ст.17). Это же положение зафиксировано в ст.3 республиканского Закона «О языках народов Республики Калмыкия», который ссылается на нормы Конституции РФ, Степного Уложения (Конституции) РК, Закон РФ «О языках народов РФ» [16]. Республиканский закон относит к ведению Республики Калмыкия в лице органов ее государственной власти в сфере охраны, изучения и использования языков народов Республики Калмыкия, в том числе:

- установление общих принципов правового регулирования, сохранения, изучения и развития государственных языков Республики Калмыкия;

- обеспечение равноправного функционирования калмыцкого и русского языков как государственных языков Республики Калмыкия.

В республиканском законе установлено, что граждане РФ, проживающие на территории Республики Калмыкия, имеют право свободного выбора языка воспитания и обучения при соблюдении обязательного

условия обучения государственным языкам Республики Калмыкия как государственных языков Республики Калмыкия. В образовательных учреждениях изучение калмыцкого и русского языков является равнообязательным независимо от ведомственной принадлежности учреждений (ч.1, 4 ст.9).

В образовательных учреждениях, обучение в которых ведется на русском языке, вводится в качестве обязательного учебного предмета калмыцкий язык как один из государственных языков. В образовательных учреждениях, обучение в которых ведется на калмыцком языке, вводится в качестве обязательного учебного предмета русский язык как один из государственных языков (ч.2, 3 ст.10).

Согласно Закону РК «О языках народов Республики Калмыкия», калмыцкий язык как государственный (наряду с русским) используется в деятельности органов государственной власти Республики Калмыкия, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций. Его использование предусмотрено в работе Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия, правительства Республики Калмыкия и администрации Главы республики; при подготовке проектов законов и других нормативно-правовых актов Республики Калмыкия, их опубликовании; при подготовке и проведении республиканского и местного референдумов, выборов Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия и органов местного самоуправления; в официальном делопроизводстве и переписке; в качестве языка судопроизводства и делопроизводства в судах общей юрисдикции и у мировых судей, в правоохранительных органах; в сфере промышленности, связи, транспорта, энергетики и сельскохозяйственного производства (в оперативной связи на транспорте, в энергетике и связи используется русский язык); в работе почты и телеграфа; в средствах массовой информации и т.д. В реальности, на практике используется, в основном, русский язык.

Как видим, статус языка как государственного предполагает его использование в различных сферах государственной деятельности и в официальных отношениях. В этой связи, в литературе указывается и на другой аспект статуса языка как государственного. Это – интеграционная, консолидирующая функция. В частности, отмечается, что «государственный язык – это язык, выполняю-

щий интеграционную, консолидирующую функцию в рамках единого государства в политической, социально-экономической и культурных сферах, выступающий в качестве одного из символов данного государства» [17]. Этим требованиям отвечает, безусловно, русский язык. Какой же видится тогда роль государственных языков республик? Представляется, что ответ следует искать в контексте федеративного устройства России. Автор присоединяется к точке зрения Н.А Любимова, согласно которой: «В Российской Федерации русский язык наряду с государственными языками республик обеспечивает реализацию принципов федерализма в языковой сфере. Это означает, что русский язык и языки народов Российской Федерации, являясь основным средством обеспечения коммуникационного единства, содействуют реализации принципов территориальной целостности Российской Федерации, верховенства Конституции РФ и федеральных законов на территории Российской Федерации. Выступая как языки соответствующих этносов, русский язык и другие языки народов РФ способствуют реализации принципа равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации» [18]. Таким образом, статус языка (языков) республики как государственного, наряду с русским, позволяет говорить об их политической консолидирующей функции в рамках единого Российского государства. Они выступают одним из средств реализации его федеративной и национальной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нерознак В.П. Законы о языках народов РФ и программирование языкового развития // Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара (Элиста, 10-16 мая 1999 г.). Элиста, 2000. С. 194.
2. Ленин В.И. Нужен ли обязательный государственный язык? // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 293-295 // Цит. по: Любимов В.А. Некоторые вопросы конституционно-правового закрепления статуса языков народов РФ // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран: Материалы научной конференции (Москва, 27-28 апреля 2000 г.) / Под ред. проф. С.А Авакьяна. М., 2001. С. 71.
3. Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 4.
4. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 19. Ст.

- 327; Ливеровский А.А «О статусе субъекта РФ» // Известия вузов. Правоведение. 2000. № 2. С. 97.
5. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740; 1742.
6. Овсепян Ж.И. Реформы российского федерализма конца XX столетия (ч.1. Период до распада СССР) // Северо-кавказский юридический вестник. 2004. № 1. С. 22.
7. Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3804.
8. Михальченко В.Н. Законы о языках и языковые конфликты // Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара (Элиста, 10 – 16 мая 1999 г.). Элиста, 2000. С. 190.
9. Собрание законодательства РФ. 1998. № 18. Ст. 2063.
10. Российская газета. 2002. 19 февраля.
11. Собрание законодательства РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.
12. Собрание законодательства РФ. 2002. № 50. Ст. 4926
13. Собрание законодательства РФ. 2004. № 47. Ст. 4691.
14. Там же.
15. Российская газета. 2005. 7 июня.
16. Консультант Плюс. Калмыкия.
17. Нерознак В.П. Там же; Васильева Л.Н. Совершенствование законодательства в области использования языков народов России // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 53.
18. Любимов Н.А. Конституционно-правовой институт языка: проблемы формирования // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2004. № 2. С. 27-28.

БАГША ХОЙЧА БАБУРКАЕВ

Г.Ш. Дорджиева

В статье на основе архивных материалов анализируется деятельность одного из крупных буддийских деятелей Калмыкии багши Хойча Бабуркаева в конце XIX - нач XX в.

Ключевые слова: *храм, духовенство, буддийская традиция, историческая память.*

The paper based on archival materials reveals the activity of the famous Buddhist teacher Khoicha Baburkaev in Kalmykia at the end of the XIXth and beginning of the XXth centuries.

Keywords: *temple, monks, buddhist tradition, historical memory.*

История знает имена многих духовных деятелей калмыцкого народа. Однако известны далеко не все из них. Между тем духовенство занималось активной общественной деятельностью, просвещением народа, несло национальные идеи, боролось за отмену ограничительных статей «Положения об управлении калмыцким народом» 1847 г. (далее Положение 1847 г.), ограничивавших правовое положение духовных лиц и ущемлявших религию. Духовенство изучало и интересовалось Востоком, многие из них владели тибетским, монгольским языками, знали астрологию, медицину, философию. Возвращенные из забвения их имена должны восполнить белые пятна в исторической памяти народа.

Одним из известных духовных лиц был багша Хойча (Хоче, Хеече) Бабуркаев.

Хойча Бабуркаев, как пишет И.В.Борисенко, родился в 1858 г., с семи лет был определен в Багачоносский хурул, откуда увезен в Монголию, затем в Тибет [1]. Время его пребывания в Монголии и Тибете неизвестно.

По архивным материалам известно, что в 1877 г. он учился в начальной школе, которая была открыта зайсангом Эмген-Убуш Дондуковым 1 марта 1872 г. В ней обучалось 10 мальчиков, в летнее время занятия проходили в кибитке, в зимнее - в доме зайсанга. В школе было два больших стола, 4 скамейки, учебные книги, буквари на калмыцком и русском языках [2].

1 декабря 1874 г. учитель Мучка Шараев, окончивший Астраханское калмыцкое училище и обучавший багачоносских учеников, в своем рапорте главному попечителю сообщал, что учеников во вверенной ему школе - 13, в том числе Хоче (Хойча) Бабуркаев. Все ученики имели положительные оценки по всем предметам. Х. Бабуркаев числился одним из лучших. По русскому языку, чистописанию, чтению, арифметике, а также по по-

ведению у него были хорошие оценки. Судя по рапорту, в 1874 г. ему было 15 лет, тогда получается, что родился он в 1859 г. [3]. Если в 7-летнем возрасте его определили в хурул, откуда был увезен в Монголию, то, вероятно, произошло это после 1866 г. А в 1874 г. он - ученик Багачоносской школы, значит, он пробыл в Монголии и Тибете примерно 6-7 лет.

Хурул Багачоносский, куда вернулся Х. Бабуркаев, назывался Галдан Раши Чойлин, обслуживал багачонос и келькетов роды. В декабре 1880 г. малодербетовское улусное управление сообщало Управлению калмыцким народом (далее УКН), что Багачоносский хурул, в котором всего 17 духовных лиц, располагается в ур. Омне-Нур [4]. В 1890 г. в хуруле служили 7 гелюнгов, 5 гецулов, 5 манджиков и 18 учеников. Хурул имел 2 молитвенных храма, 18 домов для духовенства, из них 13 домов из сырцового кирпича. В собственности хурула имелось 38 лошадей, 5 верблюдов, 67 КРС, 330 овец. Об этом сообщал старший багша хурулов Южной части Малодербетовского улуса Цюрюм-Джимбе Убушинов [5].

По годовому отчету за 1891 г. заведующего Южной части Малодербетовского улуса, в этой части улуса имелись: 1 каменный, 2 деревянных хурула (храма. - Г.Д.), 2 молельные кибитки. Из них в хуруле Галдан-Раши Чойлин - 2 деревянных храма, 2 молельные кибитки. Значит, 2 деревянных сюме хурула были построены не в 1904 г., а раньше [6].

В ноябре 1892 г. по заданию УКН были составлены именные списки багшей (начальников хурулов - по определению астраханской администрации) по каждому хурулу с указанием возраста и временем их утверждения багшами. В хуруле Галдан Раши Чойлин в 1874 г. багшой был утвержден 65-летний Сал Кектышев, в хуруле числилось 4 гелюнга, 5 гецулей и 5 манджиков [7].

13 сентября 1893 г. старшины южной части Малодербетовского улуса просили заведующего этой частью улуса о строительстве новых хурулов (новых храмов. - Г.Д.). УКН объявило старшинам, что отступать от Высочайше утвержденного расписания хурулов и духовенства (Положение 1847 г. - Г.Д.) УКН не имеет права, поэтому их ходатайство не может быть удовлетворено [8].

По данным архивных материалов, в 1903 г. Х.Бабуркаев стал старшим багшой всех хурулов Южной части Малодербетовского улуса. Из его докладной заведующему следует, что в этой части улуса 6 багшей, 33 гелюнга, 25 гецулов, 25 манджиков. Имеются 1 каменный, 10 деревянных хурулов, 13 кибиток. Хурулы призывают 16 бедных семей [9].

16 февраля 1904 г. помощник заведующего южной частью Малодербетовского улуса Яковлев проверил Галдан Раши Чойлин малый хурул и нашел 17 человек, которые носили духовную одежду, но в штате не состояли [10].

5 мая 1904 г. помощник попечителя южной части Малодербетовского улуса в присутствии старшего багши всех Маньчских хурулов Хойчи Бабуркаева производил проверку хурулов. В хуруле Галдан Раши Чойлин он нашел 6 штатных гелюнгов, 4 гецулов, которые обслуживали багачоносов и келькетов роды. Все духовные лица имели грамоты. 30 духовных лиц, не зачисленные в штат, были из багачоносовского рода, только один из келькетова. По объяснению багши Хойчи Бабуркаева, эти 30 человек с малых лет обучались в данном хуруле, принимали участие в богослужениях, играли на музыкальных инструментах, без них невозможно отправление богослужений и проведение всех обрядов [11].

Итак, несмотря на ограничительные статьи Положения 1847 г. во всех хурулах Калмыкии, в том числе Багачоносовском, присутствовали духовные лица, не включенные в штат. Они принимали участие в богослужениях, исполняли духовные требы верующих, о чем докладывал багша Х. Бабуркаев. Но дело не только в этом. Калмыцкое высшее духовенство заботилось о преемниках, призванных продолжить религиозную буддийскую традицию. Этим и объясняется присутствие в Галдан Раши Чойлин хуруле не положенных ему по штату духовных лиц (учеников).

В южной части Малодербетовского улуса

проживало 4000 чел., и их религиозные требы исполняли 4 штатных хурула - Раши Донроб, До-Чжуд Рацан, Сампил Норба, Раши Тэмпиль лин и Галдан Раши Чойлин [12] и два нештатных - Богдо Далай ламин и Ламрим Чойлин. Оба последних хурула были открыты в начале XX в.

Хурул Галдан Раши Чойлин весной располагался в урочище Ялматин Могата, осенью - в ур. Зегистын Экин, зимой - в верховьях Дунду Нурин Экин [13].

Как известно, по инициативе хамболамы Агвана Доржиева были основаны две высшие конфессиональные школы Цанит-Чойра, одна из них в ур. Амта-Бургуста Малодербетовского улуса [14]. В 1908 г. власти разрешили существование обеих школ, в том же году был утвержден их устав. Как над всеми хурулами, так и над этими школами был установлен надзор власти. В УКН представлялись списки должностных лиц, учащихся, сведения о доходах и расходах школ и т.д. Долгое время между директором школы А. Доржиевым и властью шла переписка о введении в программу обучения учащихся русского языка. По этому вопросу высказывались исполняющий должность ламы калмыцкого народа Ч. Балданов и старшие багши всех хурулов. В 1908 г. на имя попечителя Малодербетовского улуса поступило заявление старшего багши малодербетовских хурулов Убуши Музаева, старшего багши Маньчских хурулов (с марта 1906 г. - Маньчский улус) Хойчи Бобордыкова (Бабуркаева - Г.Д.) и 48 багшей хурулов (настоятелей), где говорилось, что «Чори имеет цель совершенствование в богопознании и богопочитании..., поступив в 15 лет в Чори, ученики едва оканчивают ее в течение 18 лет, раньше в течение многих поколений и по настоящее время не было примера, чтобы духовенство наше, изучая учение Будды, в то же время изучало бы русскую грамоту. Мы ходатайствуем об исключении русского языка из программы Чори» [15]. Так, русский язык не был введен в программу обучения в Цанит-Чоре.

В годы советской власти Багачоносовский хурул и багшу Х. Бабуркаева постигла та же участь, что и другие хурулы и духовные лица. Хурул в 30-х годах был ликвидирован. Главный храм хурула переоборудовали под больницу, в доме багши организовали клуб [16]. Багшу арестовали, заключили в тюрьму в Саратове, но, к счастью, его потомпустили.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко И.В. Бакша Бабуркаев, а в народе - Маани // Известия Калмыкии. 30 мая 1997 г., № 108.
2. Национальный архив Республики Калмыкия (далее НАРК). Ф. И-15. Оп. 2. Д. 490. Л. 4-7.
3. Там же.
4. НАРК. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 965. Л. 5-23.
5. Там же. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 14. Л. 41об.
6. Борисенко И.В. Багачоносковский хурул // ИК. 20 марта 1996 г.; Мандала. 1993, № 2. С. 19-20.
7. НАРК. Ф. И-15. Оп. 4. Д. 635. Л. 1-3об.
8. Там же. Л. 64-65об.
9. Там же. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 480. Л. 121-123.
10. Там же. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1477. Л. 24.
11. Там же. Л. 23, 107.
12. Там же. Л. 109.
13. Там же. Ф. И-15. Оп. 4. Д. 635. Л. 19об.-20.
14. Рукописный отдел Российской публичной библиотеки. Ф. 590. Д. 146.
15. НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1818. Л. 28.
16. Дорджиева Г.Ш. Буддийская церковь в Калмыкии в конце XIX- первой половине XX вв. Элиста, 2001. С. 105.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ СОБРАНИЙ ПЕТРА СИМОНА ПАЛЛАСА

Д.В. Иванов

*В Яицком городке имел я счастье
видеть множество таких истуканов,
которые все вылиты из меди, густо позолочены,
и такой же чистой работы,
каковы суть сообщенные при сем изображения.*

П.С. Паллас

(«Путешествие по разным провинциям Российской империи»)

Статья посвящена описанию некоторых предметов буддийской бронзовой скульптуры, привезенных П.С. Палласом из экспедиции в 1774 г. и хранящихся ныне в собрании МАЭ РАН.

Ключевые слова: *Паллас, собрания, неизвестные предметы, экспедиция, буддийская бронзовая скульптура.*

The article is devoted to description of some subjects of Buddhist bronze sculpture, brought by P.S. Pallas from expedition in 1744 and kept in the collection of the Museum for antropology and ethnology of Russian Academy of Sciences.

Keywords: *Pallas, collections, unknown subjects, expedition, Buddhist bronze sculpture.*

Одним из наиболее выдающихся исследователей-путешественников эпохи Екатерины II был Петр Симон Паллас (1741-1811), который являлся классическим ученым-энциклопедистом XVIII века. Российское правительство в то время было крайне заинтересовано в проведении комплексных географических исследований империи. К весне 1768 года было организовано пять географических экспедиций. Паллас был назначен руководителем одной из них, однако фактически именно он намечал маршрут для трех отрядов [1]. Экспедиция началась в июне 1768 года, и только в июле 1774 года П.С. Паллас вернулся в Петербург. За это время исследователи побывали в центральной России, Поволжье, Урале и в Сибири. Путешествие Палласа имело колоссальное значение для изучения культуры народов, проживающих в Российской империи. Им были подробно описаны обычаи, облик, одежда, жилища и верования различных народов, от финнов до монголов. Большое значение имели материалы по повседневной и духовной культуре калмыков [2]. Большое внимание Паллас уделил буддизму у калмыков. В своей работе «Путешествие по разным провинциям Российской империи» он описывает пантеон северного буддизма, церковную иерархию, представления буддистов о строении мира [3].

В ходе экспедиции были собраны много-

численные материалы о минералах уральских гор, растительном и животном мире, богатейший этнографический материал. Всего П.С. Палласом была опубликована 151 работа по зоологии, ботанике, минералогии, геологии, географии, сельскому хозяйству, медицине, этнографии, нумизматике и археологии, языкознанию, не считая описаний путешествий и переводов [4].

Палласа сопровождали двое сотрудников Кунсткамеры - чучельник Павел Шумский и рисовальщик Николай Дмитриев. Практически все материалы, собранные путешественником, предназначались для Кунсткамеры. В настоящее время в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН хранятся всего две небольшие коллекции Палласа. Одна из них находится в фондах Сибири (№ 828), а другая в фондах Зарубежной Азии (№ 741). В начале XX века в составе коллекции № 741 насчитывалось 6 предметов, однако 3 предмета (мантя для богослужения, куртка ламская и юбка ламская) были переданы в 1983 году в Музей религии и атеизма. В настоящее время в коллекции № 741 числятся всего 3 предмета (шапки ламские).

В фондах Зарубежной Азии хранится также коллекция № 719, часть экспонатов из которой может быть отнесена к предметам из собраний Палласа. В этой связи интересна одна

из остановок, совершенных Палласом во время его длительного путешествия.

В августе 1769 года П.С. Паллас посетил Яицкий городок - административный центр яицкого казачества, расположенный в большой излучине, образованной рекой Яик и впадающей в нее речкой Чаган. В Яицком городке проживала вся верхушка яицкого казачества - войсковой атаман, войсковые старшины, два есаула, войсковой дьяк и войсковой писарь. Всего в городке жило пятнадцать тысяч казаков, включая находящихся на службе калмыков [5]. В непосредственной близости от Яицкого городка находились кочевья калмыков, описанные Палласом [6]. В Яицком городке местный атаман предложил ему купить коллекцию буддийской скульптуры. Вот как об этом пишет сам Паллас в рапорте в Академию наук: «В таком же затруднении нахожусь я и сейчас, имея в виду прекрасную коллекцию литых, хорошо позолоченных монгольских и калмыцких идолов, или бурханов, которую продает здешний атаман. Императорская Кунсткамера по этой части еще очень бедна, и потому я отобрал около 25 идолов, те, что лучше всего сохранились и отличаются один от другого. Когда я вернусь из Гурьева, я должен буду принять решение и либо упустить из рук такое превосходное украшение для Кунсткамеры, либо пойти на новый риск, не ведая, как к этому отнесется Императорская Академия наук» [7]. На заседании Конференции 25 сентября 1769 г. было принято решение о закупке 25 калмыцких «идолов» для Кунсткамеры [8]. Из письма Палласа в Академию наук и из протоколов заседаний Конференции Императорской Академии наук следует, что 25 литых позолоченных буддийских статуэток поступили в Кунсткамеру. В 1800 году была издана книга О. Беляева, посвященная истории Кунсткамеры. В ней Беляев пишет про собрание «мунгальских и калмыцких медных вызолоченных, внутри пустых бурханов или идолов, которые куплены в 1770 году за 1030 рублей, и кои как своей редкостью, так и изъяснением знаменитого тибетского богослужения, заслуживают Литература зрителей» [9]. Хранитель Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук Ф.К. Руссов отмечал, что основа буддийских собраний Академии была положена Палласом, который приобрел «ламаистскую» скульптуру у казачьего атамана в Яицком городке [10].

В настоящее время в фондах Зарубежной Азии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН хранится только одна коллекция П.С. Палласа. Это упоминавшаяся выше кол-

лекция № 741, в состав которой входят детали одеяния буддийского монаха. Никаких буддийских изображений в коллекции № 741 не числится.

Можно предположить, что эти экспонаты были переданы в другой музей или были перераспределены по другим коллекциям, а информация о собирателе при этом была утрачена. П.С. Паллас опубликовал несколько изображений купленных им предметов, в «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs» [11] («Путешествие по разным провинциям Российской империи»), «Merkwürdigkeiten der Mordvanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc.» («Достопримечательности мордвинов, казаков, калмыков, киргизов, башкирских и др.») [12], «Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Volkerschaften» («Собрание исторических известий о монгольских народах») [13].

Детальное сравнение опубликованных Палласом изображений с экспонатами из буддийских собраний Кунсткамеры позволяет утверждать, что по крайней мере часть предметов, купленных Палласом в Яицком городке, хранится в МАЭ РАН в составе коллекции № 719. Необходимо отметить, что скульптура из фондов музея сравнивалась с гравюрами XVIII века, однако нам удалось обнаружить особенности постаментов, корон, наличие или отсутствие атрибутов, повреждения, которые дают возможность достаточно точно соотнести эту скульптуру с приобретениями Палласа.

Коллекция № 719 поступила в Музей антропологии и этнографии в 1837 году из Азиатского музея. В описи в графе «местность» указано - «Монголия», в графе «народ» - «монголы». В описи приведена также краткая информация о предметах, которые определены, как буддийская скульптура. Попробуем проследить историю формирования этой коллекции.

В 1818 году президент Императорской Академии наук С.С. Уваров просил министра духовных дел и народного просвещения устроить при Кунсткамере особое отделение для восточных рукописей и предметов под названием «восточный кабинет» и назначить хранителем этого «кабинета» известного востоковеда академика Х.Д. Френа. Френ предложил другое название - «Азиатский музей» [14]. Так началась история «музея в музее». Под Азиатский музей было выделено помещение на первом этаже здания Кунсткамеры. И в него были переданы восточные рукописи, монеты, археологические предметы, а также *коллекция калмыцких предметов культа* [15].

К сожалению, необходимо отметить практически полное отсутствие документации за этот период. Передача экспонатов рассматривалась тогда, как простое перемещение предметов из одного музея при Императорской Академии наук в другой академический музей при том, что оба музея находились в одном здании. Сохранилась опись Азиатского музея на предметы, которые числятся в настоящее время в коллекции № 719. В ней экспонаты обозначены как «мунгальские и калмыцкие бурханы или идолы и другия принадлежащие к их идолослужению вещи» [16]. Информация о дате поступления и о собирателе в ней отсутствует. Описание экспонатов почти слово в слово повторяет описание «бурханов», купленных Палласом, которое приводит О. Беляев. Так, бодхисаттва Авалокитешвара в обеих описях обозначен как божество, называемое «писателями путешественниками Менитопом» [17]. Что это за загадочный Менитоп, автору не известно.

В 30-х годах XIX века начался процесс формирования на базе Императорской Кунсткамеры нового музея, который получил название Музей антропологии и этнографии. В Музей антропологии и этнографии из Азиатского музея стали возвращаться этнографические экспонаты и предметы культа. При этом формировались новые коллекции, о которых было известно только то, что они поступили из Азиатского музея, а информация о собирателях оказалась полностью утраченной. К таким вернувшимся коллекциям относится и коллекция № 719. То, что экспонаты из этой коллекции до Азиатского музея находились именно в Кунсткамере, подтверждают также бирки с номерами Императорской Кунсткамеры, сохранившиеся на некоторых предметах (рис.1).

История собрания буддийской бронзовой скульптуры выглядит так: Паллас в Яицком городке покупает у казачьего атамана «ламаистских бурханов», которые в 1770 году поступают в Императорскую Кунсткамеру, в 1818 году эта скульптура передается в Азиатский музей уже как коллекция калмыцких предметов культа, а в 1837 году дополненная другими экспонатами коллекция передается в Музей антропологии и этнографии, где получает №719.

В настоящее время можно точно определить, как предметы, привезенные Палласом, следующие экспонаты:

1.719-59 Лха-мо. Бронза, позолота. Сино-тибетский стиль. Конец XVII - начало XVIII века (рис.2).

Лха-мо - гневное буддийское женское божество. Лха-мо изображается сидящей на

муле. На гравюре, опубликованной Палласом, у мула отсутствует одно ухо и хвост, а статуэтка расположена на невысоком прямоугольном неорнаментированном постаменте [18]. Этот постамент явно не является оригинальным. Для буддийской скульптуры характерен постамент-реликварий (обычно овальной или подтреугольной формы), орнаментированный по краям лепестками лотоса. Внутри постамента помещались тексты сутр и мантр. Статуэтка № 719-59 также расположена на неоригинальном деревянном лакированном постаменте, который явно был добавлен позднее. У статуэтки, хранящейся в Кунсткамере, так же, как и у мула из книги Палласа, отсутствует одно ухо и хвост. И на гравюре и у статуэтки отсутствуют изображения глаз на крупе мула, которые являются одним из главных атрибутов мула Лха-мо и изображаются практически всегда.

2.719-34 Бодхисаттва Авалокитешвара. Бронза, позолота. Монголия. Начало XVIII века (рис.3).

Скульптура представляет собой изображение одиннадцатиликой, восьмирукой формы бодхисаттвы Авалокитешвары (божества сострадания). Отметим постамент круглой формы, украшенный двойным рядом лепестков лотоса с тройными прожилками. Подобный постамент изображен и на гравюре в книге Палласа [19]. Автору больше не известно ни одной буддийской скульптуры, расположенной на подобном постаменте. Наиболее близкими, но не тождественными, являются постаменты работы выдающегося монгольского скульптора и политического деятеля Дзанабадзара [20]. Благодаря такому уникальному постаменту можно утверждать, что на гравюре изображена статуэтка № 719-34.

3.719-36 Бодхисаттва Манджушри. Медь, позолота, инкрустация бирюзой и кораллами. Непал. XV век (рис.4).

Изображение довольно редкой четырехрукой формы бодхисаттвы. Бодхисаттва Манджушри почитался как божество мудрости, однако его четырехрукая форма почиталась также как божество любви и была особенно популярна в Непале. На гравюре, опубликованной Палласом, отсутствуют два атрибута бодхисаттвы Манджушри - лук и стрела [21]. Функция этих атрибутов аналогична луку и стреле Амура. У статуэтки номер №719-36 из фондов Кунсткамеры также отсутствуют лук и стрела. Короны на скульптуре и на гравюре одного типа, причем необходимо отметить редкость этого типа короны, украшенной по бокам прямыми свисающими лентами.

Автор в данной работе осознано не приводит подробное описание божеств, их поз и атрибутов, поскольку эта информация представляет интерес только для узкого круга специалистов.

Экспонаты, перечисленные ниже, очень похожи на предметы, опубликованные Палласом, однако они не имеют характерных особенностей, позволяющих отождествить их:

4.719-35 Женское божество. Бронза, позолота. Сино-тибетский стиль. Начало XVIII века (рис.5).

Четырехликое, десятирукое женское божество. Более точное определение изображенного персонажа невозможно, так как и на гравюре, и на скульптуре из фондов музея присутствует только один атрибут (ваджра). Остальные атрибуты были утрачены еще в XVIII веке.

5. 719-56 Лама. Бронза, позолота. Тибет. XVII век.

6. 719-67 Ступа. Бронза, позолота. Тибет. XVII век (рис.6).

7.719-58 Гневное божество. Бронза, позолота. Сино-тибетский стиль (?). XVIII век.

8.719-60 Майтрея. Тибет. Конец XVII-начало XVIII века (рис.7).

9.719-4 Лама. Бронза, позолота. Тибет. XVII век (рис.8).

При взгляде на эту скульптуру бросается в глаза необычная шапка с подвернутыми внутрь ушами. На гравюре в книге Палласа монах изображен одетым в такую же необычную шапку.

Сам Паллас определял эти скульптуры как «позолоченные монгольские и калмыцкие идолы», однако только изображение бодхисаттвы Авалокитешвары № 719-34 является работой монгольского мастера. Одна скульптура непальская, четыре - тибетские и три выполнены в сино-тибетском стиле. Ни одной статуэтки, которая может быть определена как калмыцкая работа, в коллекции нет. Все привезенные Палласом предметы если и не уникальны, то довольно редки и представляют несомненную историческую ценность. Палласом было опубликовано большое количество буддийских изображений, однако они достаточно типичны и не обладают особенностями, позволяющими соотнести их со скульптурой из фондов Кунсткамеры. В настоящее время только 9 экспонатов из коллекции № 719 могут быть достаточно точно определены как предметы, приобретенные Палласом.

Самым интригующим вопросом остается вопрос о том, как такое интересное и разно-

родное собрание буддийской бронзовой скульптуры оказалось у атамана Яицкого казачьего войска. Как нам представляется, атаман мог «добыть» эти предметы только у калмыков, проживавших на Яике. Поэтому Паллас называет их калмыцкими «идолами». Необходимо отметить, что у калмыков в XVIII веке бытовали незаурядные и очень дорогие культовые предметы из самых разных уголков буддийского мира.

В 1793-1794 годах Паллас совершил путешествие по южным провинциям Российской империи. В ходе этой экспедиции он посетил центральную Россию, Астрахань, калмыцкие степи, Кавказ, Крым [22].

В фондах Музея антропологии и этнографии хранится европейская гравюра № 719-108/9(6), определенная в описи как европейский рисунок. На самом деле это - иллюстрация к альбому Палласа о его второй экспедиции [23]. На гравюре изображен буддийский алтарь в калмыцком храме.

Гравюры из работ П.С. Палласа являются ценнейшим материалом по культуре калмыков XIII века. Необходимо еще раз отметить вклад выдающегося ученого-путешественника эпохи Екатерины II в становление буддологии в России и в формирование буддийских коллекций Кунсткамеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муравьев В. Дорогами Российских провинций. Путешествия Петра-Симона Палласа. М., 1977. С. 19.
2. Ученые-исследователи Калмыкии (XVII-начало XX вв.). Элиста, 2006. С. 170-172.
3. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям российской империи. СПб., 1809. С. 490-529.
4. Кеппен Ф.П. Ученые труды П.С. Палласа. СПб., 1895. С. 17-49
5. Муравьев В. Указ. соч. С. 39.
6. Паллас П.С. Указ. соч. С.455-490.
7. Научное наследие П.С. Палласа. Письма 1768-1771 гг. СПб., 1993. С.89.
8. Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. СПб., 1899. Т. 2. С. 704-705.
9. Беляев О. Кабинет Петра Великого. Часть II. СПб., 1800. С. 151.
10. Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. Вып. I. СПб., 1900. С. 17.
11. Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.Petersburg, 1773. T.1, ab.10.

12. Pallas P.S. Merkwürdigkeiten der Mordvanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc. Frankfurt und Leipzig. 1773 Tab. VII, Tab. VIII.
13. Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Volkerschaften. SPb., 1801. Pl. IX.
14. Базиянц А. Азиатский музей - Институт востоковедения АН СССР 1818-1968. М., 1969. С. 16-17.
15. Там же. С.18.
16. Описание Азиатского музея. Статья VI. Вложена в опись коллекции № 719 МАЭ РАН (отдел учета МАЭ).
17. Беляев О. Кабинет Петра Великого. Часть II. СПб., 1800. С.152.
18. Pallas P.S. Merkwürdigkeiten der Mordvanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc. Tab. VII, fig.6.
19. Там же. Tab.VII, fig.4.
20. Цултэм Н.О. Искусство Монголии. М.,1982. Рис.21.
21. Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Volkerschaften. SPb., 1801. Pl.IX fig.3.
22. Муравьев В. Указ. Соч. С.88.
23. Second voyage de Pallas, ou voyages entrepris dans les pays méridionaux de l'Empire de Russie. Paris,1811. Pl.8.

ВВЕДЕНИЕ ЗЕМСТВА И ПРОВЕДЕНИЕ ВЫБОРОВ ЗЕМСКИХ ГЛАСНЫХ В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Е.И. Измайлова

Статья посвящена малоизученной проблеме введения земства в Ставропольской губернии и проведения выборов земских гласных.

Ключевые слова: *земство, выборы, Ставропольская губерния.*

The article is devoted to the problem of entering of zemstvo in Stavropol gubernia and conducting elections of zemskikh glasnykh.

Keywords: *zemstvo, elections, Stavropol gubernia.*

Основой местного управления в Ставропольской губернии в XIX - начале XX вв. было крестьянское самоуправление, целиком и полностью зависевшее от местной государственной власти. Интенсивное развитие капиталистических отношений в пореформенное время, решение социальных вопросов требовали изменения структуры местного самоуправления. Это понимало даже дворянство. В последней трети XIX в. оно поднимало вопрос о введении земских учреждений в губернии. Наряду с ними ходатайствовали о введении земства в губернии различные общественные организации. В феврале 1896 г. Ставропольское общество сельского хозяйства предоставило губернатору копию своего ходатайства, направленного в министерство земледелия России, о введении в губернии земских учреждений «на началах, действующих во внутренних российских губерниях». Основной причиной такого обращения в министерство земледелия был кризис, переживаемый в ту пору сельским хозяйством губернии, и, как считали члены общества, этому «горю могло помочь только земство» [1]. Вскоре аналогичное ходатайство было возбуждено Ставропольской городской думой.

Одновременно разработкой вопроса о введении земства в Ставропольской губернии начала заниматься Канцелярия Главноуправляющего на Кавказе. Она просила 31 декабря 1896 г. ставропольского губернатора предоставить ей сведения, необходимые для введения земства в Ставропольской губернии. «Реформа хозяйственного управления в тех губерниях, в которых не действует земское положение, - говорилось в письме, - представляется настоящей необходимостью, потому что действующие в них хозяйственные местные органы, учрежденные в первой

половине текущего столетия и почти не подвергавшиеся изменениям до последнего времени, устарели. Они не только не отвечают большинству предъявленным к ним, как со стороны правительства, так и с точки зрения интересов местного населения требованиям, но и оказываются недостаточными для исполнения тех функций, которые возлагаются на них вновь издающимися законами» [2]. При этом канцелярия просила губернатора уведомить ее, предоставляется ли возможным применить к упомянутой губернии названный закон в полном его объеме или с какими-либо, вызванными местными особенностями, изменениями. Государственный Совет России также поручил разобраться с данной проблемой ставропольскому губернатору, который должен был сделать это до истечения срока действия земских смет с 1896 по 1899 гг. и внести свои предложения для обсуждения в Государственный Совет [3].

В 1896 г. Государственный Совет, рассматривая сметы неземских губерний на трехлетие 1896-1898 гг., поставил вопрос о необходимости преобразования учреждений, ведающих делами о земских повинностях в этих губерниях. Министру внутренних дел было поручено разработать и внести соответствующий законопроект до истечения срока действия земских смет на этот период с 1896 г. на обсуждение Государственного Совета. Для этого министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным был выработан проект закона, основанный на началах применения к некоторым губерниям, в том числе и Ставропольской, Положения о земских учреждениях 1890 г. Это предполагалось сделать с некоторыми изменениями, вызванными местными особенностями. Отправленный на заключение соответствующих ведомств указанный проект вызвал с их сто-

роны ряд возражений, заключавшихся в том, что те отступления от Положения 1890 г., которые предполагались законопроектом, в корне подрывали саму желательность и необходимость введения в губернии земского самоуправления. Из-за возражений ряда министерств и ведомств поручение Государственного Совета осталось невыполненным.

При рассмотрении Государственным Советом земских смет и расходов на 1899-1901 гг. вновь встал вопрос о преобразовании земского хозяйства в неземских губерниях. В частности, Департамент государственной экономики указывал на то, что порядок заведования земскими повинностями в губерниях, где не введены земские учреждения, несостоятелен. Он полагал, что необходимо обратить внимание министерства внутренних дел на решение земской реформы и желательность возможно быстрого исполнения этого поручения. В 1901 г. министром внутренних дел вновь был внесен в Государственный Совет проект о введении земского самоуправления в некоторых неземских губерниях, в том числе и Ставропольской. Однако этот проект также не был реализован.

В марте 1901 г. ставропольский губернатор Н.Е. Никифораки был приглашен в Петербург для участия в заседаниях по вопросу о введении земства в неземских губерниях. В сентябре 1903 г. в Ставрополь состоялось совещание по этому вопросу. В нем участвовал директор канцелярии министерства внутренних дел А.С. Мордвинов, который высказывался за введение земства в губернии на началах, указанных в Положении о земских учреждениях 1890 года. Он предлагал уточнить и изменить некоторые вопросы, которые сводились к ограничению прав губернского земства.

В 1904 г. вопрос о распространении Положения о земских учреждениях на Ставропольскую губернию был поднят Главным управлением по делам местного хозяйства МВД. Обсуждался он и в Государственном Совете. Министр внутренних дел Плеве предлагал в 1904 г. распространить «Положение» 1890 г. на Астраханскую, Ставропольскую и Оренбургскую губернии. Но при этом внести изменения в закон, а именно: перенести центр тяжести земских учреждений на уездное звено, сделав его главным органом земского хозяйства. Общегубернское земство сохранить лишь в той мере, в какой это необходимо для объединения некоторых отраслей земского дела. Но правительство на этот шаг

не пошло и все осталось без изменений.

Надежда на то, что земство будет наконец, на Ставрополье введено, стала казаться реальной в связи с учреждением в период первой русской революции Государственной думы в 1905 году. Депутаты третьей Государственной думы, главным образом, трудовики, кадеты и социалисты, внесли 20 октября 1908 г. законопроект «О введении земства в Ставропольской, Астраханской и Оренбургской губерниях». В нем предлагалось однословные избирательные собрания заменить двусловными по выборам на месте, так как в этих губерниях дворян было мало. Внесено было также предложение не распространять земство на территории кочевых народов.

Со стороны правительства не последовало возражений против выработки соответствующего законопроекта. Внесенный министром внутренних дел законопроект «О применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Астраханской, Ставропольской и Оренбургской» был передан в комиссию Государственной думы по местному самоуправлению. Комиссия, заседавшая 10 ноября 1911 г., решила рассматривать этот законопроект применительно к каждой из трех указанных губерний и передала его в обычные по такому вопросу подкомиссии.

Законопроект, выработанный подкомиссией по введению земства в Ставропольской губернии, рассматривался комиссией по местному самоуправлению Государственной Думы на заседании 29 ноября 1911 года. На нем присутствовали помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства Н.Н. Анциферов, чиновник Главного управления по делам местного хозяйства Г.Д. Буров и чиновник министерства внутренних дел Л.Д. Аксенов.

Комиссией по местному самоуправлению было принято во внимание, что одной из главных отличительных особенностей Ставропольской губернии от староземских является «...наличность в составе ее территории населения, вполне обособленного в отношении как общеадминистративного, так и земско-хозяйственного управления. Таковыми являются территории, отведенные губернией в пользу кочующих калмыков, ногайцев, туркмен и образовавших Туркменское, Ачикулакское приставства и Большедербетовский улус...» [4]. Комиссия пришла к выводу, что не следует распространять действие

Положения о земских учреждениях на земли, находившиеся в пользовании инородцев. Она полагала, что приобщение инородцев к цивилизованной жизни было бы желательно, но сопровождалось бы все это немалыми трудностями. Во-первых, это население еще не было приспособлено к пользованию правами самоуправления. Во-вторых, у него отсутствовали объекты обложения (земли, леса, прочие угодья). В-третьих, на землях кочующих инородцев поуездного устройства не было. Приняв к сведению данные обстоятельства, комиссия решила не распространять действие Положения на Туркменское и Ачикулакское приставства и Большедербетовский улус.

Члены комиссии с самого начала своей работы были убеждены в том, что земство в Ставропольской губернии должно быть введено на основе Положения 1890 г., при этом они стремились как можно меньше изменять его, хотя и признавали крайнее несовершенство этого закона. При введении Положения 1890 г. в Ставропольской губернии депутаты решили ограничиться лишь теми изменениями, которые необходимы были из-за местных особенностей.

Члены комиссии к особенностям Ставрополья отнесли незначительность дворянского и вообще частного землевладения, что неизбежно влекло за собой корректировку избирательного закона применительно к данной губернии. Это обстоятельство послужило для депутатов основанием к учреждению одного избирательного собрания и съезда по отдельным уездам губернии. Большая площадь губернии и отсутствие в ней удобных дорог, соединявших уездные центры, побудили комиссию предложить уездной земской управе ходатайствовать перед губернатором о разделении избирательного собрания на отделения. Большинство членов комиссии было склонно не выделять г. Ставрополь в особую земскую единицу, т.к. это могло оказаться малополезным для самого города и в то же время губительным для уездного земского хозяйства [5].

16 января 1912 г. Государственной Думой был принят законопроект о применении Положения о земских учреждениях 1890 г. к губерниям в редакции комиссии по местному самоуправлению. Во время его обсуждения выявились разногласия в проектах комиссии думы и министра внутренних дел.

Во-первых, по ст. 13 Положения 1890 г., дававшей право губернатору в случае нехватки лиц, имевших ценз для занятия

должностей в управе, разрешать баллотироваться на выборные должности лицам, не имевшим полного имущественного ценза. Против этого выступала финансовая комиссия, мотивируя тем, что такая статья искажает смысл земских учреждений. Об исключении ст. 13 ходатайствовал приглашенный на заседание Думы начальник Главного управления по делам местного хозяйства Н.Н. Анциферов. Его аргументы сводились к следующему: «в основе представительства по Земскому Положению 1890 г. лежит глубоко правильное и мудрое начало. В силу коего земское управление и земское хозяйство вверяется лицам, не только свободно избранным населением, но и таким, которые кровно связаны с интересами данной местности, являясь владельцами имущества и плательщиками земских налогов. Отступать от этого правила нет необходимости». Анциферов привел ст. 119 и 121 земского Положения, дававшие право губернаторам в некоторых случаях назначать лиц на земские должности без ценза. В итоге ст. 13 была принята в редакции комиссии по местному самоуправлению.

Во-вторых, при обсуждении законопроектов о распространении действия Положения 1890 г. на Астраханскую, Ставропольскую и Оренбургскую губернии большие споры вызвал вопрос о земельном цензе для избирателей и росписи числа гласных по уездам.

Государственный Совет 10 февраля 1912 г. постановил передать одобренные Государственной Думой законопроекты о распространении действия Положения о земских учреждениях для предварительного рассмотрения в комиссию по законодательным предложениям.

21 апреля 1912 г. законопроекты о распространении действия Положения 1890 г. на данные губернии рассматривались в последний раз перед тем, как передать их министру внутренних дел и Николаю II. Этим занималась особая согласительная комиссия, состоящая из 7 членов Государственного Совета и 7 депутатов Государственной Думы. Но комиссия не внесла ясности по спорным вопросам.

Закон о введении земских учреждений в Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях был подписан императором 9 июня 1912 г. Они вводились с 1913 г. Согласно этому закону общее руководство по введению земства возлагалось на губернатора, на губернское по земским и городским

делам присутствие и на особые временные уездные комиссии [6]. По ст. 2 Положения временные уездные комиссии возглавляли предводитель дворянства или председатель уездного съезда. В них входили следующие лица: один от земских начальников, уездный исправник, один из податных инспекторов, городской голова или городской староста уездного города и, по приглашению губернатора, один или два местных жителя, владевших в уезде имуществом, дававшим право участвовать в земских выборах. Временные уездные комиссии должны были начать свою работу не позднее 15 января 1913 г. и прекратить ее после образования уездных земских управ.

Сразу после открытия временных уездных комиссий их председатели должны были уведомить ставропольского губернатора о начале своей деятельности. Уже 15 января 1913 г. председателями Медвеженской и Благодаринской комиссий были отправлены отчеты о составе и начале их работы. Временные уездные комиссии при составлении и исправлении избирательных списков руководствовались Положением о земских учреждениях 1890 г., а также Правилами о порядке введения в действие Положения о земских учреждениях в Ставропольской губернии. О проделанной работе уездные комиссии отчитывались перед губернатором.

Для участия в избирательных собраниях по выборам уездных гласных были установлены следующие земельные цензы: в Ставропольском уезде - 320 десятин, в Александровском - 510 десятин, в Благодаринском - 650 десятин, в Медвеженском - 340 десятин, в Святокрестовском - 650 десятин [7].

В избирательные списки вносились крестьяне, владевшие внеадельной землей, приобретенной в составе товариществ, из расчета участка земли, числящегося за каждым из них в отдельности в совершенных на имя товарищества купчих крепостях или иных актах укрепления недвижимости. Но в списки не вносились крестьяне, владевшие внеадельной землей, приобретенной ими в составе сельских обществ.

Согласно ст. 24 настоящего Положения, неполноцензовики, владевшие не менее 1/10 избирательного ценза, определенного для каждого уезда, избирали на съезд путем сложения неполных цензов до полного ценза уполномоченных, которые потом избирали определенное число гласных, установленное для данного уезда.

В ст. 27 Положения о земских учреждениях в Ставропольской губернии говорилось о том, что комиссии, усмотрев ошибки в списках, даже если это были опечатки в фамилиях или отчествах избирателей, не могли исправлять списки, а могли лишь информировать об этом губернатора. Так, в феврале 1913 г. «Губернские ведомости» опубликовали первые списки лиц, имевших право участвовать в выборах гласных.

Через 2 месяца списки были уточнены и установлено окончательное число избирателей. Лиц, имевших земельный ценз или другое недвижимое имущество, оцененное не ниже 15 тыс. рублей, т.е. полноцензовиков, было: в Ставропольском уезде 80 человек, в Александровском - 35 человек, в Благодаринском - 38, в Медвеженском - 41, в Святокрестовском - 31 [8]. Лиц, имевших не менее 1/10 избирательного ценза для участия в съезде по выборам уполномоченных в земское избирательное собрание, было: в Ставропольском уезде - 303 человека, в Александровском - 79, в Благодаринском - 42, в Медвеженском уезде - 69, в Святокрестовском - 105 человек [9].

Окончательные списки избирателей были опубликованы в «Ставропольских губернских ведомостях» и отправлены в Санкт-Петербург.

Имущественный ценз предоставлял избирательные права крайне незначительному числу лиц. Самое малое количество избирателей было в Медвеженском, Благодаринском и Святокрестовском уездах. Там был незначительный процент крупных собственников [10]. Всего же количество лиц, имевших два и более цензов, по губернии составляли: в Ставропольском уезде - 3 человека, в Александровском уезде - 7, в Благодаринском уезде - 9, в Медвеженском уезде - 10 и в Святокрестовском - 7. По десятинам, дававшим право на участие в выборах гласных, самым обеспеченным был Ставропольский уезд, в котором 47 из 80 полноцензовиков имели 2 и более земельного ценза [11].

Министерство внутренних дел уделяло серьезное внимание выборам гласных в губернии. 20 июня 1913 г. в Ставрополе состоялось специальное совещание, посвященное введению земства в Ставропольской губернии. На нем обсуждались наиболее важные вопросы, связанные с процедурой предстоящих выборов.

Губернатор Ставропольской губернии заблаговременно извещал население в «Губернских Ведомостях» о созыве избирательных

собраний. Предполагалось провести первые земские собрания: уездные - не позднее 1 августа 1913 г., губернское - не позднее 15 августа 1913 г. Волостные сходы необходимо было созвать в установленные губернатором сроки, но не позднее 15 июня 1913 года.

В июне было опубликовано распоряжение губернатора о том, что в Ставропольском уезде избирательный съезд для избрания уполномоченных должен состояться 23 июня, собрание для выбора уездных гласных - 2 июля, в г. Ставрополь выборы проходят в Дворянском доме, в остальных уездах в зданиях уездных съездов, в Александровском и Медвеженском уездах соответственно 30 июня и 7 июля; в Благодаринском уезде - 1 и 10 июля; в Святокрестовском - 2 и 12 июня 1913 г. [12].

Накануне выборов губернатор направил циркуляр председателям временных уездных комиссий о сроках проведения и процедуре выборов [13]. Выборы проходили закрытой подачей голосов посредством баллотировки шарами. Избранными в гласные считались получившие наибольшее количество избирательных шаров. Выбранные сверх положенного расписанием числа гласных засчитывались кандидатами. По окончании выборов в течение суток выборное делопроизводство в подлинниках направлялось в уездную комиссию, которая составляла на основании выборных листов списки избранных уполномоченных, а также гласных и кандидатов. Эти списки вместе с выборными листами в течение двух суток направлялись губернатору.

Первые выборы на Ставрополье состоялись 14 июня 1913 г. В тот день Ставропольская городская дума выбрала трех гласных в губернское земское собрание. Ими оказались присяжный поверенный, врач и нотариус [14].

В Ставропольском уезде избирательный съезд для избрания уполномоченных состоялся 23 июня 1913 г. На съезд прибыло 88 избирателей, в самих выборах приняли участие 80 человек, 8 отказались. По количеству полных цензовиков, явившихся на съезд, было избрано 17 уполномоченных [15].

Выборы уполномоченных в земское избирательное собрание в остальных уездах Ставропольской губернии показали следующее. В Благодаринском уезде из 35 неполноцензовиков на избирательный съезд явились 13 человек, которые избрали 3 уполномоченных [16]. В Медвеженском уезде из 63 мелких землевладельцев прибыло 15 человек, вы-

брали также 3 уполномоченных [17]. В Александровском уезде из 79 неполноцензовиков явились 26 человек, которые избрали 7 уполномоченных [18]. В Святокрестовском уезде выборы уполномоченных состоялись 2 июля 1913 года. На съезд явилось 50 человек из 105. Выбрали 14 уполномоченных [19].

После этого состоялись выборы уездных гласных по уездам. Процедура была аналогичной выборам уполномоченных. Первыми прошли выборы в Ставропольском уезде. На них явилось 57 из 94 избирателей, которые избрали 14 гласных и 2 кандидата. В Медвеженском уезде из 44 избирателей на собрание явилось 12 человек [20]. В Александровском избирательном собрании принимало участие 43 человека, выбравших 11 гласных и 2 кандидата [21]. В Благодаринском уезде, где надлежало избрать наименьшее число уездных земских гласных, явилось 20 человек, которые выбрали 8 гласных и 2 кандидата [22]. Последние выборы уездных гласных проходили в Святокрестовском уезде 12 июля 1913 г. На собрание явилось 24 избирателя, которые выбрали 12 гласных и 3 кандидата [23]. Губернатор не нашел нарушений в выборном производстве. Всего было избрано 124 гласных в уездные земские собрания, 69 от сельских обществ и 55 от избирательных собраний [24].

По Положению 1890 г. в гласные избирались по одному представителю от сельских обществ. 16 июня 1913 г. состоялись выборы уездных гласных от сельских обществ [25]. Но явка на выборы была низкой, т. к. в это время шла уборка урожая.

После проведения выборов гласных первостепенной задачей временных уездных комиссий являлась организация первых уездных и губернского земских собраний. Ставропольский губернатор назначил сроки и места проведения таких собраний - с 27 июля по 1 августа должны были состояться первые уездные земские собрания, а 15-19 августа - губернское земское собрание [26]. После избрания уездных гласных в конце июля - начале августа 1913 г. состоялись первые уездные земские собрания. Они решали первоочередные вопросы: выборы уездных земских управ и губернских гласных. На них заранее было обеспечено большинство сторонникам власти не только самой системой выборов, но и участием в заседаниях с правом решающего голоса должностных лиц. Председателем земского собрания непременно был предводитель дворянства или

лицо, назначенное властями. Право решающего голоса на заседаниях имели, помимо гласных, представители духовенства, министерства земледелия и других ведомств. Это во многом определяло состав уездных управ и губернских гласных [27].

Всего в Ставропольское губернское земское собрание был избран 31 гласный, из них 21 цензовик, и только 10 крестьян. Кроме того, в губернском земском собрании имели право решающего голоса председатели уездных земских собраний и управ, представители ведомств, все члены губернской земской управы, не являющиеся губернскими гласными. В итоге право решающего голоса на губернском земском собрании имели в общей сложности 50 человек.

Первое губернское земское собрание работало с 15 по 19 августа 1913 г. Собрание открыл губернатор Б.Я. Янушевич. На нем был решён важнейший вопрос о разграничении полномочий между губернскими и уездными земствами, что было особенно важно в условиях, когда работа земства осуществлялась не на принципах подчинённости, а на основе сотрудничества. У каждого земства был свой независимый бюджет.

Одновременно шла большая работа по формированию аппарата управления и служб земских управ и подготовке к проведению в конце года первых очередных земских собраний, на которых должны были рассматриваться все важнейшие вопросы жизни уездных и губернского земств, перспективы развития уездов губернии и, главное, бюджет на 1914 год.

В Ставропольской губернии крупные землевладельцы оказались в земстве в большинстве. В Ставропольской уездной управе места председателя и большинство членов управы достались крупным цензовикам. Подобная ситуация наблюдалась и в других

уездах. Избранные гласные немедленно приступили к решению социальных вопросов губернии и уездов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сперанский Н. Очерк деятельности Ставропольского губернского распорядительного комитета // Сборник сведений о Северном Кавказе. Под ред. Прозрителева Г.Н. Т. 8. Ставрополь, 1913. С. 1.
2. Там же.
3. Доклад Потулова В.А. (депутата Государственной Думы от Ставропольской губернии) от 5 марта 1911 г. по законопроекту о применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Астраханской, Оренбургской, Ставропольской. Б.М. Б.Г. С. 2.
4. Там же. С. 3.
5. Там же. С. 4.
6. ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 21. Л. 1-7.
7. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.
8. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 10. Л. 178.
9. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 10. Л. 180-183.
10. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 10. Л. 184-186.
11. Ставропольские губернские ведомости, 1 июля 1913, № 31. С. 1.
12. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 15.
13. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 11.
14. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 13.
15. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 18.
16. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 28.
17. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 126.
18. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 137-143.
19. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 144.
20. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 202.
21. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 210-215.
22. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 316-317.
23. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 65. Л. 345.
24. Голубев П. Что такое земство? Ставрополь, 1912. С. 22.
25. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 10. Л. 197.
26. ГАСК. Ф. 1658. Оп. 1. Д. 24. Л. 187.
27. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 300. Л. 107.

ББК 74.58 (2 РОС)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В МАРИЙСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

И.М. Корнилова

В статье рассматриваются изменения в территориальной организации высшего образования в 1941-1945 гг. в Чувашии и Марийской республике.

Ключевые слова: *высшее образование, война, студенты, организация, эвакуация.*

The article deals with the changes in territorial organisation of higher education in 1941-1945 in Chuvashia and Mari Republic.

Keywords: *higher education, war, students, organisation, evacuation.*

Развитие высшей школы в предвоенные годы отличалось исключительной нестабильностью, многочисленными реорганизациями. Естественно, это не могло не отразиться на качестве подготовки специалистов. В этот период в стране отсутствовала четкая концепция и программа развития системы высшего образования. Региональная политика в сфере высшего образования была отражением общенациональной политики, проводимой в стране. Периоды концентрации сменялись периодами разукрупнения, «университетизация» - «профилизацией». В конечном итоге верх одержал курс на развитие ведомственной системы высшего образования. В территориальной организации высшей школы происходили постоянные изменения. Несмотря на высокий уровень централизации управления экономической страны, вузовская региональная политика была направлена на широкое развитие сети высших учебных заведений. Заметно возросло число вузовских городов, повысилась роль в подготовке кадров высшей квалификации новых региональных столиц, средних и больших городов.

Большие изменения в территориальной организации высшего образования произошли в годы Великой Отечественной войны, которая резко осложнила дальнейшее развитие подготовки специалистов. Около 200 вузов находились под угрозой оккупации, 150 - оказались в прифронтовой полосе. В первые два года войны число вузов с 817 сократилось до 460, или в 1,8 раз, а число студентов - более чем в 3 раза [1]. Размещение эвакуированных вузов и организация учебного процесса на новых местах были сопряжены с большими трудностями: нередко вузы эвакуировались на восток без своего лабораторного оборудования. За годы войны пришлось

организовывать работу 60 новых вузов [2].

Педагогическим институтам Поволжья решать проблемы подготовки кадров учителей пришлось в очень сложных условиях. Аудиторный и жилой фонд тыловых стационарных вузов значительно сократился в связи с тем, что полезные площади более 800 вузов и техникумов были переданы военным заводам, воинским частям, госпиталям [3]. Например, эвакуированные в Чувашию 28 заводов и цехов «потеснили» некоторые учебные заведения: учебные корпуса и общежития Чувашского пединститута и кооперативного техникума были переданы электроаппаратному заводу, укомплектованному на базе цехов Харьковского электромеханического завода (ХЭМЗ), и Ленинградскому заводу «Электрик», призванному обеспечить оборонные и хозяйственные нужды страны необходимой электроаппаратурой. В распоряжение этих заводов перешли также недостроенная часть второй очереди учебного корпуса, здания мастерской, трех складских помещений, физкультурный зал. В четырех общежитиях пединститута и Доме научного работника поселились рабочие и был развернут госпиталь [4].

По решению бюро обкома ВКП(б) от 22 октября 1941 года Чувашский пединститут перевели из Чебоксар в Мариинский Посад и разместили в зданиях лесотехникума и Дома социалистической культуры. В связи с этим занятия возобновились с опозданием на 2 месяца - только 3 ноября. Из-за несвоевременного набора и из-за занятости студентов на сельскохозяйственных и других тыловых работах график занятий зачастую не выдерживался. Фактически первый семестр 1941-1942 учебного года завершился 21 февраля, то есть длился он менее двух месяцев. 202 студента 4

курса закончили курс обучения досрочно [5].

Вуз располагал лишь 11 аудиториями, из которых 3 были вместимостью до 100 человек, а остальные - на 30-40 мест. Площадь учебных аудиторий и их количество удовлетворяло потребностям института только наполовину, требовалось хотя бы еще 10 аудиторий. Студентам были предоставлены 3 общежития на 190 мест. Под подсобное хозяйство институт получил 18 га земельной площади. Учебные и жилые помещения освещались от дизельной установки. Институт лишился части учебного и хозяйственного оборудования, а также значительной части своего библиотечного фонда. Отсутствие железной дороги затрудняло связь пединститута с центральными органами и научными учреждениями республики и страны, особенно в зимнее время. Педагогический рабфак, функционировавший при институте, как и все рабфаки, был закрыт. В связи с переводом Алатырского учительского института в Чебоксары и включением его в структуру пединститута пришлось подыскивать учебные и другие помещения и для этого контингента учащихся.

Значительная часть эвакуированных вузов временно вошла в структуру однотипных учебных заведений. Смоленский сельскохозяйственный институт слился с Чувашским, что еще больше обострило проблему обеспечения учебно-материальной базы обновленного вуза. Учебные корпуса и общежитие были переданы эвакуированной текстильной фабрике, а два общежития и парк сельскохозяйственных машин - военному ведомству. В течение 1941-1942 учебного года сельхозинститут менял свою прописку и перевозил свое имущество пять раз. В конце концов, лаборатории были размещены в непригодных помещениях, в частности, ветеринарно-бактериологическая лаборатория и геологическая партия - в бывшем складе кинофикации. Институту предоставили часть классных помещений в средней школе № 3, занятия проводились в 3-ю смену, с 18 часов до 1-2 часов ночи. В аудиториях и подсобных помещениях в зимнее время было очень холодно. Из-за отсутствия электричества использовались керосиновые лампы и свечи, не хватало учебников, бумаги, ручек, карандашей.

В последующие военные годы, в связи с передачей вузу под учебные занятия здания Института усовершенствования учителей, части помещений научно-исследовательского института, корпуса фельдшерско-акушерской школы, возвращения здания педтехникума

и общежитий учебно-материальная база Чувашского сельхозинститута несколько улучшилась. Были дополнительно оборудованы лаборатории, улучшены бытовые условия преподавателей. Но трудности в организации учебного процесса сохранялись на протяжении всей войны.

Учебные и жилые здания Марийского пединститута летом 1941 года были переданы эвакуированному из Ленинграда учебному заведению. Институт же перевели из Йошкар-Олы в Козьмодемьянск. Из-за невозможности перевоза значительная часть учебного оборудования и книжного фонда была оставлена на месте. Так, более половины библиотечного фонда не вывезли из Йошкар-Олы. Учебные кабинеты и библиотека на новом месте были размещены в зданиях эвакуированного в Юрино Козьмодемьянского педучилища, оказавшихся для института тесными и плохо приспособленными. Вместо 26 необходимых институту аудиторий педучилище располагало только 15 [6]. Пришлось приспособлять для учебных целей часть комнат в общежитии, хотя мест в нем тоже не хватало. В таких условиях институт работал на протяжении всей войны, вплоть до эвакуации.

Положение усугублялось острой нехваткой топлива, отсутствием электричества и водопровода. Кабинеты, лаборатории, библиотеки почти не пополнялись новым оборудованием, реактивами, литературой. Уменьшение бюджета института вызвало сокращение штата профессорско-преподавательского состава, учебно-воспитательного, административно-управленческого и обслуживающего персонала, значительное сокращение расходов на хозяйственные нужды. Тяжелым оставалось материально-бытовое положение студентов.

В составе Марийского педагогического института сохранилось два основных учебных подразделения - педагогический институт с 4-летним сроком обучения (для подготовки учителей средней школы) и учительский институт с 2-летним сроком обучения (для подготовки учителей неполной средней школы) [7].

Военная обстановка вызвала существенные изменения в деятельности вузов. В первый год войны многие из них перешли на новые учебные планы с сокращенными сроками обучения. Марийский педагогический институт, как и все педвузы страны, был переведен с 4-летнего на 3-летний срок обучения, но при этом количество учебных часов оставалось почти без изменений. Продление учебного

года, увеличение недельной нагрузки, количества экзаменов с одновременным сокращением общей продолжительности сессий, предполагали исключительную напряженность работы вузов. Кроме того, обстоятельства военного времени потребовали дополнения учебного плана рядом специальных дисциплин. В 1941-1942 учебном году надлежало выпустить 4-е и 3-и курсы. Первым надо было пройти годичное обучение за несколько месяцев, т. е. до конца 1941 года, вторым - в течение одного учебного года овладеть программой 3-го и 4-го курсов и сдать государственные экзамены. Напряженность усугублялась вынужденным изменением учебного графика в связи с эвакуацией института в Козьмодемьянск, широким участием студентов в 1941 году в сельскохозяйственных и других работах. Поэтому в январе - феврале 1942 года ежедневные учебные занятия продолжались с 8 до 17 часов. Зимняя сессия была отодвинута, каникулы сокращены. И во втором полугодии сохранялась перегруженность учебной недели (44-46 часов). С началом 1942-1943 учебного года были восстановлены учебные планы довоенного периода, в соответствии с чем институт вернулся к 4-летнему сроку обучения [8].

В основе всей деятельности педагогических и учительских институтов лежали учебные планы, утвержденные Всесоюзным комитетом по делам высшей школы в 1941 году. На основе этих планов для каждого курса всех факультетов и отделений составлялись учебные планы уже на 1943-1944 учебный год, в которые были внесены дополнения и изменения, вызванные военным положением. Так, например, в учебные планы включались такие дисциплины, как «Методика и организация политпросветительной работы в Красной Армии», «Тактическое действие БОВ и средства защиты от них», «Картоведение с основами топографии», «Военная топография и картография», «Геология в военном деле», «Электросвязь в военном деле», «Оптические приборы в военном деле» [9].

Государство принимало меры к сохранению контингента студентов вузов. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 5 мая 1942 года «О плане приема в вузы в 1942 году и мероприятиях по укреплению высших учебных заведений» облегчались условия для поступления в вузы; освобождались от призыва в армию студенты выпускных курсов; для улучшения питания студентов при вузах организовывались подсобные хозяйства [10].

В последующие годы были приняты новые радикальные меры по укреплению высшей школы. Так, решением Совнаркома ЧАССР и бюро Чувашского обкома ВКП(б) от 22 июля 1942 года Марпосадскому райкому партии и райисполкому поручалось оказывать необходимое содействие в создании нормальных условий для работы пединститута. 7 января 1943 года бюро обкома ВКП(б) вновь рассматривало этот вопрос и указало на необходимость: своевременного ремонта здания учебного корпуса, заготовки дров, организации питания студентов и преподавателей за счет освоения выделенной земельной площади, сокращения отсева студентов, более четкого выполнения учебного плана и т. д. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 10 февраля 1943 года, начиная с 1 марта того же года было организовано снабжение студентов продовольственными и промышленными товарами по нормам, установленным для рабочих промышленных предприятий. 15 сентября 1943 года Советское правительство установило стипендии для успевающих студентов (до этого их получали лишь те, кто учился на «хорошо» и «отлично» и имел при этом не менее 2/3 отличных оценок). 18 сентября того же года бюро обкома приняло решение «О снабжении студентов и научных работников продуктами питания» [11].

В 1944-1945 учебном году произошло дальнейшее улучшение материального обеспечения студентов вузов СССР: были освобождены от платы за обучение инвалиды Отечественной войны, иждивенцы рядового и младшего начальствующего состава Советской Армии, дети погибших офицеров и т. д. В связи с предоставлением льгот, а также благодаря большой разъяснительной работе, например, в 1944-1945 учебном году на дневном отделении Марийского пединститута резко возросло число студентов-мари: их стало в 3 раза больше, чем в 1942-1943 учебном году [12].

Стипендией студенты обеспечивались в полном соответствии с правительственным распоряжением. Большие затруднения институт испытывал в связи с отсутствием студенческого общежития, под которое было приспособлено полуподвальное помещение. Оно ни в коей мере не отвечало своему назначению. Почти полностью отсутствовали койки и постельные принадлежности. Всего для студентов этих двух институтов требовались общежития минимум на 400-500 мест, так как основная масса была из районов. Часть из них

проживала на частных квартирах, занимая порой в них лишь угол, за редким исключением - комнаты, за что институт оплачивал хозяевам по 50-70 рублей в месяц за человека. Все это вело к значительному отсеву студентов, так как для многих из них наличие места в общежитии являлось основным условием для продолжения учебы [13].

Но даже в такой сложной обстановке продолжали предприниматься меры по развитию материально-технической базы вузов, улучшению качества профессорско-преподавательского состава, сохранению контингента студентов. Обращалось внимание и на дополнительное питание студентов за счет обслуживания ими учебно-опытного хозяйства. Во время производственной практики студенты получали заработную плату. 2 августа 1944 года бюро Чувашского обкома партии приняло решение «О ходе подготовки Чувашского сельскохозяйственного института к новому 1944-1945 учебному году», согласно которому был намечен ряд мер по заготовке дров, закупке мебели, сельхозмашин и другого учебного оборудования для института [14].

В связи с военными событиями значительные изменения претерпели профессорско-преподавательские составы вузов Поволжья. Многие из преподавателей встали в ряды защитников Родины и с оружием в руках сражались против ненавистного врага. Из Чувашского пединститута на фронт ушли 42 преподавателя, а из сельскохозяйственного - свыше 20 человек [15]. Обеспечение институтов преподавательскими кадрами стало одной из самых сложных проблем. В конце 1942-1943 учебного года лишь 37 % преподавателей составляли те, кто работал в этих институтах с довоенных лет. Остальные были эвакуированными из западных областей страны, многие из них являлись высококвалифицированными специалистами. В 1941-1942 учебном году в Марийском пединституте работал известный московский профессор-лингвист Р.И. Аванесов, возглавлявший здесь кафедру языкознания. После его отъезда кафедрой успешно руководила также московский ученый, доцент В.Г. Орлова. Эвакуированные преподаватели, работавшие на многих кафедрах института, способствовали повышению качества работы вуза. Ученые степени и звания имели около 40 % преподавателей (а в 1942-1943 учебном году - даже 50 %), в то время как до войны эти показатели составляли около 20 % [16]. Такое положение сохранялось до 1944-1945

годов, когда реэвакуационная волна привела к временному восстановлению довоенных показателей квалификации преподавателей. Те из них, кто работали в институте еще с довоенных лет, составили твердый костяк кадров вуза.

В годы войны, особенно в 1941-1942 учебном году, вузы Чувашии пополнились квалифицированными кадрами, эвакуированными из Москвы, Ленинграда, Риги, Минска, Смоленска, Одессы и других городов. Среди них были профессора: истории - А.И. Лурье (Белорусский университет) и К.В. Кудряшов (Ленинградский университет), физики - В.И. Касаточкин (Московский институт цветных металлов), зоологии - В.А. Дорфман (Московский институт экспериментальной медицины), филологии - П.А. Дудель (Партийные курсы при МГК ВКП(б)), математики - А.С. Турчанинов (Одесский университет); доценты - кандидат педагогических наук Р.М. Михельсон (Рижский пединститут), доценты П.Н. Герасимович, П.Л. Лебедев (Смоленский сельхозинститут), зоолог В.М. Михин (Московский зооветинститут), член-корреспондент АН Белорусской ССР Н.В. Найденов, профессор Г.А. Грабе и другие [17]. Многие из них, вплоть до реэвакуации в 1943-1944 учебном году, заведовали кафедрами, передавая свой богатый опыт учебно-педагогической работы, внесли немалый вклад в развитие высшей школы в Чувашии.

Общение с видными учеными, несомненно, оказало благотворное влияние на весь преподавательский состав. Так, в годы войны защитили кандидатские диссертации преподаватели вузов - филологи И.Н. Сутягин, Ф.М. Тейтельбаум, И.Д. Непомилуев, историк Г.И. Чавка (все - пединститут), математик Н.Д. Гнедин, агроном М.Ф. Петропавловский, химик Ф.В. Бельчев (все - сельхозинститут).

Если в 1941 году в Чувашском пединституте работали 75 преподавателей, из которых 10 человек имели ученые степени и звания, то к концу войны на 14 кафедрах трудились 53 научно-педагогических работника, в том числе 13 кандидатов наук и доцентов, 35 старших преподавателей, 2 преподавателя, 3 ассистента [4, л. 28.]. В Чувашском сельскохозяйственном институте за годы войны число кафедр выросло с 11 до 19, работали 45 преподавателей, из которых 19 имели ученые степени и звания, а к концу войны из 37 преподавателей 1 был профессором и 16 - кандидатами наук [18].

В военные годы на работу в Башкирский

пединститут были приглашены доктор физических наук, профессор В.И. Романов на должность заведующего кафедрой физики, доцент А.М. Степанов - на должность заведующего кафедрой марксизма-ленинизма, доцент, кандидат геологических наук Д.Г. Джигаров и другие. Для преподавания некоторых дисциплин в институт на работу по совместительству приглашались бывшие его работники, перешедшие на военную службу и работавшие в военных училищах г. Уфы (доцент И.И. Стебун, старший преподаватель З.Д. Саливанов и другие) на условиях почасовой оплаты. Штат профессорско-преподавательского состава на 1943-1944 учебный год был утвержден в количестве 88 единиц против 76 в 1942-1943 учебном году. На 1 февраля 1943 года профессорско-преподавательский состав пединститута состоял из 75 человек, из них: профессоров, докторов наук - 2 человека (один из них - совместитель); доцентов, кандидатов наук - 17; доцентов - 5; старших преподавателей - 22; преподавателей и ассистентов - 29 человек. Тем не менее имелись вакантные места на должности преподавателей: политической экономии, истории СССР, русского языка и литературы 18 и 19 веков, методики преподавания немецкого языка, латинского языка и т. д. Положение с преподавательскими кадрами в следующем учебном году стало заметно хуже, так как многие из них уехали в связи с реэвакуацией своих учебных заведений [19].

В годы войны вузы Чувашии обучали студентов по всем специальностям, как и до войны, но в них произошло сокращение сроков обучения, уменьшился контингент учащихся, особенно мужчин, которые были мобилизованы в Красную Армию. В 1941-1942

учебном году из Чувашского пединститута на фронт ушли 88 студентов, из сельхозинститута - около 90. Соответственно возросло число девушек-студенток. Так, в 1943-1944 учебном году в сельхозинституте они составляли 94,1 % от общего контингента обучающихся [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурное строительство в СССР. М., 1956. С. 202.
2. Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 85.
3. Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны / Под ред. Г.Б. Комала. М., 1980. С. 23.
4. Центральный государственный архив Чувашской Республики. Ф. 1335. Оп.6. Д.27. Л.7.
5. ЦГА ЧР. Ф.1512. Оп.3. Д.11. Л.13.
6. ГАРФ. Ф.-Р.8080. Оп.1. Д.1774. Л.2-3.
7. ГАРФ. Ф.-Р.8080. Оп.1. Д.1774. Л.4-5.
8. Там же. Л.14-19.
9. Там же. Л. 8-10.
10. Там же. Л.11.
11. ЦГА ЧР. Ф.1512. Оп.3. Д.11. Л.7.
12. ГАРФ. Ф.-Р.8080. Оп.1. Д.1774. Л.45-46.
13. Там же. Л.66-69.
14. ЦГА ЧР. Ф.1512. Оп.3. Д.11. Л.24.
15. Евлампьев К.Е. 25-летие Чувашского государственного педагогического института. Чебоксары, 1956. С. 5-6.
16. ГАРФ. Ф.-Р. 8080. Оп.1. Д.1774. Л.71-74.
17. ЦГА ЧР. Ф. 1335. Оп.6. Д.27. Л.1.
18. Павлов П.П. Развитие высшего и среднего образования в Чувашии в период восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития социалистического общества. Чебоксары, 1970. С. 178.
19. ГАРФ. Ф.-Р.8080. Оп.1. Д.1774. Л.4-9.
20. ЦГА ЧР. Ф.1512. Оп.3. Д.11. Л.30.

РЕАЛИИ И МИФЫ В ИСТОРИИ ВОЕННОГО ПЕРИОДА КАЛМЫЦКОЙ АССР

К.Н. Максимов

Написанная с привлечением новых исторических источников данная статья освещает некоторые малоизученные вопросы истории Калмыцкой АССР военного периода, вызывающие до сих пор ошибочные суждения отдельных отечественных ученых и публицистов. В ней рассматривается болезненная проблема коллаборационизма, в том числе его предпосылки, причины и проявления на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны, говорится о большом, но всё еще по достоинству не оцененном вкладе воинов-калмыков и трудящихся Камлыкии в общее дело победы над врагом.

Ключевые слова: *общество, репрессии, война, фашизм, подразделение, формирование, корпус, мобилизация, коллаборационизм, белая эмиграция, изгнание, восстановление.*

This article based on new historical sources deals with little studied problems of the history of Kalmykia in the war period. Some scholars gave a wrong interpretation of problem of collaboration including its origin and realization on the territory of Kalmykia in the Patriot war.

Keywords: *society, repressions, war, fashism, formation, corpus, mobilization, occupation, white emigration, excide, restoration.*

История военного времени отдельных народов России, подвергшихся в годы Великой Отечественной войны тотальной репрессии с тяжелейшими последствиями, уже как полвека вызывает различные интерпретации и неоднозначные мнения. Некоторые историки по-прежнему склонны рассматривать их в соответствии с клише – «народы - предатели», сложившимся в свое время в литературе благодаря идеологии тоталитарного режима. Со второй половины 1950-х годов к изучению проблемы депортации народов в годы войны начали обозначаться объективные подходы, позволившие прийти к выводам и оценкам, объясняющим её как произвол властей и результат репрессивной сущности диктаторского государства. Казалось бы, что в этом вопросе уже имеется достаточная ясность, раскрытая в документах высших партийных, государственных органов (середина 1950-х, 1960-х, вторая половина 1980-х, начало 1990-х гг.), Конституционного суда, а также доказанная в научной исторической литературе, основанной на ранее засекреченных исторических источниках. Но, тем не менее, некоторые современные исследователи, публицисты стали на путь сознательного (или не осознанного) искажения истории отдельных народов военного периода, рассматривая её в отрыве от общей истории страны, выпячивая лишь негативные факты, которые имелись не только у депортированных этносов. При этом они проявляют крайнюю небрежность, граничащую с научной недобросовестностью, оперируя сомнительными сведениями, а также коли-

чественными данными. Это, на мой взгляд, не что иное, как противопоставление друг другу истории разных народов России с целью сеять раздор, вражду между ними. Данный прием с целью противопоставления Украины и России активно сейчас используется националистически настроенными украинскими учеными, политиками при изучении голода 1933 г., охватившего многие регионы СССР, в том числе и Нижне-Волжский край, Калмыкию.

Данная статья представляет собой попытку осветить с привлечением новых исторических источников недостаточно изученные вопросы истории Калмыцкой АССР военного периода, вызывающие до сих пор неоднозначные суждения. Если в советской историографии доминировала мысль только о ратных и трудовых подвигах советского народа, то в современных работах некоторых историков и публицистов заметное распространение получают противоположные взгляды, когда путем выборочного подбора явно преувеличенных, а порою даже мифических фактов принижается вклад некоторых народов в победу над фашистской Германией, неоправданно большое внимание уделяется имевшимся место отдельным фактам их сотрудничества с врагом. При этом «не замечая» проявления таких социальных феноменов в советском обществе в годы Великой Отечественной войны, как дезертирство, бандитизм, коллаборационизм. Все это позволяет говорить о том, что их подходы к изучению указанных сложных социальных проблем и их оценке по отношению к некоторым народам не совсем

объективны, предвзяты и не научны. К примеру, в недавно изданном фундаментальном труде – энциклопедии «Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943» (Волгоград, 2007) помещена статья под названием «Калмыцкие формирования вермахта», вызывающая недоумение и множество вопросов. В статье речь идет о так называемом «калмыцком кавалерийском корпусе» или «калмыцком легионе», хотя в немецких документах, литературе (в некоторых работах и отечественных историков) он назывался и называется всего лишь «подразделением» – «фербанд». В «Военном энциклопедическом словаре» (М., 2002) на странице 1170 написано: «К подразделениям относятся: батальон, дивизион, рота ...». А что касается «воинского формирования», то в этом же словаре (страницы 337, 1414) сказано: «... воинская часть («соединение», которое «состоит из нескольких частей или соединений меньшего состава, обычно различных родов войск (сил) ...». Официально ныне общеизвестно, что на стороне фашистов в числе военных частей (формирований) многих народов СССР находился и «калмыцкий легион» батальонного звена, организованный немцами в начале 1943 г., с неоднородным национальным составом, численностью не более 2 тыс. человек [1]. Поэтому не совсем понятно, почему в энциклопедии статья так надуманно и тенденциозно названа – «Калмыцкие формирования»?

Если говорить в целом о данной статье в энциклопедии, то она изложена на основании книг С.И. Дробязко «Вторая мировая война 1939-1945. Восточные легионы и казачьи части в вермахте» (М., 1999) и С. Чуева «Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха» (М., 2004). Страницы о Калмыкии в них написаны на основе данных из работы немецкого историка И. Хоффманна «Немцы и калмыки» (Фрайбург, 1974). Последний, как известно, свою книгу написал, опираясь на докладные немецкого разведчика зондерфюрера Отто Верба (псевдоним «Доктор Долль») в Абвер и на полевые материалы, полученные в результате интервью у отдельных лиц, служивших в калмыцком подразделении в качестве офицеров, а впоследствии проживавших в эмиграции. Эти источники субъективного характера автором не были подвергнуты источниковедческой критике (недостатки его работы с историческими источниками отмечают немецкие и отечественные историки [2]). Тем более, что Отто Верба из карьерных соображений и, стремясь получить звание генерала, в своих докладных явно преувеличивал численность и значение кал-

мыцкого подразделения, а также свои заслуги в командовании им. Но, видимо, поняв в дальнейшем, что карьеры у него не получится, он, воспользовавшись суматохой после разгромного поражения в июне-июле 1944 г. под Люблином немецких военных частей, в составе которых находилось калмыцкое подразделение, тайно от Абвера покинул этот легион, и после войны под вымышленной фамилией спокойно жил и работал в восточной зоне Германии. Ещё одним фактором, сыгравшим немаловажную роль в его дезертирстве, явился, по всей вероятности, провал в степях Калмыкии летом 1944 г. авантюрной операции Абвера «Римская цифра два» (с советской стороны - радиоигра под кодовым названием «Арийцы»), организованной не без его участия в то время, когда калмыки уже более полугодом находились в ссылке [3]. Его авантюризм заключался также в обещании Абверу перебросить в калмыцкие степи какие-то мифические 36 эскадронов, тогда как в громко именуемом «калмыцком корпусе доктора Долля» к июлю 1944 г. находилось не более 20 эскадронов (под Люблином потерявшим убитыми свыше 500 человек), т.е. фактически не было и 20.

Существенная неточность допущена в энциклопедии «Сталинградская битва» относительно того, что «калмыки первыми из всех восточных союзников Германии официально получили признание, и немцы придали калмыцким формированиям статус союзной армии» (с. 180). Официально по публикациям, документам известно, что так называемого статуса «союзнического войска» для остатка разбитого легиона (одно подразделение и не больше полка) пытался добиться один из лидеров калмыцкой белой эмиграции Ш. Балинов, но лишь войдя в состав Комитета освобождения народов России, организованного в ноябре 1944 г. генералом А. Власовым, и подписав его манифест вместе с представителями 15 народов России. До этого времени, то есть до исчезновения О. Долля и вхождения Ш. Балинова во власовский комитет, калмыцкий легион, как не имевший руководящей политической организации в лице Калмыцкого национального комитета, не рассматривался в качестве союзника Гитлера. Только на завершающем этапе войны «восточные подразделения», как правильно отмечает С.И. Дробязко, были выведены из состава германских вооруженных сил в автономную структуру – Вооруженные силы Комитета освобождения народов России. Тем самым калмыцкое подразделение никогда не было самостоятельным союзником фашистов.

Об этом подтверждает имеющееся письмо известного германского генерала Фон Паннвица, написанное 9 мая 1945 года Верховному командованию британскими войсками. Он писал, что «...калмыки не являются союзниками немцев, за исключением того, что они вместе с казаками боролись с большевизмом» [4].

Имеющиеся сведения в энциклопедии о том, что на участке советской 51-й армии было зафиксировано «628 случаев задержания калмыками советских разведчиков» вызывают большие сомнения. Дело в том, что части 51-й армии распространяли свои действия на территории лишь двух улусов – Малодербетовского и Сарпинского, частично Кетченеровского улуса, где дислоцировались только части 1, 4 и 5-й румынских пехотных дивизий 6-го армейского корпуса. В этих улусах в сентябре 1942 г. оккупанты стали формировать из местного населения небольшие конные полицейские отряды якобы для охраны своих населенных пунктов, и постепенно вовлекать их в борьбу с советскими разведотрядами, активизировавшими свою деятельность в период подготовки (сентябрь 1942 г.) к боевым действиям 51-й армии по созданию плацдармов для контрнаступления, а также после (с 25 сентября по 4 октября) успешного выполнения этой операции (в результате были почти разгромлены 1 и 4 румынские пехотные дивизии) вплоть до 20 ноября 1942 г. [5]. Тогда получается, что, если принять на веру данные автора статьи в энциклопедии, имели место до 10 случаев задержания советских разведчиков в день на небольшом участке. Да, вряд ли, такое огромное количество засылок разведчиков в течение двух месяцев части 51-й армии смогли осуществить. Кроме того, с точки зрения военной целесообразности, разгромив почти две дивизии из трех, следовало ли 51-й армии ежедневно засылать в два улуса до 10 раз разведчиков, это вызывает большие сомнения.

Если говорить о разведотрядах, подготовленных в Астраханской спецшколе и действовавших во всех оккупированных улусах Калмыкии, то общая их численность составляла 540 человек (из них 40 % калмыков). Большинство их осталось в живых, не попало в плен, а погибшие – это павшие в бою.

Никто из авторов, пишущих о Калмыкии времен войны, за исключением О.В. Романько, почему-то не упоминает о туркестанском и кавказском легионах, прибывших в августе 1942 г. в составе немецкой 16-й мотодивизии (командир – генерал-лейтенант Зигфрид Хейнрици), которая вела боевые действия на территории

Калмыцкой АССР в астраханском направлении. Только в туркестанском легионе было три батальона (№№ 450, 782 и 811) в количестве 2654 солдат и офицеров (казахи, киргизы, узбеки, таджики, туркмены, каракалпаки), из которых в этих боях погибли около 400 и пропали без вести почти 1000 человек [6], то есть, видимо, разбежались по степи. Бойцов туркестанского легиона советские воинские части и их разведки в своих донесениях по инстанции нередко путали с калмыками (правда, иногда они, опровергая, писали, что в действительности это были туркестанцы, а не калмыки [7]).

Считаю, что нет надобности анализировать всю имеющуюся литературу, в которой данные и утверждения немецкого историка И. Хоффманна о калмыцком подразделении в вермахте перетаскиваются многими авторами без научной критики из одного произведения в другое. Для иллюстрации отмечу лишь статью Н.М. Романичева «Сотрудничество с врагом», опубликованную в коллективной монографии [8], где на странице 155, со ссылкой на книгу И. Хоффманна, написано, что «помимо названных батальонов в 1942 г. в зоне действий группы армий «А» был создан калмыцкий кавалерийский корпус, который насчитывал до 5 тыс. человек». Кстати, в немецких войсках иностранный кавалерийский корпус насчитывал до 2 - 3-х дивизий, а 15-й Казачий кавалерийский корпус – 2 кавдивизии. Немецкий 1-й кавалерийский корпус состоял из 5 дивизий, в том числе танковая, танково-гренадерская, 14-я гренадерская (украинская № 1), 2 кавдивизии, и армейской группы.

Следует отметить, что, во-первых, в 1942 году территория Калмыцкой АССР после оккупации находилась в зоне действия группы армий «Б» (командующий – генерал-полковник Вейхс, который с инспекторской проверкой прилетал в п. Утту, т.е. в зону боевых действий 16-й мотодивизии), во-вторых, так называемый калмыцкий кавалерийский корпус (немецкий историк Б. Миллер-Гиллебранд более точно называет его – «восточное подразделение» батальонного звена) формировался в начале 1943 г. уже после отступления немцев из республики на территории Орджоникидзевского края и насчитывал не более 2-х тыс. человек. В конце же 1942 г. оккупанты собрали только два эскадрона (1 и 2/66) численностью до 200-250 человек (это подтверждает и историк С.И. Дробязко [9]).

Все же эта сложная тема коллаборационизма, проявившегося в годы Великой Отечественной войны в форме бытового, ад-

министративного, экономического вплоть до военно-политического сотрудничества с врагом, требует выявления истинных причин и истоков, его вызвавших. Это необходимо выяснить не для оправдания предательства отдельной части народа, а для снятия ложно предъявленных обвинений в сотрудничестве с фашистами всего автохтонного населения ряда национальных областей и республик, которое некоторые историки, публицисты продолжают рассматривать как предателей. Между тем калмыки в Великой Отечественной войне, как и все народы СССР, сражаясь за Отчизну, защищая общий дом, понесли несоизмеримые людские и материальные потери и затраты, внесли сильный вклад в разгром фашистских войск.

Вполне поддерживаю мнение профессора М.И. Семиряги в вопросах об истоках и причинах коллаборационизма части советских граждан. «Коллаборационизм советских граждан, - писал он, - был порожден не столько симпатиями к фашистской идеологии и гитлеровской Германии, сколько теми социально-политическими и национальными условиями в СССР, которые были созданы сталинским режимом ... При этом в поведении части коллаборационистов не исключались, разумеется, честолюбивые и карьеристские мотивы, а также чисто психологические причины: страх перед лютой жестокостью фашистов, стремление защитить и спасти свои семьи, просто выжить в невыносимо тяжелых условиях оккупации. Именно в этом состоит специфика истоков коллаборационизма в Советском Союзе ...» [10].

Накануне Великой Отечественной войны советское общество находилось в непростой ситуации. Фактически, как справедливо отмечает профессор Н.Ф. Бугай, страна погружалась в открытое бифуркационное состояние [11], которое благоприятствовало произрастанию коллаборационизма. Помимо этого, его истоки следует видеть в ещё сохранявшихся социально-политических последствиях братоубийственной гражданской войны как внутри страны, так и за её пределами. Особую подпитку этому феномену дали неудачи советских войск в 1941-1942 гг., оккупация и оккупационный режим фашистов, когда партийные и советские органы потеряли на некоторое время связь с населением оккупированных территорий, чем оперативно воспользовались захватчики, развернув активную идеологическую и пропагандистскую работу.

Говоря о предвоенной обстановке в стране, следует отметить, что после утверждения советской власти в Калмыцкой степи весьма

длительное время не устанавливалось спокойствие. Не успев завершить борьбу с пришлыми и местными бандгруппами, организованными вначале по политическим мотивам, а затем переродившимся в грабительские отряды, карательные органы на местах начали репрессии против бывших нойонов, зайсангов, а также зажиточных крестьян. В трудных условиях восстановления хозяйства и голода на «калмыцких богатеях» почти полностью ложилась основная тяжесть всех экономических налогов. При их сборе чрезвычайные комиссии большей частью использовали принудительные меры, вплоть до ареста, побоев, угроз расстрела, описания имущества и т. п. Репрессивные меры при сборе налогов были узаконены декретом ВЦИК от 9 апреля 1919 г., в котором указывалось, что кулаки, уклоняющиеся от уплаты налогов, должны предаваться суду и подвергаться суровым мерам наказания.

Одновременно с финансовыми репрессиями стали применять и политические, лишая их избирательных прав, ограничивая свободу, привлекая к трудовой повинности. Постепенно центр тяжести налогового пресса смещается и на середняков. В соответствии с декретом ЦИК и СНК СССР и инструкцией ВЦИК и СНК РСФСР от 22 июня 1925 г. «О порядке выселения бывших помещиков и ликвидации их имущественных отношений, изъятия национализированного имущества от бывших помещиков» в Калмыцкой автономной области начали готовиться к выселению бывших нойонов, зайсангов и национализации их имущества.

Согласно постановлению Калмыцкого облисполкома № 73 от 16 октября 1929 г., выселению подверглись 317 семей (198 русско-украинских и 119 калмыцких) бывших нойонов, зайсангов, попечителей царской администрации в улусах, крупные скотоводы, имеющие свыше 200 голов крупного рогатого скота, с конфискацией скота и имущества, продуктов питания, драгоценностей. Репрессии против людей по критериям происхождения, прошлой деятельности, имущественного состояния по существу явились продолжением гражданской войны, в ходе которой советская власть начала насильственными методами расправляться не только с остатками «социально чуждых элементов», но и с заметно экономически окрепшими в годы нэпа крестьянами-единоличниками. Нельзя сказать, что эти репрессивные меры применялись только в Калмыкии. Они, прежде всего, были следствием общей политики советского государства и составной частью начавшейся принудительной коллективизации,

наступления социализма по всему фронту, сопровождавшимися ужесточением режима.

Форсированная индустриализация проходила в трудных экономических условиях, в сложной общественно-политической обстановке. Создавая индустриальную мощь страны за короткие сроки, партия вместе с тем нанесла огромный ущерб обществу. Партийно-государственные органы, считая насилие, принуждение действенными методами руководства обществом, активно их использовали при проведении индустриализации страны. Под жернова репрессий попадали не только допустившие малейшие нарушения технологических процессов, дисциплины труда, но и выявляемые руководством государства «враги народа», «бывшие», «вредители». Такая политика призвана была затушевать, скрыть истинные причины недочетов, ошибок, просчетов власти при осуществлении политики индустриализации.

С осени 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным стало нарастающими темпами форсировать коллективизацию сельского хозяйства. В результате уже к началу января 1930 г. в колхозах страны числилось свыше 20 % крестьянских дворов (в Калмыкии 26 %), к началу марта – более 50 % (в Калмыкии 69,5 %). Коллективизация проводилась административно-репрессивными методами, путем грубого нажима, насилия, угроз. 1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР, в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», утвердили постановление «О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам автономных республик права выселения кулаков из пределов районов сплошной коллективизации сельского хозяйства». Согласно этому декрету кулаки разделялись на три категории: контрреволюционный актив, который подлежал аресту и заключению в концлагеря, а их семьи – выселению в необжитые районы страны; крупные кулаки подвергались депортации вместе с семьями в отдаленные местности СССР, остальная часть кулаков – расселению по специальным поселкам в пределах мест их проживания, но вне колхозных земель.

В тот же день ЦИК и СНК СССР приняли ещё один закон – «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», в дополнение к которому 4 февраля была выпущена

специальная инструкция о проведении операции по репрессированию крестьянства. Под маховик репрессий попадали не только кулаки, но и середняки. В 1930-1931 г. в СССР были раскулачены и отправлены на спецпоселение 381173 семьи общей численностью 1803392 человека, в Нижне-Волжском крае – 30933 семьи (планировалось 28 тыс. семей). В Калмыкии были раскулачены и высланы на Урал и в Казахстан 1618 семей (планировалось 1400 семей) – почти 9 тыс. человек, 234 семьи расселены внутри области [12]. Помимо всего, в число территорий, где в 1933 г. в результате хлебозаготовок, проведенных с помощью репрессивных и принудительных мер, разразился голод, попал и Нижне-Волжский край (его население в 1933 г. по сравнению с предыдущим годом, уменьшилось на 103800 человек), в составе которого находилась Калмыцкая автономная область. В феврале-марте 1933 г. начальник Калмыцкого областного отдела ОГПУ П.И. Кишкин докладывал обкому ВКП(б) и облисполкому: «Размеры продзатруднений принимают все большие масштабы. Увеличивается число смертей от голода и случаи опухания от недоедания. Такие факты имеют место почти повсеместно» [13]. А всего за период с 1929 по 1934 г. в результате массовых репрессий в Калмыцкой автономной области были раскулачены 2726 крестьянских семей (почти 14-15 тыс. человек), из них 2320 выселены за пределы области, 406 зажиточных крестьянских хозяйств разорили и переселили в «спекуляцкие» поселки Калмыкии.

В связи с началом Великой Отечественной войны, подозревая, что с врагом могут сотрудничать бывшие помещики, кулаки, представители иных социальных ранее привилегированных групп, государственные архивы, находившиеся в ведении НКВД СССР, приступили к составлению списков-справочников на «бывших», «раскулаченных» (а также на их детей и внуков) как на «потенциальных врагов народа, предателей». Архивным отделом НКВД Калмыцкой АССР в 1941 г. были подготовлены два списка-справочника: на «бывших» – 302 человека, на раскулаченных, находящихся в трудпоселках – 432 крестьянские семьи. На 1 октября 1941 г. в Калмыцкой АССР на учете в «кулацкой ссылке» состояли 1005 человек (в стране около 1 млн человек), из них 258 мужчин и 353 женщины, 75 подростков от 14 до 16 лет, 319 детей до 14 лет. Все лица, находившиеся в статусе трудпоселенца, согласно указанию Главного управления РККА от 27 февраля 1940 г. «О порядке приписки к призывным участкам трудпереселенческой молодёжи» на военную

службу не призывались. Только с апреля 1942 г. их стали призывать в Красную Армию, а с учета снимать согласно приказу НКВД СССР от 22 октября 1942 г. [14].

В Калмыкии в годы социалистического строительства к большой социальной группе населения, подвергшейся целенаправленному и организованному преследованию, относилось и духовенство. Оно, как и крестьянство, испытало все виды репрессий. Советская власть, уничтожая трудовую часть крестьянства, активно проводила борьбу с религией, которая приравнивалась к классово-политической. В связи с этим особую категорию репрессируемых составили священнослужители всех конфессий. Эту карательную борьбу партия проводила в несколько этапов. С 1922 по 1928 г. под давлением партийно-государственных органов области вынуждены были оставить службу в хурулах 1079 человек, в последующем все они были репрессированы. Из продолживших службу 1528 священнослужителей буддийских храмов к 1938 г. не осталось почти никого, многие из них были осуждены на длительные сроки каторжных работ, приговорены к высшей мере наказания (по СССР в 1937 г. репрессированы 137 тыс. священнослужителей, из них расстреляны свыше 85 тыс.). Репрессии в Калмыкии против духовенства, будь то православные, буддисты или представители других конфессий, продолжались в течение 1920-1940-х годов.

В 1930-е годы народы Калмыкии перенесли огромную трагедию, связанную с «большим террором» в СССР, который начался в республике уже в 1934 г. и продолжался в течение пяти лет, до 1938 г. включительно. Массовые репрессии развернулись прежде всего в сфере национальной политики. Репрессивная политика государства в сфере межнациональных отношений проявилась прежде всего в необоснованном обвинении в национализме правящей, духовной элиты титульной народности – носителей государственности, национального суверенитета, интеллигенции автономных республик и областей, тем самым подрывая, затормаживая их развитие, сея рознь и недоверие между народами страны.

Сотрудники НКВД республики в 1937 г. добились признательных показаний от нескольких партийных и советских работников Калмыкии о существовании якобы контрреволюционной буржуазно-националистической организации ещё с 1920 г. во главе с А. Чапчаевым, А. Амур-Сананом, А. Пюрбеевым, М. Дедеевым и другими, ставившей будто бы

«цель реставрации буржуазного строя, оторвать социалистическую Калмыкию от единой семьи страны Советов и превратить её в колонию империалистов, в первую очередь японо-германских фашистов». По абсурдно предъявленным обвинениям были необоснованно репрессированы только в течение года (май 1937- май 1938) 325 человек, из них 73 ответственных работника партийных и советских органов республиканского и районного масштабов. В 1939 г. по этим мотивам в тюрьмах и заключении находилось 1004 человека (550 мужчин, 454 женщины). Помимо того, в это же время в судебных органах республики в производстве по категории «контрреволюционное вредительство» находились 1455 уголовных дел.

Подверглись репрессиям председатель правительства, второй секретарь обкома ВКП(б), два первых секретаря обкома ВЛКСМ, наркомы, первые секретари улусных парткомов, председатели улусных исполкомов, рядовые колхозники, рабочие совхозов и предприятий. Больше всего (63 человека) пострадали руководители колхозов, совхозов, МТС, крупных предприятий республики.

За годы партийных чисток из Калмыцкой парторганизации были исключены 2049 коммунистов (значительная часть подвергнута репрессии). Расправа с коммунистами проводилась фактически внесудебными органами (парткомиссиями, партколлегиями, партзаседателями, парттройками, органами ОГПУ, НКВД), к исключенным из партии применялись репрессивные меры, вплоть до расстрела, а это были, как правило, наиболее образованные представители местной интеллигенции.

Без преувеличений можно сказать, что к этому времени в результате полной замены кадров, устанавливавших советскую власть, выступавших организаторами социалистической экономики, культуры, в Калмыкии, так же как и во всей стране, произошел «государственный переворот», то есть почти полностью был обновлен партийно-государственный аппарат, руководящие кадры хозяйственных органов. На смену «старым» большевикам пришли молодые «выдвиженцы» сталинской эпохи, представлявшие собой уже продукт социалистической системы – послушные, лишенные инициативы, до поры до времени надежные члены партии, ничем «незапятнанные» в социальном происхождении.

Однако качественный состав руководящих кадров республики от этого не улучшился, а, наоборот, заметно ухудшился. Если судить

по образовательному уровню и по опыту работы делегатов XV областной партконференции (июнь 1938 г.), представлявших элиту республики, то из 179 человек низшее образование имело абсолютное большинство – 145 (81 %), среднее – 23 (12,8 %), высшее – 11 (6,2 %). В основном члены обкома ВКП(б) – это были люди в возрасте чуть старше тридцати лет, ещё не имеющие достаточного образования, опыта партийной и хозяйственной работы [15].

Накануне войны крайне низким качественным уровнем характеризовался и состав секретарей партийных бюро улускомов и первичных партийных организаций республики. В прошедшей перевыборной кампании руководящего состава первичных парторганизаций Калмыкии в апреле 1941 г. впервые были избраны секретарями 134 коммуниста (37 %). Из 362 секретарей партбюро и первичных парторганизаций имели высшее образование – 14, среднее, незаконченное среднее – 62, низшее образование – 286 человек (79 %). Значительная часть секретарей была принята в партию в 1939-1940 гг. – 193 человека (53,3 %), а у 171 секретаря (47,2 %) производственный стаж не превышал двух лет, а то и одного года [16].

Репрессии накануне войны сыграли роковую роль в уничтожении опытных, квалифицированных руководителей, хозяйственников, наиболее подготовленной интеллигенции, грамотных специалистов отраслей народного хозяйства республики. В результате к власти, управлению пришли малообразованные партийные функционеры, не имевшие опыта работы с людьми, недостаточно инициативные и действующие только по инструкции, указанию сверху. Кроме того, в условиях грубого нарушения элементарных прав и свобод граждан, массового террора деформировалось общественное согласие, создалась атмосфера всеобщего напряжения, покорности, подозрительности, недоверия друг другу.

Всеже подавляющая часть советского народа, в том числе и населения Калмыкии, положительно воспринимая социально-экономические изменения в стране, с энтузиазмом и большим напряжением занималась созидательной деятельностью. Во всем происходящем процессе национально-государственного строительства, экономического и культурного подъема почти весь народ Калмыкии видел легитимность советского строя и поступательное развитие общества. Для большинства людей республики их образ жизни, несмотря на огромные недостатки, такие, как нехватка жилья, примитивность быта, неизжитые социальные болезни,

бедность, низкая грамотность, представлялся справедливым достижением новой власти.

Несмотря на сложности социально-политической ситуации в стране, приведшей к раздвоенности в обществе, с началом войны огромную роль сыграли положительное восприятие существующей действительности большинством советских людей, а также целенаправленное формирование цельной идейно-политической концепции в массовом сознании народа (патриотизм, интернационализм, идеи единой семьи народов СССР, «старшего брата», преимущества социалистического строя, борьбы против порабощения, освободительной миссии и т. п.).

Мощным мобилизующим фактором явилось то, что в период войны наряду с усилением командно-административного метода руководства страной резко повысились чувство ответственности и самодисциплина советских людей, понимание ими опасности и угрозы со стороны фашистов. В дни испытаний российский народ продемонстрировал свои лучшие качества, традиции, складывавшиеся в многовековой совместной борьбе с внешними врагами, показал твердость нравственных сил. Наиболее ярко проявились такие их качества, как преданность своей земле, мужество и готовность к самопожертвованию во имя победы над врагом, умение сплотиться и организовать. Роль коммунистической партии заключалась в том, что она, используя всенародный порыв, патриотизм, располагая всеобъемлющей системой пропаганды, всеми рычагами идеологического воздействия, сумела довести до сознания подавляющего большинства населения опасность, предстоящие трудности борьбы, убежденность в справедливости войны, ненависть и презрение к фашистским захватчикам, необходимость напряжения всех сил, веру в победу.

Калмыцкая АССР направила на фронт с начала войны и до временной её оккупации (август 1942 г.) 27866 человек (48,3 % от общего количества мужчин в возрасте от 18 до 55 лет), кавалерийскую дивизию (110-ю, командир – полковник В.П. Панин) в количестве 4642 человек, 4762 лошадей, и 189-й кавалерийский полк (командир – майор С. Беседин), который входил в состав 70-й кавалерийской дивизии, сформированной в первые месяцы войны в г. Ворошиловске (г. Ставрополь). А к декабрю 1943 г. Калмыцкая АССР мобилизовала на войну уже 42 622 человека (75 % от общей численности мужчин в возрасте от 18 до 55 лет), из них 20700 калмыков (73,8 % от числа мужчин-калмыков), 19500 русских (73,9

% от числа мужчин-русских), 2422 человека представителей других национальностей. Всего до середины декабря 1943 г. на фронт были призваны более 27 тыс. калмыков, или 19-20 % от всей их численности в СССР (в РСФСР было призвано 19,24 % россиян, в СССР – 17,8 % от общего числа населения).

К началу войны Калмыкия, заметно увеличив свой экономический потенциал за счет развития полеводства и основной отрасли народного хозяйства – животноводства, оказалась в состоянии в значительных размерах поставлять государству продукты сельскохозяйственного производства, а также лошадей, кожсырье для нужд армии. До частичной оккупации территории она сдала государству свыше 75 тыс. т хлеба, 17131 т мяса, молока – 1779 т, масла – 432 т, брынзы – 321 т, яиц – 1866300 шт., рыбы и рыбной продукции – 32930 т, овощей – 523 т, масличных культур – 1591 т, сена – 18211 т, шерсти – 1846 т, кожсырья – 329001 шт. Помимо этого, колхозы, совхозы, население республики поставили в фонд обороны 20410 лошадей (33 % общего поголовья республики), в том числе 1364 парные с упряжью и с повозками, 685 верблюдов (в январе-марте – 385, к октябрю ещё 300), 159 тыс. голов продуктивного скота, из них 20 тыс. сдало население, а в период эвакуации скота (август – сентябрь 1942 г.) воинские части Южного фронта, 28-й и 51-й армий получили от республики 221,5 тыс. голов скота, 859 грузовых и легковых автомашин, 262 трактора (в основном гусеничных).

К концу 1941 г. предприятия местной промышленности и кооперации республики изготовили и поставили Красной Армии 23700 пар валенок, 3300 полушубков и 1000 фуфаек, а также население – 19000 пар валенок, 3000 полушубков, 6000 фуфаек, 4600 шапок-ушанок, 6,5 тыс. теплых рубашек, 5,5 тыс. кальсон, 12 тыс. пар теплых носков, 7 тыс. пар варежек и другие вещи, послало бойцам Красной Армии 62442 кг подарков (25 т мяса, 3 т сельди и белорыбицы, 2 т колбасы и т. д.) и 8 тыс. индивидуальных посылок.

С наступлением 1942 г. республика, направляя все силы, увеличила поставки фронту. С целью постоянного снабжения армии Совнарком КАССР в марте создал постоянный фонд «Лошадь – Красной Армии», в котором наготове находилось 2226 лошадей, а также аналогичный по степени готовности фонд «Обороне – повозки с упряжью» в количестве 435 типовых повозок с парной упряжью. За первые три месяца 1942 г. жители республики успели собрать и отправить бойцам ещё 4159 пар вале-

нок, 652 полушубка, 3696 шапок-ушанок, 3205 пар шерстяных варежек, 9696 теплых рубашек, 964 меховых жилета, 4162 пары меховых рукавиц, свыше 5 тыс. пар шерстяных носок, 1564 шт. кальсон, 1442 пары шерстяных портянок, 4073 пары летних портянок, 3500 ватных фуфаек, 7789 ватных брюк, 1023 свитера и джемпера, 1002 шерстяных одеяла, 3490 полотенец, 276 тулупов, 75 пар кожаных сапог, 92 шинели, 1458 теплых шарфов, простыни, подушки, наволочки и другие вещи [17].

Важным источником в финансировании возросших военных расходов явились государственные займы, которые начали выпускаться в стране с апреля 1942 г. В республике при плане 24550 тыс. руб. военный заем был реализован на сумму 28115 тыс. руб. (114 %). По итогам размещения второго военного государственного займа среди населения Калмыцкая АССР, перевыполнив задание, заняла третье место в РСФСР. Вклад тружеников Калмыкии в доходную часть бюджета 1943 г. РСФСР в результате подписки на первый и второй военные займы составил 51 млн 600 тыс. руб. [18].

Местные советы Калмыцкой АССР за счет сокращения расходов сэкономили и перевели в 1941 г. в фонд обороны 15 млн 015 тыс. руб., молодежь собрала и сдала на строительство военной техники 5562 тыс. руб. и в начале 1942 г. ещё дополнительно 1100 тыс. руб.

Трудящиеся Калмыкии внесли весомый вклад в сооружение объектов военного назначения. Государственные и партийные органы республики в соответствии с решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 г. приступили к организации строительства отведенного участка на железнодорожной линии Кизляр-Астрахань протяженностью 348 км, имеющей важное стратегическое значение. В сентябре на этой стройке уже работали 6200 человек и 2150 подвод (из других краев и областей участвовали 13800 человек), и к концу того же года они подготовили земляное полотно длиной 280 км (80,5 %) под укладку шпал и рельсов. Несмотря на тяжелые зимние условия, вражеские бомбардировки, строительство железнодорожной линии велось почти круглосуточно. В январе 1942 г. республика направила ещё дополнительно 3300 человек и 880 подвод (всего там уже было 9,5 тыс. человек и 3030 подвод), 5 автомашин марки ЗИС-5 с прицепами, 9 тыс. рублей на приобретение художественной литературы, 4 кинопередвижки, продовольствие, инструменты и т. п. Благодаря общим усилиям строительство важного стратегического объекта было завершено досрочно. 4

августа 1942 г. открылось сквозное движение по линии Кизляр-Астрахань. В тот же день первый состав из 60-тонных цистерн с бензином был переправлен на паромы и направился на Рязанско-Уральскую дорогу для Сталинградского фронта. 7 августа начальник объекта № 8 Наркомата путей сообщения СССР Левин и начальник политотдела Савинов подписали и отослали на имя первых секретарей парткомов Сталинградской области, Калмыцкой АССР, Астраханского и Кизлярского округов, Орджоникидзевского края рапорт коллектива строителей о выполнении задания ГКО и введении 4 августа 1942 г. в 17 час. в эксплуатацию Прикаспийской железнодорожной магистрали Кизляр-Астрахань [19].

После ввода в эксплуатацию этого железнодорожного пути ГКО принял решение о прокладке новой ветки железной дороги – Гурьев-Астрахань (Досанг) и о привлечении к этой стройке Калмыцкой АССР. В соответствии с указанием ГКО Калмыкия направила на подъем полотна новой железной дороги 3000 рабочих и 1000 подвод.

Помимо того, из Калмыкии более 4-х тыс. строителей со своим гужевым транспортом (в основном верблюды) участвовало в сооружении паромного моста через Волгу и в возведении оборонно-укрепительных обводов Астрахани. В начале ноября 1941 г. Калмыцкая АССР по решению ГКО включилась в строительство Донского оборонительного рубежа. 10 тыс. рабочих, колхозников, служащих, студентов республики, пройдя походным маршем 250 км до пункта назначения, к январю 1942 г. выполнили огромный объем земляных работ, вырыв лопатами многокилометровые траншеи глубиной 2,5 м, шириной по верху – 7 м, по дну – 3 м. В результате самоотверженного труда, несмотря на трудности зимнего и военного времени, посланцы Калмыкии успешно справились с правительственным заданием. Военный совет 8-й саперной армии объявил всем участникам оборонительного сооружения благодарность, а наиболее отличившиеся 757 человек были награждены Почетным грамотами Президиума Верховного Совета КАССР, 32 человека представлены к государственным наградам.

В конце сентября 1941 г. ГКО поручил Калмобкому ВКП(б) и СНК КАССР построить на территории республики три оперативные площадки – взлетно-посадочные полосы для боевых самолетов. В течение недельного срока, вдвое меньше установленного, силами пяти отрядов бойцов народного ополчения (5000-6000 человек) удалось построить пять площа-

док и сдать комиссии ВВС для эксплуатации. При каждом временном аэродроме были подготовлены бензоемкости, жилые и подсобные помещения [20].

В связи с начавшейся операцией по окружению 6-й армии Паулюса с осени 1942 г. важное стратегическое значение приобрело строительство оборонительных сооружений и объектов военного назначения на подступах к Сталинградскому фронту с южного и юго-восточного направлений. В первую очередь по заданию Генерального штаба Красной Армии и Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР во второй половине 1942 г. на территории Калмыкии проводились работы по приведению в проезжее состояние дорог на сталинградском, астраханском и ростовском направлениях протяженностью 716 км.

В соответствии с постановлением ГКО № 1412 от 8 марта 1942 г. для подготовки четырех оперативных аэродромов на территории Калмыцкой АССР в помощь 80-му отдельному инженерно-аэродромному батальону выделялись рабочие, автомашины, тракторы, подводы с упряжью, плуги, бороны, инструменты, строительные материалы, бензоемкости, помещения, продукты питания. Кроме того, для поддержания в надлежащем состоянии ранее построенных аэродромов были выделены 280 человек и 80 подвод.

В июле-сентябре 1942 г. по указанию Генштаба и распоряжению заместителя наркома обороны СССР генерал-лейтенанта авиации А.А. Новикова в не оккупированных улусах Калмыцкой АССР, находящихся поближе к Сталинградской области, развернулось строительство более десяти полевых аэродромов со всеми службами обеспечения. На каждом объекте трудились до 300 человек и 100 подвод от колхозов и совхозов республики.

В этой сложной обстановке, когда значительные людские и материальные ресурсы были мобилизованы на фронт, на строительство объектов военного и оборонного значения, когда фашисты летом 1942 г., двигаясь на помощь 6-й армии и в астраханском направлении, стремительно приближались к территории Калмыцкой АССР, началась эвакуация многочисленного скота республики и более 300 тыс. голов скота, эвакуированного из других краев и областей, в строгом соответствии с инструкцией ГКО – начинать эвакуацию имущества и скота при приближении врага на 30 и 70 км соответственно. Несмотря на все эти трудности, хозяйствам республики удалось эвакуировать около 520 тыс. голов скота (крупного рогатого

– 64 тыс., лошадей – 12 тыс., овец – 442 тыс.), и все же пришлось оставить на оккупированной территории почти 714 тыс. голов (крупного рогатого – 11,5 тыс., лошадей – 11 тыс., овец – 675,5 тыс., свиней – 15,5 тыс.), в том числе из индивидуального сектора – почти 150 тыс.

Если бы ни упорные кровопролитные бои, ни стойкость бойцов и командиров сражавшихся соединений на Дону, в том числе и 110-й Калмыцкой кавдивизии, где было приостановлено наступление вражеских войск и выиграно хотя непродолжительное, но драгоценное очень важное в стратегическом отношении время, фашисты вторглись бы на территорию Калмыкии на две недели раньше, т. е. к концу июля 1942 г. В этом случае последствия для Калмыкии оказались бы более катастрофичными, Астрахань и низовье Волги очутились бы в угрожающем положении.

В летних 1942 г. двухнедельных донских сражениях воины 110-й кавдивизии вместе со всеми другими соединениями выполнили боевую задачу, о которой было доложено Верховному главнокомандующему И. Сталину командованием Южного фронта 22 июля 1942 г. в переговоре по прямому проводу с 18 час. до 19 час. 30 мин. Р.Я. Малиновский, докладывая Сталину об общей обстановке на Южном фронте, отметил: «... противник занял Мелиховскую и пытался форсировать реку Дон, но его атаки отбиты. Штаб 37-й армии в Калинин, под прикрытием 110-й кавдивизии, занимающей оборону по Дону от Семикаракорской до Багаевской»[21]. Подвиг бойцов и командиров 110-й кавдивизии был высоко оценен командованием 37-й армии, в составе которой она выполняла поставленную боевую задачу. За ратные подвиги в боях трудной летней кампании 1942 г. на Южном фронте многие её солдаты и офицеры были награждены и представлены к орденам и медалям, а сержант Э.Т. Деликов посмертно удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

По праву можем сказать, что беспримерный ратный подвиг всех воинов, сражавшихся на берегах Дона летом 1942 г., явился существенным вкладом в коренной перелом Великой Отечественной войны под Сталинградом. Оценивая заключительный этап Сталинградского сражения, Маршал Советского Союза А.И. Еременко в своих воспоминаниях писал: «... по незнанию обстановки того времени или иным причинам в нашей печати стремились превозносить конечный результат и значение заключительных этапов того или иного сражения, принижая в связи с этим все то, что им

предшествовало, и чем они в сущности были обусловлены ... В действительности, судьба окруженных была, повторяю, предрешена всем ходом сражения в предыдущие периоды» [22].

После донских сражений, участвуя в тяжелых оборонительных боях на Кавказе в составе Северной группы войск Закавказского фронта, 110-я кавдивизия в июле-сентябре 1942 г. потеряла убитыми и ранеными более 3-х тыс. людей, а из лошадей осталось всего 20 %. В связи с тем, что и 30-я Краснознаменная кавдивизия 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса, в состав которого входила и 110-я кавдивизия, испытывала большой некомплект, Военный совет Северной группы войск Закавказского фронта распоряжением от 28 сентября 1942 г. передал оставшийся личный состав основного ядра 110-й ОККД (дислокация около Моздока) – 1329 бойцов и командиров, а также её вооружение, лошадей на доукомплектование 30-й кавдивизии.

Штаб, командир и службы самой 110-й кавдивизии решением того же Военного совета от 30 сентября с целью сохранения имеющихся боевой опыт органов управления были направлены в Калмыцкую АССР на доформирование. Благодаря энергичным действиям нового командира дивизии полковника В.А. Хомутникова, действовавшего по указанию командующего фронтом генерала армии И.В. Тюленева и члена Военного совета Л.М. Кагановича, и большой помощи республиканских органов власти к концу ноября 1942 г. личный состав дивизии составлял почти 3 тыс. человек.

110-я ОККД в труднейших летней и осенне-зимней кампаниях 1942-1943 гг. прошла с боями более 1,5 тыс. км, освободив сотни населенных пунктов Дагестанской АССР, Орджоникидзевского края (ныне Ставропольского), Калмыцкой АССР и Ростовской области. Она выполняла боевую задачу по обороне и преграждению пути вражеским войскам к железнодорожной линии Кизляр-Астрахань. В оборонительных и наступательных боях она практически дважды обновляла свой личный состав, а также и конский. По неполным данным, в её рядах служили и сражались с фашистами с июля 1942 по январь 1943 г. почти 7,5 тыс. уроженцев Калмыцкой АССР.

В результате стремительного наступления немецких войск в сталинградском направлении в начале августа 1942 г. 5 улусов полностью и три частично Калмыкии, на территории (54 %) которых проживало почти 60 % населения, находилось 63 % сельских советов, 66 % колхозов, 92,3 % совхозов, 82,3 % МТС, 569 про-

мышленных цехов и предприятий (52 %), 92 % посевных площадей, 55,1 % поголовья скота республики, попали под временную оккупацию. Кроме того, не успели эвакуироваться многие ответственные работники партийных и государственных органов, коммунисты, руководители колхозов, совхозов, предприятий, исполкомов местных советов. Калмобком ВКП(б) и СНК КАССР оказались недостаточно подготовленными к эвакуации скота, имущества, людей, к ведению пропагандистской, идеологической работы в условиях оккупации. Тем самым захватчикам была дана возможность, наряду с устрашающими методами давления, активно использовать пропагандистскую и агитационную работу среди населения оккупированных сел и поселков республики.

В составе немецких военных частей, вторгшихся в начале августа 1942 г. на территорию Калмыцкой АССР, находились два полка донских казаков, легион кавказцев и легион туркестанцев. По заключению Калмобкома партии, представленному в ЦК ВКП(б), они в какой-то степени повлияли на морально-психологическую обстановку в республике. Фашисты в первые же дни оккупации, создавая пронацистские структуры управления, развернули активную идеологическую и пропагандистскую работу среди населения, преследуя цель внести раскол и разжечь национальную рознь, подавить моральный дух и ослабить сопротивление захватчикам. На жителей временно захваченных улусов обрушился поток нацистской лжи о скорой победе Германии, об исторической миссии немцев в освобождении от большевизма, о возврате к частной собственности под лозунгом «крестьянскому двору в Калмыкии – не менее 100 овец и 20 коров», о предоставлении свободного самоуправления и т. п. Впоследствии, говоря о размахе и значении немецкой идеологической работы, представитель ЦК ВКП(б) Брюхачев, выступая 25 июня 1943 г. на партийном собрании Сарпинского улуса, признавал, что нацисты «вели свою пропаганду среди нашего народа неплохо» [23].

В национальной политике нацисты, искусно используя принцип «разделяй и властвуй», умело применяли тактику работы с национальностями. Например, в Яшалтинском улусе пропагандистом у немцев оказался местный житель, директор школы М.К. Соломонов, в Западном – бывшая комсомолка П.В. Свиридова, в Кетченеровском – бывший народный судья улуса Ч.О. Манджиев. Заняв часть территории Калмыкии, оккупационные власти

стали открывать церкви, хурулы, привлекать к религиозной службе священнослужителей, пострадавших в годы репрессий, организовали, как и в других оккупированных регионах (например, в Ставрополе печатались две газеты, Пятигорске, Георгиевске и т. д.), издание двух пропагандистских газет – на калмыцком языке «Теегин херд» («Степной орел») и на русском – «Свободная земля» периодичностью три раза в неделю и значительной тиражностью. А Калмыцкий обком партии, наоборот, прекратил издание газеты «Улан хальмг», уменьшил периодичность и тираж газеты «Ленинский путь», на оккупированную часть территории только в ноябре организовал заброс всего несколько номеров газеты «Вести с Родины».

На оккупированной территории штабы германских действующих армейских частей, ликвидировав существующую власть, государственные и партийные органы, советскую законность, создавали местную власть оккупационного режима – военно-полевые комендатуры, формирования местной вспомогательной полиции и гражданской администрации. Наиболее распространенными, оперативно создаваемыми немцами местными органами управления на прифронтовых оккупированных территориях являлись городские, уездные (районные) управы во главе с бургомистрами (или головой), назначаемыми военными комендантами, правления и сельские старосты, подчиненные военной комендатуре. В составе управы создавались отраслевые отделы с постоянными штатами служащих. При формировании местной администрации оккупанты применяли различные способы и методы привлечения населения к сотрудничеству с ними. Нередки были случаи добровольного предложения отдельными советскими гражданами своих услуг врагу (здесь было явное проявление административного коллаборационизма, открытого сотрудничества). На этот путь становились, как правило, недовольные советской властью и не примирившиеся с ней, некоторые обиженные из числа бывших раскулаченных, репрессированных, а также нередко были случаи проявления конформизма, возможно, и с целью карьеры при оккупационном режиме.

Оккупанты, предварительно изучив кандидатуру, а также по рекомендации населения села, поселка могли предложить тому или иному лицу занять пост, должность (причины на согласие сотрудничества были разные – бытовые, т. е. желание обеспечить семью питанием, или же с целью ведения скрытой борьбы с врагом). Преимущественно нацисты принуждали

под страхом смерти идти к ним на службу (в этом случае у человека в основном была психологическая цель – выживание). Поэтому весьма сложно однозначно определять сотрудничество с врагом некоторой части советских граждан именно как проявление коллаборационизма, т. е. как осознанное предательство и измену. Изученные материалы показывают, что на начальном этапе оккупации сотрудничество отдельной части населения Калмыкии, независимо от национальности, носило бытовой и административный характер. Но последний вид чаще всего представлял собой одну из форм коллаборационизма.

В пронацистской структуре управления оккупированных улусов в первую очередь формировалась полицейская служба, выполнявшая в основном задачи принуждения населения к выполнению приказаний немецких военных властей, а также карательные функции. Немцы при формировании городской, улусных управ, сельских правлений, полиций, как правило, в обязательном порядке соблюдали принципы пропорционального соотношения количественного и национального составов жителей населенных пунктов. Элистинская горуправа и её отраслевые отделы, например, в основном были укомплектованы представителями русской и украинской национальности (городской голова, 10 заведующие отделами, санитарный врач, председатели 4-х пригородных колхозов). В качестве руководителя – второго городского головы был назначен калмык. Полицейское управление города Элисты немцы сформировали, по свидетельству приезжавшего в октябре 1942 г. в Калмыкию белоэмигранта Ш. Балинова, в количестве 170 человек, из них 7 калмыков, 163 русских. Численный состав горуправы и полиции Элисты оккупанты формировали, видимо, с учетом официальных сведений о населении города накануне войны – 17128 человек, из них 3494 (20,4 %) калмыка, 13074 (76,33 %) русских [24].

Аналогичное положение, как и в Элисте, по национальному составу в пронацистских структурах управления и полиции наблюдалось в Яшалтинском, Западном, Сарпинском и Малодербетовском улусах. В оккупированных селах Кетченеровского, Черноземельского и Троицкого улусов, где преобладало калмыцкое население, административные и полицейские службы в основном были укомплектованы калмыками. В Приютненском улусе немцы в этих службах сохранили паритетное начало в соответствии с соотношением национального состава, то есть 50 % калмыков и 50 % русских

и украинцев.

Подавляющее большинство жителей оккупированных улусов встретили врага враждебно, стремились всевозможными средствами борьбы нанести ему ущерб, подорвать его мощь и моральный дух, помочь своим войскам. В этом отношении огромную роль сыграли организованные действия разведывательно-диверсионных отрядов, спецконтингент для которых готовился в Астраханской школе № 005 (начальник А.М. Добросердов, представитель Калмыкии). К середине ноября 1942 г. школа подготовила и направила в тыл врага 316 бойцов, которые были сведены в 19 разведывательно-диверсионных отрядов и самостоятельно действующих групп, значительная их часть (12 отрядов в составе 217 человек, из них 85 членов партии, 65 комсомольцев, 124 калмыка) оперировала в оккупированных улусах Калмыцкой АССР, остальные – на территории Ростовской и Сталинградской областей, Орджоникидзевского края. Кроме того, в декабре в эти отряды влились ещё более 200 человек, прошедших спецподготовку. А за период функционирования Астраханской спецшколы № 005 обучение прошли 540 человек, в том числе 247 из Калмыкии.

В финансировании спецшколы принимали доленое участие Совнарком Калмыцкой АССР (240 тыс. руб.), ЦК ВЛКСМ (95 тыс. руб.), Центральный штаб партизанского движения (50 тыс. руб.) и Астраханский окружной исполком (15 тыс. руб.). Вопросы обеспечения партизанских отрядов оружием, боеприпасами, средствами связи, обмундированием решались штабом 28-й армии, а продовольствием, теплой одеждой – в основном правительством Калмыкии. Так, в октябре-ноябре 1942 г. Калмыцкая АССР отправила в спецшколу: 1,5 т муки, 1,2 т мяса, 800 кг рыбы, 300 кг сахара, 600 кг масла, 300 кг колбасы, 2,9 т сухарей, 1,2 т крупы, 100 кг рыбных сухарей, а также 29 полушубков, 336 пар валенок, 63 ватные фуфайки, 76 ватных брюк, 116 шапок-ушанок, 150 м мануфактуры, носки, чулки, портянки, туфли дамские [25].

За небольшой срок действия (октябрь-декабрь 1942 г.) в трудных природных условиях (открытые степи, зимние пронизывающие ветры и т. п.) партизанские отряды и группы нанесли противнику существенный ущерб, уничтожив свыше 300 солдат и офицеров, более 30 полицейских и старост, значительное количество автотранспорта, а также разрушили аэродром, выводили из строя средства связи, дороги, вылавливали вражеских разведчиков, добывали ценные разведывательные данные,

которые передавались наступающим частям Красной Армии. Немцам для борьбы с ними, усиления охраны объектов и дорог приходилось отвлекать значительные силы.

В Калмыкии сопротивление врагу в различных формах оказывала и часть населения. Жители населенных пунктов, чабаны, пастухи на стоянках, где проходили народные мстители, их связные, всегда оказывали всяческую помощь: снабжали продовольствием, информировали о противнике, в необходимых случаях укрывали, лечили и т. п. Активную борьбу против оккупантов вели многие жители Яшалтинского улуса. Особенно стала разворачиваться борьба населения Калмыкии в различных формах против захватчиков, когда нацисты начали зверствовать, угонять людей в рабство в Германию, отбирать скот, имущество. Сам факт развернувшегося партизанского движения, бесстрашная борьба народных мстителей с оккупантами имели колоссальное моральное, идеологическое значение в подъеме духа, настроения населения республики.

В первые месяцы войны не сумевшие пробиться из окружения к линии фронта или бежавшие из плена отдельные военнослужащие, а также большие группы воинских частей, соединений вступали в партизанские отряды, в их числе были и уроженцы Калмыкии. В октябре 1941 г. попав в окружение 11-й немецкой армии на Ишуньском перешейке в Крыму, части 48-й кавалерийской дивизии во главе с командиром дивизии Д.И. Аверкиным, командиром полка Б.Б. Городовиковым (в последующем командир дивизии, генерал-лейтенант, Герой Советского Союза) присоединились к крымским партизанам.

Многие бойцы и командиры Красной Армии – уроженцы Калмыкии продолжали сражаться в рядах в составе крупных партизанских соединений в Белоруссии, на Украине, в Брянской, Смоленской областях, а также во Франции, Югославии. Широко известны имена Героя Советского Союза М.А. Сельгикова, воевавшего на территории Брянской области, старшего политрука И.И. Шарапова, комиссара батальона партизанского полка имени С. Лазо Смоленской области, награжденного орденами Красного Знамени и Красной Звезды, командира роты 15-го партизанского полка Могилевского партизанского соединения М.В. Хонинова, награжденного многими орденами и медалями, и других. Только в партизанских отрядах Югославии сражались более 20 калмыков, бежавших из фашистского плена.

С начавшимся 20 ноября 1942 г. общим

наступлением войск Сталинградского фронта части 28-й армии, в составе которых служили многие уроженцы республики, перешли в наступление в Калмыцкой степи против 16-й мотодивизии. При отступлении фашисты широко применили тактику «выжженной земли», составной её частью являлся и массовый угон советских граждан с оккупированной территории.

В связи с полным окружением 6-й армии Паулюса, окончательным разгромом 4-й румынской армии и практической потерей боеспособности 57-го танкового корпуса была предпринята судьба и армейской группы Гота. 16-я мотодивизия, оказавшаяся изолированной в Калмыцкой степи и готовясь к отступлению, стала предпринимать меры к пополнению своих вспомогательных сил путем принудительной мобилизации мужчин, юношей Калмыкии, подчинения себе двух кавалерийских эскадронов. В целях обеспечения дивизии продовольствием её снабженческие службы с помощью полицейских подготовили к угону огромное количество скота. В качестве сопровождающих табунов, отар и стад, обозов в принудительном порядке были мобилизованы пастухи, чабаны, подпаски, табунщики, конюхи, доярки, мастеровые – кузнецы, слесари, плотники и т. д. Только из Джедженкиновского сельского совета Приютненского улуса гитлеровцы при отступлении насильно под угрозой расстрела угнали с собой 30 колхозников и рабочих МТС. А всего 16-я мотодивизия прихватила с собой из Калмыкии в принудительном порядке около 2,5 тыс. человек, и добровольно последовали за гитлеровцами ещё около 1 тыс. человек, служивших в нацистских структурах управления, полиции, в двух эскадронах.

Командование немецкой 16-й дивизии пыталось угнать с собой и гражданских лиц из оккупированных сел и деревень. Но они советскими войсками были перехвачены в пути и на подходе к Манычу возвращены домой. Так, немцы при отступлении из Приютненского улуса погнали за собой 308 мужчин, из них по пути сбежали и вернулись 115 человек, из Черноземельского улуса угнали и довели почти до с. Дивного около 300 человек. В районе Тахты и Сальска бойцам 110-й Отдельной калмыцкой кавдивизии удалось отбить у врага почти 500 калмыков.

Однако советская власть причислила всех насильственно угнанных вместе с добровольно бежавшими с немцами к изменникам родины с соответствующими для них самих, их родных и близких последствиями, хотя не было никаких оснований зачислять их в предатели.

Они оказались на вспомогательной службе у немцев не по собственной воле, а в результате насилия, под угрозой смерти. Даже те люди (мужчины и женщины), которые сбежали от немцев и вернулись домой, будучи отбитые у 16-й мотодивизии, были обвинены в «попытке бежать с немцами» и строго наказаны по законам военного времени.

Последовавших граждан Калмыцкой АССР за отступавшей 16-й мотодивизией можно разделить на две группы: насильственно привлеченные к вспомогательным службам; добровольно вставшие на путь измены (сознательно поступившие на службу к оккупантам, а также в силу различных обстоятельств вынужденные пойти на сотрудничество, а затем побоявшиеся возмездия). В условиях военного времени, к тому же при тоталитарном режиме, конечно, никто не занимался выяснением этих причин, все они огульно причислялись к изменникам родины. Хотя, как в последующем стало известно, в числе 2674858 освобожденных в мае 1945 г. советских граждан, выживших в германском рабстве, находилось 2243 (0,85 % общей численности освобожденных) калмыка, из них 1166 мужчин, 972 женщины, 105 детей до 16 лет [26], насильственно угнанных немцами в период оккупации и отступления.

16-я мотодивизия, значительно потеряв живой силы в боях в Калмыцкой степи, при отступлении начала пополнять вспомогательные части (туркестанские, кавказские легионы) за счет бежавших с ними полицейских, старост и служивших граждан в пронацистских структурах управления временно оккупированных населенных пунктов Калмыкии. Отступив из Калмыцкой АССР, доктор Долль в середине января 1943 г. на территории Орджоникидзевского края (ныне Ставропольского) сформировал из всех боеспособных мужчин – калмыков, русских и др., добровольно и принудительно следовавших за фашистами, дополнительно к двум эскадронам ещё четыре. Наспех образованное подразделение в составе шести эскадронов немцы «в пропагандистских и провокационных целях» (по признанию бывших эскадронников) назвали «Калмыцким кавалерийским корпусом» во главе с зондерфюрером Доллем. Говоря о национальном составе этих эскадронов, следует согласиться с А. Некричем о том, что «после ухода из Калмыкии в корпус влились разнородные, враждебные советской власти элементы и они не обязательно были калмыками» [27].

Это калмыцкое подразделение сразу же было передано из 16-й мотодивизии в состав

444-й дивизии 24-го танкового корпуса, выполнявшей в районе Таганрога и Новопетровска задачи по охране тыла немецкой крымской группы, и к маю 1943 г. его численность за счет сбора военнопленных калмыков, служивших в восточных частях, достигла уже почти 2200 человек [28]. В конце того же месяца так называемый Калмыцкий кавалерийский корпус (С.И. Дробязко на основании немецких документов правильно именуется как калмыцкий кавалерийский полк доктора Долля [29]) был передан в распоряжение командующего тыловым районом группы армий «Юг» генерал-лейтенанта Шартова и переброшен в Днепропетровскую область для осуществления охраны коммуникаций, путей сообщения в зоне действия 6-й армии генерал-полковника Холлидта. Несмотря на желание преувеличить роль этого калмыцкого подразделения, доктор Долль вынужден был признать в отчете абверу, что оно не участвовало в военных операциях против партизан, частей Красной Армии, за исключением мелких стычек с небольшими группами партизан (подрывниками) во время патрулирования на железной дороге [30].

20 июля 1943 г. в Днепропетровске генерал Шартов с участием Долля и другими офицерами провел совещание, обсудившее вопрос о дальнейшем использовании калмыцкого подразделения. Участники совещания признали, что подразделение, насчитывающее до 3-х тыс. человек, находится в плохом состоянии: не получает денежное и продовольственное довольствие; на 50 % укомплектовано оружием и конским составом; не обмундировано; в нем не хватает офицеров. По общему мнению, было признано нецелесообразным использовать подразделение в боевых действиях, поскольку оно по вооружению, подготовке в значительной степени не соответствовало войсковой боевой единице. Было предложено по-прежнему оставить его на охранной службе под командованием доктора Долля [31].

Немцы, разрешая калмыцкому подразделению, как и другим добровольным восточным частям, использовать в униформах знаки различия, национальные элементы, иметь и вывешивать калмыцкий флаг, закрепляли в сознании его бойцов ложное представление об автономности, особом статусе. Многие воины подразделения, в том числе и калмыцкие командиры, понимая свою обреченность, продолжали играть роли по сценарию зондерфюрера Долля, внушавшего всем им, что они якобы воюют за свою национальную независимость, за свое будущее без большевиков. Однако среди них

были и такие, кто искренне мечтал при удобном случае перейти к советским партизанам и воинским частям, как это произошло в августе 1944 г., когда отряд калмыков, сформированный немцами из числа военнопленных, численностью до ста человек, уничтожил немецкий персонал эскадрона. Оставшиеся в живых 47 человек во главе с командиром И.С. Манцыном перешли к партизанам бригады «Победа» (командир Н.В. Донцов), действовавшей вместе с польскими партизанами. В бригаде И.С. Манцыну было доверено командовать взводом разведчиков, а после его гибели - также калмыку В.Г. Коженбаеву [32].

В 1943 г. калмыцкое подразделение, по-прежнему находясь в составе 444-й охранной дивизии, преимущественно несло караульную службу на немецких коммуникациях на правом берегу Днепра, а также частично использовалось в борьбе против партизан. В феврале 1944 г. так называемый Калмыцкий кавалерийский корпус вместе с отступающими войсками (40-й танковый корпус с приданными 29-м и 4-м армейскими корпусами) генерала Шернера под ударами 3-го Украинского фронта покинули никопольский плацдарм и «днепровские плавни». Вскоре калмыцкое подразделение было переброшено в Венгрию и оттуда в мае 1944 г. в составе 213-й охранной дивизии группы армий «Северная Украина» в Польшу, где в окрестностях Люблино немцы активно привлекли его к борьбе с польскими партизанами. И в это же время в составе Армии Людовой в Польше мужественно сражался против немецких войск эскадрон калмыков [33].

В конце июня 1944 г. под Люблином немецкие военные части, в том числе и так называемый Калмыцкий корпус, в ходе Белорусской операции попали в окружение 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта, и были разгромлены. Вместе с частями немецкой 4-й танковой армии остатки калмыцкого подразделения отступили в местечко Ближин (около польского городка Скаржинско-Каминский), где они были переформированы в подразделение бригадного типа под командованием немецкого подполковника Бергена. Как выше отмечено, в ходе этих военных событий доктор Долль тайно навсегда покинул калмыцкое подразделение, и бесследно исчез провозглашенный Доллем «президент» калмыцкого народа Б. Цуглинов.

Подобная ситуация, в которой оказалось калмыцкое подразделение, явилась долгожданной для калмыцкой белой эмиграции, лелеявшей надежду о политическом подчинении его

Калмыцкому национальному комитету (КНК, председатель Ш. Балинов). Подчинив себе это калмыцкое подразделение, КНК, как имеющий свое «национальное военное формирование», хотел приобрести, хотя формальный, но статус союзника Германии, которая накануне своего краха, потеряв союзников, стала цепляться и за фиктивных.

С началом «власовского» движения (сентябрь 1942 г.) в немецкой пропагандистской кампании и активизировалась в Германии калмыцкая белоэмиграция. В октябре-ноябре 1942 г. с помощью министерства по делам оккупированных восточных территорий была организована и направлена в оккупированную часть Калмыкии делегация белоэмигрантов во главе с Ш. Балиновым. По имеющимся сведениям в литературе, возвращаясь, по всей вероятности, эта делегация посетила на Кавказе штаб-квартиру командующего группой армий «А» фельдмаршала фон Клейста (вступил в командование 23 ноября 1942 г.) и доложила ему о предпринимаемой якобы активной помощи Германии [34].

Вскоре после поездки и отчета о ней в марте 1943 г. калмыцкие белоэмигранты в Берлине под контролем Восточного министерства А. Розенберга и нацистских спецслужб создают Калмыцкий национальный комитет со своим печатным органом – журналом «Хальмэг». А в июле 1943 г. ведомство Й. Геббельса – министерство народного просвещения и пропаганды Германии открыло калмыцкую секцию в структурном подразделении «Винета» восточного отдела (к этому времени в нем уже действовали несколько национальных секций: украинская, белорусская, эстонская, русская и др.), сотрудниками которой стали служащие Калмыцкого отдела Восточного министерства. В КНК, структурных подразделениях министерств пропаганды и по делам оккупированных восточных территорий в связи с ограниченностью активных калмыков и отсутствием социальной базы работали одни и те же лица. Следует отметить, что ни КНК, ни калмыцкий отдел Восточного министерства, ни калмыцкая секция «Винеты» министерства пропаганды не имели никаких организационных связей и социальной опоры даже во временно оккупированных улусах Калмыцкой АССР. Население республики и не подозревало о существовании в Германии каких-то калмыцких организаций, члены которых имитировали бурную деятельность.

Калмыцкий национальный комитет, создав во второй половине 1944 г. военный отдел

и начав издавать газету «Хальмг даач» («Калмыцкий воин»), начал вести активную работу среди военнопленных калмыков, находившихся в фашистских концлагерях, с целью привлечению их в ряды калмыцкого подразделения. Однако, несмотря на то, что к этому времени в фашистских концлагерях находилось почти 5 тыс. солдат, сержантов и офицеров калмыцкой национальности, его старания не дали положительного результата.

В январе 1945 г. соединения немецкой 4-й танковой армии вместе с калмыцкими эскадронами были разбиты советскими войсками. Из их остатков был сформирован в местечке Нойхаммер калмыцкий пехотный полк, который в составе 15-го Казачьего кавалерийского корпуса (командир генерал-лейтенант Г. Панныц) был направлен в Югославию. Цивильная группа калмыцкого подразделения, состоявшая из женщин, детей, инвалидов, с помощью КНК была отделена и отправлена в Баварию. Калмыцкий пехотный полк № 606, пройдя последние месяцы войны вместе с 15-м Казачьим кавкорпусом, сдавшимся 12 мая 1945 г. в плен англичанам, разделил его участь. Англичане, выдав советским военным властям офицерский корпус двух крупных казачьих соединений, с 28 по 31 мая 1945 г. дополнительно им передали 35 тыс. рядовых казаков и членов их семей, в том числе и калмыков.

Основной костяк так называвшегося калмыцкого кавалерийского корпуса, конечно, составляли антисоветски настроенные (вернувшиеся из мест заключения некоторые раскулаченные, репрессированные лица), уголовные элементы, дезертиры из Красной Армии, которые накануне оккупации организовались в мелкие бандгруппы во главе с Г. Чилгировым, Б. Абушиновым, Б. Огдоновым, Ц. Усяловым, А. Савкаевым и др. С приходом немцев они вошли в конные полицейские отряды и открыто стали с ними сотрудничать. На временно оккупированной части страны, по данным НКВД СССР, с июня 1941 г. до конца 1943 г. были ликвидированы 7163 бандитские группы, объединявшие в своих рядах 54130 человек, в том числе около 400 бывших бандитов и на территории Калмыцкой АССР. Однако после отступления немцев на территории республики оставалась и действовала банда Б. Огдонова в количестве свыше 120 человек и другие мелкие группы в составе 3-5 человек (в справке астраханского УНКВД указывалось, что имеются бандитские проявления и со стороны русских, укрывающихся в камышовых зарослях реки Кумы) [35]. К середине 1943 г. все служившие врагу, ушед-

шие при отступлении с ним, находившиеся в бандотрядах были известны органам НКВД, прокуратуры Калмыцкой АССР по фамильно, по улусно, взяты на учет, многие арестованы либо добровольно сдались, а среди тех, кто не сдался, велась активная ликвидация остатков бандитов, дезертиров, прятавшихся в степи.

В связи с поиском виновных в последствиях временной немецкой оккупации, необходимостью активной борьбы с остатками бандитизма, трудной экономической обстановкой в республике сложилась кризисная ситуация в отношениях между руководителями-русскими и руководителями-калмыками, которая серьезно повлияла на судьбу Калмыцкой АССР и её автохтонного населения. Роковую роль в ликвидации республики и депортации калмыцкого народа сыграл секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) П.Ф. Касаткин, докладные записки которого в ЦК ВКП(б) носили характер доноса.

Благо, что шовинистическое настроение верхушки Калмыцкой АССР не дало метастаза на общество республики. Ни о чем не подозревавшие простые люди – русские, калмыки в те трудные дни 1943 г. жили и трудились с одними думами – выстоять, скорее победить врага, спасти общий дом. Сразу же после изгнания оккупантов республика приступила к восстановлению разрушенного народного хозяйства, оказанию всесторонней помощи Красной Армии, мобилизации людских ресурсов на фронт, на выполнение заданий советского правительства, обязательств перед государством. Несмотря на значительное сокращение поголовья скота в результате эвакуации и временного захвата фашистами части территории республики, Калмыкия продолжала оказывать помощь фронту в обеспечении мясом и другими продуктами сельского хозяйства, её население собирало и посылало бойцам теплые вещи, обувь, белье, посылки, сдавало скот в фонд обороны, а также денежные средства в сумме почти 100 млн руб., из них только по Первому и Второму государственным военным займам собрали 51 млн 600 тыс. руб. Подписка населения на общий государственный заем дала в бюджет 1943 г. 22 млн руб., военный налог – почти 10 млн руб., сборы на сооружение военной техники составили в 1943 г. более 15 млн руб. и т. д. Только в 1943 г. И. Сталин прислал пять благодарственных телеграмм труженикам Калмыкии за большую помощь фронту денежными средствами.

Республика, выделив 750 пароконных подвод и 750 человек, оказала помощь в доставке боеприпасов, оставленных на террито-

рии Калмыцкой АССР, наступающим частям 28-й армии. Совнарком КАССР в феврале 1943 г. направил в распоряжение Управления южно-полевого строительства на возведение на Северном Кавказе различных оборонительных сооружений 1000 человек и 25 подвод, обеспечив их продуктами питания, инструментами, лошадьей – фуражом. В это же время в составе 2-го стройучастка Строительства № 8 Наркомата путей сообщения СССР на строительстве железной дороги Кизляр - Астрахань работали 500 человек на 200 подводах. Население Калмыкии не осталось в стороне от участия во всенародной восстановительной работе в г. Сталинграде. По решению правительства республики на строительство зданий предприятий, жилых домов, иных сооружений Сталинграда были мобилизованы 550 человек, имеющие профессии строителей.

Несмотря на трудности военного 1943 г., правительства РСФСР и СССР оказали сильную помощь в подъеме народного хозяйства и культуры, социально-бытовых условий населения Калмыцкой АССР. Сразу же после освобождения всей территории Калмыкии правительство РСФСР 25 января 1943 г. приняло решение выделить колхозам, совхозам республики строительные материалы, а населению лекарства, необходимые медицинские товары и оборудование. В следующем месяце Калмыцкая АССР, в соответствии с постановлением СНК СССР от 5 февраля 1943 г., получила по одному вагону хлопчатобумажных тканей, швейных товаров, трикотажных изделий, кожаной обуви, табачных изделий, спичек, два вагона мыла и 5 цистерн керосина. В начале марта 1943 г., в соответствии с постановлением правительства СССР № 222, Калмыцкая АССР получила 15 млн руб., 6,5 тыс. кубометров лесоматериала, 10 грузовых автомашин, два генератора (мощностью 200 и 100 квт) для Элистинской электростанции [36].

После этих постановлений помощь Калмыкии со стороны центра фактически прекратилась. Калмыцкая АССР не была включена в программный документ по возрождению народного хозяйства регионов, находившихся во временной оккупации – постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Кроме того, затягивалось решение вопроса о возвращении из Казахстана эвакуированного скота, в республике началась засуха с тяжелейшими последствиями. Таким образом, Калмыцкая АССР, исчерпавшая свои матери-

альные и людские ресурсы, для государства уже к середине 1943 г. не представляла интереса. К тому же на восстановление её экономики, социальной инфраструктуры требовались значительные государственные расходы.

С января до середины декабря 1943 г. Калмыкия направила на фронт около 10 тыс. человек, а всего с начала войны, как отмечено выше, – почти 43 тыс., из них 21 тыс. калмыков. К концу 1943 г. многие воевавшие уроженцы Калмыкии были удостоены орденов и медалей (по неполным данным, 466 солдат и сержантов, а также более 400 офицеров, снятые с фронтов имели правительственные награды, вплоть до орденов Ленина, Красного Знамени и т.д.), а пятеро из них, в том числе три калмыка, – Героя Советского Союза. Помимо того, по данным Отдела по учету и регистрации награжденных при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР, 450 калмыков, в том числе и посмертно, в трудных 1941-1942 гг. были награждены орденами Советского Союза [37].

После упразднения Калмыцкой АССР оставшиеся по каким-то обстоятельствам в боевых частях калмыки (по неполным данным, около 700 человек) продолжали сражаться достойно и самоотверженно, их ратные заслуги также были отмечены высокими государственными наградами. За совершенные подвиги на фронте в 1944-1945 гг. 9 калмыков удостоились высокого звания Героя Советского Союза. Столько же калмыков представлялось командованием к присвоению этого звания, но по национальному признаку значимость их подвига снижалась: они получили ордена Ленина и Красного Знамени.

Итак, крупная победа в 1943 г. Красной Армии в Сталинграде явилась коренным переломом в Великой Отечественной войне, а в результате разгрома фашистов в Курском сражении стал ясен исход войны. Руководству страны уже спокойно можно было оглянуться и призадуматься о причинах крупных поражений, огромных потерях людских и материальных ресурсов в первые годы войны. На серьезные размышления наводили проявившиеся в советском обществе социальные феномены - дезертирство из армии (в 1941-1943 гг. дезертировали и уклонились от службы в Красной Армии 1666891 человек, из них 1210224 дезертира), бандитизм в стране (в 1941-1943 гг. были только ликвидированы 7163 бандгруппы с численностью 54130 человек), коллаборационизм части советского народа (о советских гражданах, служивших в немецких различных боевых вооруженных формированиях, карательных,

охранных, вспомогательных подразделениях, в полиции, в литературе имеются разные данные и со значительным расхождением – от 550 тыс. – до 1,2-1,3 млн человек). В их национальном составе вплоть до «русской освободительной армии» были представители многих народов Советского Союза [38].

Окружение Сталина, зная психологию вождя и угождая ему, в целях снятия с него и с себя вины за поражения с катастрофическими последствиями, стало действовать по отработанной схеме, проверенному на практике методу, по сложившемуся повсеместно в стране стереотипу – при неудачах, просчетах, скрывая их истинные причины, обязательно следовало выявить «вредителей», «врагов», которые якобы помешали осуществить их «гениальные» планы, переложить вину на них и расправиться с ними. Таким образом, под это «главное основание» репрессивной политики тоталитарного режима были подведены некоторые малочисленные народы в период войны. Помимо этого, руководство страны, принимая решение о депортации нескольких народов в районы Дальнего Востока, Сибири и других регионов, преследовало и иную цель.

В связи с необходимостью восстановления разрушенного войной народного хозяйства, бесперебойного и в достаточном объеме снабжения армии и промышленности сельскохозяйственными продуктами требовалось пополнить трудовые ресурсы Урала, Сибири, Дальнего Востока, которые поистощились за годы мобилизации их трудоспособного населения. Кроме того, из этих регионов надобно было вывозить металл, руду, лес, зерно, рыбу, мясопродукты и т. п. Весомым аргументом в надобности пополнения рабочей силы восточных районов оказался вывод Наркомата земледелия СССР, сделанный в начале 1943 г. Деревня восточных регионов имеющимися людскими и материальными ресурсами оказалась не в состоянии в дальнейшем вести в требуемом объеме сельскохозяйственные работы. Она нуждалась в срочной государственной помощи. Поэтому руководители государства и ВКП(б), депортируя в эти места большие группы населения на спецпоселения, достигали двоякую цель – в оперативном порядке пополняли трудовые ресурсы дальних регионов страны, на вкладывая средств на создание социальной инфраструктуры, и в то же время наказывали некоторые огульно обвиненные народы якобы за их пособничество оккупантам в назидание остальным.

В заключение, можно сказать, что кратко изложенные факты в статье помогут читателям

убедиться в мифологии различных сочинений о «калмыцких формированиях вермахта», о «народах предателях», которые наравне со всеми гражданами защищали свою страну, но властью этого же государства были несправедливо наказаны. Помимо этого, статья в какой-то степени раскрывает общие предпосылки, причины, породившие коллаборационизм в годы войны. В результате сталинского огульного обвинения из-за деяний небольшой группы коллаборационистов, которые в годы войны были не только среди калмыцкого населения, но и среди других народов Советского Союза не оценен сильный вклад Калмыкии, абсолютного большинства калмыцкого народа в дело победы над общим врагом. История Калмыкии военного времени является неотъемлемой частью единой истории России периода Великой Отечественной войны со всеми её как величественными, вызывающими восхищение и гордость страницами, так и драматическими, трагическими.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Миллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. М., 2003. С. 390.
2. Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 г.: Документальные очерки. М., 2001. С. 80-84; Вторая мировая война: Взгляд из Германии. Сборник научных статей. М., 2005. С. 257.
3. Керн Э. Пляска смерти. Воспоминания унтерштурмфюрера СС. 1941-1945. Пер. с англ. М., 2007. С. 122-123; Во имя безопасности России. Элиста, 2005. С. 171.
4. Ланнуа, Ф. Казаки Паннвица. 1942-1945. Пер. с фр. М., 2007. С. 183.
5. Еременко А.И. Сталинград: Участникам великой битвы под Сталинградом посвящается. М., 2006. С. 348-349, 374-375.
6. Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006. С. 366-367, 369; Об этом также мне подтвердил в январе 2008 г. участник сражений на территории Калмыцкой АССР в астраханском направлении Михаил Кузьмич Головченко, 1920 года рождения, бывший старшина батальона 248-й дивизии 28-й армии. Ныне он живет в г. Волгограде, ул. Краснознаменная, 8, квартира 153. При отступлении 16-й мотодивизии им был найден в одном из немецких окопов список личного состава туркестанского легиона и передан командиру подразделения.
7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 1533. Оп. 1. Д. 6. Л. 32, 39.
8. Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. М., 1999. С. 155.

9. Дробязко С.И. Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945 гг. М., 2004. С. 447.
10. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 471.
11. Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). М., 2006. С. 68.
12. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М., 2005. С. 16-17; Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918-1940-е годы. М., 2004. С. 88, 91, 92.
13. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 105. Л. 143-144.
14. Там же. Ф. Р-3. Оп. 10 с. Д. 531. Л. 2-175; Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940-1950 гг. М., 2001. С. 293, 294, 297, 300.
15. Максимов К.Н. Указ. соч. С. 180, 181; НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 6. Л. 22, 23, 194.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 57. Л. 11.
17. НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 517. Л. 2-3, 35; Д. 734. Л. 11; Ф. Р-131. Оп. 10 с. Д. 95. Л. 125, 118; Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 623. Л. 5.
18. Там же. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1108. Табл. 12; Оп. 10 с. Д. 104. Л. 66; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 839. Л. 198; Ф. П-8. Оп. 1. Д. 51. Л. 127; Ленинский путь. 1943. 13 июня. № 106 (2653); Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982. С. 200.
19. НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 11, 12; Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 740. Л. 21; Богданов Н.П. Переправы войны. //Война. Народ. Победа. 1941-1945. Кн. 1. М., 1978. С. 188, 190.
20. НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 11-14.
21. Великая Отечественная война: Ставка ВГК. Доклады и материалы. 1942. Т. 16 (5-2). М., 1999. Док. № 435. С. 318.
22. Еременко А.И. Указ. соч. С. 455.
23. НА РК. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 146. Л. 41 об.
24. Хальмэг. 1943. Октябрь. № 6. С. 5; НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 357. Л. 1-2; Ф. Р-131. Оп. 10 с. Д. 114. Л. 218.
25. НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 133 а. Л. 16-17.
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9408 с. Оп. 1. Д. 10. Л. 105.
27. Некрич А. М. Наказанные народы. //Нева. 1993. № 9. С. 257.
28. Чуев С. Проклятые солдаты. Предатели на стороне Ш рейха. М., 2004. С. 512; Романько О.В. Указ. соч. С. 404; Хоффманн И. Немцы и калмыки. 1942-1945. Фрайбург, 1974. С.115.
29. Дробязко С.И. Указ. соч. С. 456.
30. Хоффманн И. Указ. соч. С. 189-191.
31. Там же. С. 187-188.
32. Советская Калмыкия. 1963. 7 июня.
33. Новак Г.Ф. Лесная быль. М., 1963. С. 88-101, 103-105.
34. Керн Э. Указ. соч. С. 123.
35. ГАРФ. Ф. Р-9401 с. Оп. 1. Д. 94. Л. 39-40; Ссылка калмыков: Как это было. Сборник документов и материалов. Т. 1. Кн. 1. Элиста, 1993. С. 125-126.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 40. Л. 12; НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 907. Л. 13, 35; Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 128. Л. 157.
37. НА РК. Ф. Р-1. Оп. 3 с. Д. 27. Л. 78.
38. ГАРФ. Ф. Р-9401 с. Оп. 1. Д. 94. Л. 39-40; История и историки. 2004. Историографический вестник. М., 2005. С. 238; Война и общество. 1941-1945. Кн. 2. М., 2004. С. 304; Романько О.В. Указ. соч. С. 568; Дробязко С.И. Указ. соч. С. 524 и др.

ББК 63.3 (2РОС)

РЕФОРМА 1892 Г. В КАЛМЫКИИ: РЕОРГАНИЗАЦИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Н.П. Мацакова

В статье прослежена реорганизация налогообложения в Калмыкии в конце XIX в., выявлена роль реформы 1892 г. в развитии калмыцкой экономики.

Ключевые слова: реформа, Калмыкия, реорганизация, налогообложение.

The article deals with the reorganisation of taxation and reveals the role of reform of 1892 in development of Kalmyk economy.

Keywords: reform, Kalmykia, reorganisation, taxation.

Отмена крепостного права в 1861 г. и реформы 60-70-х гг. XIX в. в России стали необходимыми условиями для перехода от традиционного аграрного к индустриальному обществу. Они открыли дорогу более свободному распространению рыночных отношений, трансформации экономики и общества. Модернизация традиционного кочевого калмыцкого общества была осуществлена несколько позже, чем в центральных областях, и носила догоняющий характер. Ее импульсом в Калмыкии послужила реформа 1892 г., отменившая так называемые «обязательные отношения между отдельными сословиями калмыцкого народа».

Она стала очередным шагом правительства в распространении основ реформы 1861 г. на национальные районы империи и явилась проявлением его унифицирующего курса и политики по отношению к национальным элитам в данный период. Включив калмыцкие улусы в общероссийские процессы, реформа сыграла большую роль в развитии калмыцкой экономики и общества. Поэтому, на наш взгляд, она является фактически своеобразным водоразделом в калмыцкой истории и имеет такое же значение и важность, что и отмена крепостного права в России.

Практическое осуществление всех мероприятий по проведению реформы началось вскоре после издания закона 16 марта 1892 г. Большое значение Управление калмыцким народом (УКН) придавало реорганизации налогообложения. На основании статьи 9-й закона 16 марта 1892 г. и предписания министра государственных имуществ от 5 мая за № 465 УКН произвело «надлежащее распоряжение об обложении с 1892 г. калмыцкого населения» ежегодно налогом в пользу казны [1].

Шестирублевый кибиточный сбор следовало собирать с кибитки или «всякого заменяющего ее помещения для жилья». Поэтому в предписании от 27 мая 1892 г. за № 2718 главный попечитель поручил всем улусным попечителям и заведующим отдельными частями улусов собрать точные сведения о числе кибиток и других жилых помещений, принадлежащих нойонам, их

ближайшим родственникам, мелким владельцам, родовым и безаймачным зайсангам, «ламайскому» духовенству и калмыкам-простолюдинам, и доставить их в Управление [2].

Так, 20 июня 1892 г. Багацоуровское улусное управление представило в УКН необходимые данные, подчеркнув при этом, что сведения о числе кибиток калмыков-простолюдинов взяты из посемейного списка переписи 1876 г., из них к 1 января 1892 г. 2175 состояли в окладе, а 211 были неокладными. Представление более точных данных без новой переписи, по мнению улусного управления, невозможно, так как «калмыки Багацоуровского улуса кочуют не по родам и большинство их имеют кочевье по селам, станицам и городам Астраханской губернии... те лица, которые имеют дома и мазанки проживают в них только в зимнее время, в летнее же время кочуют в кибитках».

Сведения о числе кибиток, домов и других помещений, принадлежащих владельцам, аймачным и безаймачным зайсангам, их родственникам, духовенству Багацоуровских хурулов и калмыкам-простолюдинам [3].

	Кибиток	Домов мазанок
1. У мелкопоместных владельцев	1	2
2. Аймачных зайсангов	29	7
3. Безаймачных зайсангов	30	5
4. Зайсанговских родственников	36	-
5. Ламы калмыцкого народа	2	1
6. Старшего бакши	9	1
7. Гелонгов	19	16
8. Гецолей	12	8
9. Манджиков	16	10
10. Учеников	23	7
11. Простолюдинов (переп. 1876 г.)	2386	57

На основании этого списка можно сделать заключение о том, что по отношению к количеству кибиток больше всего домов и мазанок (то есть стационарных построек) было у духовенства - 74 и 43 соответственно, несколько меньше у мелких владельцев и зайсангов - 66 и 14, и совсем мало у простолюдинов - 2386 и 57. Если учесть, что обложению подлежало любое жилое помещение, то можно предположить, что с включением представителей привилегированных сословий в налогообложение разряд плательщиков значительно пополнился.

На основании подобных данных УКН распределило сумму кибиточного сбора по улусам и аймакам. После утверждения этого распределения астраханским губернатором окладные ведомости были разосланы всем улусным попечителям и заведующим отдельными частями улусов. Покибиточную раскладку налога, «сообразуясь со средствами плательщиков», осуществили аймачные сходы, созданные руководителями улусных управлений. При этом размер оклада с одной кибитки колебался от 2 до 6 руб., в некоторых местах и до 8 руб. [4].

Улусные попечители, рассмотрев и утвердив приговоры сходов, представили в УКН раскладочные ведомости по аймакам. Следует отметить, что они содержали довольно подробные сведения об изменении числа кибиток в аймаках и родах. К примеру, в раскладочной ведомости Эркетеневского улуса имелись следующие данные: число кибиток по переписи 1876 г.; число кибиток, значившихся в списках 1876 г., но не существовавших в аймаке в то время; число кибиток, убывших за время с 1876 г. по ноябрь 1892 г.; число кибиток, прибывших за время с 1876 г., по ноябрь 1892 г.; число наличных кибиток, находившихся в аймаке в то время; число кибиток, освобожденных аймачными сходами от платежа сбора. В ней также были указаны размер годового оклада сбора с аймака по числу кибиток переписи 1876 г. и годовой оклад сбора с аймака, высчитанный по наличному числу кибиток, а также сумма сбора с отдельной кибитки по раскладке оклада, рассчитанного по количеству кибиток переписи 1876 г. [5].

В целом, взывание кибиточного сбора в 1892 г. было осложнено несколькими обстоятельствами, о чем указал в своей ревизионной записке В.А. Башкирков. Во-первых, это позднее получение закона. Он был доставлен в УКН лишь 15 мая и обнародован в улусах в июне-июле 1892 г. Необходимо было продолжительное время для составления раскладки

6-рублевого сбора по каждому улусу и аймаку, ее одобрения начальником губернии, а затем распределения суммы оклада на аймачных сходах и утверждения составленных ими приговоров улусными попечителями и заведующими отдельными частями улусов.

Во-вторых, в Малодербетовском, Яндыко-Мочажном, Эркетеневском, Икицохуровском и Харахусовском улусах шла работа по истреблению саранчи, отнимавшая и время, и рабочие руки.

В-третьих, эпидемия азиатской холеры, свирепствовавшая в улусах летом 1892 г., посеяла панику в Калмыцкой степи. Потребовались серьезные мероприятия по «борьбе с этим бичом народного благосостояния». Небывалая по своим размерам холерная эпидемия унесла жизни свыше 2 тыс. чел. в калмыцких улусах [6]. Крайне неосмотрительно было бы спешить с собранием аймачных сходов. В итоге, вопрос о раскладке кибиточного сбора был решен лишь к началу августа, и только тогда начались первые мероприятия к взиманию налога с калмыков [7].

В-четвертых, осенью 1892 г. ситуация в улусах вновь осложнилась в связи с появлением в начале октября чумной эпизоотии. В общей сложности пало скота на сумму 1085750 руб. [8]. Чтобы не допустить ее дальнейшего распространения, астраханское губернское правление вынуждено было принять строгие меры и запретило пригон скота на ярмарки в Черноярский, Енотаевский и Царевский уезды и Внутренней Киргизской Орде. В результате многие калмыки лишились возможности продать избыток скота для уплаты казенных сборов [9].

Все это отразилось на общем поступлении 6-рублевого налога в 1892 г. Согласно сводной ведомости, которая содержится в годовом отчете УКН за этот год, с калмыцкого населения Астраханской губернии «следовало поступить оклада» на сумму 172710 руб., но было взыскано только 107911 руб. 19 коп. и 64798 руб. 81 коп. остались в недоимке. Таким образом, кибиточный сбор в 1892 г. был собран лишь на 62,4 % [10].

При взывании нового налога выявились экономические различия между улусами. По словам главного попечителя, Малодербетовский и Багацохуровский улусы были разорены нойонами и зайсангами, а Эркетеневский, Икицохуровский, Яндыко-Мочажный и Харахусовский улусы «по материальному положению населения далеко оставили за собой первые». По степным ведомостям Эркетеневского

и Икицохуровского улусов 6-рублевый сбор был уплачен сполна, и даже поступил некоторый излишек: по первому - 1185 руб. 50 коп., а по второму - 1706 руб., который зачли на будущий 1893 г. [11]. В Яндыко-Мочажном улусе из общей суммы оклада 1892 г. 32094 руб. в недоимке осталось менее четверти - 7725 руб. 28 коп., а в Харахусовском улусе из оклада 15840 руб. только 1977 руб. 19 коп. [12].

В 1893 г. поступление налога в казну не улучшилось. За первое полугодие в апреле ожидалось получение 86550 руб., но к 27 июля поступило только 32128 руб. 35 коп. Поэтому 28 июня 1893 г. главный попечитель калмыцкого народа предписал всем попечителям и заведующим отдельными частями улусов принять «более энергичные меры к взысканию с калмыков следующей с них кибиточной подати» [13].

О том, что взыскание 6-рублевого сбора происходило далеко не гладко, свидетельствует и тот факт, что, например, осенью 1893 г. демчей Малодербетовского улуса М. Эрендженев просил улусное управление командировать в Абганеровские рода стражника «для помощи в взимании сбора». С такой же просьбой обратился в улусное управление сборщик налогов Бакшин-Шебенеровского рода Элистинского общества Б. Какуев, докладывавший о том, что некоторые калмыки его хотона не платят подати. 31 декабря 1893 г. попечитель Малодербетовского улуса обратился в Камышинское уездное полицейское управление с просьбой «взыскать с калмыков этого улуса Б. Кишикова недоимки за 1892 г. 6 руб., оклад за сей год 6 руб. и Ц. Манджиева оклад за сей год 6 руб.» [14].

Неудовлетворительное поступление кибиточного сбора вынудило главного попечителя предписанием от 26 апреля 1894 г. за № 2403 поручить всем руководителям улусных управлений составить списки калмыков, которые были не в состоянии уплачивать налог.

14 июня 1894 г. помощник попечителя Багацохуровского улуса В.П. Иванов представил в УКН этот список. В нем сообщалось о том, что в улусе по переписи 1876 г. числилось 2400 кибиток, с которых ежегодно должно было поступать 14400 руб. К 1 июля 1894 г. в недоимке состояло: за 1892 г. - 10036 руб. 85 коп., за 1893 г. - 11347 руб. 50 коп., по июль 1894 г. - 6419 руб. 10 коп., итого - 27804 руб. 45 коп.

Из 2400 окладных кибиток 1905 кибитковладельцев не могли уплачивать кибиточный сбор по разным причинам: «отсутствие заработков, престарелости, неспособности к труду и прочее». Однако основным объяснением больших размеров недоимок и слабого поступления

налога, по словам Иванова, было «сильное обеднение калмыков Багацохуровского улуса». Поэтому помощник главного попечителя М.И. Овечкин, рассмотрев дело, предложил следующее: «в виду упадка экономического положения и полной разоренности калмыков Багацохуровского улуса... эти 1905 кибитковладельцев впредь до улучшения состояния освободить от платежа кибиточного сбора, ограничась зачислением в государственные повинности суммы, ежегодно выручаемые за оброчные участки» [15].

Из переписки улусных попечителей и УКН по этому поводу видно, что уже в данный период был поставлен вопрос о взыскании кибиточного сбора с калмыков не покибиточно, а по числу имевшегося у них скота [16].

Одной из причин слабого поступления сбора являлся его слишком большой размер. Хотя новый налог стал меньше прежнего албана, но и он был не под силу большинству калмыков. К такому же выводу пришел и В.А. Башкирков: «если принять в расчет ту громадную недоимку, которая образовалась за последние годы от бывшего албана, то нетрудно заметить, что максимум ежегодного поступления албанского сбора не превышает ни в коем случае одной четвертой части оклада в 8 руб. 15 коп.». Таким образом, сам главный попечитель считал новый налог очень высоким [17].

В качестве примера главный попечитель привел динамику поступления налога в Багацохуровском улусе. По спискам 1876 г. в нем числилось 4162 кибитки, с которых по расчету ежегодно должно было поступать 33910 руб. 30 коп., а за 8 предшествовавших реформе лет - 271282 руб. 40 коп. Отняв из последней суммы числившуюся за улусом недоимку в размере 205570 руб. 87 коп., он выяснил, что за эти годы в действительности поступило всего 65711 руб. 53 коп., то есть ежегодный сбор равнялся 8217 руб. 44 коп., что составляло менее одной четверти необходимых 33910 руб. 30 коп. Исходя из этого, Башкирков считал, что «в интересах калмыков-простолюдинов следует отдать предпочтение раскладке по числу наличного количества скота», что уже практиковалось в некоторых улусах при распределении общественных повинностей [18].

В распоряжении МГИ от 5 мая 1892 г. за № 465 появилось одно существенное уточнение первого пункта ст. IX закона об отмене обязательных отношений в калмыцком обществе, в котором указывалось, что с 1892 г. 6-рублевым кибиточным сбором облагалось все калмыцкое население, «не исклю-

чая улусовладельцев и их ближайших родственников, мелких владельцев, родовых и безаймачных зайсангов и ламайского духовенства...» [19].

В этой связи вполне понятный интерес вызывает реакция представителей привилегированных калмыцких сословий на включение их в число налогоплательщиков. Так, например, в ноябре 1892 г. бывший владелец Малодербетовского улуса нойон Д.Ц. Тундутов выразил протест улусному управлению против «причисления его в оклад плательщиков». Это, по мнению аристократа, было «в принципе неправильным», так как лишало его «даруемых российскими законами прав привилегий». 2 декабря 1892 г. он за себя и по доверенностям от ламы калмыцкого народа Бора-Шара Манджиева и бывших аймачных зайсангов Леджина Бадмаева Арлуева и Лиджи Убушиева Талтаева подал жалобу в Правительствующий Сенат на МГИ «за отказ в освобождении калмыков привилегированного класса и духовенства от обложения кибиточным сбором», ссылаясь при этом на постановления т. IV Устава земских повинностей изд. 1857 г. (ст. 712 и следующие), по которым нойоны и зайсанги и духовенство не облагались казенными податями. 27 января 1893 г. Тундутов известил о жалобе Малодербетовское улусное управление и попросил его приостановить взыскание с него 6-рублевого сбора «до разъяснения сего в законном порядке» [20].

В июне 1893 г. Сенат, рассмотрев дело, отметил, что кибиточный сбор, установленный ст. 712 т. IV Устава земских повинностей изд. 1857 г., был отменен законом 16 марта 1892 г., причем последним не сделано никаких исключений при обложении 6-рублевым налогом. Некоторое различие допускалось лишь относительно порядка взимания сбора: в ст. VII оговаривалось, что в случае неуплаты налога калмыки-простолюдины отдаются в работы до выручки всей суммы. Исходя из этого, Сенат вынес решение о том, что МГИ совершенно правильно отказал в освобождении калмыков высших сословий от обложения кибиточной податью, и постановил оставить представленную жалобу без последствий. Об этом он сообщил в министерство государственных имуществ указом от 22 июня 1893 г. за № 6878 и уведомил астраханское губернское правление для объявления Тундутову [21]. О вынесенном решении был извещен и главный попечитель калмыцкого народа В.А. Башкирков. Копию предписания Департамента общих дел (ДОД) МГИ от 28 июня 1893 г. за № 7420 разо-

слали всем попечителям и заведующим отдельными частями улусов «для объявления среди калмыков вообще и, в особенности среди привилегированного класса и ламайского духовенства» [22].

Некоторые представители духовенства открыто проявляли свое недовольство причислением их к налогоплательщикам наравне с простолюдинами. Например, в рапорте от 7 января 1893 г. за № 6 попечитель Малодербетовского улуса докладывал о том, что старший бакша Дунду Хурулова рода не только отказался уплачивать налог, но и оскорбил стражника. Вследствие этого УКН поручило ему, в случае неуплаты старшим бакши положенного сбора, «произвести опись его имущества и продать таковое с торгов, в отношении же оскорбления поступить с виновным на основании ст. 31 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [23]. Вскоре Малодербетовское улусное управление так и поступило.

Осенью 1892 г. бакши и начальники Александровских хурулов Нимгир Церен Убушиев, Тапка Кюкеев, Джимбе Деремчиев и Зодбо Гаха Убушиев подали министру государственных имуществ прошение освободить от обложения кибиточным сбором из 82 жилых помещений 36 кибиток, принадлежавших частью духовенству, и несколько кибиток, принадлежавшие хурулам, в которых летом живут малолетние дети-ученики (манджики). Главный попечитель калмыцкого народа отказался удовлетворить это прошение, так как данные 42 кибитки, занятые будто бы хурульными школами, на деле служили «для жительства не значащихся в штате калмыцкого духовенства и созданных им произвольно хурульных учеников». Основываясь на этом сообщении Башкиркова, ДОД МГИ отказал ходатаям в освобождении этих кибиток от 6-рублевой подати [24].

Попытки духовенства оттянуть уплату налогов решительно пресекались местной администрацией. К примеру, в январе 1893 г. начальник Дунду Хурулова рода Малодербетовского улуса в телеграмме министру государственных имуществ сообщал о том, что назначен аукцион вещей духовных лиц хурула, сетовал на тяжелое экономическое положение и просил об отсрочке платежа податей. Главный попечитель прокомментировал прошение следующим образом: «духовенство Дунду Хурулова рода одно из богатых в степи и без всякого затруднения может не допустить торгов, уплатив повинности, что не делают из упорства. Ходатайство их не заслуживает ника-

кого уважения». ДОД МГИ согласился с мнением В.А. Башкиркова [25].

Представители многочисленного зайсангского сословия тоже выражали свое несогласие с привлечением их к уплате налога. Так, указом 2 сентября 1893 г. Правительствующий Сенат, рассмотрев жалобу аймачного зайсанга Эркетеневского улуса Менке Убуши Габунг Джамбаева на МГИ «за не освобождение его от платежа кибиточного сбора», определил оставить ее без последствий [26].

Бывшие калмыцкие владельцы привлекались не только к уплате 6-рублевого сбора, но и к платежу других общественных податей. Так, например, в декабре 1892 г. главный попечитель в своем рапорте в ДОД сообщал о том, что после введения в действие закона 16 марта, улусные сходы, «принимая во внимание, что нойоны и громадное большинство заисангов ведут в Калмыцкой степи обширное хозяйство и скотоводство... на казенной земле, предоставленной в общинное пользование всего калмыцкого населения, признали совершенно справедливым привлечь их к участию в платеже сборов на общественные надобности на одинаковых условиях со всеми остальными калмыками». Практически все зайсанги «разделяют справедливость такого решения улусных сходов и подчинились ему», кроме нойона Д.Ц. Тундутова [27].

Таким образом, попытки некоторых представителей бывших привилегированных калмыцких сословий избежать налогообложения не увенчались успехом.

Однако, по свидетельству Я.П. Дубровы, имели место и довольно курьезные случаи, когда некоторые представители феодальной знати были обижены уравнением их с простолюдинами в обложении одинаковым окладом. Такое уравнение казалось им «унижающим... достоинство по происхождению». «Как! Нойона, его сиятельства, нас, зайсангов и проч. сравнять с простолюдинами?», «да, берите с нас вдвое, втрое, только отличите нас...». С этой просьбой они обращались к министру государственных имуществ и посылали ходяков в Петербург. «Но, как и следовало ожидать, ходатайство окончилось ничем» [28].

В противоположность Д.Ц. Тундутову Башкирков приводил в качестве примера действия бывшего аймачного зайсанга Харахусовского улуса Бичкин Басанга, который, видя, что некоторые из калмыков бывшего его аймака не в силах уплатить кибиточный сбор, внес за бедных калмыков из собственных средств 1000 руб., а также гецюля Тюмюта Сагаджие-

ва, уплатившего за неимущих 350 руб. [29]

Надо заметить, что в 1892 г. министр государственных имуществ поднял вопрос об освобождении калмыков-простолюдинов от взимания сбора на содержание вольнонаемной полицейской стражи. Однако по предложению государственного контролера он был решен иначе: к уплате сбора привлекались привилегированные сословия, поскольку они «в услугах полиции одинаково нуждаются» [30]. Положение «О привлечении привилегированных сословий калмыцкого народа к платежу уравнильного сбора на содержание вольнонаемной стражи в Калмыцкой степи» было принято 11 июня 1893 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. НА РК. Ф. 9. Оп. 3. Д. 42. Л. 46.
2. Там же.
3. Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Лл. 53-56.
4. Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 82. Лл. 1-9; Ф. 22. Оп. 1. Д. 34. Лл. 1-3.
5. Там же. Ф. 15. Оп. 4. Д. 637. Л. 58.
6. Деев С. Ю. Подготовка и проведение... С. 192.
7. НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 367. Л. 47.
8. Деев С. Ю. Подготовка и проведение... С. 192.
9. НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 115. Лл. 79-80.
10. Там же. Ф. 9. Оп. 2. Д. 42. Лл. 60-61, 80-81.
11. Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 115. Л. 78.
12. Там же. Ф. 9. Оп. 3. Д. 42. Л. 42.
13. Там же. Ф. 9. Оп. 4. Д. 850. Л. 120; Ф. 26. Оп. 1. Д. 82. Л. 50.
14. Там же. Ф. 15. Оп. 4. Д. 637. Лл. 63, 70, 71, 95, 102.
15. Там же. Ф. 9. Оп. 4. Д. 863. Лл. 3-4.
16. Там же.
17. Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 115. Лл. 77, 80, 81.
18. Там же.
19. Там же. Ф. 9. Оп. 2. Д. 42. Лл. 46-47.
20. Там же. Ф. 15. Оп. 4. Д. 637. Л. 4.
21. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2 Д. 309 Лл. 4-4об.
22. НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 850. Л. 136; Ф. 15. Оп. 4. Д. 613. Лл. 25-26.
23. Там же. Ф. 15. Оп. 4. Д. 637. Л. 3.
24. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 309. Лл. 2-2об.
25. Там же. Л. 5.
26. Там же. Л. 4.
27. Там же. Лл. 8об. -9.
28. Дуброва Я. П. Указ. соч. С. 110.
29. НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 115. Л. 78.
30. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 309. Л. 1.

ЭКОКУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ¹

Г.Э. Настинава

В статье рассматривается роль учителя в современном обществе с точки зрения экологической культуры и духовных ценностей.

Ключевые слова: *экологическая культура, ценности, учитель, знания*

The article deals of teacher in modern society in the mirror of ecological culture and spiritual values.

Keywords: *ecological culture, values, teacher, knowledge*

Сегодня все большее число исследователей приходит к выводу, что экологический кризис – это во многом мировоззренческий, философско-идеологический кризис. Становится ясным, что чисто технического решения экологической проблемы не существует – необходимо изменить характер жизни и положение человека в биосфере, принципы организации общества, ориентиры его развития и механизмы социокультурного регулирования. Речь идет о необходимости формирования другой парадигмы, базирующейся на новых знаниях, общечеловеческих ценностях. Мы стоим перед необходимостью выработки новой цивилизационной парадигмы. Это одно из важных методологических утверждений общей системы экологического мировоззрения [1].

Конечно, перемены в духовной сфере и появление новых установок - медленный процесс, тем не менее, не стоит пассивно ожидать, что проблема решится само собой. В этом контексте особую роль приобретает деятельность школы, а именно переосмысление ее социальных функций в современном изменяющемся мире. Вряд ли стоит доказывать, что решающая роль в переориентации образования на новые ценности принадлежит учителю, его профессиональной компетентности, воспитательной парадигме и творческому потенциалу. Социальная роль учителя проявляется в том, чтобы трансформировать требования общества к личности ученика в требования этой личности к самой себе, обога-

тить новое поколение социально-культурным опытом. Поэтому личностная, общая и профессиональная культура педагога должна развиваться опережающими темпами по сравнению с уровнем социального окружения.

И экологическая проблема не может быть решена без учета современных требований к личности учителя. Педагогу принадлежит в новой цивилизации ведущая роль - «не политику, не генералу и даже не ученому, учителю предстоит стать центральной фигурой наступающей эпохи» [2], поскольку именно от его образованности, нравственности, широты кругозора во многом зависит уровень экологической воспитанности подрастающего поколения.

В настоящее время проведен ряд исследований, в которых раскрываются различные аспекты эколого-педагогического образования учителей. В исследованиях Т.П. Южаковой [3] и др. сформулированы задачи, стоящие перед высшей школой по вопросам экологического образования и воспитания студентов, и подчеркивается важность формирования у студентов эколого-педагогической готовности.

В работах И.Д. Зверева [4] определены общие требования, которым должна отвечать эколого-педагогическая подготовка учителя в вузе. Особое внимание в своих работах он уделяет воспитанию ответственного отношения будущих учителей к природе.

А.П. Сидельковский [5] считает необходимым формирование умений управлять мотивами бережного отношения к природе, развитие общественно-политической и профессионально-педагогической активности студентов в области охраны окружающей среды.

В работах С.Н. Глазачева [6], В.В. Серикова [7] раскрываются вопросы организации

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта: «Концепция опережающего педагогического образования социокультурной направленности в полиэтнической среде Республики Калмыкия», № 06-07-36601*

экологической подготовки будущих учителей в процессе исследовательской, общественно-полезной деятельности в период педагогической и полевой практик, обосновываются варианты содержания экологического образования в педвузе для студентов всех специальностей. В исследовании С.Н. Глазачева представлена модель выпускника педвуза (экологический аспект).

Проблемы эколого-педагогической подготовки учителя разрабатываются коллективом исследователей под руководством С.В. Алексеева [8].

Однако, несмотря на активное обращение исследователей к данной проблеме на протяжении последних лет, изучены лишь ее отдельные аспекты, пока не удалось создать теоретические основы формирования экологической культуры учителя как условие эффективной подготовки педагога к реализации новой социально-экологической функции. Кроме того, усиливаются противоречия между нарастающими темпами деградации природной среды и низкой скоростью осознания остроты этой ситуации; между формальным признанием экологического образования приоритетным направлением на всех уровнях образования и слабым его научным и методическим обеспечением и др.

Исследования, проведенные сотрудниками лаборатории экологической культуры ГНИИ семьи и воспитания РАО Н.С. Дежниковой [9], И.В. Цветковой [10] и др., указывают на главное противоречие: учителя, являясь носителями одной культуры, должны закладывать в сознание школьников качественно иные ценности. Как отмечает С. Дежникова [11], экологическая культура учителя как явления имеет двойную сущность: не изменив собственного взгляда на культуру взаимодействия с природой, он не может успешно воздействовать на сферу экологического сознания учащихся.

В учебные программы педвузов сегодня вводят курсы по экологии, но это не решает проблемы. Опросы показывают, что учителя все равно упрощенно трактуют понятие «экология», относят его исключительно к области естественнонаучного знания, не выделяют его социальный аспект. Между тем, цель подготовки в вузе должна состоять не в преподавании основ науки, а в формировании экологического мировоззрения, экологической культуры и обеспечении готовности учителя к экологическому воспитанию детей.

С точки зрения культурологии, понятие экологической культуры предполагает создание новой системы отношений не только во взаимодействии природы и социума, но и в социуме (в обществе и его подсистемах) и во взаимодействии человека с самим собой. В связи с этим актуальным становится развитие социокультурного, интеллектуального, нравственного потенциала личности учителя, его способности осуществлять процессы творчества в широком смысле. Ценности и нормы культуры, нравственность, достижения духовной сферы жизни должны создавать условия для гуманитарно-личностного развития педагога. Профессиональная компетентность педагога определяется не только базовыми знаниями и умениями, но и ценностными ориентациями, мотивами деятельности, пониманием себя в мире и мира вокруг себя, стилем взаимоотношений с людьми, способностью понимать и воздействовать на духовный мир людей (в первую очередь детей), общей культурой, способностью к развитию своего творческого потенциала.

Единство общекультурного, социально-нравственного развития личности учителя актуализирует формирование у педагогов экологической культуры. Применительно к учителю экологическая культура, на наш взгляд, представляет собой совокупность общечеловеческих идей, профессионально-значимых качеств личности, универсальных способов познания и гуманистической психолого-педагогической деятельности. Экологическая культура - это профессиональная позиция учителя, система его отношений, целей, установок, мотивов, умений, это личностное образование, придающее устойчивость профессиональным характеристикам человека как учителя. Критерии экологической культуры учителя следует соотносить с теми новообразованиями и способностями, которые возникают в ходе профессиональной подготовки, самообразования, саморазвития и последующей работы в образовательных учреждениях. Критериями высокой экологической культуры учителя, на наш взгляд, можно считать: высокий рейтинг экологических ценностей; личностное восприятие экологических проблем; социальная установка на посильный вклад в сохранение окружающей среды и на здоровый образ жизни; высокий уровень общей культуры, готовность к экологическому воспитанию детей.

С целью изучения уровня экологической культуры мы провели социологический

опрос среди студентов-заочников КГУ, работающих учителями начальных и старших классов, и педагогов школ Республики Калмыкия. Всего в исследовании принимали участие 100 человек. Мы не ставили задачей полное и глубокое рассмотрение элементов экологической культуры, так как целью является не столько анализ понятий вообще, сколько исследование процессов и явлений, стоящих за этими понятиями. Анализ полученных данных позволил сделать следующие обобщения.

Важным показателем экологической культуры является степень озабоченности состоянием окружающей среды. По полученным данным, 44% респондентов обеспокоены состоянием окружающей среды в родном городе, еще 19,5% экологические проблемы интересуют на уровне страны, 36,5% - на уровне мира. При оценке перспектив взаимодействия общества и природы у педагогов высока степень пессимизма - 82% считают, что состояние природы будет ухудшаться, 18% убеждены, что люди сохранят природу. Эти факты говорят о том, что на уровне эмпирического восприятия чувств, эмоций интерес к экологической проблеме достаточно высок. Однако такое отношение никак не сказывается на поведенческой активности учителей. Так, например, все убеждены, что с помощью школьных предметов и внеклассной работы можно проводить экологическое воспитание в школе, вместе с тем только 20% опрошенных проводят систематически и последовательно такую работу. При анализе этих данных проявляются противоречия между знаниями и убеждениями, убеждениями и практической деятельностью учителей.

Абсолютное большинство учителей (75%) признают значимость общей культуры для своей профессиональной деятельности. Обоснование значимости фактора личности неодинаково. В большинстве ответов (60%) смыслоуглубления видится в более полном развитии творческого потенциала и возможностей общения с людьми, в более свободном принятии профессиональных решений (31%). Меньшую роль играет культура, по мнению учителей, в формировании ценностного взгляда на мир, на себя, в понимании людей вообще и принятии их точки зрения, т.е. в проблемах, выходящих за рамки профессиональной деятельности. Ведущим компонентом общей культуры признается литературная начитанность и знание отечественного и мирового искусства, понимание многообразия мира, быта

людей, их традиций, знание путей развития человечества, т.е. мировой и отечественной истории. Таким образом, половина респондентов считает, что основой общей культуры является владение гуманитарными знаниями, дающими ключи к пониманию человека в разнообразных его проявлениях, к соотношению себя с накопленным человечеством вечными ценностями через историю и искусство. Педагогами в целом недооценивается роль философских знаний в общей культуре человека и естественнонаучных (6% учителей включили их в общую культуру).

Отношение учителей к своему здоровью - важный показатель их экологической культуры. Согласно результатам опроса о проблемах, по которым педагоги хотели бы послушать лекции, почитать литературу или проконсультироваться у специалистов, более половины респондентов (60%) отметили тему сохранения здоровья, 30% - стратегию выживания человечества и научные прогнозы на будущее, 57% - здоровье детей XXI века, 20% - спасение биосферы и защиту природы, 15% - индивидуальную защиту от неблагоприятных факторов. Как следует из полученных данных, особой популярностью у учителей пользуется проблема здоровья, в то же время лишь 15% опрошенных более или менее регулярно занимаются физкультурой, активно проводят досуг, а 80% назвали состояние здоровья основным фактором, препятствующим профессиональному обучению и саморазвитию.

Отвечая на вопрос, что бы Вы сделали в первую очередь для уменьшения отрицательного воздействия на природу, если бы это зависело от Вас, 41,5% отметили необходимость создания очистительных сооружений, освоения новых промышленных технологий; 7,5% высказались за закрытие промышленных предприятий; 28,3% - за усиление правовой ответственности за загрязнение окружающей среды; 31,7% указали на необходимость экологического воспитания детей. Эти результаты можно было бы считать хорошими, если бы речь не шла об учителях - субъектах экологического воспитания. Эти данные косвенно показывают, что многие педагоги не связывают пути решения экологических проблем со своей профессиональной деятельностью как воспитателей. Кроме того, по мнению большинства опрошенных, первоочередными в школе являются задачи обучения, а не воспитания. Отвечая на вопрос, что в первую

очередь должна давать школа учащимся, 80% учителей отметили прочные знания, 15% - весомый культурный багаж и 5% - помощь в развитии способностей. Лишь 25% респондентов согласились с мнением, что нужен не только учитель-предметник, но и учитель-воспитатель. Только 16% учителей отметили, что воспитательная работа доставляет наибольшее удовольствие в их профессиональной деятельности. Очень низко оценивают учителя и воспитательный потенциал школы в целом. Падение у педагогов такой ценности, как воспитание детей, является, с нашей точки зрения, достаточно серьезным моментом, так как в дальнейшем это проявляется и в изменении собственно профессиональных установок. Между тем, ценность воспитания является по сути дела системообразующей в профессиональной деятельности учителя. Эффективность профессиональной деятельности учителя во многом определяется степенью сформированности его ценностных ориентаций, так как педагогическая задача должна быть не только понята, но и принята субъектом, т.е. соотносена с потребностно-мотивационной и эмоционально-волевой сферой личности. Способность и умение решать педагогические задачи психологами определяется как способ дифференциации личностью объектов профессиональной деятельности по их значимости. Анализ школьной практики свидетельствует, что ценностные ориентации педагога, его установки имеют решающее значение при выявлении педагогических задач и поиске путей их решения. Воспитательные ценности на практике осмысливаются в качестве ориентиров педагогической деятельности.

Какое же место на шкале воспитательных ценностей у педагогов занимают экологические? Результаты анкетирования показали, что главными на данный момент учителя считают следующие направления воспитательной работы (по убывающей): правовое, эстетическое, экономическое, половое, экологическое, нравственное, физическое. При ранжировании вечных, общечеловеческих ценностей ценности, содействующие нравственному, эстетическому и экологическому восприятию и осознанию мира, заняли третье место после ценностей, способствующих развитию всех сущностных сил и дарований индивидуальности; ценностей, помогающих обретению внутренней нравственной свободы. Интересен, на наш взгляд, и тот факт,

что учителя предпочли бы в экологической воспитательной работе такие формы, как экскурсии, факультативы, обучающие игры. Эти данные показывают, что ориентир учителя - спокойный, воспитанный, рассудительный ученик, который и во внеклассной жизни сохраняет позицию человека, впитывающего информацию со вниманием, т.е. и свою воспитательную роль учителя понимают однозначно - нагрузить знаниями. Таким образом, можно сделать вывод о том, что задача воспитания детей не является у педагогов ведущей; серьезной проблемой является недостаточное понимание самими учителями важности экологических ценностей и необходимости их формирования у школьников. Процесс формирования экологической культуры учителя, на наш взгляд, находится на уровне эмпирических знаний, чувств оценочных суждений и пока не затрагивает убеждения и поведение. Кроме того, экологические знания сами по себе не становятся установками на деятельность, в том числе и эколого-педагогическую. Экокультурная несостоятельность учителя является серьезным препятствием в формировании у детей понимания экологии как способа нового видения мира, места и роли человека в нем, понимания, позволяющего выжить в современных условиях.

Из имеющихся противоречий между требованиями к экологической культуре учителя и её реальным уровнем вытекают следующие задачи высшей педагогической школы: профессиональная, связанная с подготовкой квалифицированных кадров, способных проводить экологическое воспитание учащихся; общекультурная, связанная с формированием личности учителя, когда экологическая культура выступает частью общей культуры человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моисеев Н.Н. Экологическое мировоззрение // *Философия экологического образования*. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 21-29.
2. Дежникова Н.С. Теоретико-методическое обоснование экологического воспитания как социокультурного феномена // *Социокультурные аспекты экологического воспитания школьников*. - М., 2000. С. 4-13.
3. Южакова Т.П. Педагогические основы нравственно-экологического воспитания младших школьников. Екатеринбург: Уральский пединститут, 1990. 120 с.
4. Зверев И.Д. Экология в школьном обучении.

Новый аспект образования. М.: Знание, 1980. 96 с.

5. Сидельковский А.П. Взаимодействие школьников с природой как воспитательный процесс (системный подход) Автореф. дисс. докт. пед.н. Ставрополь, 1987. 37 с.

6. Глазачев С.Н. Экологическая культура, образование и цивилизационный выбор России // Наука и школа. 1997. № 3. С. 4-11.

7. Сериков В.В. Личностно-ориентированное образование: современное состояние теории и практики // Личностно-ориентированная парадигма развития системы образования в Республике Калмыкия. Элиста, 1999. С. 17-29.

8. Алексеева С.В., Симонова Л.В. Идея це-

лостности в системе экологического образования младших школьников // Начальная школа. 1999. № 1. С.19-22.

9. Дежникова Н.С. Указ. соч. С. 4-13.

10. Цветкова И.В. Диагностика экологической культуры младшего школьника // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 2. С. 34-40; Социокультурный опыт как средство и результат экологического воспитания // Социокультурные аспекты экологического воспитания школьников. М., 2000. С. 13-25; Экология для начальной школы. Игры и проекты. Ярославль: «Академия развития», 1997. 192 с.

11. Дежникова Н.С. Указ. соч. С. 4-13.

ББК 81.2 (2 РОС=КАЛМ)

**К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА¹
(на примере Республики Калмыкия)**

Н.Г. Очирова

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с реализацией языковой политикой в регионах ЮФО на примере Калмыкии.

Ключевые слова: язык, современное общество, трансформация, закон, политика

The article is devoted to actual problems connected with realization of language policy in regions of SF on the example of Republic of Kalmykia

Keywords: language, modern society, transformation, law, policy

Юг России - это один из самых многонациональных и многоконфессиональных регионов нашей страны, регион контакта многих этносов и культур.

Здесь на протяжении многих веков протекали процессы интенсивного взаимодействия культур и религий различных народов, что придало этому краю особое своеобразие и уникальность. Одним из этносов, населяющих данный регион на протяжении четырех веков, являются калмыки, исторически входящие в монгольскую и историко-культурную общность.

Прикочевав в первой половине XVII века, калмыки принесли с собой неповторимый мир монгольской буддийской культуры, ставшей наряду с русской православной и тюркоязычной мусульманской культурами важнейшей цивилизационной составляющей Юга России.

Современное обновление всей сферы общественной жизни в условиях трансформации требует не только всестороннего критического анализа прошлого, но и глубокого социально-философского осмысления процессов, происходящих в сфере взаимодействия и национально-культурного возрождения этносов в постсоветский период. Забота о сохранении уникальности каждого этноса, его самобытности - одна из важнейших задач Российского государства.

В повышении культуры межнацио-

нального общения большую роль играет и язык, который является основой этнической культуры. Аварский, карачаевский, балкарский, кабардинский, калмыцкий, чеченский, ингушский, осетинский и любой другой язык северо-кавказского региона и в целом Юга России вобрала в себя влияние многих языков. Взаимопроникновение и взаимообогащение этнических языков происходило в процессе контактов со многими народами на стыке двух культур - Востока и Запада.

В последние годы наблюдается новое видение национально-языковых проблем. Языковые вопросы остро встали в начале 90-х годов прошлого столетия. Несмотря на прошедшее с тех пор время, принятие федеральных и республиканских Законов о языках, программ, призванных решать проблемы возрождения национальных языков, ощутимых результатов они пока не дали. Губительные процессы не владения родным языком коренных этносов в регионах Юга России, в том числе на Северном Кавказе, в разной степени продолжают, как показывают исследования, возрастать.

Российские ученые подчеркивают, что языки народов России продолжают находиться в состоянии кризиса. Об этом свидетельствуют значительное снижение уровня владения родными языками, сокращение числа населения, для которого они являются языками реального общения. В силу объективных причин снижается потребность или необходимость знать родной язык. Современному калмыку или ногайцу для того, чтобы адаптироваться в социальном окружении, получить качественную профессиональную подготовку, необходимо знание

¹ Работа выполнена по проекту «Республика Калмыкия в условиях трансформации российского общества» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (2006-2008).

русского языка, который господствует во всех сферах жизнедеятельности. Родные языки сузили сферу своего распространения до размеров семьи. Но и здесь они постепенно вытесняются [1]. Данные опроса экспертов, проведенного Центром этносоциальных исследований РАН в 2004 году, также говорят о тревожном состоянии национальных языков.

Безусловно, национальное самочувствие любого народа связано с отношением государства к его родному языку, культуре, с готовностью государственной власти помочь сохранить его самобытность и содействовать его развитию. Поэтому огромное внимание уделяется гарантиям языковых прав народов в Конституции Российской Федерации, в Законах о языках.

Калмыцкий язык в социолингвистическом отношении занимает особое место среди языков народов Российской Федерации. Калмыки - один из немногих народов вошедших в состав России, уже имея собственную письменность и собственный литературный язык. Богатая письменная традиция калмыков, восходящая к старомонгольской письменности, сохранялась на берегах Волги на протяжении почти трех столетий, что и позволило сберечь бесценные памятники своей духовной культуры для будущих поколений. В 1924 году в силу исторических обстоятельств калмыки вынуждены были отказаться от своей национальной письменности и перешли на кириллицу. Распространение письменности на русской графической основе в первой трети XX в. было не случайным явлением. Этот процесс отражал складывающиеся языковые связи и соответствовал ситуации национально-русского двуязычия, при которой пользование единой графической системой для родного, калмыцкого, и русского языков создавало максимум удобств для пользователя.

Калмыкия была выбрана в качестве места проведения Международного семинара по эгидой ЮНЕСКО «Языки народов России: перспективы развития» (Элиста, май 1999), где рассматривался в качестве классического примера каталонский опыт возрождения миноритарного языка.

Рассмотрим, как реализуется федеральный Закон «О языках народов Российской Федерации», принятый 24 июля

1998 г., в регионах ЮФО на примере Калмыкии. В соответствии с федеральным Законом в октябре 1999 г. Народным Хуралом (Парламентом) Республики Калмыкия был принят Закон «О языках народов Республики Калмыкия» [2]. На наш взгляд, Закон был востребован самим временем и сложившейся языковой ситуацией в республике. Принятие данного Закона было необходимо еще и потому, что этноязыковая политика в силу объективных причин становилась одной из главных задач в государственной национальной политике, от решения которой во многом зависели как общественно-политическая, так и социально-экономическая и культурная жизнь полиэтнического общества. Закон о языках мы рассматриваем как акт долговременный и нацеленный, прежде всего на молодое поколение.

Позитивный эффект возможен только в том случае, если соответствующая государственная, национальная, языковая политика будут основываться на научной базе. Для восстановления ситуации устойчивого развития в регионе, необходима глубоко продуманная, научно обоснованная программа, основанная на адекватном осмыслении сегодняшних реалий. Время показало, что недооценка роли языка и языкового сознания может привести к негативным результатам. Сама жизнь ставит новые теоретические проблемы и требует их скорейшего решения.

Наибольшую озабоченность вызывает будущее калмыцкого языка. Немаловажное значение имеют также политические аспекты двуязычия. Желаемый уровень двуязычия в нашем обществе - это уравновешенное, гармоничное национально-русское двуязычие, предполагающее свободное владение билингвами родным и русским литературными языками в устной и письменной форме [3].

Невозможно сегодня отрицать многочисленные объективные факторы, затрудняющие развитие двуязычия. Это, прежде всего, экономическая и социально-демографическая обстановка. Поэтому необходимо принять самые неотложные меры по нейтрализации и ослаблению влияния негативных факторов на языковую ситуацию.

Одной из задач сферы образования является содействие гармонизации межнациональных отношений, укрепление взаи-

мопонимания между учащимися разных национальностей. Так, в школах республики изучаются языки народов, представители которых компактно проживают в Республике Калмыкия: аварский, казахский, даргинский, корейский.

В учебные планы образовательных учреждений республики включены курсы и предметы региональной компетенции, обеспечивающие развитие национальной культуры и традиций: «История и культура родного края», «Тодо бичг», «Краеведение» «Джангар», «Национальное прикладное искусство», «Философия буддизма», «Экология Калмыкии», «Литература Калмыкии» и т.д.

В 2002 г. Правительством Республики Калмыкия утверждена Республиканская целевая программа «Калмыцкий язык и языки народов Республики Калмыкия на 2002-2006 гг.»

Приведем примеры, иллюстрирующие современную языковую ситуацию в области образования в других регионах ЮФО: в Адыгее изучаются два языка (адыгейский и армянский), в Дагестане - 13 этнических языков (лезгинский, аварский, даргинский, лакский, табасаранский, чеченский, агульский, азербайджанский, кумыкский, ногайский, рутульский, татский, цахурский). В Кабардино-Балкарии в образовательной сфере функционируют четыре языка: кабардинский, балкарский, еврейский, осетинский. В Карачаево-Черкесии семь этнических языков (абазинский, карачаевский, ногайский, новогреческий, черкесский, осетинский, турецкий) изучаются как учебные дисциплины, а черкесский язык является также языком обучения. В некоторых школах Северной Осетии (Алании) ведется обучение на осетинском и грузинском языках. Осетинский, ингушский, кабардинский, кумыкский языки изучаются как отдельные предметы, В Чечне как учебные дисциплины изучаются чеченский, аварский, кумыкский, ногайский языки. В отдельных обра-

зовательных учреждениях Краснодарского края обучение ведется на армянском языке, а адыгейский, грузинский, кабардинский, черкесский языки в некоторых школах изучаются как образовательные дисциплины.

В Ставропольском крае в отдельных образовательных учреждениях преподаются армянский, иврит, ногайский, новогреческий, татарский, туркменский языки, в Астраханской области изучаются турецкий, казахский, ногайский, татарский языки, в Ростовской области - армянский язык [4].

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о том, что в регионах ЮФО деятельность законодательных и исполнительных органов власти направлена на реализацию мер, ориентированных на сохранение и развитие культур, языков, традиций народов, расширение их сотрудничества и духовное взаимообогащение, в том числе на решение вопросов национально-языковой политики, этнокультурного взаимодействия народов Юга России. В дальнейшем актуальной задачей является разработка единой междисциплинарной модели описания языковой ситуации и языкового взаимодействия как в республике, так и в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дякиева Р.Б. Функциональные возможности государственных языков в Республике Калмыкия в условиях национально-языковой политики на современном этапе // Двужычие и билингвальное образование. Материалы международной научно-практической конференции. Элиста, 2002. С. 101.
2. Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара. Элиста, 2000.
3. Омакаева Э.У. Двужычие и языковое регулирование в Калмыкии // Двужычие и билингвальное образование: Материалы международной научно-практической конференции (Элиста, 26-27 сентября 2002 г.) - Элиста: АПП «Джангар», 2002.- 148 с. С. 48-54.
4. Очирова Н.Г. Юг России: взаимодействие народов и культур // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Книга 1. М.: Наука, 2006. С. 411.

ББК 63.5 (РОС)

**РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ
И РЕЛИГИОЗНОГО КОМПОНЕНТА
В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(на примере Северного Кавказа)**

Н.Д. Санджиев

В настоящей статье исследуется ряд проблем, связанных с генезисом и эволюцией национально-государственного устройства в таком ключевом регионе, как Северный Кавказ.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, этнос, ислам, буддизм, государство, Калмыцкое ханство, этнополитическая ситуация, Российская империя, Российская Федерация.*

In this article the following problems are under study: the issues that are connected with the origin and development of the national-state structure of North Caucasus, one of the key areas in the Russian Federation.

Keywords: *North Caucasus, ethnos, Islam, Buddhism, state, Kalmyk khanate, ethno-political situation, Russian Empire, the Russian Federation.*

Россия после президентских выборов 2000 года вступила в новый исторический этап своего демократического реформирования. Можно утверждать, что в самом начале нового века судьба дала России еще один исторический шанс, а ее гражданам новые надежды на будущее. Социально-политическое содержание этого шанса, если быть кратким, состоит в следующем: «быть или не быть России великой и благополучной державой - нацией великих и благополучных народов - этносов и граждан единой страны».

При реализации этого шанса мы наследуем наряду с массой традиционных проблем и трудностей немало заметных достижений во всех сферах государственной и общественной жизни, которых мы, народы России, достигли своим талантом и сотворчеством, несмотря на многие сложности. И прямое, непосредственное влияние на реализацию эффективной государственной национальной политики окажут две фундаментальные проблемы: самочувствие народов и граждан России, состояние и перспектива российской государственности.

В данном случае, представляется более уместным говорить о едином этнорелигиозном факторе, влиянии этого единого фактора на управление и организацию национально-государственного управления в составе единого государства.

Кавказский субрегион чрезвычайно важен для России. Часто можно слышать о геополитическом, геостратегическом значении Северного Кавказа, о территориальной целостности России, о безопасности границ

и очень редко - о Кавказе как о земле уникальных народов и культур, об их российской судьбе. Для Кавказа и народов, проживающих на нем, жизненно важное значение имеет сохранение социальной и духовной целостности российского многонационального народа и государства.

Кавказ - это важнейший регион, где проходят испытание на прочность не только межнациональные отношения, но и вся модель национально-государственного устройства России, система федеративных отношений. Именно поэтому неправомерен злободневный в конце XX века риторический вопрос: «Нужен ли Северный Кавказ России?», ибо ответ может быть только один: «Не только России нужен Северный Кавказ, но и Северному Кавказу нужна Россия».

На Северном Кавказе в настоящее время существует 13 национально-государственных и административно-территориальных образований, в которых проживает более 20 млн. человек, представляющих свыше ста национальностей, народностей и этнических групп, исповедующих практически все мировые религии.

Государственно-административные формы развития государства с точки зрения взаимодействия этноса, религии и системы: управления в национальных регионах страны слабо изучены. В трудах С.С. Эсадзе, В. Григорьева и ряда других авторов затрагивались темы федерализма. В этих трудах дореволюционного периода изучался в основном Кавказ и лишь отчасти степные регионы. Авторами рассматриваются некоторые местные институты

власти, изменения, происшедшие в управлении краем после его вхождения в состав России.

В советское время появляется ряд трудов по политике царизма в системе управления отдельными регионами бывшей Российской империи. Интересная статья о роли у калмыков буддийской сангхи как части системы российского администрирования была написана в свое время Л.С. Бурчиновой [1].

Существенное значение имела гибкость российского законодательства, которое пыталось учесть национальные, культурные, религиозные, социальные и демографические особенности отдельных регионов государства. В этом отношении большой интерес представляет «Учреждение управления инородцев», в котором определяется управление национальными территориями, в частности, в Астраханской, Ставропольской, Оренбургской губерниях [2, см.207]. Калмыки Астраханской и Ставропольской губерний (но не Донской области), горцы Кавказа также были причислены к инородцам. Вплоть до революции 1917 года действовало «Положение об инородцах» [3], которое ранее именовалось Уставом об управлении инородцев [4]. Данное Положение закрепляло дифференцированный подход к различным группам инородцев. При определении их статуса ключевыми являлись два момента: территория проживания и образ жизни.

После Октябрьской революции 1917 года был ликвидирован униженный статус инородцев и юридически они были уравнены в правах с другими гражданами России. Статья 22 Конституции РСФСР 1918 года объявила, что установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на основании расовой и национальной принадлежности, угнетение национальных меньшинств и ограничение их равноправия противоречат основным законам республики.

Характерной особенностью России является ее многонациональный состав и поликонфессиональность. Расширяясь на запад, юг, север и восток, Россия включала в свой состав различные территории и народы: с самыми разнообразными культурами и различным образом жизни. Процесс «собирания земель» происходил как мирным, так и военным путем, в виде прямого присоединения или протектората, по результатам всегда было включение их в общую систему российской государственности. Специфика религии и культуры также влияла на формы органи-

зации административных единиц в составе империи и способы управления ими. Однако, несмотря на такие контрасты, Российская держава была весьма прочной и устойчивой, что объяснялось не только использованием традиционных национальных и религиозных институтов, но и рядом причин: религиозной терпимостью в империи, гибким подходом к местным условиям, монолитностью чиновничьего сословия и дворянства, общепризнанным главенством признанной династии и т.д.

Российская политика в отношении нерусских народов империи до начала XIX века следовала, в основном, традиционным образцам. Империя, включая в свой состав тот или иной регион, начинала прежде всего интеграцию нового региона в имперское политико-административное пространство. Этот процесс имел значительную временную протяженность и определенную последовательность: установление периметра внешней границы и обеспечение государственной безопасности; установление региональных центров власти; определение административно-политического статуса региона и поиск оптимальной модели взаимоотношений региональной власти и центра; создание управленческой инфраструктуры.

Проблема совершенствования отношений Центра и национальных окраин до сих пор не утратила своей актуальности. В связи с обсуждением в обществе вопросов, связанных с федерализмом, национальной политикой, ее решение требует более глубокого и всестороннего учета особенностей различных территорий и традиций народов. Сейчас на огромном евразийском пространстве возводится новая, демократическая Россия, которая объединяет более 160 народов, с их национальными и религиозными особенностями. При создании новой модели федерализма полезно опираться на опыт, накопленный прежде Россией в вопросах обустройства государства. Кроме этнического аспекта, здесь важную роль играет конфессиональная составляющая.

В первые десятилетия советской истории (1920-1930гг.) в Северо-Кавказском регионе было проведено национально-территориальное размежевание, образованы национальные автономии, создана этническая элита, осуществлена настоящая культурная революция. Этот процесс имел как позитивные, так и негативные следствия для этнополитической ситуации на Северном Кавказе. С одной стороны, были созданы различные формы государственности для многочисленных

народов региона, созданы промышленность, центры культуры и образования, в национальные автономии шли целенаправленные капиталовложения. Формировалось национальное самосознание у народов Северного Кавказа.

С другой стороны, эти же самые процессы имели определенные конфликтогенные аспекты. Так, в результате национально-территориального размежевания границы созданных автономий далеко не всегда совпадали с этническими ареалами (а зачастую и в принципе не могли совпадать из-за изменчивости последних). Мнение о том, что это было сделано направленно, с целью поддержания нестабильности и ситуации управляемого конфликта в регионе, не является, с нашей точки зрения, обоснованным.

Созданная в 1920 году Горская АССР, объединявшая несколько горских народов региона, стала распадаться по этническому признаку и в 1924 г. была упразднена.

Граница и статус национальных территориальных образований на Северном Кавказе за неполных 70 лет советской власти изменялись более 30 раз.

К 1960 году на Северном Кавказе была обеспечена относительная устойчивость в этнонациональных отношениях. Этот позитив был достигнут за счет репрессий, преференций и идеологии.

Ситуация изменилась во второй половине 80-х годов, когда грянул этнополитический кризис в регионе, разразившийся несколькими вооруженными конфликтами. Сегодня ситуацию по этнополитическому процессу на Кавказе нельзя назвать спокойной. Она напряженная.

На федеральном уровне в 1991-1995 гг. также стало официально проявляться признание народов в качестве субъектов права, которое происходило различными путями:

а) в федеральных законах, например, в Законе «О реабилитации репрессированных народов»;

б) в Указах Президента России, постановлениях правительства РФ.

Еще один аргумент правомерности рассмотрения этносов как субъектов права основывается на правовой коллизии советского законодательства, унаследованной современным российским законодательством, - признании в качестве субъектов государственного права и республик, и этносов. Термин «субъект» в федеральном законодательстве относится к республикам, краям и областям, а во внутриреспубликанских - к этносам.

Роль религиозного компонента в этнополитических процессах на Северном Кавказе представляется очевидной, однако при более пристальном рассмотрении религиозные процессы в регионе оказываются не столь простыми. В регионе отмечены этнические конфликты между единоверующими, например, конфликт между карачаевцами и черкесами в 1999 году. С другой стороны, примечателен факт участия осетин (две трети исповедуют христианство, около трети - ислам) независимо от вероисповедания в двух серьезных этнополитических конфликтах: осетино-ингушском и осетино-грузинском.

В 1999 году дагестанское население оказало сопротивление бандформированиям из Чечни, несмотря на то, что это нападение на Дагестан обосновывалось боевиками именно исламскими лозунгами.

Мусульманские и православные священнослужители Северного Кавказа в самые острые периоды чеченского кризиса выступили с совместными заявлениями к населению, стремясь удержать его от участия в конфликтах. Этот факт подчеркивает, что в Чечне не было конфликта между традиционной для региона формы ислама - суннизмом - и православием, хотя сегодня конфликт в Чечне в российском обществе стал восприниматься через конфессиональную призму. А виной этому являются идеологи чеченского сепаратизма, к концу 90-х часто обращавшиеся к религиозной риторике. Именно эта риторика, тиражируемая масс-медиа, сыграла заметную роль в формировании исламофобии в России в постсоветский период и трансформации этнополитических конфликтов, в основе которых лежали интересы конкретных группировок и даже отдельных людей, в конфликты идентичностей.

Сегодня этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе можно определить как стабильную, что является результатом целенаправленной и грамотной региональной политики, учитывающей все многообразие действующих факторов.

Этнос и религия, несомненно, влияли на формирование национально-государственной политики России, тесно связанной со становлением политико-административной системы государства. Этот вопрос чрезвычайно актуален и поныне, поскольку в составе единой системы формировались и эволюционировали различные модели управления в национальных окраинах огромной страны.

Одним из наиболее эффективных ин-

струментов для изучения рассматриваемой темы следует признать компаративный метод, основанный на типологическом обобщении, для выявления отличительных черт и главных признаков.

Трудности в реформировании государства и регионов заключались так же в том, что в России имел место длительный процесс разделений законодательных, исполнительных и судебных инстанций, который начался еще при Петре и длился до XIX века. Таким образом, административно-территориальная система государства - это итог долгого исторического процесса.

В XVI веке Россия значительно расширилась за счет присоединения территории Поволжья и Приуралья. Благодаря приходу в начале XVII века на низовья Волги калмыков, вытеснивших ногайцев, эти места фактически стали управляться Москвой. Далее произошло присоединение Украины, части Белоруссии, Латвии и Эстонии, Литвы и т.д.

При управленческом обустройстве новых территорий правительство стремилось сохранить исторически сложившиеся управленческие структуры, с целью адаптации новых подданных к условиям жизни в пределах империи. Таким образом, политическая держава складывалась постепенно, с сохранением в отдельных ее частях своего устройства, статуса и модели отношений с Центром. Взаимодействие между различными уровнями власти вытекало из распорядительно-исполнительной функции государства и преследовало своей целью проведение в жизнь действующих и принимаемых законов. Характер и специфика административной системы национальной окраины определялись целым комплексом факторов, среди которых важную роль играл религиозный фактор, тесно переплетенный с этническим фактором.

Образованию Астраханской области в мае 1785 года предшествовало исключительное по своей политической важности событие - уход большей части калмыков из Нижнего Поволжья и предгорий Северного Кавказа обратно в Китай в январе 1771 года. Это событие сильно ослабило южные окраины страны, Екатерина II приняла решение создать Астраханскую область как одну из двух составных частей Кавказского наместничества.

Россия утверждалась на Северном Кавказе более ста лет. На становление системы государственного устройства и управления на Кавказе основное влияние оказывали его полиэтничность и многоукладность.

Огромные территории, населенные мусульманами, с целью более гибкого управления требовалось разукрупнить, поэтому было увеличено число уездов. Создается Дагестанская область. Этот регион даже на фоне Кавказа поражал своей этнической пестротой, которую объединял только ислам.

Переселенчество из центральных губерний на Кавказ особенно активизировалось после распространения так называемого махаджирства - массового исхода местного народа в Турцию, в чем большую роль сыграла пропаганда местного мусульманского духовенства. С исламским влиянием на Северном Кавказе активно боролось учрежденное в 1860 году Общество восстановления православного христианства на Кавказе.

История показывает, что при образовании государства и проводимых в нем административно-управленческих реформах идеологический аспект играет важную роль. Переход от одной формы правления и всего образа жизни к иной неизбежно требует идеологического закрепления. Сакрализация идеологии институтов управления нового государства давала правителю право быть лидером, обосновывала и освящала его право управлять обществом. В царской России правление было государственной религией, царь был «помазанником Божиим», Москва объявлялась третьим Римом.

Особую политику на юге страны правительство России проводило в отношении калмыков, поскольку они были буддистами по вере. Их не могли объединять в административном отношении с тюрко-мусульманским миром Поволжья, Северного Кавказа и Средней Азии, хотя территория Калмыцкого ханства занимала огромные пространства от предгорий Кавказа до Оренбурга, от Самары до залива Кара-Богаз-Гол и практически граничила с Джунгарским ханством.

Официальной датой добровольного присоединения калмыков к России считается 1609 год, когда была подана соответствующая грамота о подданстве русским властям на имя воеводы г. Тары И.В. Массальского. Сложение Калмыцкого ханства в Нижнем Поволжье не было единовременным актом. Лишь на стыке 1655-1656 гг. хан Дайчин изъявил готовность принять русское подданство. Он писал, что подвластные его «учинят, чего искони веку от них николи не бывало - оново Мончак и внук его родной Манжик тайши, сами... великим государем шартовать станут», то есть калмыки, никогда прежде не

признававшие над собой никакой власти, готовы были добровольно подчиниться русскому царю.

После ухода калмыков в Китай (январь 1771 года) ханство было упразднено, территория под названием Калмыцкая степь вошла в состав вновь образованной Астраханской губернии. Со временем собственное самоуправление было заменено системой попечительства.

Многонациональная Россия в обозримый исторический период будет сохраняться как многонациональное государство. Феномен многонациональности - это для России историческая данность, которая вытекает из реального существования этносов, и с этими реалиями не может не считаться ни один серьезный политик. И это еще один аргумент в пользу необходимости повышения приоритетов эффективной и стратегически выверенной национальной политики.

Таким образом, можно резюмировать, что этноконфессиональные особенности южных регионов самым непосредственным образом влияли и продолжают влиять на методы управления и организацию административной структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурчинова Л.С. Ламаистская церковь Калмыкии в системе Российской государственности // Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977.
2. Авксентьев В., Бабкин И. Ислам и этнические конфликты на Северном Кавказе // *Ab imperio* «2000» № 2. С. 190.
3. Положение об инородцах // Свод законов Российской империи. СПб., 1903. Т. 2. Часть 1. Тетрадь 7. С. 1-44.
4. Высочайше утвержденный Устав июля 22 (1822 г.) об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 38. С. 394-417 (документ № 29126).

УДК 37.014.3

РЕФОРМА ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ В КАЛМЫКИИ В 80-Е ГГ. XX В.

Е. В. Сартикова

В статье рассматривается реформа общеобразовательной школы в Калмыкии в 80-е гг. XX века.

Ключевые слова: реформа, школьное образование, школа, содержание образования, образовательные стандарты, учитель.

The article is devoted to the reform of a comprehensive school in Kalmykia in 80 years XX of century.

Keywords: Reform, school education, school, contents of education, educational standards, teacher.

Сегодня очевидными стали не только недостаточное наше обращение к мировому опыту, но и забвение опыта российской школы, приобретенного ею на большом историческом пути своего развития. Тема статьи является актуальной в связи с качественными изменениями в современной образовательной политике, ориентированной на воспитание личности, от которой зависит будущее страны. Изучение прошлого школы сегодня может дать импульс к новым идеям, а критическое осмысление накопленного опыта, позволит вернуть “хорошо забытое старое”, которое также будет способствовать решению задач, стоящих перед нашим обществом.

Научная новизна статьи заключается в попытке рассмотреть реформирование системы образования в плане нового мышления, показать достижения и издержки, трудности и нерешенные проблемы модернизации школы, критически взглянуть на общие закономерности и особенности советской стратегии развития народного образования. Автор делает особый акцент на позитивном значении советской модели образования. Хронологические рамки статьи ограничены 80-ми годами XX века, принятием в 1984 г. основных направлений реформы общеобразовательной школы и их реализацией в Калмыкии.

Историография проблемы периода 1980-х гг. посвящена исследованию всей системы народного образования. Отличительной особенностью этого периода является ориентация на партийное руководство системой народного образования [1]. Развитию народного образования в регионах страны историки уделили немало внимания [2]. Работы советского периода освещают только положительный опыт реализации образовательной политики. В годы перестройки стали появляться новые подходы к анализу системы образования [3]. Таким образом, можно сделать вывод о зна-

чительном круге исследований по данной проблематике. В то же время многие из них односторонне освещают процессы преобразований. В Калмыкии по данной теме вышла только одна монография К. Ф. Лиджиевой «Образовательная школа Калмыкии во II половине XX века: история, опыт, проблемы», посвященная общеобразовательной школе, её истории, опыту, выявлению общих и региональных черт, анализу инновационных процессов, происходящих в системе образования [4].

Общеобразовательная школа Калмыкии прошла несколько попыток реформирования, совершенствования общеобразовательной системы. В данной статье речь идет о реформе общеобразовательной школы в 80-е гг. XX века. К этому времени становилось все более очевидным, что советская административно-командная система управления народным хозяйством исчерпала себя, оказалась не в состоянии провести в стране глубокие преобразования, охватывающие все стороны жизни общества. Достигшая к этому времени высокого уровня образованность народа, демократизация общественной жизни поставили под сомнение сами принципы, положенные в основу советской тоталитарной системы. Назрела острая необходимость в кардинальной реформе образования.

Начало 1980-х гг. отмечено важнейшими событиями в развитии системы народного образования в целом и общеобразовательной школы в частности. Специальной комиссией ЦК КПСС подготовлены «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» [5], одобренные апрельским (1984 г.) Пленумом ЦК КПСС и Верховным Советом СССР. В этом документе сформулирована концепция обучения и воспитания молодежи, её подготовки к жизни и труду, получили дальнейшее развитие

идеи о трудовой, политехнической школе.

Средняя общеобразовательная школа вновь становилась одиннадцатилетней. Обучение детей предлагалось начинать с 6-летнего возраста. Вводился типовой учебный план 11-летней школы. В него были включены 4 новых учебных предмета: «Основы производства. Выбор профессии», «Этика и психология семейной жизни», «Ознакомление с окружающим миром», «Основы информатики и вычислительной техники» [6].

Началась большая организационная работа по реализации реформы школы как в стране, так и в регионах. Планом комплексных мероприятий Министерства просвещения Калмыцкой АССР, обкома профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, направленных на реализацию «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы», были определены пути дальнейшего совершенствования общего среднего образования, развитие трудового воспитания, обучения и профессиональной ориентации школьников, намечены задачи совершенствования подготовки, повышения квалификации педагогических кадров, меры по дальнейшему улучшению общественного и семейного воспитания детей и подростков. Были также утверждены планы строительства школ и дошкольных учреждений на 1986 - 1990 гг., строительства и реконструкции учебных мастерских, кабинетов по трудовому обучению, поэтапного приема в эти годы детей 6-го возраста в общеобразовательные школы.

В 1984 году в 244 общеобразовательных школах, в том числе 132 средних, 29 восьмилетних, 80 начальных и 3 специальных, работало около 4200 учителей и воспитателей. Улучшился качественный состав как учительских, так и руководящих кадров школ, повысился их идейно-политический и профессиональный уровень. 98,5 % учителей, работавших в 4 - 10 классах имели высшее образование, а в начальных классах все учителя имели специальное среднее или высшее педагогическое образование [7].

В соответствии с требованиями реформы в школах проводилась работа по повышению качества учебно-воспитательного процесса, совершенствованию урока как основной формы обучения и воспитания учащихся, в практику внедрялись новые методы и формы ведения урока: лекции, уроки-семинары, уроки-практикумы, зачеты, экскурсии. На своих уроках учителя использовали такие методы и приемы, как работа с книгой, письменные и графические работы, проблемное раскрытие темы, дидактические игры, самопроверки с помощью средств обратной связи, самостоятельная работа со справочной лите-

ратурой и первоисточниками.

В условиях реформы чрезвычайно большое значение имело обеспечение компьютерной грамотности учащихся и широкое внедрение электронно-вычислительной техники. Повсеместно в школах республики в программу обучения был введен новый предмет «Основы информатики и вычислительной техники». Для его преподавания было подготовлено более 200 учителей физики и математики. Дисплейный класс, оборудованный устройствами фирмы «Ямаха», имелся в УПК-2 г. Элисты, для УПК-2 Институтом усовершенствования учителей были приобретены установки ДВК-1, ДВК-2; в 24 школах были смонтированы комплекты микрокалькуляторов, всего же за учебный год их было приобретено и использовано 620. Посещение этих уроков показывало, что учащиеся с неподдельным интересом относились к новому предмету. Однако электронно-вычислительную технику имели только 1,6 % общеобразовательных школ, а в некоторых из них учились и совсем на «пальцах» [8].

В соответствии с решениями апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС в планах мероприятий, разработанных на местах, предусматривалось также дальнейшее укрепление учебно-материальной базы учреждений просвещения, значительное увеличение строительства школ и дошкольных учреждений, на что закладывались немалые капитальные вложения. Только за 1976 - 1982 гг. были введены в строй 35 типовых школ на 15752 ученических места, 29 дошкольных учреждений на 3500 мест и 13 общежитий интернатов на 1220 мест [9]. Строительство и ввод в действие новых школьных зданий позволили провести дальнейшую рационализацию школьной сети и увеличить число учеников, обучающихся в первую смену. В 1983 г. первую смену обучалось 93 % школьников, вместо 87 % - в 1978 году.

Самой тщательной подготовки требовал переход к обучению детей с 6-летнего возраста. Завершить этот процесс в республике планировалось до 1990 года. В подготовительных группах обучалось 2060 детей шестилетнего возраста, в 24 из них были созданы все необходимые условия. С 1 сентября 1985 г. начали обучение в 1 классах четырехлетней начальной школы 3200 шестилеток.

Согласно «Основным направлениям реформы общеобразовательной и профессиональной школы», были разработаны и конкретные планы коренного улучшения трудового и профессионального обучения учащихся. В соответствии с постановлением Совета Министров Калмыцкой

АССР от 28 ноября 1984 г. № 376 за общеобразовательными школами было закреплено 274 базовых предприятий.

Были созданы и успешно работали на ответственных им 3,2 тыс. гектарах земельной площади 114 ученических производственных бригад, 186 молочно-товарных ферм и животноводческих точек [10]. На базовых предприятиях учащиеся обучались профессиям шофера, тракториста, автослесаря, животновод-механизатора, оператора машинного доения, швей-мотористки, продавца, помощника электросварщика.

Именно в процессе труда, в отношении к людям труда открывается широкое поле для реализации идейно-нравственного потенциала личности. Создание новых отраслей производства, использование машин, приборов и инструментов, основанных на электронике, электроавтоматике, внедрение новой техники все больше требовало людей, имеющих среднее образование и широкую политехническую подготовку. Исследования показывали, что если в 1930-е годы лишь 6 % рабочих профессий требовали людей со средним образованием, то в 1975 году - уже 54 %, а в 1980 г. они составляли 89 % [11].

Глубокий анализ и тщательное изучение положения дел на местах, теоретическое осмысление опыта трудового воспитания предоставляли возможность своевременно и критически оценить создавшуюся ситуацию.

Трудовое обучение как предмет вводилось с 1 по 10 классы. Уроки ручного труда в начальных классах способствовали развитию познавательной и творческой активности учащихся, воспитанию любви к труду, уважения к его результатам, а также укреплению организма. Абсолютное большинство ребят из начальных классов любили уроки труда, радовались поделкам, стремились отличиться в работе.

Содержание трудового обучения было дифференцировано: для мальчиков и для девочек. Занятия по труду в основном носили практический характер. В Яшкульской школе-интернате, например, проводилась многообразная сельскохозяйственная работа на учебном участке, в летний период многие учащиеся вместе с родителями работали на чабанских точках и фермах. В школах частыми гостями бывали передовики производства, ребята совершали экскурсии на шефствующие предприятия, знали они и о достижениях в развитии народного хозяйства района, республики.

Однако во многих школах учебные мастерские и кабинеты имели неприглядный вид, а состояние учебного оборудования и станков не выдерживало никакой критики. Так, из 14 сред-

них и восьмилетних школ Целинного района только в 2-х были созданы кабинеты труда, не создавались элементарные условия для трудового обучения в Цаган-Усунской восьмилетней школе Яшкульского района, Белозерной - Юстинского района; Джангарской - Октябрьского и других школах республики.

Руководители некоторых хозяйственных органов уклонялись от выполнения ими же взятых обязательств, либо выделяли школам использованные, вышедшие из строя технику и оборудование.

Следует отметить, что этот период охарактеризовался высоким подъемом творческой активности учителя Калмыкии по совершенствованию учебно-воспитательного процесса, приведению методов обучения в соответствие с современными требованиями, формированию учащихся умений и навыков правильной ориентации в стремительном потоке научной и политической информации, умения приобретать знания путем самостоятельных занятий и пользоваться ими в практической деятельности.

Многие школы республики поддерживали призывы учителей: Волгоградской области - «Каждому уроку - отличную подготовку, современные методы, высокое качество», Москвы и Московской области - «От творчески работающего учителя к творчески работающему коллективу», «Научить ученика учиться, работать и жить по-коммунистически», а также Белгородской области - по осуществлению комплексного подхода в воспитании учащихся.

Для непрерывного повышения педагогического мастерства учителей в республике функционировали 144 районных, 100 межшкольных и свыше 500 школьных предметных и цикловых методических объединений, работали 80 школ молодых учителей, 66 школ передового опыта, а также 33 опорные школы, 84 школьных методических кабинета и свыше 70 методических уголков.

Повышению уровня работы педагогических коллективов способствовала последовательно улучшавшаяся учебно-материальная база учреждений просвещения. В 1985/86 учебном году были построены 2 школы на 1440 ученических мест, 3 детских сада на 90 мест, что позволило обучать в 1-ю смену 94,6 % учащихся, охватить горячим питанием 85,4 % учащихся. Каждый второй ученик находился под педагогическим наблюдением в течение полного дня: 22,5 тыс. (51,5 % контингента учащихся 1 - 8 классов) были охвачены 643 группами продленного дня (в т. ч. 7 школ с продленным днем работали по опыту Белгородских сельских школ); в 7 школах-

интернатах обучалось 1268 учащихся, в 88 интернатах при школах воспитывалось 4484 человек, из них на полном государственном обеспечении содержались 4084 школьников. В Городовиковском и Элистинском детских домах насчитывалось 233 воспитанника, в т. ч. 174 дошкольника. В Малодербетовском и Приютненском районах не было допущено выбытия учащихся без уважительной причины. В Каспийском, Малодербетовском, Сарпинском и Октябрьском районах был выполнен план по выпуску из 8 классов, а в Городовиковском, Малодербетовском и Октябрьском - из 10 классов. Лучших результатов по сохранению контингента, выполнению закона всеобуча добились педагогические коллективы Малодербетовского района [12].

Вместе с тем в работе по реализации реформы школы отделы народного образования, педагогические коллективы не добились должной глубины и темпов ускорения, не принимали необходимых мер к повышению деловитости и принципиальности, критического подхода к оценке своей деятельности.

Отдельные учителя еще не имели достаточного профессионального опыта, что приводило к заурядности методов, применяемых ими в работе, пассивности учащихся, слабому усвоению знаний (такие факты отмечались в Хомутниковской, Приманычской, Чилгирской, Большецарынской № 1, Иджилской средних школах и других). Так, из общего числа просмотренных уроков в Октябрьском, Ики-Бурульском, Яшкульском районах только каждый 4 - 5-й урок проводился на уровне современных требований. Срезы знаний по математике в Октябрьском районе показали, что в 9 классах не справлялся с заданием каждый второй, а в 7 - 8 классах - каждый третий учащийся.

В контрольных работах по заданию Министерства просвещения РСФСР свыше 30 % учащихся 7 - 8 классов не сумели расставить коэффициенты в уравнениях химических реакций; каждый третий девятиклассник не имел устойчивых навыков составления формул гидроксидов, затруднялся в решении задач. В Зултурганской, Приманычской, Бага-Бурульской, Большецарынской № 2 и ряде других средних школ не полностью выполнялись практические и лабораторные работы, не организовывались экскурсии на производство, изучение основ наук не увязывалось с профилем трудовой подготовки. Нередко учителя плохо знали перспективные направления интенсификации современного производства, что отрицательно сказывалось на объеме полученных знаний, умений и навыков, необходимых для глубокого изучения техники и технологии современного производства, развития технического творчества.

Руководители ряда школ и учителя не проявляли настойчивости в оборудовании учебных кабинетов, эффективном использовании имеющихся средств наглядности. Особенно отставали сельские школы Ики-Бурульского, Октябрьского и Целинного районов.

Не были выполнены народнохозяйственные планы по выпуску: из 8 классов выполнение составило 96,8 %, из 10 классов - 96,7 %. Большое отставание допустили: Ики-Бурульский район - выпуск из 8 классов - 95,7 %, выпуск из 10 классов - 90,5 %; Приютненский район - соответственно 95,2 % и 93,5 %; г. Элиста - 92,9 % и 94,2 % [13].

Следует отметить, что в 1985 году даже в целом по республике не был обеспечен полный охват средним образованием всех восьмиклассников, и по статистическим данным он составил 95,8 % (по поименному учету - 98,2 %). Наиболее низкими показатели по среднему всеобучу оказались в Октябрьском - 92,4 % и Приютненском - 95,7 % районах. Проводившаяся совместно с органами профтехобразования работа не давала должных результатов.

Необходимо было глубоко проанализировать причины укоренившихся упущений и нарушений в осуществлении закона об обязательном всеобщем среднем образовании, определить конструктивные пути улучшения работы всех звеньев, обеспечивающих полное выполнение среднего и восьмилетнего всеобуча, добиваться более четкого планирования распределения выпускников 8 классов по каналам получения среднего образования с учетом народнохозяйственных планов, потребности в кадрах, а также личных желаний учащихся, их склонностей к учебе и трудовой деятельности, как это было предусмотрено «Основными направлениями реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

Отмеченные выше недостатки свидетельствовали о том, что в управленческой деятельности отделов народного образования не происходило коренного перелома. Оценка деятельности учителей со стороны директоров школ нередко проводилась формально, по внешним признакам, без учета качества знаний учащихся, уровня их воспитанности, итогов инспекторских проверок. Для более интенсивной и качественной работы по претворению в жизнь всех положений школьной реформы необходимо было постоянно заботиться о формировании педагогических коллективов, обеспечении в них деловой, творческой атмосферы, о четком механизме взаимодействия школы с производством, с семьей, с государственными и общественными организациями. Следовало значительно улучшить и методы работы отделов

народного образования. Глубже изучать и анализировать положение дел непосредственно на местах, в соответствии с «Положением о школьной инспекции» осуществлять фронтальные и тематические проверки, не допускать формализма и очковтирательства при оценке деятельности школы и учителей. Следовало всячески развивать и поддерживать инициативу руководителей школ, умение принимать ими самостоятельные решения, острее реагировать на сигналы о неудовлетворительной работе учителей; шире изучать и пропагандировать опыт работы лучших учителей, организаторов народного образования, постоянно поощрять тех работников, которые оказывали плодотворную помощь в реализации школьной реформы.

Таким образом, несмотря на то, что на деле работа по реализации реформы общеобразовательной школы не обеспечивала необходимых темпов вывода школ республики на качественно новый уровень их деятельности, происходило дальнейшее совершенствование системы образования, повышение качества обучения, трудового, нравственного воспитания подрастающих поколений, их подготовки к труду.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Кожевников Е.Н. XXVI съезд КПСС и общеобразовательная школа: Книга для работников народного образования. М.: Просвещение, 1983; Куманев В.А. Революция и просвещение масс. М.: Наука, 1973; Паначин Ф.Г. Школа и общественный прогресс: Актуальные вопросы развития общеобразовательной школы эпохи развитого социализма. М.: Просвещение, 1983; Прокофьев М.А. Всеобщее среднее образование и педагогическая наука // Политическое самообразование. 1981. № 8; Плясовских В.С. Политика КПСС в области народного образования. Опыт разработки и реализации. М.: Мысль, 1987; Косолапов С.М., Федотов П.Н. Современные проблемы образования и воспитания подрастающего поколения. М., 1989.
2. См.: Партийное руководство народным образованием (на материалах Поволжья). Казань, 1980; Роль партийных организаций Урала и Западной Сибири в развитии народного образования и культуры. Свердловск, 1981; Танкова Г.Е. Деятельность партийных организаций Сибири по укреплению материальной базы сельских общеобразовательных школ и пополнению их кадрами учителей (1966-1979 гг.) // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980.
3. См.: Дайч З.Г. Освещение вопросов партийного руководства развитием народного образования в современной историко-партийной литературе // Партийные организации во главе культурного строительства в условиях совершенствования социализма на материалах РСФСР. М., 1987. С. 20-32; Кривошеев В.Ф. Деятельность КПСС по развитию высшей школы в условиях совершенствования социализма. М., 1986.
4. Лиджиева К.Ф. Образовательная школа Калмыкии во II половине XX века: история, опыт, проблемы. Ростов-на-Дону: ООО «Изд-во БАРО-ПРЕСС», 2007. 208 с.
5. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1961 - 1986 гг.) / Под ред. Ф.Г.Паначина, М.Н.Колмаковой, З.И.Равкина. М.: Педагогика, 1987. 416 с.
6. «Преподавание истории в школе», 1987. № 2. С. 15.
7. Национальный архив Республики Калмыкия (далее: НАРК). Ф. П-1 - Калмыцкий обком КПСС. Оп. 47. Д. 197. Л. 32.
8. Народное образование в СССР. М., 1985. С. 81.
9. НАРК. Ф. П-1. Оп. 46. Д. 310. Л. 15.
10. НАРК. Ф. Р-25 - Министерство просвещения Калмыцкой АССР. Оп. 4. Д. 1147. Л. 18.
11. Там же. Д. 1147. Л. 18.
12. Там же. Д. 1382. Л. 1-9.
13. Там же. Ф. П-1. Оп. 46. Д. 310. Л. 15.

МЕРКИТСКИЙ ХАН ТОХТОА-БЕКИ КАК ПРЕДШЕСТВЕННИК ЧИНГИС-ХАНА

В.В. Ушницкий

Статья посвящена личности предводителя одного из монгольских племен, меркитского хана Тохтоа-беки. Автор основывается на устных и письменных фольклорных источниках.

Ключевые слова: *меркиты, Тохтоа-беки, Чингис-хан, монгольская империя, источники.*

The article is dedicated to the Head of one mongol tribe, merkit khan Tokhtoa-beki. The author is based on historical, folklor oral and written sources.

Keywords: *merkits, Tokhtoa-beki, Chingis-khan, mongol imperia, sources.*

Возникновение могущественной Монгольской империи принято связывать исключительно с личностью Чингисхана. Между тем эпоха объединения Монголии показывает нам противостояние нескольких крупных племенных союзов, многих пассионарных личностей и только военной удачей можно объяснить победу Тэмуджина и его клана борджигин в гражданской войне. Так, исторические фигуры джаджиратского Джамухи и керейтского Тогрула Ван-хана, тайчиутского Таргутаи-Кирилтуха, меркитского Тохтоа-беки, татарского Алак-Удура, найманских полководцев Коксей-Сабраха, Таян-хана и особенно Кучлука требуют внимательного изучения. Каждый из этих личностей имел свой политический взгляд, смотрел на будущее родной Монголии собственным взором. Среди этих фигур заметно выделяется меркитский бек Тохтоа-беки.

Рашид-ад-дин называл Тохтоа-беки государем и вождем, государем племени Мерки, эмиром меркитов, государем меркитов. «Юань-ши» именуется Тохтоа-беки «начальником аймака Миликэй». По словам А.В. Тиваненко, представление о главенствующей роли Тохтоа-беки в памяти монгольских народов сохранилось в последующие века. В XIII – XIV столетиях его продолжали называть «государем», в XVIII в. – «владельцем племени мэркэтов» и «предводителем уйрат» (или калмыков) [1]. А.В. Тиваненко пришел к выводу о том, что «земли забайкальских меркитов были достаточно обширными и густо заселенными, они имели отлаженное управление родственниками и приближенными Тохтоа-беки» [2].

Меркиты считаются одним из монгольских племен, хотя они враждовали и многократно воевали с монгольскими племенами. Они являлись потомками одного из трех

племен дубо: под названием «милиге»; их китайские летописцы считали то племенем лыжных тюрков-тугю, то одним из племен теле-потомков загадочных динлинов. Следовательно, они жили на Саяно-Алтае и оттуда в XI в. переселились в забайкальские степи.

Тохтоа-беки, безусловно, был выдающимся полководцем своего времени, многие тактические приемы, примененные им, впоследствии использовались Чингис-ханом. Как пишет Рашид-ад-дин, он еще до ссоры с Темуджином дважды воевал с монголами, возглавляемыми Кадан-тайшой, будучи окруженным превосходящими силами противника, бежал, получив в общей сложности 16 тяжелых ран. По описанию Рашид-ад-дина вождь меркитов по древнему обычаю, смазав бунчук жиром, «посадил войско на коней и чрезвычайно умело выступил навстречу (врагу)» [3].

Слово «беки» – титул меркитских вождей – обозначало высший, религиозный авторитет первосвященника. Прежде всего, беки и «белые» шаманы облачались в белую одежду, ездили на белом коне. В то же время древнетюркские слова «бек», «бег», «бей» означали «предводитель племени», «князь», «государь». Тюрко-монгольский термин *beki*, *begi* считается древнейшим заимствованием, восходящим к иранскому слову *bag*, *baγa* – «бог», «король» [4]. У древних монголов существовал институт «бэки» – жрецов, имевших право проводить родовые моления и одновременно являвшихся родовыми предводителями. Согласно Б.Я. Владимирцову, этим титулом обладали старшие сыновья улусных лидеров [5]. К сравнению, у саха титул «бого» был наследственным и присваивался старшему из обученных воинскому искусству сыновей. Среди меркитов этим титулом владели только Тохтоа и его

наследник Токуз. Тот факт, что этот титул носил и Чильгир, говорит о том, что сначала именно он был старшим сыном Тохтоа, его наследником.

О заметном влиянии Тохтоа-беки в Монголии дочингисовского периода, свидетельствует тот факт, что многие прославленные вожди племен обращались к нему за помощью, надеясь на его покровительство. Так, в плену у него вместе с отрядом в 100 воинов побывал и сам великий Тогрул-хан, государь керейтского народа, «в козле из черно-рябого козленка, в Селенгинской пустыне Буури-кеере толк просо в Меркитских ступах» [6]. Впоследствии грозный полководец Джамуха также в свое время испытал меркитскую неволю. Тохтоа-беки, меркитский государь, ограбил Джамуху, так, что тот еле унес ноги и был вынужден поклониться ему: «Я подчиняюсь и пребуду покорным отцу моему, чтобы помогать ему». После этого Джамуха со своими нукерами прибыл к Тохтоа и стал нести службу при дворе [7]. Например, у Рашид-ад-дина есть сюжет о внезапном появлении Джамухи тридцатью нукерами в покоях великого предводителя Тохтоа-беки: «Будучи «чрезвычайно трусливым человеком», он тут же поклялся золотой чашей, по обычаю пролив несколько капель кумыса на землю» [8].

Согласно «Сокровенному сказанию», мать Тэмуджина Оэлун-экэ из племени хонхират была ранее невестой меркитского вождя Еке-Чиледу и была угнана Есугеем из племени борджигин. Начало историческим событиям, приведшим к образованию Монгольской империи, положил набег отряда из 300 меркитов во главе с вождем удуйт-меркитов Тохтоа-беки на кочевья племени кият-борджигинов, похитившего жену Тэмуджина Бортэ. Долго искали меркитские воины и самого сына Есугея: «метались туда и сюда, шли по его следу по таким болотам, по такой чаще, что сытому змею и не проползти» [9].

Эпизод с умыканием сначала Оэлун, потом Бортэ совпадает с представлением о том, что форма брака путем похищения была более древней, предшествовавшей договорной форме брака. Однако в последнее время утверждается, что широкое распространение «воровской свадьбы» было связано с эпохой становления раннеклассовых обществ, с периодом далеко зашедшей социальной стратификации [10]. Любопытно, что 300 аристократов из удуйт-меркитов, совершивших

набег на Бурхан-Халдун, «Сокровенное сказание» называет сыновьями Тохтоа. Исходя из этого, можно предположить, что набег совершил меркитский отряд, представлявший собой мужской воинский союз. Набеги с целью добычи скота и женщин в соседние племена видимо для них были постоянными. Набег отряда Тохтоа очень походит на набег молодых мужчин, проходивших инициацию в походах на соседние владения. Мужские союзы возникли как организация мужчин на стадии перехода от материнского рода к отцовскому роду с целью борьбы за преобладающее положение в обществе. Мужские союзы имели своих руководителей, тайные языки, обряды, религиозные церемонии. В процессе разложения первобытнообщинного строя поздние мужские союзы (их иногда называют тайными обществами) часто становились зародышем органов государственной власти.

В 1180 г. 40-тысячное войско вождя клана кият-борджигин Темуджина, владыки керейтов Тогрула и предводителя племени джаджират Джамухи перевалив Хаамар-Дабаан, в степи Буура-Кеере напали на ставку Тохтоа беки и наголову разгромили меркитов. Великое разорение постигло хоть и видимо немногочисленное, но могущественное племя: «Три сотни меркитов, что некогда окружили Буркан, были до последнего колена развеяны пеплом. Оставшихся женщин обратили в наложниц и в домашнюю прислугу» [11].

«Бурей внезапной нагрянули.
Разом заставу почетную сбили,
Жен и детей у него полонили.
Разом святу заставу смели, -
Для Тохтоа будет много ли, мало ли -
Целый народ мы в полон увели».

Тохтоа-беки мог быть захвачен во время сна, но о приближении неприятеля успели предупредить, проскакав всю ночь напролет, его люди, которые занимались рыбной ловлей в реке Килхо, ловлей соболей или звериной охотой. Будучи предупрежден, Тохтоа, вместе с Увас-Меркитским Даир-Усуном и небольшим числом людей, поспешно бежал вниз по реке Селенге в «страну Баргучжинскую».

Только после этого события число сторонников Тэмуджина стало увеличиваться, его власть стали признавать все больше монгольских племен. Тэмуджин и Джамуха стали настоящими ханами, как только надели на себя золотые пояса меркитских вла-

дык и оседлали их богатырских коней: «Хан Тоорил и анда Чжамуха дружбу свою доказали...

Мужам Меркитским как должно воздав,
В руки свои их наследье (! - В.У.) приняв,...
Род их мы до конца разорили» [12].

Именно с этого события в 1180 г. в Забайкальских степях, согласно «Сокровенному сказанию», и началась новая эра в истории монгольских народов. Ранее находившихся под гнетом тюрков племена монголов громко заявили о своих претензиях на право иметь собственную империю.

Довольно загадочным представляется перерыв в 17 лет между первым разгромом и последующей вспышкой междоусобной войны. Возможно, в это время оба лагеря копили силы. Выросли их дети, и новая пассионарная сила вырвалась далеко за пределы Монголии. Так, в 1197–1198 гг., когда Чингис-хан отправился на войну против татар, Тогрул (Ван-хан), почему-то не предупредив его, выступил против меркитов, возродившихся после первого разгрома. Прогнав Тохтоа-беки в сторону Баргуджин-токума, он убил его старшего сына Токуз-беки, захватил двух дочерей-принцесс Хутуктай и Чаарун, сыновей Хуту и Чилаун вместе с их людьми, но ничего не дал Чингис-хану [13]. Позже Ван-хан официально объявил о присоединении земель меркитов к кочевьям кераитов. Но сразу после того, как военачальник найманов Коксэй-Сабрах настиг войска Ван-хана и разгромил их, Хуту и Чилаун отделились от керейтов и пошли вниз по течению Селенги на соединение со своим отцом [14]. Весьма интересно, что при этом Ван-хан своей многотысячной армией загнал Тохтоа-беки за Баргузин и занял Баргузинскую долину. Необходимо отметить, что Тохтоа-беки, преследуемый монгольскими армиями, всегда уходил в Баргуджин-Тукум. Значит, Тохтоа с соратниками мог уйти на территорию Южной Якутии, ища там спасение. Так, имена «Такта» и «Тохтыкан», встречающиеся среди эвенков Нижней Тунгуски, В.А. Туголуков связывает с Тохтоа-беки [15].

Тохтоа-беки и меркиты, согласно монгольским источникам, воевали с Чингис-ханом также и в союзе с тайчиутами, татарами, Джамухой и найманским Буюрук-ханом, но всегда терпели поражение. Тохтоа-беки и его сыновья были участниками и во многих случаях зачинщиками всех крупнейших сражений в Монголии против Чингис-хана. Проиграв в сражении, они всегда прорыва-

лись через монгольскую армию, уходя в родные степи [16].

Терпевшие поражение на территории Северной Монголии, бывшие враги Тохтоа-беки и Джамуха нашли приют в лагере найманского Таян-хана. Этот факт нас вновь приводит к выводу о том, что противостояние между монголами и меркитами следует объяснять не кровной враждой, а лишь противоборством военной диктатуре. Победенные в великой битве союзники вынуждены были покориться, кроме меркитов, вновь бежавшими вниз по Селенге. Когда Чингис-хана в 1203 г. провозгласили на курултае великим государем Монголии, против него опять выступили меркиты, собравшие в Западном Забайкалье остатки побежденных племен [17].

Когда грозный Чингис-хан вторгся в долину Селенги, владыка племени хоасмеркитов Даир-Усун, чтобы задобрить его, отправил к нему свою дочь Кулан-хатун [18]. Однако, как только монгольские отряды покинули кочевья Даир-Усуна, меркитские ратники тут же подняли восстание и разграбили обозы. Монгольская охрана тыла еле сумела отбить и разогнать восставших меркитов по лесам [19]. Тогда Чингис-хан сказал: «Мы хотели их оставить среди нас, но они, оказывается, восстали!» – и приказал разогнать их во все стороны, никого не оставляя вместе. Вторгшись во второй раз в кочевья Даир-Усуна, Чингис-хан подверг их полному истреблению, отобрал его жену Туракину-хатун и подарил ее сыну Угедю. Таким образом, хоасмеркиты вроде бы были вынуждены служить покорителю мира, но наличие именно их потомков среди бурятов и северных народов противоречит этой версии. При рассказе о восстании в обозе говорится о том, что мятеж устроили «меркитские аристократы», а подавили их восстание слуги, находившиеся при них в обозе. Эти факты вновь позволяют сделать вывод о том, что противостояние между монголами и меркитами было не межплеменной, а гражданской войной.

В 1204 г. осенью у истока Карадала Чингис-хан сразился с меркитским Тохтоа-беки, прогнал и в Саари-кеере захватил его подданных и имущество. Вождь меркитов опять вырвался с сыновьями Куду, Чилауном и несколькими людьми Чингис-хан сам пустился в погоню за ними и зазимовал в отрогах Алтая. Как пишет В.В. Бартольд, по пути на Иртыш, пройдя зимой, покрывшийся льдом Енисей, Тохтоа добился подчине-

ния пяти княжеств енисейских кыргызов. Примечательно, что для покорения «лесных народов» был послан именно Джучи, которому киргизские и нойоны других племен били челом «белыми кречетами». И в последующем народы Южной Сибири, выражая свою покорность Чингис-хану и его потомкам, дарили «белого орла».

Когда в 1208 г. Чингис-хан выступил в поход, ойраты, бывшие союзники меркитов, указали ему дорогу к месту, где укрылись последние меркиты [20]. В это время найманский Кучлук-хан, потеряв подданных, объединился с меркитским Тохтоа, и у притока Иртыша Бухтурмы приготовился к сражению. Армия Чингис-хана через узкую тропинку проникла в густой лес и неожиданно напала на меркитов. Тохтоа наконец-то пал на поле сражения, пронзенный метательной стрелой «хун-шубуун». Сыновья, не успевая ни похоронить, ни забрать его с собой, отрезали ему голову и увезли. Многие из бежавших утонули, когда переправлялись через Иртыш. Оставшиеся в живых найманы и меркиты за Иртышом разделились [21].

Так погиб великий воин Монголии, избравший путь борьбы за свободу и независимость своего родного Меркитского улуса.

Прямой наследник, старший сын Тохтоа-беки Тогуз-бек был убит Тогрулханом. Остальные - Куса, Худу, Уилаун, Джибук и Култукан-мэргэн в разное время были умерщвлены по прямому указанию Чингис-хана. Уилауна не спасло даже то, что он являлся сыном дочери Чингис-хана, отданной в жены Тохтоа-беки. Некоторые летописные источники в числе братьев Тохтоа-беки называют Куду, Урхана и некоего Чилауна, но сведений о них нет. Наконец, те же источники именуют сыновьями Тохтоа-беки неких Маджара, Тускана, Иналци и Тауранци.

По Рашид-ад-дину, в последней войне Култукан – Мэргэн - младший сын Тохтоа-беки, чрезвычайно меткий стрелок, убежал к кыпчакам. Посланный вдогонку за ним отряд схватил его. Джучи, прослышав о нем как о чрезвычайно метком стрелке, поставил мишень и приказал ему пустить в нее стрелу. Когда вторая стрела расколола пущенную первую, то восхищенный его меткостью царевич Джучи послал просьбу Чингис-хану даровать жизнь Мэргэну. Однако от государя пришел отказ: «Нет ни одного племени хуже племени меркитов: сколько раз мы воевали с ними; много беспокойств и затруднений видели от них, - каким же образом, возможно,

оставить его в живых, чтобы он опять убежал и возбудил мятеж?! Я приобрел для вас все эти области, войска и племена; какая же нужда в (этом человеке)?! Врагу государства нет лучшего места, чем могила!» [22].

Считается, что часть меркитов, в 1204 г. бежавшая на Монгольский Алтай, вошла позднее в состав ойратов. В XVIII столетии академик Г.Ф. Миллер, побывавший у калмыков, оставил запись о том, что предводителем у них был Тобабеги-хан с двумя сыновьями Иналцы и Тауранцы, долгое время оказывавший сопротивление Чингисхану [23].

Размышляя об истоках культа Даян-дэрхэ, А.В. Тиваненко укрепился в мысли о том, что в основе рождения данного образа лежит имя Тохтоа-беки - великого меркитского предводителя, военачальника и верховного «белого» шамана. Согласно мифологической традиции, Даян-дэрхэ являлся главенствующим шаманом данного региона Центральной Азии, убитого Чингис-ханом. Культ Даян-дэрхэ был широко распространен по всей Монголии, особо почитался в Южной Бурятии и в Северной Монголии. Однако наиболее полные предания были записаны у алтайцев, теленгитов, дербетов, тувинцев; урянкайцев; то есть преимущественно среди тюркоязычного населения Саяно-Алтая [24]. По мысли А.В. Тиваненко, «воспоминанием о далеких кровавых временах сражений меркитов с монгольскими войсками может служить бытующее в Халхе представление о Даян-дэрхэ как о знаменитом сильном шамане Севера, прославившимся кровавыми обрядами, в которых он прибегал и к человеческим жертвоприношениям (букв. «питающийся загустевшей (черной) кровью, пьющий жидкую кровь»)» [25].

В итоге А.В. Тиваненко спрашивает: «Назовите мне другого тюркского по происхождению великого «белого» шамана и общенародного военачальника среди лесных племен эпохи средневековья северной Монголии, Алтае-Саянского нагорья и Забайкалья, кроме меркитского Тохтоа-беки, который в итоге многолетних битв за независимость своей родины был бы убит Чингисханом?!» [26].

В образе героя якутского фольклора Омогой Бая, метавшегося туда-сюда, не зная куда деваться, после того, как его владения были разорены татарскими войсками, также можно увидеть меркитского владыку Тохтоа-беки. Таким образом, после своей смерти Тохтоа-беки стал почитаемым героем фольклора, культа тюрко-монгольских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тиваненко А.В. Гибель племени меркитов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. С. 23.
2. Там же. С. 25.
3. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2. С. 58.
4. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства на материале обрядного фольклора бурят. М.: Наука, 1991. С. 260-263.
5. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. С. 49-50.
6. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный изборник / Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 122.
7. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С.190-191.
8. Там же. С.191.
9. Козин С.А. Указ. соч. С. 97.
10. Першиц А.И. 1998. С. 63.
11. Там же. С.104.
12. Козин С.А. Указ. соч. С. 104-105.
13. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 128.
14. Козин С.А. Указ. соч. С. 126.
15. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и западной Сибири. М.: Наука, 1985. С.111.
16. Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Главная редакция вост. лит. изд-ва «Наука», 1970. С.22.
17. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2. С.148.
18. Там же. Т.1. Кн.1. С.116.
19. Там же. Т.1. Кн.2. С.149.
20. Тиваненко А.В. Указ. соч. С.48.
21. Козин С.А. Указ. соч. С.143.
22. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 116.
23. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 179.
24. Тиваненко А.В. Указ. соч. С. 30-31.
25. Там же. С.32.
26. Там же.

РУССКАЯ ПРЕССА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. О ТРУДАХ Н.Я. БИЧУРИНА О ЗАПАДНОМ КРАЕ

А.Н. Хохлов

В статье дается оценка научных трудов известного востоковеда Н.Я. Бичурина со стороны его современников на примере русской прессы I пол. XIX в.

Ключевые слова: Бичурин, рецензия, монах Иакинф, книга, история, Западный край.

The article deals with the estimation of scientific works of famous orientalist N. Bichurin given by Russians in the publications of the first half of the XIXth century.

Keywords: Bichurin, monk Iakin, book, history, West.

Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853), более известный современникам под монашеским именем Иакинф, вошел в историю отечественного востоковедения как основоположник научного китаеведения в России. Из 12 опубликованных им книг по меньшей мере четверть посвящена истории ойратов и калмыков, сыгравших важную роль в истории взаимоотношений России с Китаем в XVIII в. Чтобы показать весомость вклада Н.Я. Бичурина в разработку различных проблем, касающихся ранней истории ойратов и калмыков и особенно их взаимоотношений с российским государством, достаточно обратиться к некоторым оценкам его научного творчества, принадлежащим россиянам-современникам, порой называвшим Иакинфа «хинезистом» (специалистом по Китаю).

Первой из петербургских газет на книгу Н.Я. Бичурина «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем состоянии» откликнулась «Северная пчела», поместившая 7 февраля 1828 г. в рубрике «Новые книги» несколько строк: «Почтенный отец Иакинф не перестает трудами своими обогащать [нашу] литературу. К изданным им «Описанию Тибета» и «Запискам о Монголии» присовокупляется ныне сие описание Западного края китайских владений». Более подробно и конкретно оценил эту книгу в журнале «Телеграф» Н.А. Полевой, который характеризовал новый труд китаеведа как «значительное явление литературы русской». «Превосходно зная историю и географию Средней [Центральной] Азии, о. Иакинф, - отмечал рецензент, - выбирает именно те предметы, которые всего более возбуждают наше любопытство и всего менее нам, европейцам, известны». В плане историографии особого внимания заслуживает оценка данного труда

в черновой записи китаеведа К.А. Скачкова (1821–1883) в период его пребывания в Пекине в составе Российской духовной [православной] миссии в 1850–1857 гг. Вот что писал тогда впоследствии известный китаист и дипломат: «Первая часть (1–90 стр.) составляет описание названных стран в том состоянии, в каком они были открыты китайцами за 126 лет до Р.Х. Оно взято в извлечении из летописей старшей Ханьской династии (Цянь-хань-шу) (206 г. до Р.Х. до 22 года по[сле] Р.Х., из отдела повествований о Западном крае (Си-юй чжун-ань). Вторая [же] часть (стр. 91–265) составляет описание тех же стран, называвшихся у китайцев собирательным именем Си-юй (Западный край). Оно переведено с китайского сочинения «Си-юй вэнь-цзянь лу» (Рассказы о западных странах), сочиненного и изданного в 1773 г., т. е. через 15 лет по покорении этих стран китайцами (в 1758 г.). Благодаря обилию подобных сочинений в китайской литературе мы можем сказать, что обе части заключают в себе несколько данных, не согласных с историей и положением страны в описываемый период времени в прошлом столетии. Несмотря на это, почтенный переводчик оказал огромную услугу тем, что он первый познакомил Европу с западными окраинами Китая» [1].

В 1833 г. в газете «С.-Петербургские ведомости» (в четырех номерах) появился новый труд Н.Я. Бичурина «Историческое обозрение ойратов, или калмыков с XV в. до настоящего времени», а в следующем году это сочинение с тем же названием было опубликовано в виде книги, вызвавшей многочисленные отклики специалистов. На выход нового труда известного китаеведа первой откликнулась газета «Русский инвалид». В своем первом номере 1835 г. (от 2 января) она в рубрике «Новая книга» поместила следующие строки: «Сей но-

вый труд уважаемого всею ученою Европою российского ориенталиста о. Иакинфа заслуживает особенного внимания, тем более, что у нас история калмыков совершенно не обработана [не разработана] и представляет [собою] обширное поприще [для будущих исследователей]...». Сочинение о. Иакинфа, подчеркивала газета, «необходимо для любителей и знатоков истории как материал, почерпнутый из источников, одним только ориенталистам доступных».

На критическую рецензию, появившуюся на этот труд в журнале «Библиотека для чтения», вышедшем под редакцией известного ориенталиста-тюрколога О.И. Сенковского, откликнулась газета «Северная пчела». 12 февраля 1836 г. она опубликовала письмо к ее издателю, полученное из далекой Кяхты. Письмо от 1 декабря 1835 г. было подписано «В.Тр.», его автор поднял важную проблему издания трудов отечественных востоковедов на доступном большинству населения России русском языке. Опуская некоторые детали, приведем ниже лишь несколько пассажей, не нуждающихся в особых комментариях:

«В 9-м томе «Библиотеки для чтения» 1835 г. помещена рецензия на книгу о. Иакинфа «Историческое обозрение ойратов, или калмыков». Г-н рецензент с первого раза [упоминания о ней] назвал труд почтеннейшего о. Иакинфа бесполезным и потерянным для науки, потому что он писал на языке, который [по его мнению] не имеет еще прав на известность в ученом свете, и что русский язык до сих пор оставался и всегда останется вне круга прений европейских ученых о восточных предметах и что, наконец, гг. ориенталисты [И.Я.] Шмидт, [Ю.] Клапрот и [А.] Ремюза не могут пользоваться им; следовательно, на будущее время уже никто не должен писать по-русски подобные сочинения.

Принимая подобное пророчество за чистейшее недоброжелательство русскому языку, которое, к сожалению, везде проглядывает в писаниях высокостепенного Тютюнджи-оглы [О. Сенковского] и которое тем опаснее, что помещено в таком журнале, который все читают, мы спешим разуверить г-на рецензента, что трудов почтеннейшего отца Иакинфа до сих пор никто не считал бесполезными... Русский язык нельзя ставить в параллель с языками умирающими. Всем известно, что язык сей, несмотря на оклики недоброжелателей, делается более и более европейским и, должно быть, по порядку вещей первенствующим языком в Европе».

В заключительной части вышеприведенного письма его автор призывал юных ориенталистов к тому, что «они не боялись зловещих окриков недоброжелателей и писали о Востоке на русском языке в полной уверенности, что их труды примутся с благодарностью Россией и Францией, а может быть, Англией и Америкой».

В свете оценки упомянутого выше труда Н.Я. Бичурина представляется интересным, хотя и критическим, мнение П. Словцова, автора вышедшего в Москве в 1838 г. «Исторического обозрения Сибири». Он подчеркивал: «“Историческое обозрение ойратов” о. Иакинфа осветило в глазах [исследователей] сибирской истории заграничную темноту. После суждения, какое помещено в “Журнале М[инистерства] Н[ародного] П[росвещения]” за 1835 г., надобно прибавить сожаление, что сочинитель умолчал об обстоятельствах урянхайского ханства и других владений, к халхасской системе прилегающих» (стр. XII).

Насыщенный разнообразными сведениями из русских и китайских источников (включая «Синьцзян ши-люэ»), этот труд Н.Я. Бичурина, как и предыдущий по истории Западного края, удостоился Демидовской премии. Этой же почетной премии был удостоен вышедший в свет в 1851 г. последний фундаментальный труд русского востоковеда под названием «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», содержащий ценный материал по истории племен и народностей Средней и Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока.

Занимаясь разработкой истории народов Западного края по китайским источникам, Н.Я. Бичурин не раз приходил к выводу о необходимости личной проверки полученных им данных на месте, особенно в Джунгарии. Об этом свидетельствует, например, его письмо от 28 августа 1831 г., адресованное П.Л. Шиллингу (1786–1837), занимавшегося сбором материалов о русско-китайской торговле в Кяхте. В этом письме ученый предлагал воспользоваться его услугами в качестве лица, сопровождающего кокандское посольство во время возвращения последнего из России на родину. В данном письме Иакинф, в частности, указывал: «Я нахожу сие нужным и полезным: во-первых, для того, чтобы узнать, нет ли в Коканде между пленными китайцами ученых; во-вторых, чтобы обозреть древние здания в киргизских степях, описанные в записках г-на Броневского. Я предвижу возможность распознать, какому народу они принад-

лежат и приурочить время их существования к некоторым происшествиям, помещенным в китайской истории» [2].

Идея возможной поездки Н.Я. Бичурина в Джунгарию явно присутствует в составленной в 1833 г. докладной записке Павла Бабенкова относительно перспектив русской торговли в западных областях цинского Китая. Ознакомившись с материалами, собранными П.Л. Шиллингом, в том числе с помощью Иакинфа, самостоятельно (в виду болезни П.Л. Шиллинга) съездившего в Бухтарму, автор докладной записки ссылался на то, что барон Шиллинг высказывался в пользу посылки с одним из торговых караванов в Кульджу и Чугучак человека, знающего китайский язык, каким являлся монах Иакинф, для сбора сведений о тамошней торговле. При этом, как отмечает П. Бабенков, барон Шиллинг подчеркивал, что глубокие познания Иакинфа о Средней [Центральной] Азии могут в этом случае принести существенную пользу не только русской торговле, но и «ученому свету».

При обсуждении упомянутой докладной Департамент внешней торговли высказал мнение о том, что для зарубежной поездки Иакинфа необходимо получить разрешение вышестоящего начальства. В связи с этим П.А. Вяземский (вице-директор указанного департамента с 1832 г.) предложил снести

по данному вопросу с тогдашним министром иностранных дел К.В. Нессельроде [3]. Однако последний из опасения, что подобная поездка может вызвать чрезмерную подозрительность цинских властей, не поддержал идею посылки Иакинфа в Джунгарию. Лишь в 1845 г. идея Иакинфа была осуществлена его сослуживцем по Азиатскому департаменту МИД Н.И. Любимовым, другом А.С. Пушкина [4].

Книги Н.Я. Бичурина, в том числе по истории Западного края, осевшие в различных уголках России и сопредельных стран (Китая и Монголии), в последние годы все чаще привлекают внимание исследователей. Некоторые из них переизданы, однако из-за отсутствия достаточных средств они порой, к сожалению, «застревают» в редакционных «портфелях», как это случилось, например, в Самаре с изданием «Записок о Монголии» Н.Я. Бичурина.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГБ, ф.273, картон 10, ед. хр. 9.
2. РГАЛИ, ф.195, оп.1, ед. хр. 640, л.92–97.
3. Бичурин Н.Я. и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Часть II. М.: «Наука», 1977.
4. Веселовский Н. Поездка Н.И. Любимова в Чугучак и Кульджу под видом купца Хорошева. СПб., 1909.

ББК 81.2 МОНГ

О РОЛИ АФФРИКАТ В РАЗВИТИИ КОНСОНАНТИЗМА МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ*

Н.Б. Бадгаев

В статье представлены некоторые результаты анализа происхождения и развития аффрикат в монгольских языках в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом плане с точки зрения ареальной лингвистики.

Ключевые слова: *аффриката, согласные, монгольские языки, ареальная лингвистика, фонетика, центр.*

Within the framework of the research the author has studied typologically the role of affricates in the development of Mongolian consonants comparing with the other Altaic languages from the point of view of Areal linguistics.

Keywords: *affricates, consonants, Mongolian languages, Areal linguistics, phonetics, center.*

Состав и система аффрикат, их роль в развитии консонантизма, различные переходы и модификации занимают особое место в истории становления общей фонетической системы в монгольских языках. Не случайно проблеме аффрикат уделялось особое внимание в трудах классиков монголоведения Г. Рамстедта, Б.Я. Владимирцова, А. Мостэра, Н.Н. Поппе, Л. Лигети, Г.Д. Санжеева, И.Д. Бураева и других. В последние годы появляются исследования по различным, в том числе историческим аспектам аффрикат в калмыцком языке - Д.А. Павлов, Н.Н. Убушаев, П.Ц. Биткеев, в бурятском - В.И. Рассадин, В.И. Золхоев, Л.Д. Шагдаров, А.А. Дарбеева, в современном монгольском - В.М. Надеяев, Ж. Цолоо, в монгольских языках Китая - Чингелтей, Б.Х. Тодаева.

Однако, по многим ключевым вопросам истории монгольских аффрикат, особенно по выявлению причинно-следственных связей их развития и модификации, до сих пор нет единого мнения, отсутствуют также обобщающие исследования по этой проблеме с точки зрения, например, ареальной лингвистики. Все это предопределяет актуальность проблемы.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы с помощью приемов ареальной лингвистики в сочетании с приемами вероятностных обоснований в компаративистике и косвенных показателей, сравнительно-исторического метода (приемы внешней реконструкции, приемы внутренней реконструкции, приемы определения относительной хронологии), фило-

логического метода, приемов типологических исследований исследовать систему аффрикат в плане синхронии и диахронии, выявить изоглосные явления и ареалы бытования аффрикат и их рефлексов. Мы не случайно решили исследовать систему аффрикат в плане синхронии и диахронии. Это решение было обусловлено приемами ареальной лингвистики, так как и синхронный план может тесно соприкасаться с диахроническим. Н.З. Гаджиева [1], разработавшая приемы ареальных исследований применительно к тюркским языкам, считала, что изучение сходных явлений в смежных языках и их картографирование фактически невозможно без выяснения истории их происхождения, так как в противном случае будут отмечаться на карте конвергентные явления.

Представляется важным исследовать в сравнительно-историческом плане развитие аффрикат; определить время появления шипящих и свистящих аффрикат; найти причины, движущие механизмы, вызвавшие спонтанное передвижение согласных в бурятском языке и подговоре дурбут-бэйсэ хорчинского говора монгольского языка Внутренней Монголии и (КНР); выяснить причину появления свистящих аффрикат с и з из всех монгольских языков только в халха-монгольском, бурятском и ойратском.

На всем протяжении истории монголистики не раз предпринимались попытки выявить причины появления аффрикат в монгольских языках. Существующая ныне теория происхождения аффрикат в монгольских языках связана с именем Б.Я. Владимирцова. Б.Я. Вла-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант №08-0400449а)

димирцов [2] считал, что монг. *dī > di > ži, а монг. *tī > ti > či. Например: монг. bičig «письмо» < bitig. Ср. тюрк., уйг. bitig, маньчж. bitxe «письмо».

Обратимся к монгольскому глоссарию Мукаддимат ал Адаб [3], зафиксировавшему слова монгольского и чагатайского языков XIY столетия: монг. bičik, чагат. bitik «письмо» (с. 118). Монг. ажіга «жеребец» < *adīга. Монг. Мук. ал Ад. ажіга moǰin, чагат. aiūg at «жеребец» (с. 97). Ср. тюрк., орхон. adūg, якут. атыр, кирг. айгыр, эвенк. адирга. Монголистика известно, что происхождение свистящих аффрикат с и з связано с переломами гласного i. Суть «перелома» заключается в том, что *I первого слога ассимилируется гласному следующего за ним слога. Таким образом, гласный следующего слога проникает в первый слог или антиципируется. Слово bičik «письмо» монголы заимствовали из уйгурского языка, так как образованные уйгуры были первыми учителями монголов-завоевателей в XIII веке. Затем были другие учителя из покоренных народов - китайцы, корейцы, персы, арабы и другие. Из уйгурского языка рассматриваемое слово пришло в форме bitig. В чагатайском языке, который представляет собой тюркский язык с сильной примесью монгольских слов, глосса bitik не изменилась. В монгольских языках в данный период времени еще действовало фонетическое изменение ti > či. Уйгурское слово bitig при заимствовании монголами попало под действующее фонетическое изменение ti > či. Так уйгурское слово bitig при заимствовании в монгольских языках изменилось в bičik.

Известный монголовед Г.Д. Санжеев [4] в своей работе «Сравнительная грамматика монгольских языков», развивая основные положения теории происхождения аффрикат Б.Я.Владимирцова, попытался определить время появления шипящих и свистящих аффрикат. Традиционная монголистика трактует, что в истоке развития аффрикат находились t + I и d + I. По мнению Г.Д. Санжеева [5], к периоду первого перелома гласного I (YII - X в.в.), то есть дописьменному периоду монголов, наряду с t + I, d + I уже имелись аффрикаты č и ž, находившиеся перед любым гласным, кроме I. Из t + I и d + I развились č и ž, а из č + г и ž + г появились свистящие аффрикаты с и з. Г.Д. Санжеев [6] считал, что в бурятских диалектах дезаффрикатизация c > s, z > z произошла к периоду третьего перелома гласного I.

Заслуживает внимания гипотеза В.И. Рас-

садина [7] о происхождении аффрикат. К своим выводам ученый пришел, опираясь на теорию А. Мейе о спирантизации согласных под влиянием ослабления артикуляции. В.И. Рассадина [8] считает, что в бурятском, халха-монгольском, ойратском языках свистящие аффрикаты развились не из шипящих аффрикат č и ž, а образовались непосредственно из смычных согласных t и d в положении перед гласным звуком I, под влиянием тунгусо-маньчжурских языков. По мнению В.И. Рассадина [9], у протохалха, протоойратов и протобурят, находившихся в какой-то отрезок времени под влиянием тунгусо-маньчжурских племен (речь, естественно, идет о дописьменном периоде монголов), из ti и di развились аффрикаты типа тунгусо-маньчжурских t' и d'. Впоследствии под действием известного перелома гласного i после аффрикат появились широкие гласные, перед которыми стали произноситься аллофоны, близкие к с и з, типа тунгусо-маньчжурских. Другие монгольские племена, по мнению ученого, не испытывавшие влияния тунгусо-маньчжурских племен, сохранили шипящий характер аффрикат. Например, монголы Внутренней Монголии (КНР). Те же монголы, которые находились под влиянием тунгусо-маньчжурских племен, однажды утратили это влияние. У этих монголов исчезла специфическая тунгусо-маньчжурская артикуляция аффрикат и произошла фонологизация аллофонов. Свистящие аффрикаты с и з могли образоваться только из очень палатализованных с переднеязычной дорсальной артикуляцией t' и d'. Следовательно, по мнению В.И. Рассадина [10], аллофон перед широкими гласными дал с и з, а перед I перешел в среднеязычную аффрикату, давшую впоследствии при переломе I уже шипящие звуки.

Несколько иной подход к рассматриваемой проблеме мы находим в монографии И.Д. Бураева [11], который считал, что свистящие аффрикаты с и з появились в монгольских языках, испытавших в какой-то мере влияние тюркских языков. В данном случае, в первую очередь, речь идет о так называемых протохалхаских и протоойратских диалектах. Автор пришел к мнению, что в отношении данных монгольских языков вполне можно допустить тюркское языковое влияние. При этом вовсе не обязательно, чтобы имели место многочисленные лексические и другие заимствования, даже не обязательно, чтобы вновь появившийся звук присутствовал в языке, оказавшем влияние. Хотя следует сказать, что в халха-монгольском и ойратских языках присутству-

ет достаточно большой пласт тюркизмов и тюркско-монгольских лексических соответствий. Говоря о новом звуке, появляющемся в фонологической системе языка в качестве адстратного явления, И.Д.Бураев [12] приводит следующий пример. Речь идет о том, что в связи с появлением в качестве тунгусского субстрата спиранта *h* в бурятском языке и связанным с ним переходом *s* в *h* аффриката *s* в бурятском перешла в *s*. Данные фонетические видоизменения дали толчок для спирантизации аффрикат в бурятских диалектах, что произошло в сравнительно позднее время.

Для разрешения поставленных задач, на наш взгляд, целесообразно наряду со сравнительно-историческим методом использовать приемы ареальной лингвистики, предполагающие тотальное и детальное описание особенностей различных диалектов. В отечественном языкознании этот метод представлен трудами Н.З.Гаджиевой, М.А.Бородиной и других авторов.

Ареальная лингвистика, возникшая на базе диалектологии и лингвистической географии, представляет собой весьма специфическую область языкознания, характеризующуюся особой системой представлений и терминов. Установление ареалов, определение их типов и их классификация является первоочередной задачей ареальной лингвистики.

В отечественной ареальной лингвистике к основным типам ареалов по их форме относят: 1) центральный, 2) маргинальный, 3) островной, 4) волнообразный, 5) клинообразный, 6) подковообразный, 7) разорванный, 8) размытый, 9) кружевной. Центральный и маргинальный ареалы составляют неотъемлемую характеристику любой лингвистической территории. Реже встречаются клинообразный, волнообразный и подковообразный ареалы. Их мы фиксировали в пограничных районах, когда составляли лингвистическую карту Внутренней Монголии в синхронном разрезе. Описаны и изучены нами были также островные ареалы, размытый, кружевной и разорванный ареалы. При характеристике изоглоссных явлений в пограничных районах было уделено особое внимание маргинальному ареалу.

Относительно центрального ареала маргинальный ареал может быть латеральным (боковым). Латеральный ареал может оторваться от исконной территории, превратившись в островной ареал. Если при этом данный островной ареал сохранит контакты с центральным ареалом, то его можно считать «контактным маргинальным ареалом». Как известно, волжские калмыки

до переселения в Европу, на Волгу, т.е. до XVII века, жили в Центральной Азии, на территории существовавшего в те далекие времена Джунгарского ханства, и их территория являлась латеральным маргинальным ареалом по отношению к центральному ареалу Джунгарии. Затем этот латеральный маргинальный ареал, оторвавшись от исконной территории (перекочевка в Европу, на Волгу), превратился в островной ареал. Тем не менее волжские ойраты (калмыки) длительное время - несколько столетий - поддерживали контакты с центральным ареалом Джунгарии. Маргинальный ареал по отношению к центральному ареалу может быть и круговым.

Исследуя маргинальные ареалы, мы учитывали то, что со времен М. Бартоли в понимании маргинального ареала произошла переориентация. Маргинальный ареал, некогда считавшийся архаичным, реликтовым, затухающим при контакте с адстратным иноязычным ареалом (вторым центром притяжения), оказывается, в равной степени может быть и инновационным. Этот инновационный характер маргинального ареала (при втором центре притяжения) помог нам установить движущие механизмы звукоизменений в системах консонантизма говора дурбут-бэйсэ монгольского языка Внутренней Монголии и бурятского языка. Например, до сих пор остается невыясненной истинная причина изменения *s>t* говора дурбут-бэйсэ монгольского языка Внутренней Монголии. Спорным является следующий вопрос: появился ли этот звукопереход в результате внутреннего развития языка или здесь сыграл свою роль экстралингвистический фактор - влияние соседнего языка, неродственного данному. Можно предположить, что *s* перешел в *t* в результате внутреннего развития языка. Данное предположение имеет свои основания, особенно если использовать метод типологических модификаций и языковых универсалий.

Как известно, в отдельных языках мира наряду со специфическими, своеобразными явлениями происходят и процессы, типологически общие для всех них. Наблюдение таких процессов в одних языках помогает понять и объяснить сходные процессы в других. Сходное звукоизменение *s>t* происходило в якутском языке, а также в ненецком и обско-угорском языках. Здесь уместно вспомнить слова Е.Д. Поливанова [13] о существовании «фонетической историологии» - учения об общих для всех языков мира причинах и принципах эволюции. Несомненно, что языковые универсалии являются надежным подспорьем при сравнительно-исторических исследованиях.

К сожалению, мы не имеем возможности

языковые универсалии подкрепить данными «филологического метода», который заключается в анализе древнеписьменных источников, текстов с целью установления исходных форм языковых явлений. Применение филологического метода к изучению фонетических явлений говора дурбут=бэйсэ позволило бы установить хотя бы приблизительное время возникновения звукоперехода $s > t$. Но ввиду отсутствия каких-либо письменных материалов по говору дурбут-бэйсэ возможность применения филологического метода в данном случае полностью исключается. Изложенные выше соображения могли бы нам позволить остановиться на версии внутреннего развития языка, в силу которого произошло изменение $s > t$, если бы не одна значимая деталь. А ведь общеизвестно, что в языке иногда совершенно незамеченный и частный факт содержит в себе больше смысла, чем гипотеза, подкрепленная хорошо известными фактами. Эта деталь заключается в том, что конвергентная изоглосса $s > t$, вызвавшая в свою очередь связанные изоглоссы $\check{s} > \check{t}$, $\check{s} > s$, сосредоточена в пограничном районе говора дурбут бэйсэ. Данный микроареал по отношению к центральному ареалу с наполненностью изоглоссы s , является маргинальным ареалом, точнее латеральным (боковым). Не действовал ли здесь в свое время закон двух центров притяжения маргинального ареала как с центральным ареалом, так и с соседним ареалом (даже иноязычным). В силу этой значимой детали напрашивается вопрос: не мог ли фонетический сдвиг в латеральном ареале с наполненностью $s > t$ появиться в результате контактов со вторым центром притяжения - адстратным иноязычным ареалом?

Общепринято, что существуют два типа контактирования языков: так называемые маргинальные и внутрирегиональные. Маргинальное контактирование имеет место при наличии двух языков смежных по территории распространения. Никакого проникновения больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка, не происходит. Поэтому общности топонимии на этих двух территориях не наблюдается. Внутрирегиональное контактирование характеризуется проникновением больших масс носителей одного языка в область распространения другого языка, которое обычно заканчивается победой одного языка и образованием нового этнического целого. В рассматриваемом нами случае (говор дурбут-бэйсэ), по всей видимости, присутствует именно маргинальное контактирование двух языков, смежных по территории распространения. В своих трудах, посвященных этому говору, иссле-

дователи не приводят данные, свидетельствующие о влиянии языка-субстрата, в противном случае ими обязательно были бы привлечены факты общности топонимии и гидронимии, позволяющие определить ареал распространения предполагаемого языка-субстрата.

Можно предположить, что в данном случае не обошлось без влияния тунгусо-маньчжурских говоров. Язык, служащий источником влияния, определить нетрудно по результатам влияния. Гораздо труднее теоретически объяснить, почему та или иная особенность была усвоена языком воспринимающим. Может быть, следует допустить, что в говоре дурбут-бэйсэ имелись какие-то внутренние предпосылки к звукоизменению $s > t$? В таком случае язык-субстрат может выполнять функции катализатора. Скорее всего, фонетическое явление $s > t$ медленно и постепенно назревало в самих монгольских языках, о чем свидетельствуют спорадические факты чередования звуков $s // t$ в различных монгольских языках.

В говоре дурбут-бэйсэ развитие $s > t$ произошло во всех позициях слов, так как в этом говоре иноязычное влияние (второй центр притяжения маргинального ареала) явилось катализатором, ускорившим и законсервировавшим процесс звукоизменения $s > t$. Возможно, что в роли катализатора выступил какой-то из тунгусо-маньчжурских говоров. С помощью приемов ареальной лингвистики мы установили центр инновации шипящих и свистящих аффрикат. Применяв метод волновой теории Иоганна Шмидта, определили зону распространения изучаемых изоглосс s и z .

Изоглоссы могут быть связанными, конвергентными, миграционными, зональными. Особо следует остановиться на характеристике связанных и конвергентных изоглосс. Связанные изоглоссы больших языковых общностей устанавливаются, как правило, с помощью приемов компаративистики. Выявление связанных изоглосс требует хорошего знания приемов вероятностных обоснований в компаративистике.

Б.А.Серебренников [14] считал, что если исследователю известно пока только одно явление, то, зная его потенциально возможные имплицитивные связи, он может предполагать наличие другого явления. Изучение имплицитивных связей помогло нам установить промежуточные этапы развития аффрикат, а также спонтанного передвижения согласных в бурятском языке и говоре дурбут-бэйсэ монгольского языка Внутренней Монголии (КНР). При установлении этих промежуточных этапов мы применяли еще и «филологический метод», который является

одним из методов внутренней реконструкции. Филологический метод предполагает и при реконструкции, например, звуков, использование письменных источников, каковыми могут быть старописьменные памятники, глоссарии, записи путешественников, купцов и т.д. При выявлении конвергентных изоглосс приемы ареальной лингвистики работают в сочетании с приемами типологических исследований, так как выявление конвергентных изоглосс требует непрямого учета общей типологии изменений звуков в различных языках. Устанавливая промежуточные этапы спонтанного передвижения согласных в бурятском языке, мы определили также связанный характер изоглосс $s > h$, $c > s$, $z > z$, $\check{c} > \check{s}$, $\check{z} > \check{z}$. Связанными являются также изоглоссы $s > t$, $\check{c} > \check{s}$, $\check{s} > s$ говора дурбут-бэйсэ монгольского языка Внутренней Монголии (КНР). Н.З.Гаджиева (15) считала, что конвергентные изоглоссы, в отличие от связанных, возникают в изолированных языках, не имеющих между собой никакой связи.

Изоглосса может свидетельствовать о наличии в далеком прошлом определенной языковой общности. Зоканье, наблюдаемое в современных ойратских диалектах Западной Монголии, ойратском языке Китая, калмыцком языке, языке каракольских калмыков Киргизии, наглядно свидетельствует о наличии в прошлом единой ойратской языковой общности. Зоканье - дезаффрикатизация $z > z$ - присуще всем ойратским говорам, как свистящим, так и шипящим.

Проблема, затронутая в настоящей работе, интересует не только монголистов, но и тюркологов, тунгусо-маньчжуроведов. Свистящие аффрикаты s и z имеет место в некоторых тюркских и тунгусо-маньчжурских языках. Фонетическое развитие $s > h > o$ и сопутствующие ему изменения в системе консонантизма широко представлены в тунгусо-маньчжурских языках и захватили некоторые тюркские языки. Эти фонетические явления, зарегистрированные в языках алтайской семьи, мы исследуем с привлечением пространственно-географического фактора. Идентичные фонетические явления, происходившие когда-то в родственных языках и сохранившие свои следы в современных диалектах и говорах, проливают свет на происхождение монгольских аффрикат. Привлечение пространственно-географического фактора дает возможность определить зону сгущения изучаемых изоглосс, что необходимо при установлении центра инновации. Совместно с приемами ареальной лингвистики, как мы уже писали выше, работают приемы вероятностных обоснований в компаративистике, филологический метод и приемы типологических исследований. Таким

образом, нами использована комплексная методика, в которой ведущими являются приемы ареальной лингвистики.

Материалом исследования послужили монографически описанные диалекты и говоры современных монгольских языков: халха-монгольского, бурятского, калмыцкого, ойратских диалектов Западной Монголии, ойратского языка Китая, монгольского языка Внутренней Монголии (КНР), языка каракольских калмыков Киргизии. Широко привлекались материалы по тюркским языкам и их диалектам, тунгусо-маньчжурским языкам и их диалектам. Исследование монгольских аффрикат проведено на широком алтаистическом фоне, ибо без привлечения данных алтаистики невозможно объяснить появление и развитие аффрикат в монгольских языках. Использованы в этой работе и полевые материалы, собранные нами на территории Калмыкии, Астраханской области, Кыргызстана, Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Полевые материалы были проверены опросом большого числа информаторов. Для выявления архаизмов и инноваций мы обращались к глоссариям путешественников, в разное время посетивших Монголию, Бурятию, Калмыкию и Джунгарию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М.: Наука, 1979. 264 с.
2. Владимирцов Б.А. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Издательство Ленинградского Восточного ин-та. 1929. 436 с.
3. Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддима Ал-Адаб. 1-11. М-Л.: Издательство АН СССР, 1938. 451 с.
4. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953. С. 74.
5. Санжеев Г.Д. Указ. соч. С. 114-115.
6. Санжеев Г.Д. Там же.
7. Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 200 с. С. 59.
8. Рассадин В.И. Указ. соч. Там же.
9. Рассадин В.И. Указ. соч. С. 167.
10. Рассадин В.И. Указ. соч. Там же.
11. Бураев И.Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 185 с. С. 117.
12. Бураев И.Д. Указ. соч. Там же.
13. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. С. 43.
14. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. С. 277.
15. Гаджиева Н.З. Указ. соч. С. 8.

ББК 81.2 (2РОС=КАЛМ)

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР КАЛМЫКИИ В ЛЕКСИКЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Б.Б. Манджикова

Статья посвящена описанию флористической терминологии калмыцкого языка.

Ключевые слова: *лексика, калмыцкий язык, растения, деревья, название.*

The article deals with the description of floristic terminology of the Kalmyk language.

Keywords: *lexic, Kalmyk language, plants, trees, name.*

Лексика, отражающая растительный мир Калмыкии, представляет интерес в том плане, что является одной из малоизученных лексико-семантических групп.

Проблема освещения фитонимов в лингвистической литературе является одной из наименее разработанных. Желательно дать четкое и ясное представление о значении фитонимов. Иногда одни и те же реалии толкуются по-разному, поэтому надо внести ясность в разграничение двух возможных идентификаторов. Необходимо иметь в виду такие понятия, как «вид», «семейство», чтобы четко разграничить особенности фитонимов различных классов, типов. По мере возможности надо конкретно уточнить и раскрыть своеобразие различных типов растений. В описание необходимо ввести специфические признаки их распространения и применения. Представляют большой интерес исследования Л.В. Дмитриевой. Ее работа является сводкой материала по названиям растений, наиболее распространенных на территории расселения тюркских и других алтайских народностей. Лексические данные расположены по трем группам (анатомия растений; деревья, кустарники и ягоды; злаки и травы). Лексический материал помещен в трех языковых отделах: тюркский, монгольский, тунгусо-маньчжурский [1].

Лексические значения фитонимов содержат индивидуальные семы (элементы, признаки). Это, естественно, ограничивает возможности стандартизации формул толкования наименования растений. Однако основные компоненты их вполне поддаются унификации, которую необходимо осуществлять в пределах лексико-семантических групп. В определениях выделяются семантические компоненты, общие для данной группы, и индивидуальные семы, раскрывающие суть конкретного наименования. Разработка принципов выбора индивидуальных семантических компонентов толкования фитонимов является весьма важной проблемой.

О значимости фитонимов в калмыцком языке пишет Э.Ч. Бардаев в статье «О фитонимах в монгольских языках». Он утверждает, что «фитонимы в калмыцком языке составляют целый пласт слов, представляющих собой довольно интересный и своеобразный лексикографический материал как по своему происхождению, так и по семантике и морфолого-семантическому строю» [2].

Растительность нашего края в зоне пустынь и полупустынь представлена естественными травами. Учёные считают, что «в зависимости от природных условий формируется так называемая коренная растительность, экологическими особенностями растений называется их отношение к различным факторам окружающей среды - свету, теплу, влаге и т.д. По этому признаку растения делятся на экологические типы» [3].

Лексику, отражающую растительный мир Калмыкии, можно подразделить на следующие группы: 1) растительный мир в общих чертах; 2) травы, травянистые растения; 3) лекарственные растения; 4) деревья и кустарники; 5) злаковые; 6) овощи, плоды, фрукты и ягоды, цветы; 7) сельскохозяйственные культуры.

Р.М. Середин представил флору Калмыкии менее чем тысячей видами (990 из 88 семейств) и 445 родами. Наиболее богаты в видовом отношении 12-13 семейств, о чем говорят данные флористического спектра. Наиболее распространены такие виды растений, как мятлик (8 видов), овсяница (8 видов), ковыль (6 видов) из семейства мятликовых, астрагал (14 видов) из семейства бобовых, лебеда (9 видов), солянка (8 видов) из семейства маревых, василёк (10 видов), полынь (17 видов) из семейства астровых, 8 видов из семейства розанные, 11 видов рода змеёвик (горёц), 9 видов рода молочай, 20 видов осока, 11 видов подорожников, 7 видов лука. Большая часть родов представлена во флоре Калмыкии одним или двумя видами [4].

В работе Н.М. Бакташевой «Флора Калмыкии и её анализ» дается наиболее полная характеристика флоры и растительности республики. Сделан подробный анализ жизненных форм видов флоры и приуроченность их к разным типам растительности. Проведено дробное флористическое районирование территории республики, что даёт наглядную картину богатства ведущих родов флоры нашего края. По наблюдению автора видно, что «во флоре Калмыкии, в пределах современных границ, насчитывается 910 дикорастущих видов высших растений (без мохообразных), что составляет 384 рода, объединённых в 84 семействах» [5].

Л.Н. Ташнинова в своих исследованиях находит, что «растительность Калмыкии отличается большой гетерогенностью и своеобразием. Климатические условия, процессы опустынивания налагают глубокий отпечаток на структурные и биологические особенности представителей калмыцкой флоры. По наблюдениям учёного «в Красную книгу Российской Федерации занесены 16 видов растений, более 113 видов отнесены к редким и исчезающим растениям» [6].

Названия растений: травы, травянистые растения, злаковые: аг «полынь холодная», алг аг «полынь шелковистая», алцнһа (алцнхут) «сусак», ээрү «пырей», ац ээрү «пырей развилостый», барванцг «перекати-поле», баглур «ежевник», байлһ өвсн «мятлик луговой», барвада «адонис», «горицвет весенний», батраш «мята», батлу «осока песчаная», бардмж «осока обыкновенная», божмг шарлжн «полынь укрополистная», бүрс «дикий клевер», «клевер луговой», денс «тростник», ботуль «овсяница», ахр намчта ботуль «овсяница коротколистная», будрһн - трава, растущая в солончаках: «солянка», «жернак», «поташник», «сведа рожконосная», буржһр «василистник», бура «лоза», «прут», буурлда «полынь обыкновенная», «полынь горькая» (һашун шарлжн), гиш өвсн «вика», дааһндг «чернобыльник», дэгдү «горечавка», денс «тростник», зегсн «чакан», «тростник», «камыш», девэн ноһан «луговая трава, һашул «горчак ползучий», илг «конопля», йөркг «житняк», кермг «кермек», «кермек кустарниковый»; көвң өвсн «пушица», керсң (лууль) «лебеда», килган (килһн) «мятлик», килһ өвсн «острец», килһн өлң «осока острая», көгсн (халха), «крапива», лошх «репей», «репейник», керчэ өвсн «гулявник», көдэн шарлжн

«полынь пустынная», лошхт «репешок обыкновенный», манж өвсн «маун - трава», ману «чабрец», нэрхн денс, нэрхн хулсн «тростинка», нэрхн кермг «кермек тонкий», олсн «конопля», «лён», отлу «осока», өвсн «сено», «трава», өдн хамтхаста цаһан өвсн «ковыль перистый», өлң «осока обыкновенная», Палласин цэклдг «касатик Палласа», Палласин эрвң «чабрец Палласа», савһр буурлда «полынь развесистая», сэн зүстэ, миңһн хамтхастн «тысячелистник благородный», сэнгрцглүр «клоповник пронзённый», севг «бузина», серкэнг «люцерна», сөг өлң «вейник (злак)», сүркүл «лён», талан батраш «мята полевая», талан өвсн (буудян зүүтэ урһмл) «полевичка (злак)», тэрэн бүрс «клевер пашенный», «котики», урһмл «растение», усна урһмлмуд «водные растения», усна жаһамул «водяной лук», үзүрт өвсн «острец», үсн өвсн «молочай», үст «шандра ранняя», үст өвсн «полевичка» (волосистая и малая), хазар өвсн «змеевик (змеёвка)», халлһна (халха) «крапива двудомная», халтамж «лапчатка шёлковая», хулсн «камыш», хана «толстый камыш», хатханчг «колючка», цаһан залат «качим метельчатый», цаһан бетк, цаһан өвсн «ковыль», «белокопытник», цаһан йөркг «житняк гребенчатый», цаһан керсң «марь белая», «лебеда белая», цаһан хулсн «тростник», цаһан шарлжн «полынь белolistная», «полынь Турчанинова», цаһан өвсн «ковыль», цаһан өвснэ зүсн «ковылок», цаһан шавг «полынь дернистая», царһс «люцерна», цегэн шавг «полынь морская», цегрэгч «колючка», цегрг хатханчг «верблюжья колючка», «чагерак верблюжий», цеңдэ «очиток», чөдр өвсн «вьюнок степной», «княжик», «ломонос восточный», чонын өргс «чертополох», чөдрһн «вьюнок полевой», «повилика», шар бүрс «желтоголовый клевер», шавг «полынок», «чабрец», шавгу «чабрец», тимьян, шалу «осока», шар будг (урһмл) «дрок красильный», шар ирэнһү (йозурт) «донник лекарственный», «донник жёлтый», шар керсн «жёлтая лебеда», шар серкэнг «люцерна жёлтая», шар ноһан «сурепица жёлтая», шар толһа «полынь запутанная», шар хөөч «подмаренник жёлтый», шар хулсн «тростник обыкновенный», шар цэклдг «касатик жёлтый», шарһс «сарсазан», шар шарлжн (шавг) 1) «полынь песчаная», «полынь жёлтая», 2) «осот», шүдтэ шар шарлжн «осот зубчатый», шарһ шарлжн «полынь рутолистная», шарлда өвсн «сурепка», «сурепица», шарлжн «полынь», «бурьян», шарма

«бузина», «куст бузины», ширк «осока твердоватая», шовуна меерэ, халуна өвсн «горёц птичий», «гусяная трава», «спорыш», шоор (малын тежэлин урһмл) «копеечник монгольский», «эспарцет» (кормовое растение), шуура өвсн «осока», «осока луговая», эвлг, элвг өвсн «эбелек», элсн бавгу «тысячелистник песчаный», элсн мөңкт «бессмертник песчаный», «цмин песчаный», элсн өвртн «рогач песчаный», элсн суль «кияк (овёс песчаный)», элснэ мэнгрсн «лук песчаный», элсн шуура (өлн) «полынь песчаная», эмгн шилв «курчавка», эрвн «чабрец», «богородская трава», эргин өлн «осока береговая», явар «аир болотный», «аир пахучий», яман сахл «козлобородник», яман шарлжн «полынь веничная», яңгда «кипрей».

Большой интерес представляют лекарственные растения. На территории Калмыкии произрастают более 100 видов лекарственных растений, более 50 видов находят применение в научной медицине. Полезные свойства растений и их применение для лечения различных заболеваний известно с давних времен. В настоящее время использование лекарственных растений поставлено на прочную научную основу.

Важно учесть, что растительные ассоциации, произрастающие в сухостепных биогеоценозах, требуют к себе должного внимания.

Вышел в свет очень интересный, на наш взгляд, научный труд А.А. Ташниновой: «Обзор лекарственной флоры Калмыкии». В работе приведены подробные данные о биологических особенностях, химическом составе и лекарственной ценности дикорастущих и культурных растений Калмыкии. Вслед за учёными, исследовавшими ценопопуляции лекарственных растений и их морфологическое строение, она внесла свой заметный вклад в изучение этого вопроса.

А.А. Ташнинова считает, что «проблема сохранения ценопопуляций лекарственных растений в условиях современного опустынивания территории Калмыкии тесно связана с проблемой сохранения биологического разнообразия и существующей системой особо охраняемых природных территорий» [7].

Лекарственными растениями являются: улан буй «алтей лекарственный», хаврла «безвременник весёлый», цаһан лир «белая акация», шар цацгт «василистник малый», көк хоңдр зул «василёк синий», шар өрг «абрикос обыкновенный», талан чөдрһн

«вьюнок полевой (берёзка)», сертэнк «вязель», севкт «горёц почечуйный», «почечуйная трава», зармц «горёц птичий (спорыш)», залат «девясил британский», «боровник», бүүрсн «дескурайния Софии», хар модн «дуб обыкновенный, летний, черешчатый», хатханчг «дурнишник колючий», лошх «дурнишник обыкновенный», нохан шеерң «ежовник (анабазис) безлистный», нохан хошун (шохун) «шиповник собачий», хаврин нохан хошун «шиповник майский», «шиповник коричный», шар дер «шалфей», шарлда «желтушник сероватый», зееглэ «пижма обыкновенная (дикая рябинка)», цоорхат «зверобой пронзённый (продырявленный)», бомбушг «зопник колючий», каңкнсн үнртэ өвсн «душица обыкновенная», ямана удн «ива козья», «бредина», кермг «кермек широколистный», халвт «кирказон ломоносовидный», девэлиг «клевер луговой», аю чикт «коровяк мохнатый», «коровяк лекарственный», шүкүрт «лапчатка серебристая», далур «лапчатка двувильчатая», диинрэ «мак-самосейка», джамба «мальва малая», «просвирняк», ханур хамтхаст «ноготки лекарственные», «календула», джам-баинг «одуванчик лекарственный», түмт өвсн «парнолистник бобовый», билчуха «паслён черный», багла хамтхаст «подмаренник настоящий», тавн салата «подорожник», харм буурлда «полынь крымская», австрийск буурлда «полынь австрийская», тенгсин буурлда «полынь морская», оңһг «пырей ползучий», көклэ «румянка обыкновенная», «синяк», «ранник синий», көк залат «синеголовник плоский (плосколистный)», буя «солодка», «лакрица», аг шарлжн «солянка русская», бавгу «тысячелистник обыкновенный», эжг «череда трёхраздельная», девслүрт «якорцы стелющиеся», яшл «ясень обыкновенный или высокий».

К злаковым сельскохозяйственным растениям относятся: арва «овёс», «ячмень» (дербет.), суль «овёс» (торгут.), цаһан буудя «пшеница», намрин цаһан буудя «озимая пшеница», хаврин цаһан буудя «яровая пшеница», хар буудя «рожь», намрин хар буудя «озимая рожь», шар буудя «пшено», бор зарм «гречиха», зарм «просо», «крупа», тутрһ «рис», эрднь-иш «кукуруза», шиш «маис».

Названия деревьев и кустарников: агч «клён», талан агч «клён полевой», альмна модн «яблоневое дерево», «яблоня», бут (бутс) «кустарник», барвс (барбус) «барба-

рис», бор удн «род ивы», боштл «ольха», аньр «гранат» (дерево и плод), арц «арча», «можжевельное дерево», бурһсн «верба», «ива» (монг.), йарһа «кизил», лир «акация», цаһан лир «белая акация», кедмн «грушёвое дерево», «груша», көгл «терн», «терновник», жигд «лох», жөөлн цаһан «липа», жөөкн «вяз», жуужм «шелковица», илм (тут модн) «тутовник», илмэ модн «ильм», ө, ө-модн «лес», нигт модн «бук», нигт шар модн «бук жёлтый», нарсн (харһа) «сосна», өргин модн «сливовое дерево», «слива», шар өргин модн «абрикосовое дерево», «абрикос», суха «тамариск», «гребенщик», «жидовинник», тэвлһ «таволга», удн «ива», «ветла», «тальник», нүрһс «ольха кустарниковая», өндр уласн «тополь пирамидальный», уласн «тополь», цаһан, уласн «белый тополь», «тополь седоватый», цаһан удн «ива белая (ветла)», «ива серебристая», хар удн «ива плакучая», үүрмг хамтхаста жөөлн модн «липа сердцевидная (мелколистная)», чи модн «вишнёвое дерево», «вишня», хар модн «дуб», хан хулсн «бамбук», хар боштл «чёрная ольха», цаһан боштл «ольха белая», хар за «чёрный саксаул», цаһан за «саксаул белый», хар илм «шелковица чёрная», «тут чёрный», хар уласн «осокорь», «тополь чёрный», хар хусм «берёза чёрная», «бересклет Зибольда», хөн бурһсн «ива сизая», хөн уласн «осина», хөн арц «можжевельник казачий», «вереск», хусм «берёза», хар зандн «тёмный сандал», «чёрное дерево», цаһан зандн «кипарис», цаһан агч модн, бат цаһан «белый клён», «явор», цөмсн «черёмуха», шар зандн «жёлтый сандал», «самшит», шар (улан, хар) чи «черешня» (дерево и плод), шитлг «лещина», «лесной орех», шитм харһа «лиственница», шүдлүр хамтхаст «ольха (белая и чёрная)», эрмн «чилига», яшл «ясень», яңһгин модн «орех», «ореховое дерево».

Названия плодов, овощей, фруктов, ягод и некоторых других растений: альмн «яблоко», аагм бурчг «душистый горошек», агчрһн «чемерица», аһр (зун наст) «алоэ (столетник)», аһурцг (хаяр) «огурец», адамч «помидор», ажинэ «ежевика», алирсн «брусника», алг нүдн цецг «анютины глазки», «фиалка», алтн орһһа «бегония», анчс (һааж) «имбирь», эрэкшэ «мимоза», эргдл «маргаритка», ацлг шилвтэ «кориандр», эмн-йозур «женьшень», бавгаха цецг (немнэ цецг) «одуванчик», багц «бахча», бадм цецг «лотос», бадр цецг «ирис», «кастик», бажуна «ревень», бамб цецг (алтн

зул) «тюльпан», башр цецг «китайская гвоздика», бичкн хавг «кабачок», боба «боб, бобы», боднцг «картофель», бор бурчг «соя», бөөс түүдг «дурман», бурчг «горох», бурш «перец», улан бурш «красный перец», хар бурш «чёрный перец», бузһн (бөс-модн) «бузина», гич (горчс) «горчица», һааж «имбирь» (пряность), һадль «банан», һадър «айва», һал цецг «горицвет», һашун бурш «перец жгучий», һашун мәнгрсн «горький (злой) лук», һашул «горчак ползучий», һу «дыня», далч «корица», дарһа «мак», диинрэ «мак-самосейка», дермн «папоротник», жаһамул «дикий лук», жамб цецг «одуванчик», замбһа «магнолия», зать «мускатный орех», земб «белена», земш «фрукт», «плод», «ягода», зер-земш «плоды», «фрукты», зорһдс «укроп», зөрг цецг «хмель», зүрж (журж) «апельсин», инжр «инжир», «фига», ирганьг «дикая морковь», һоньд «петрушка», йозурта һоньд «петрушка корневая», ки (теңгрин ки) «гриб», көвн «хлопок», көк мәнгрсн «лук зелёный», көк неткл «лишайник», луувн (шар луувн) «морковь», мәнгрсн «лук», мәнжн «брюква», нарн цецг «подсолнух», «подсолнечник», нерс (нирс) голубика, нооста өрг (тоор) «персик», оошк цецг «роза», өөдлэ «плющ», өрг «слива», сэрмсг (часнг) «чеснок», севг «бузина», серүн цецг (серүнци) «нарцисс», талан батраш «мята полевая», тарвс «арбуз», тэмк «табак», темсн «овощи», «плоды», тошл «мандарин», тошлг «барбарис», улан бурчг «чечевица», улан луувн «редис», «редиска», уста үзм «виноград», хавг (чанач) «тыква», хавстн «капуста», үзм «изюм», «виноград», хар тошл «паслён» цэ (урһмл) «чай (растение)», «чайный кустарник», цуунг «свекла», цоһра «пастернак», цөм «кизил», цуунг шалхг «брюква», чес «баклажан», чи «вишня», шалхг «репа», шар бурчг «соя», шарңху цуунг «брюква», шарма «бузина», «куст бузины», шикрин нишц «сахарный тростник», шинц «корица», шүглдүр «морковь», эл «кардамон», эрмн «чилига», эрндэ (даңһрг) «клевшина», яңһг «орех грецкий», яста улаһн «костяника», ятра «цикорий».

Термины, отражающие растительный мир Калмыкии, представлены в виде знаменательных частей речи. Наиболее универсальной и распространённой являются термины-существительные. Эти лексемы в составе терминологических наименований растительного мира обладают широкими самостоятельными возможностями. Термины-прилагательные предстают в трёх

группах: притяжательные, относительные, качественные. Они реализуются как самостоятельные единицы в составе свободных терминологических словосочетаний.

Исследуя основные типы сочетания слов и их роль в образовании терминов Т.А. Бертагаев считает, что самыми распространёнными и продуктивными в современных монгольских языках являются атрибутивно-субстантивные двухкомпонентные образования. Атрибутивно-субстантивные номинанты играют существенную роль в номинации предметов и явлений, а также являются средством классификации их по видам и разновидностям. Учёный пишет: «В народных языках монгольских племён в качестве дифференцирующего элемента, или детерминанты, в первую очередь приняты названия различных цветов, например красный, чёрный, белый, серый и др., или же наименования основных видов животных, которые водятся у монголов, например, наименование лошади, быка, коровы, барана, овцы, козы, верблюда и др.» [8].

Растения, в наименовании которых участвуют детерминанты, обозначающие цвет, например: бор уласн «осина», бор бурчг «соя», бор зарм «гречиха», бор сиик «лебеда», бор харһн «карагана Бунге», бор шарлжн «полынь серая», көк бурчг «зелёный горошек», көк залат (толһат) «синеголовник плосколистный», көк зарлыг «щетинник сизый», көк мэнгрсн «лук зелёный», көк ноһан «зелёная трава», көк хонһр зул «василёк синий», көк цецг (толһа) «василёк», көк яшл «ясень зелёный», нигт шар модн «бук жёлтый», ноһан шарлжн «полынь зелёная», оошк цецг «роза», улан бөөлжрһн «брусника», улан бурһсн «краснотал», «красный ивняк», улан бурш «перец красный», улан залат «кровохлёбка лекарственная», «красноголовник», улан бурчг «чечевица», улан йозур (эмин урһмл) «красный корень» (лекарственное растение), улан луувн «редис», «редиска», улан буудя «просо», улан теңгринки «красный гриб», «подосиновик», улан модн «красное дерево (тис ягодный)», улан толһа «полевица», «клевер луговой», улан шалхг «репа красная», улан цуунг «морковь», улан шарлжн «полынь красная», хар бурш «перец чёрный», хар буурлда «полынь чёрная», цаһан агч модн, бат цаһан «белый клён», «явор», цаһан боштл «ольха белая», цаһан буурлда «полынь белая», цаһан ирагур «донник белый», цаһан лууль «лебеда белая», цаһан өвсн «ковыль», «белокопыт-

ник», цаһан уласн «белый тополь», цаһан хавстн «белая капуста», цаһан шалхг «репа», цаһан шарлжн «полынь белolistная», шар буудя «пшено», цээвр өлц «осока бледноватая», шар бүрс «желтоголовый клевер», шар йозурт «донник жёлтый», шар ноһан «сурепица жёлтая», шар керсц «лебеда жёлтая», шар кермг «кермек золотистый», шар серкэнг «люцерна жёлтая», шар шарлжн «полынь жёлтая», «полынь песчаная».

Растения, в наименовании которых составными элементами являются названия животных и зверей, например: ажрһ зегсн «чакан высокий, многолетний», ажрһ цаһан хусм «большая берёза», аю чикт (аюн чикн) «коровяк мохнатый», бомбһр үңгн сүл «лисохвост вздутый», буһин зогдр «осока стоповидная», буһин өвр (цецг) «оленьи рожки», буһин хуралжн «ягель (олений мох)», буһин цаһан цецг «ветреница длинноволосая», дааһна чикн «конский щавель», ноһан хашун «шиповник коричный», зурмн өвсн «мортуки», зурмна сүл «тонконог», мөрн аг «полынь обыкновенная», мөрн зеергн «донник зубчатый», мөрн шавг «полынь высокая», мөрн шарлжн «полынь однолетняя горькая», ноосн хуц «вика», ноһан аран «шиповник игольчатый», ноһан келн «пустырник белойлочный», ноһан хуух «переступень белый», текин сахл «козлобородник», темэн арц «можжевельник», темэн тавг «кувшинка», «водяная лилия», темэн чикн «щавель густой», «щавель конский», темэнэ хатханчг «колочка верблюжья», туулан бөөр (модн) «каштан (дерево)», туулан ичмэн «ячмень заячий», туулан хамхул «курай», туулан хунчр «астралгал заячий», уһнн чикн «щавель конский», үкр арц «багульник болотный», үкр будг «змееголовник», үкр келн «осока», үкр нүдн «чёрная смородина», үкрин хар нүдн «черника», үңгн өлц «осока лисья», хөн арц «можжевельник казачий», «вереск», хөн бурһсн «ива сизая», хөн бөөлжрһн «малина мелкая», хөн нүдн «хризантема», хөн сиик «брюква», хөөнэ өвсн «лапчатка», хурһн хамтхасн «клещевина обыкновенная», хурһн бөөр «торрея большая», хурһн чикн «щавель», хурһн шарлжн «полынь заменяющая», чон яр «лишайник красный», чонын келн «чернокорень», чонын көлвэдсн «бирючина», чонын өргс «чертополох», чонын сиик «колокольчики», «чонын сүл «черемша», яман арц (можжевельник каменный), «рододендрон», яман арц «можжевельник сибирский», яман өвсн «вероника седая (беловойлочная)», яман

сахл «козлобородник», яман халха «разновидность крапивы», яман шарлжн «попынь веничная», ямана бурһсн «тальник», «ива-шелюга», «кустарниковая ива», ямана өвр «кариоптерис монгольский», ямана удн «ива козья», «бредина».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972. С. 151-223.

2. Бардаев Э.Ч. Фитонимы в монгольских языках // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980. С. 98-108.

3. Бананова В.А., Горбачёв Б.Н., Журкина

Л.А., Середин Р.М., Вотинова Т.И. Растительный мир Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1977. С. 5-58.

4. Середин Р.М. О флоре Калмыкии. Редкие исчезающие виды растений // Растительный мир Калмыкии. Элиста, 1977. С. 71-75, 137-140.

5. Бакгашева Н.М. Флора Калмыкии и её анализ. Элиста: АПП «Джангар», 2000. С. 9.

6. Ташнинова Л.Н. Красная книга почв и экосистем Калмыкии. Элиста: АПП «Джангар», 2000. С. 17, 87-88.

7. Ташнинова А.А. Обзор лекарственной флоры Калмыкии. Элиста, 2002. С. 8.

8. Бертагаев Т.А. Сочетание слов и современная терминология (на материале монгольских и бурятского литературных языков). М., 1971. С. 66.

ББК 81.2 (2РОС=БУРЯ)

ПРОЗВИЩА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА)

Ж.Д. Маюрова

Статья посвящена прозвищам в бурятском языке, рассмотренным в историческом аспекте.

Ключевые слова: *прозвище, бурятский язык, личное имя, структура, семантика.*

The article is devoted to the nicknames in the Buriat language. The author discusses the problems in historical aspect.

Keywords: *nickname, the Buriat language, personal name, structure, semantics.*

В именовании человека сосуществуют личное имя как наименование и описательные характеристики (прозвища). Прозвища представляют своеобразный класс именования людей. Они отличаются от личных имен своей семантической наполненностью, хотя общим для них является единичная соотнесенность с денотатами. В прозвищах, как и в апеллиативах, наличествует семантика, но они бытуют на базе соотнесенности с единичным субъектом, тогда как апеллиативы - с классом предметов. Основной причиной образования прозвищ является частотность тезоименных, а также наличие в социуме людей с аномальными и раритетными признаками. Прозвища - это «... результат «придумывания», вымысла, т.е. осознанной творческой инициативы людей» [1].

В бурятском языкознании прозвища впервые исследованы Л.В. Шулуновой [2]. На материале простых, или отдельно взятых прозвищ, у бурят автором рассмотрены вопросы, касающиеся источников образования, особенностей лексико-семантической и грамматической структуры, явления их вариативности и взаимодействие русского и бурятского языков в массиве бурятских прозвищ.

У бурят, наряду с простыми прозвищами, существуют сложные - прозвища-синонимы и полионимы. Нами исследована проблема их структурной организации и семантического своеобразия, выявлена типология структуры сложных прозвищ и прослежена типология сближения разных семантических микрополей в прозвищах-полионимах, а также выявлены общие и отличительные классы семантических полей основ синонимических и полионимических прозвищ в сравнении с основами личных имен [3].

Сравнительное рассмотрение типов именования человека показывает, что прозвища-синонимы и полионимы имеют общие и отличительные черты. Общим в них является то, что они, как и простые прозвища, представляют

вторичные образования по отношению к личному именованию, которое присваивается человеку при его рождении. Прозвища-синонимы и полионимы стихийно образуются на базе аномальных, бросающихся в глаза признаков у человека в речевой практике определенного социума (род, село, трудовой коллектив). Это слова-характеристики, в силу чего в них не утрачивается семантика исходной формы. Прозвища-синонимы и прозвища-полионимы отличаются друг от друга тем, что образование первых происходит в ключе одного признака одного и того же денотата, тогда как полионимы фиксируют разные признаки одного и того же человека.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что синонимические и полионимические прозвища распространены не повсеместно и в количественном отношении значительно уступают простым. Так, из собранных нами 3340 прозвищ лишь 511 являются прозвищами-синонимами, 505 - полионимами. К примеру, в селе Бурлай Качугского района Иркутской области только одному *Обогою* были присвоены прозвища-полионимы - *Уршагануур Обогой* букв, «гримасничающий Обогой» и *Һүүдэгэнүүр Обогой*, букв, «мельтешащий Обогой» при достаточном количестве отпрозвищных антропонимов [4]. Такая картина, видимо, зависит от двух обстоятельств. Во-первых, это обусловлено бытованием индивидов со многими бросающимися в глаза аномальными признаками, во-вторых, поэтическим настроением окружающих. Сочетание этих факторов одновременно наблюдается не везде в этнической Бурятии. Массовый характер носят сложные прозвищные образования лишь в нескольких селах. Например, в селе Урдо-Ага Агинского района Читинской области зафиксировано 147 прозвищ-синонимов типа *Мантаноо* - от *мантан* «огромный», *Мантан Сэвээн*, букв, «огромный Цыбен», *Обогоон* - от *обог(ор)* «кучеобразный» и *Сээнтнер Сэвээн*,

букв, «центнер Цыбен» (характеризуют полностью прозываемого) и 110 полионимов типа *Модон Мунса* букв, «деревянный пестик» (о прямоте характера номината) и *Хомяк* (у прозываемой отвисшие щеки). В селе Гунэй Агинского района проживал денотат с прозвищами-полионимами *Агроном*, *Хэлтэгы Шара*, букв, «кривобокий рыжий» и *Дохолон Шара*, букв, «хромоногий рыжий». Последние два прозвища, указывающие на хромоту денотата, отражены в шуточном стихотворении односельчан:

Хэлтэгы Шарын заабаряар

Перевод: *По велению Кривобокого Рыжего Хүндэлэн полиео хахалагты,*

Перевод: *Пашите поле поперек,*

Хүндэлэн хахалаад байхада

Перевод: *Когда паешь поле поперек*

Хүлхэнин ехэ юм гэнэл даа...

Перевод: *Говорят - заработок большой...*

Дохолон Шарын заабаряар

Перевод: *По велению Хромонокого Рыжего*

Диагональ татажа хахалагты

Перевод: *Пашите поле диагональю,*

Диагональ хахалжа байхада

Перевод: *Когда паешь диагонально*

Даабаринь бага юм гэнэл даа...

Перевод: *Говорят - норма небольшая...*

Прозвища как один из видов вторичных знаковых систем, бытующих в речи, социально обусловлены. Так, А.В. Суперанская пишет: «Имя как социальный знак воспринимается в плане его функционирования в речи... Та или иная языковая форма имени обычно бывает продиктована конкретной экстралингвистической ситуацией» [5]. Л.В. Шулунова с учетом социальных факторов классифицирует бурятские прозвища на семейные, школьные, профессиональные и улусные» [6]. Частотность / раритетность тех или иных прозвищ в какой-то мере обусловлены морально-психологическим климатом социума, возрастной и половой дифференциацией людей. Предпринятая нами практика сбора сложных бурятских прозвищ методом сплошной записи на местах показала следующее. Из собранных нами в полевых условиях 511 прозвищ-синонимов 415 являются мужскими и 96 женскими, из 505 полионимов - 406 мужских и 99 женских. Меньшую частотность женских прозвищ можно объяснить тем, что женщина менее активна в общественной жизни по сравнению с мужчиной, будучи обремененной семейно-бытовыми заботами.

Заметим, что прозвища бытуют не во всех населенных пунктах этнической Бурятии. Наличие / отсутствие прозвищ в населенном пункте возможно объяснить морально-

психологическим климатом социума, а также разнообразием набора корпуса антропонимов, при котором процент тезоименности может быть низким. Последнее устраняет необходимость прибегать к прозвищной идентификации индивидов.

Возрастной фактор также играет существенную роль в образовании прозвищ. Поддерживаем мнение Л.В. Шулуновой, которая считает, что «... если семейные прозвища с точки зрения хронологии не имеют ограничений, то школьные - возникают лишь на определенном жизненном этапе денотата. Профессиональные прозвища, в отличие от улусных, могут возникнуть только в момент производственной деятельности прозываемого» [7].

Известное высказывание о том, что «прозвища представляют собой вечно юные образования, ... слова, его составляющие (относятся) к новым и новейшим для каждой эпохи. Это обеспечивает постоянное обновление прозвищ» [8], - полностью подтверждается нашими наблюдениями.

В бурятских прозвищах представлены как исконные, так и русские основы лексем. Но частотность их в отдельных регионах различна. Так, у бурят Иркутской области преобладают основы лексем русского языка, в Республике Бурятия процент этих основ примерно одинаков, тогда как в Читинской области преобладают бурятскоязычные формы. В связи с интенсивным развитием средств коммуникаций и возможностью приобщиться к культурному достоянию современного мирового сообщества в прозвищную лексику бурятского языка все чаще проникает множество иностранных лексем посредством русского языка: *Изаура* (прозвище дано по внешнему сходству с героиней бразильского телесериала), *Мадонна* (прозываемая внешне напоминает известную певицу и имеет хорошие вокальные данные), *Майкл Джордан* (номинал высокого роста и увлекается баскетболом), *Шамиль Басаев* (у денотата задиристый характер, драчун).

В прозвищах-синонимах и полионимах отражена диалектная лексика бурятского языка. Сказанное подтверждается примерами таких простых прозвищ, как *Алтан Таабай* - от *алтан* «золотой» и *таабай* «дед, дедушка», букв, «золотой дед» (тунк.), *Согтуу Джигзымаа* - от *согтуу* «пьяная» (хамниг.) с ЛИ денотата, букв, «пьяная Жигзыма», *Таталдуухай* - от *татаалда(ха)* «дергаться, корчиться» (закам.), *Харалгаан Габришала* - от *харга(ха)* «слепить глаза» (качуг.), прозвищ-синонимов: *Амбэй* - от *ам(ан)* «рот» + *убэй* «нет, без» (отриц. част. аларск.) - букв, «безротый» (в смысле «мол-

чаливый») и *Дуушуубэй* - от *дуу(н)-шуу(яан)* «звук» + *үбэй* (аларск.) -букв. «беззвучный» (в смысле малообщительный); полионимов: *Буганаашиха* - от *буга* «изюбр, марал» (семейное прозвище прозываемой), *Сэлсэгэнүүр* - от *сэлсэлзэ(хэ)* «колыхаться сверкая» (о капельках росы на растениях) - в данном случае прозвище обозначает резкие, быстрые движения, характеризующие походку денотата, *Ехэ Хургаартай Басган* - от *ехэ* «большой», *хургаар* (зап.-бур.) - от *хургаал* «учение, поучение», *Басган* - от *басаган* «девочка, девушка», букв. «девушка с большим учением» - обозначает образованность именуемой.

Все описанные прозвищные образования служат цели дополнительной идентификации уже идентифицированных личными именами людей чаще на эмоциональном уровне. Буряты-билингвы здесь обнаруживают пример тонкой наблюдательности и умения броско обозначить то, что аномально и раритетно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаура Сальмон. Личное имя в русском языке. Семиотика, прагматика перевода. М., 2002. С. 43.
2. Шулунова Л.В. Прозвища в антропонимии бурят. Улан-Удэ, 1985.
3. Маюрова Ж.Д. Структура и семантика синонимических и полионимических прозвищ бурят. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2003.
4. Митрошкина А.Г. Говор качугских (верхоленских) бурят: Автореф. дис. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1961. 22 с.
5. Суперанская А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфонология. М.: Наука, 1969. С. 57.
6. Шулунова Л.В. Указ. соч. С. 55-59.
7. Шулунова Л.В. Ономастика Прибайкалья. Улан-Удэ, 1995.
8. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Н.М. Мулаева

В статье дана функционально-семантическая классификация модальных частиц калмыцкого языка, детально анализируются модальные значения.

Ключевые слова: *модальность, частицы, функционально-семантическая, характеристика.*

In the article we give the functionally-semantic classification of modal particles in Kalmyk language and analyse the modal meanings in detail.

Key-words: *modality, particles, functional - semantic, characteristic.*

Средилексико-грамматических средств выражения модальности в современном калмыцком языке особое место занимают частицы, которые рассматриваются в составе служебных слов. Частицы придают различные дополнительные смысловые, эмоционально-экспрессивные и модальные оттенки целому предложению или его частям. Свое лексико-грамматическое значение они получают только в составе предложения, когда характеризуют или уточняют в нем значение того или иного слова.

Мы считаем, что основная функция модальных частиц в калмыцком языке - это выражение различных модальных отношений и оценка говорящим степени достоверности сообщаемого с точки зрения возможности, необходимости, действительности, предположения, вероятности или заведомой уверенности. Исходя из этого определения, к модальным частицам калмыцкого языка мы относим:

1. Подтвердительные частицы: *мөн* «да, действительно», *-ми, -лм* «же», *юми, -хи* «ведь, же», *-ус (-үс)* «ведь, же», *-и* «ведь»;

2. Усилительно-выделительные частицы: *-л* «ведь», *чигн* «и»;

3. Гипотетические модальные частицы (частицы, выражающие проблематическую достоверность): *биз* «наверно, вероятно, пожалуй, видимо», *хэ* «вряд ли», *хэ биз* «вряд ли», *хэ йир* «едва ли, вряд ли»;

4. Вопросительные частицы: *-у (-ү)* «ли», *-й (-ий)* «ли»;

5. Отрицательные частицы: *-го* «нет, конечно», *-л уга (-лго)* «нет, конечно», *биший* «разве не...».

Рассмотрим более подробно каждую из этих групп частиц.

1. Подтвердительные частицы: *мөн*

«да, действительно», *-ми, -лм* «же», *юми, -хи* «ведь, же», *-ус (-үс)* «ведь, же», *-и* «ведь». Их главное назначение состоит в подтверждении достоверности высказывания и общем усилении интонации предложения.

Подтвердительная частица *мөн* «да, действительно» употребляется, как правило, при сказуемых, выраженных именами и причастиями. Например: *Тим улсин негнь Эрднь Бадминович Настинов мөн* (ХУ) «Один из таких людей - действительно Эрдни Бадминович Настинов; *Ямаран чигн кели-улсин ул сүүрнь - хамгин түрүнд энүнэ төрскн кели, тууж, сойл, бээдл жүрүшлин заңшал мөн* (ХУ) «Прежде всего, главной основой любой национальности действительно является родной язык, история, культура, традиции».

Постпозитивная частица безусловного подтверждения *-ус(-үс)* «ведь, же», подчеркивает несомненность действия, совершаемого обычно [1, с. 13]. Эта частица употребляется при формах прошедшего и реже настоящего времени глагола. Функционируя в качестве простых сказуемых или входя в составное сказуемое, эти формы в сочетании с частицей *-ус(-үс)* обозначают такое действие, объективность проявления которого не вызывает сомнения. Например: *Би келэ бээлүс, тэвхи уга* (НМ) «Я ведь говорил, не пропустят».

2. Усилительно-выделительные частицы: *-л* «ведь», *чигн* «и».

Частица *-л* «ведь» призвана усилить общее утвердительное значение того слова, на которое падает логическое ударение: *Ээжин келси чикл* «То, что сказала мать, верно ведь»; *Тиигжэ тер нанас өшдэн авлал* «Так ведь он мне отомстил».

Присоединяясь ко всем изъявительным формам, а также к большинству причастий, частица *-л* сообщает им значение достоверности действия.

Усилительно-выделительная частица *чигн* «и» может выражать различные оттенки сомнения, например: *Барт бичгдлһн төгсхлэ, июль сард, эдн цуһар газетн умиачир дунд болх лотерейд орлицад, унтэ мөрэ чигн шүүх* (ХҮ) “Когда в июле закончится подписка, они все будут участвовать в лотерее между читателями газеты и, может быть, выиграют ценные призы”.

3. Гипотетические модальные частицы (частицы, выражающие проблематическую достоверность): *биз* «наверно, вероятно, пожалуй, видимо», *хэ* «вряд ли», *хэ биз* «вряд ли», *хэ йир* «едва ли, вряд ли» обозначают предположительность, неуверенность, неочевидность, недостоверность. «Частицы *хэ, хэ биз, хэ йир* выражают сомнение и крайнюю неуверенность в чем-либо» [2, с. 290].

Частица *биз* в письмах XVII века представлена формой бэйизэ: *Айидархани кина тэндэ мэндү бэйизэ* “Астраханский князь там, по всей вероятности, здоров” [3, с. 154].

Частицу *биз* некоторые исследователи рассматривают как «модальное слово». Так, З.В. Шевернина считает, что слово *биз* со значением «вероятно, наверно, видимо» имеется во всех монгольских языках, как в разговорном, так и в письменном (бур. *бэээ*, калм. *биз*). «Существует вполне вероятное предположение, что *биз* - это лексикализация сочетания глагольной формы *бий* /«есть»/ с частицей сомнения *за*. В современном языке в слове *биз* не чувствуется ни прежнего бытийного значения, ни времени, этимологические связи в нем нарушены, оно полностью модифицировалось в смысловом и функциональном отношении» [4, с. 22].

Гипотетическая модальная частица *биз* «наверно, вероятно, пожалуй, видимо» в калмыцком языке выражает вероятность, предположение. Она встречается при именах и причастиях, функционирующих в роли простых сказуемых или входящих на правах компонента в составное сказуемое. Например: *Эн көвүнд болхла, тер арвн арслһчһн жүрһлдһн чигн орлиц биз* (БА) “А этому мальчику те десять рублей, может быть, и пригодятся в жизни”; *Арһан барад*

зөв чигн гисн биз? (БТ) “Наверно, отчаявшись, дала согласие?”.

Гипотетическая модальная частица *хэ* «вряд ли» употребляется в повествовательных предложениях, в постпозиции, в основном, в разговорной речи: *Терүнэ ирнэ гидэ хэ* (КР) “Вряд ли он придет”.

Эта частица может употребляться для выражения мягкой формы отрицания, отказа. Например: - *Тана тал эндр ирлһн хэ болх* (КР) “- Сегодня, должно быть, я к вам не приду”.

Гипотетическая модальная частица *хэ биз* «вряд ли» может употребляться в повествовательных предложениях, в постпозиции, она более характерна для разговорной речи. Например: *Гишчд оддгмдн хэ биз* “Едва ли мы пойдем в гости” [5, с. 290].

Эта частица в основном употребляется в качестве слова-предложения в ответной реплике диалога: - *Яһси Булһна хэлэцтэ болдмб - Булһн болхий?* - *Хэ биз. Нанд үзгдл болж медгджэнэ* (ХҮ) “Как же ее взгляд схож с взглядом Булгун, может это Булгун? - Вряд ли”; - *Урдк кевтэн эврәнһ мөстж одсн зүркэн Отхн хээлүлж чадхий?* - *Хэ биз!* “- Сможет ли Отхон, как прежде, растопить свое сердце, превратившееся в лед? - Вряд ли!”

Гипотетическая модальная частица *хэ йир* «едва ли, вряд ли» употребляется в повествовательных предложениях в препозиции и постпозиции, в основном, разговорной речи. Например: *Залху күн төлжнэ гидг хэ йир* “Вряд ли ленивый человек будет развиваться (физически)” [6, с. 93]; *Ха йир, берк юмн: хэләһич - көдлдгһн һанцхн трактор йовулач, терүг хажудһн хэрүлдгһн - арвн ахлач* (БА) “Вряд ли, это затруднительно - посмотри-ка - ведь работает один тракторист, а сбоку его сторожат десять начальников”.

4. Вопросительные частицы: *-у(-ү)* «ли», *-й(-ий)* «ли».

Вопросительные модальные частицы *-у(-ү)* «ли» вносят в предложение оттенок предположения [7, с. 7]. Частицы *-у(-ү)* имеет ту особенность, что присоединяются только к сказуемым в формах изъявительного наклонения. Например: *Аашхичн танахс меднү?* (БТ) “Знают ли ваши о том, что ты возвращаешься?”; *Яһна, сээнэр көдлжэнү?* (КА) “Чем занимаются, хорошо ли работают?” *Энчн хотын сээг иднү, хувцна сээг өмснү, өдрт бийән харнү?* “Ест ли он

лучшее из еды, одевает ли лучшее из одежды, следит ли за собой?”

Основная функция вопросительной модальной частицы-аффикса -ий - выражение прямого вопроса. Эта частица оформляет как собственно вопрос, так и вопрос, выражающий различные модальные значения: сомнение, неуверенность и т.д., употребляется в разговорной речи, в публицистике. Например: *Ода иржэ чи биди хойр кесг зун жсил сохр бээси улст нүд орулжэ чадхий?* (БА) “Сможем ли мы с тобой сейчас открыть глаза людям, которые многие века жили во мраке?”; *Тиим сурхульта, тиим сээхи күүкн чамаг керглхий?* (ТА) “Посмотрит ли на тебя такая образованная и красивая девушка?”; *Тиихий?* (ТА) “Так ли?”

Как известно, вопросительная модальность передает отношение говорящего к высказыванию как к способу побуждения к другому высказыванию. Вопросительная модальность выражается лексико-грамматическими средствами, среди которых большую роль играют модальные частицы [8, с. 154].

В калмыцком языке вопросительные модальные частицы -й (-ий) выражают следующие значения:

а) Открытый собственно вопрос, требующий непосредственного ответа: *Оржэ болхий?* (разг.) “Можно войти?”; *Умижэ болхий?* (БА) “Можно прочитать?”

б) Сомнительный вопрос (сомнение по отношению к самому себе): - *Чамаг би санад бээдг билэв, зуг эврэннь татутартган медэд, ухата күүкн нанла эдл адуч күүнэ көвүнд мордхий? Өөрнь отг-алвдннь дала малта-гертэ, өлг-эдтэ, байн, тарһлң-цадхлң улсин көвүд бээһэ бээтл оңдан күүнэ алвт-нутг һатлжэ ирхм угай, - гижэ сандг билэв* (ХТ) “- О тебе я вспоминал, но я знаю свои недостатки, выйдет ли умная девушка за такого, как я, сына простого табунщика? Когда рядом с ней сыновья богатых, сытых людей, имеющих много домов, скота, имущества, придет ли она жить с человеком из другого слоя общества - думал я”; *Кежэжэ көдлмиэн кергтэ цаглань би чилэжэ чадхий?* (разг.) “Смогу ли я закончить свою работу к нужному сроку?”; *Намаг эм уурлхий?* (разг.) “Будет ли меня ругать мама?”

5. Отрицательные частицы: -го «нет, конечно», -л уга (-лго) «нет, конечно же», биший «разве не...».

Отрицательная частица -го в значении «нет, конечно» может выражать оттенки абсолютной уверенности. Например: *Та йовх болхговт* [9, с. 28] “Вы пойдете, конечно”.

Отрицательная форма -л уга (-лго) выражает оттенки бесспорного утверждения и абсолютной полной уверенности: *Үни болл уга яахм билэ!* (ЭЖ) “Конечно же, это правда!”; *Медл уга яах билэ* (ЭЖ) “Конечно же, понимаю”.

Также отрицательная форма -л уга (-лго) может выражать значение категоричности с оттенком неперемного осуществления действия: *ирхл уга (ирхлго)* «конечно же, придет», *олдхл уга (олдхлго)* «неперемного найдется».

Постпозиционное отрицание биши (не, не... а, не... но и) в некоторых случаях принимает вопросительную частицу -ий, в результате образуется постпозиционное отрицание биший «разве не...», которое выражает различные оттенки сомнения и является мягкой формой отрицания. Например: *Арслан боксар хойрдгч разрядта биший* (ТА) “Разве Арслан не имеет второй разряд по боксу?”; *Зуг нег дэжэ нарта орчлң дунд көкрси теегин аһуд санамр кишлэд, кишти булгин уснась кишлэд уухла - хөв гижэ тоолдг бээси биший?* (ХТ) “Но, однажды, свободно вздохнув среди залитого солнцем мира, среди зеленеющих в степи просторов, испив холодной воды из ее родника - разве не считает это счастьем?”

Иногда постпозиционное отрицание биший «разве не...» употребляется в сочетании с отрицанием уга «нет»: *Тарвс тэрэ эклжэ услхла, манд моторист уга биший* (БА) “Разве у нас не имеется моторист, когда начнем поливать арбузы”.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: модальные частицы в системе общей категории модальности калмыцкого языка занимают определенное место. Важнейшей функцией модальных частиц следует считать возможность передачи с их помощью особого типа модальных отношений, которые обычно характеризуются как субъективно-модальные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харчевникова Р.П. Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке. Учеб. пособие. Элиста, 1995. 94 с.
2. Грамматика калмыцкого языка. Фонети-

ка и морфология. Элиста: Калм. кн. изд., 1983. 335 с.

3. Бембеев Е.В. К вопросу о частицах (по архивным источникам XVII века) // Калмыки и их соседи в составе Российского государства. Материалы международной научной конференции (7-11 сентября 2001 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 153-156. 304 с.

4. Шевернина З.В. Функционально-семантические значения модальных частиц в монгольских языках // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста: Калм. кн. изд., 1980. С. 20-31. 156 с.

5. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд., 1983. 335 с.

6. Өдгэ цагин хальмг келн. 1-гч хув. / П.Б. Федорова, А.Э-Г. Уланова, В.Н. Мушаев, С.Н. Артаев. Элст, 2004. 235 с.

7. Дораева Р.П. Категория склонения в калмыцком языке (в синтагматическом плане). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Элиста: Калм. кн. изд., 1980. 19 с.

8. Муратчаева Ф.А. Лексико-грамматические средства выражения модальности в кумыкском языке (в сопоставлении с русским). Дисс... канд. филол. наук. Махачкала, 1999. 207 с.

9. Пюрбеев Г.Ц. О некоторых инновациях в синтаксисе предложения монгольских языков // ВЯ. М., 1977. № 5. С. 125-131.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. БА - Бадмин А. Зултрһн - теегин ноһан (роман). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1982. 480 с.

2. БТ - Бембин Т. Түүмр (түүкe). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1973. 268 с.

3. БА - Балакан А. Арвн һурвн өдр, арвн һурвн жил Роман. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1991. 430 с.

4. КА - Куукан А. Обин көвөд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1974. 305 с.

5. КР - Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов. Под ред. Б.Д. Муниева. М.: «Русский язык», 1977. 768 с.

6. НМ - Нармин М. Сунһгдсн үүдөврмүдин хураңһу. Хойр ботьта. Т. 2. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1987. 511 с.

7. разг. - разговорная форма.

8. ТА - Тачин А. Буурлдан үнр: Роман, келврмүд, очеркс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1986. 190 с.

9. ХҮ - газета «Хальмг үнн».

10. ХТ - Хальмг туульс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1979. 160 с.

ЭК - Эрнжөнө К. һалан хадһл. Роман. 1-гч дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1963. 225 с.; 2-гч дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1965. 245 с.

О ФОРМАЛЬНОМ ОПИСАНИИ ЗАВИСИМЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Э.У. Омакаева

Статья посвящена проблемам формального описания зависимых конструкций и идентификации одного из актантов в современном монгольском языке. Трансформационный анализ и актантная теория позволяют рассматривать такие конструкции как трансформы предложений.

Ключевые слова: *зависимая конструкция, формальное описание, синтаксис, актант, монгольский язык, трансформация, валентность*

The article deals with the problem of formal description of dependent constructions and identification of one of the actants in Modern Mongolian. The transformational analysis and actant theory made it clear that such constructions are not sentences but transforms of the sentences.

Keywords: *dependent construction, formal description, analysis, syntax, actant, Mongolian language, transformation, valency*

Зависимые конструкции (ЗК) – это такие производные конструкции, которые образуются от исходной элементарной синтаксической конструкции (ЭСК) путем трансформации вставления. Последняя заключается в том, что данная ЭСК помещается в актантную, сирконстантную или определительную позицию другой конструкции. Таким образом, вся полипредикативная конструкция состоит из зависимой и главной части. Ядром ЗК являются в основном инфинитные формы глагола (причастия, деепричастия), хотя встречается и глагол в финитной форме. Проблемам, связанным с описанием зависимых конструкций в монгольских языках, посвящены работы известных монголологов Г.Д. Санжеева, Т.А. Бертагаева, З.К. Касьяненко, Ш. Лувсанвандана, Г.Ц. Пюрбеева, Ц. Цэдэндамбы, Е.К. Скрибник, Л.А. Карабаевой, Э.У. Омакаевой и др. Исследования осуществляются как в рамках традиционной грамматики, так и с привлечением новых идей, подходов и методов.

В последнее время возрос интерес лингвистов к вопросам моделирования предложения, активно обсуждаются принципы и методика выявления моделей синтаксических конструкций в различных языках [1]. Комплексное модельное исследование различных типов ЗК на материале бурятского языка в русле новосибирской школы синтаксической типологии (М.И. Черемисина) проведено Е.К. Скрибник [2] и Н.Б. Даржаевой [3]. В этих работах ЗК рассматриваются как зависимая часть полипредикативных конструкций и классифицируются на основе средств связи с главной частью.

В монголоведении существуют разные мнения относительно того, как трактовать за-

висимые конструкции. Одни ученые (З.К. Касьяненко, Ш. Лувсанвандан и др.) считают, что это придаточные предложения, другие (Г.Д. Санжеев, Т.А. Бертагаев, Г.Ц. Пюрбеев, Ц. Цэдэндамба) называют ЗК оборотами (причастными или деепричастными соответственно), так называемыми развернутыми членами предложения. ЗК, действительно, принимают оформление, свойственное обычным членам предложения (подлежащему, дополнениям, обстоятельствам, определениям), заполняя соответственно актантную, сирконстантную или определительную позицию в составе всей полипредикативной конструкции.

Определение синтаксического статуса ЗК не входит в задачу данной статьи. Но нам важно отметить, что затруднения в этом вопросе вызываются, в частности, следующим фактом.

Одна из наиболее специфических особенностей ЗК монгольского языка – это особое оформление I актанта (подлежащего?) [4]. Последний может не иметь маркера, как и I актант ЭСК, но может и принимать аффиксы родительного и винительного падежей, а также аффикс субъектного притяжания, что совершенно не свойственно I актанту ЭСК. Поэтому многие монголисты не считают возможным называть этот компонент подлежащим. Вкратце изложим суть существующей в монголистике полемики вокруг понятия подлежащего применительно к конструкциям такого рода.

По мнению большинства монголологов, “грамматическое подлежащее должно стоять в независимой падежной форме” [5, с. 128]. I актант ЗК именуется в работах Т.А. Бертагаева, Г.Ц. Пюрбеева и других авторов субъектом или субъектным членом, но не подлежащим.

(Оговорим, что воспроизводим терминологию соответствующих авторов; о принятой нами трактовке понятия “субъект” см. ниже.) Такие исследователи, как З.К. Касьяненко, Е.К. Скрибник, однозначно высказываются за подлежащий статус I актанта ЗК.

Неоднократно предпринимались попытки выявить закономерности в оформлении I актанта ЗК. В трудах наших предшественников выдвигаются обычно два условия оформления I актанта ЗК косвенными падежами: 1) разносубъектность всей конструкции (имеется в виду некорреферентность I актанта ЗК и I актанта главной части) и 2) одушевленность I актанта ЗК. Если первый фактор является строго обязательным, то второе условие можно поставить под сомнение, поскольку в нашей выборке имеются примеры и на неодушевленный I актант, имеющий генитивное или аккузативное оформление.

Необходимо отметить, что если генитивное оформление I актанта встречается и в других языках (японском, корейском), то I актант в аккузативе – специфика монгольского языка. Полного объяснения этому факту в литературе мы не находим. Отметим в этой связи рассуждения З.К. Касьяненко. Согласно Касьяненко, имя в винительном падеже первоначально подчинялось главному глаголу – ядру главной части. Затем произошло как бы синтаксическое перераспределение: имя в аккузативе порывает связи с главным глаголом и подчиняется глагольному ядру ЗК. На прежнюю связь указывает лишь форма – аффикс винительного падежа, но в данном случае она не имеет того содержания, которое обычно в нее вкладывается, – выражение прямого объекта. “После того, как – пишет автор, – аффикс винительного падежа закрепился в языке в роли оформителя подлежащего, оказалось необязательным наличие первоначальных условий его употребления. Так, имя в винительном падеже в современном монгольском языке может употребляться и при наличии или отсутствии объектных соотношений во всем сложноподчиненном предложении” [6, с. 64-65]. Вероятно, это действительно так. Но это решение проблемы винительного падежа с диахронической точки зрения.

Если перевести данный вопрос в план синхронии, то его решение заключается в выявлении факторов, обуславливающих аккузативное оформление I актанта ЗК. По мнению Т.А. Бертагаева, Г.Д. Санжеева, Г.Ц. Пюрбеева, одним из таких факторов является наличие непереходного глагола в роли сказуемого (ядра) ЗК, ибо при переходном глаголе имя в вини-

тельном падеже может быть только прямым объектом. В связи с этим З.К. Касьяненко справедливо отмечает: “Что касается переходности / непереходности глагола-сказуемого придаточного предложения, то подлежащее в винительном падеже может встречаться в обоих случаях” [6, с. 63].

По мнению ряда ученых [7, с. 325-326; 5, с. 228; 8, с. 139], выбор аккузативного или иного способа оформления I актанта ЗК определяется логическим ударением. Так, винительный падеж имеет место в случае логического выделения субъекта, родительный – в случае логической актуализации действия; неопределенный падеж возникает там, где и субъект и действие в равной степени важны. При таком подходе разные способы оформления I актанта ЗК, находящиеся в отношении свободного варьирования, должны, видимо, говорить о контекстной “лабильности” способа актуализации. Но полной ясности такая трактовка не дает, к тому же не вполне понятна связь с логическим ударением – категорией фонетической.

Авторы некоторых работ по интересующей нас проблеме приходят к выводу, что определенных закономерностей и каких-либо ограничений в употреблении той или иной падежной формы I актанта нет [9; 10, с. 40]. В частности, Т.А. Бертагаев пишет: “Различные формы субъектного имени оборота одинаковы по значению, поэтому и обороты – генитивные, аккузативные, нулевые и номинативные – по своему строению и синтаксическому значению ничем не отличаются друг от друга” [9, с. 244-245].

Но, вероятно, тезис о полном отсутствии каких бы то ни было закономерностей и тенденций правомерен лишь тогда, когда исчерпаны все возможные средства разграничения интересующих нас способов.

На наш взгляд, нерешенность многих аспектов рассматриваемой проблемы обусловлена в конечном итоге отсутствием комплексного описания всех типов ЗК, которые, видимо, составляют определенную иерархическую систему. Целесообразно исследовать, не отражается ли иерархия ЗК в типе оформления I актанта. Мы, как уже говорилось выше, исходим из того, что ЗК представляют собой трансформ ЭСК, поэтому в основу классификации ЗК монгольского языка нами положен такой критерий, как “ступень” трансформации. Соответственно мы выделяем трансформы нулевой, 1-й, 2-й и 3-й ступени.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию трансформов, необходимо сделать

некоторые пояснения. Во-первых, мы не употребляем термины “неопределенный падеж”, “именительный падеж”, “винительный неопределенный падеж”. Отсутствие падежного аффикса – это безаффиксальное употребление, использование словарной формы. Применительно к ЗК существенно, что безаффиксальное употребление при определенных условиях (каких – предстоит выяснить) может быть заменено на аффиксальное (генитивное, аккумулятивное) и безаффиксальное с субъектным притяжением.

Во-вторых, трудность в определении типа оформления I актанта возникает при употреблении аффикса субъектного притяжения –аа (с фонетическими вариантами) после основ с долгим гласным. Такое употребление имеет свои результаты неоднозначность в силу омонимии: например, в словоформе хүүгээ “своего сына” согласный г можно интерпретировать двояко: либо это экспонент винительного падежа, либо соединительный согласный, употребляемый в целях недопущения скопления гласных. Мы склоняемся ко второму варианту, т.к. в общем случае аккумулятив с субъектным притяжением не встречается.

Мы будем описывать только такие ЗК, которые входят в состав так называемых “разносубъектных конструкций”, т.к. только при некоррелативности I актанта при ядре ЗК и I актанта при ядре главной части возможна замена безаффиксального I актанта, обозначающего лицо, на аккумулятивный I актант. Отдельные случаи употребления неодушевленной лексемы в позиции аккумулятивного I актанта оговариваются всякий раз особо.

Описание ЗК проводится с точки зрения поведения I актанта ЗК (II актанта – для ЗК, восходящих к ЭСК связочной модели): оформления, позиции. Такие параметры, как семантический тип лексем и тематичность, мы не рассматриваем, т.к., во-первых, привлекаются только ЗК с одушевленным I актантом, а во-вторых, понятийный аппарат для описания тема-рематической структуры “внутри” синтаксически сложных образований до сих пор в лингвистике не разработан. Для объяснения того или иного типа оформления I актанта в некоторых случаях привлекается информация о тема-рематическом членении всего высказывания в целом. I актант ЗК проверяется также на способность к позиционной трансформации: перемещению в рамках ЗК. Типы оформления I актанта в трансформациях разной ступени рассматриваются с точки зрения большой/меньшей типичности, хотя

специальных количественных подсчетов мы не производили.

I.I. Трансформы нулевой ступени

К трансформам данного типа мы относим первоактантные ЗК, т.е. такие конструкции, которые занимают позицию I актанта при глаголе главной части. Первоактантные трансформы принадлежат к самой низкой ступени трансформации, т.к., во-первых, может сохраняться финитная форма глагола, а, во-вторых, отсутствует аккумулятивный тип оформления I актанта ЗК.

Позиция I актанта, как известно, не имеет падежного маркера. Поэтому при заполнении данной позиции причастие не получает падежного аффикса.

Позицию I актанта может принять, как сказано, и ЗК с финитной формой глагола. В этом случае обязательно употребление служебных слов *гэж* (по происхождению – форма соединительного деепричастия глагола *гэх* “говорить”) и *гэдэг* (от формы многократного причастия на *-даг* того же глагола). Следует иметь в виду, что причастие в монгольском языке амбивалентно: оно может выступать в качестве ядерной синтаксемы независимого предложения и в позиции, например, определения. Если после причастия, являющегося ядром ЗК, употреблена форма глагола *гэх*, как при финитной форме, то данную причастную форму мы рассматриваем как финитную.

В трансформациях нулевой ступени имеются две возможности оформления I актанта: безаффиксальное и генитивное.

Примеры на генитивное употребление: *Ахын минь энэ зэрэгтэй яваа нь Оюун эгчийн л ач* (Б.Г., 33) “Такой образ жизни моего старшего брата – заслуга Оюун”; *Түүний сургуульдаа ирэхгүй байгаа нь цаанаа учир шалтгаантай* “Его непосещение школы имеет скрытую причину”; *Норжмаагийн ажилд гярхай ухаантай хандаг нь энэ удаа бас тус болов* (Н.Б., 483) “В этот раз также помогло умное отношение *Норжмы к работе*”; *Тэдний ярих нь дуулдана* (Ц., 6.81.134) “Будет слышен их разговор”; *Бид хоёрын холдон хөндийрсөн нь ганцхан тэр шөнөний хэрүүлээс болсон юм биш* (Н.Б., 440) “Наше отдаление друг от друга произошло не только из-за той ночной ссоры”.

Мы не разделяем также мнения тех лингвистов, которые считают, что функционирование причастия в роли I актанта возможно благодаря показателю *нь*. Во-первых, в конструкциях данного типа этот показатель может отсутствовать, тем не менее причастие выполняет соответствующую специфическую функ-

цию: *Айлын хөгшиний хэлж байгаа үнэн л байж таарна* (Ц., 6.81.57) “Слова айлской старушки (букв. то, о чем говорит айлская старушка) соответствуют правде”; *Дугарын аашилах салхины үлээлтэд нэгэн үе холдож, нэгэн үе ойртон* “Ругань Дугара то отдалялась, то приближалась из-за ветра”. Во-вторых, показатель *нь* встречается также при причастиях, являющихся ядром т.н. дополнительных и обстоятельственных ЗК (т.е. ЗК в позиции II актанта и сирконстанта). На то, что причастие как именная форма глагола находится в позиции I актанта (подлежащего – в традиционной терминологии), указывает не показатель *нь*, а отсутствие падежного аффикса при причастии.

Примеры на безаффиксальное оформление I актанта: *Би талархлаа цаасан дээр бичээгүй нь үнэн* (М.Ч., 108) “Тот факт, что я не выразил свою благодарность на бумаге, - правда”; *Хандмаа... том эрээн хөшгөө... татаж хаах нь харагдлаа* (Ц., I.81.76) “Было видно, как Хандмаа задерживает большие пестрые занавески”; *Хөдөөгийн хүүхдүүд багшаас айж сүрдэх нь багагүй* (Б.Г., 156) “Тот факт, что худонские дети боятся учителя, встречается нередко”; *Ажилчин хүн анхан цалин авна гэдэг насан туршид нь мартагдаашигүй дурсгалтай зүйл ажээ* “Тот факт, что рабочий человек получает первую зарплату, оказался памятным и незабываемым событием жизни”; *Эм улс бие биедээ ийм сайн болно гэж сонин юм* (Н.Б., 118) “Интересен тот факт, что женщины могут так хорошо относиться друг к другу”.

В рассматриваемых ЗК I актант имеет все свойства I актанта ЭСК: не имеет маркера, занимает I позицию, сохраняет исходную СР. I актант ЗК, как и I актант ЭСК, способен к позиционной трансформации: он может покинуть свое законное место (I позицию), уступив его другому актанту. Например: *Энэ бүхнийг Базар өөрөө зохион байгуулсан нь илэрдэг байна* “Тот факт, что все это организовал сам Базар, является ясным”.

Итак, в ЗК, занимающих позицию I актанта при главном глаголе, I актант ЗК получает только безаффиксальное и генитивное оформление, а сама ЗК имеет в таких случаях семантику фактивности: конструкция, скорее, отвечает на вопрос “что происходит?” или “какой факт имеет место?”. Именно этим объясняется избранный нами способ перевода примеров (с помощью выражения “тот факт, что”). Фактивные ЗК мы рассматриваем как семантически нерасчлененные, т.е. фактивность представляет собой частный случай нерасчлененности ситуации. (Ср. упомянутую выше точку зрения Ц.

Цэдэндамбы и Г.Ц. Пюрбеева.)

В трансформах нулевой ступени виды оформления I актанта с точки зрения большей/меньшей типичности распределяются следующим образом: безаффиксальное оформление – генитивное.

1.2. Трансформы первой ступени

К трансформам данного типа мы относим второактантные ЗК, т.е. ЗК, которые занимают позицию AP актанта при глаголе главной части. Здесь также может сохраняться финитная форма глагола, но появляется возможность употребить показатель аккузатива и показатель субъектного притяжания при I актанте ЗК.

Позиция II актанта, как известно, может быть маркирована аффиксом дательного, винительного или исходного падежей в зависимости от управляющего глагола. Поэтому ЗК при заполнении данной позиции получает один из этих аффиксов, который материально присоединяется к причастию или предикативному имени. Если же позицию II актанта занимает ЗК с финитной формой глагола или с эллиптированным глаголом, то употребляется служебное слово *гэдэг*, принимающее аффикс соответствующего падежа, или неизменяемая застывшая форма *гэж*.

1.2.1. ЗК в позиции дативно оформленного Ас2

ЗК данного типа подчиняются эмотивным глаголам типа *баярлах* “радоваться”. Наблюдаются три типа оформления I актанта: безаффиксальное, аккузативное и генитивное.

Примеры на безаффиксальное употребление Ас1: *Буянт өвгөн... Дүгэрт мөнгө өгсөнд нутгийнхан ... гайхжээ* (Б.Г., 7) “Местные” жители удивились, что старик Буянт отдал Дугару деньги”; *Энэ хөгшин хүүгээ эрсдсэн гэдэгт л итгэж ядав* “Эта старушка не могла поверить в то, что ее сын погиб”; *Ханд эргэж ирсэнгүйд ээвүү нь хүрэв* (Н.Б., 360) “Был разгневан тем фактом, что Ханд не вернулась”; *Хүмүүс баян хүн бүгдийг нь хамаад явсанд гайхав* “Люди удивились тому, что богач все забрал”.

В данном случае I актант ЗК имеет все свойства ЭСК (неоформленность, I позиция, исходная СР). Неоформленность Ас1 связана с фактивной семантикой ЗК. Имя в словарной форме в позиции I актанта ЗК может принимать аффикс субъектного притяжания.

Примеры на аккузативное оформление Ас1: *Шагдарыг яг хуучнаараа ирсэнд Дүүрий баярлаж* (Ц., 3.80.47) “Дурий обрадовался (букв. обрадовавшись) Шагдару, что (он) пришел, как прежде”; *Цэрмаа түүнийг ийнхүү шунаг зан гаргасанд... эвгүйрхэв* (Н.Б., 147)

“Цэрмаа испытывала неудобство из-за него, показавшего свою жадность”: *Цэрэн бол Юмхүүг зохиолч хүн болно лавтай итгэдэг байв* “Цэрэн твердо верил в Юмхуу, что (тот) станет писателем”; *Намайг олны хүндэтгэл хайрыг хүлээж байгаад чи баярласан* (Н.Б., 344-345) “Ты была рада, что я заслужил всеобщее уважение и любовь”.

В рассматриваемых ЗК I актант сохраняет все свойства Ас1 ЭСК, за исключением оформления. Замена безаффиксального оформления на аккузативное сигнализирует об отсутствии у ЗК семантики фактивности. Здесь уместнее задать вопрос “кому радуется”, “удивляется” и т.п. X в связи с P? (P - пропозиция), нежели “чему радуется” (удивляется и т.п.) X?, как это имеет место в случае безаффиксального оформления Ас1. Именно этим объясняется избранный способ перевода примеров выше.

Пример на генитивное оформление Ас1: Нэг өдөр шөнө дундаас хойш Мядагмаагийн буцаж ирээнд Бадарч... инээмсэглэж “Бадарч улыбнулся тому, что Мядагмаа однажды вернулась после полуночи”.

ЗК с генитивным I актантом имеет семантику фактивности.

В ЗК рассмотренного типа виды оформления I актанта с точки зрения большей/меньшей типичности распределяются следующим образом: аккузативное оформление – безаффиксальное (включая субъектно-притяжательное) – генитивное.

1.2.2. ЗК в позиции аккузативного II актанта.

Данный тип ЗК формируется при глаголах знания и мышления, зрительного и слухового восприятия.

1.2.2.1. Инфинитные конструкции

Примеры на безаффиксальное употребление Ас1: *Аав ээж нь тийнхүү ярихыг Цэрмаа сонссон* “Цэрмаа слышала, как ее родители так разговаривали”; *Ажилчид хоорондоо ийнхүү ярилцахыг мастер чагнаж байсан* “Мастер прислушивался к тому, как рабочие между собой так разговаривали”; *Штабын жижүүр гарч ирэхий нь хүлээн вандан сандал дээр суулаа* “Сидел на скамейке, ожидая того, что выйдет дежурный штаба”; *Нөхөр нь дандаа ном уншаад сууж байхыг Ханд харсан* “Ханд видела, что ее муж всегда сидит и читает книги”; *Жижигхэн хар морьтой цайвар дээлтэй хүн бууж явааг Харнудэн харсаар суув* “Харнудэн сидела, наблюдая за тем, как на маленькой черной лошади спускается человек в светлом дэли”; *Тэр жил Буянт өвөө өөд болсныг сонсоод хоер хөгшин маань... гашиудсан* (Б.Г., 8) “Наши двое

стариков опечалились, услышав, что в тот год умер старик Буянт”; *Чи тэр мөнгөөр морины наймаа хийх гэж байсныг би мэднэ* (Б.Г., 7) “Я знаю о том, что ты хотел на те деньги организовать торговлю лошадьми”; *Би багшийн мэргэжилдээ төдий л дуртай бишийг чи мэднэ* “Ты знаешь, что я не очень люблю профессию учителя”; *Тэр генерал нь Сорокин болохыг Дорж дорхноо таньжээ* “Дорж тотчас понял, что тот генерал и есть Сорокин”; *Тэр хүн бол мөнөөх Самбуу багш мөн болохыг танилаа* “Понял, что тот человек и есть тот самый учитель Самбуу”; *Пунцаг өвөөд нь Дондов гэж нэг дотно найз байсныг Баяраа... мэдэх билээ* (М.Г., 56) Баяраа знала, что у дедушки Пунцага был один близкий друг по имени Дондов”; *Ноев Сокольников гэдэг хүн байдгийг би урьд сонсоогүй* “Я прежде не слышал, что есть человек, которого зовут господин Сокольников”; *Нөхөр чинь ямар хүн болохыг мэдэхгүй* “Не знаю, какой человек твой муж”; *Тэр нь Дүүриймаа байсныг одоо Оюун санаа* “Оюун сейчас вспомнила, что это была Дурыймаа”; *Аав, Зундуй, та гурав багш нарын байранд анх нүүж ирж байсныг чи санаж байна уу?* “Ты помнишь, как вы втроем – отец, Зундуй и ты – впервые переезжали в учительскую квартиру?”; *Нэг танил нь мэндлээд зөрөхийг мэдсэнгүй* “Не заметил, как один знакомый прошел мимо, поздоровавшись”; *Тэд их баяр жаргалтай байгааг эл бүхнээс би мэдээд* “Я понял (букв. поняв) из всего этого, что они очень счастливы”.

В рассматриваемых ЗК I актант имеет все свойства I актанта ЭСК: отсутствие падежного маркера, I позиция, исходная СР. Некоторые исключения, действительные для отдельных типов ЭСК (копупативных и посессивных), сохраняют свою силу при преобразовании такой ЭСК в зависимую конструкцию. В таких ЗК I актант занимает 2-ю позицию, поскольку входит в состав ремы.

I актант ЗК способен инвертироваться: *Чамд би үнэн сэтгэлээсээ хайртайг чи мэдэх естой* (Н.Б., 396) “Ты должен знать, что тебя я люблю от всего сердца”.

Особенностью оформления I актанта в ЗК рассматриваемого типа является то, что имя в словарной форме занимает позицию I актанта и может принимать аффикс субъектного притяжания. При этом следует учитывать тот факт, что это может быть как одушевленное имя, обозначающее лицо, так и неодушевленное имя, обозначающее предмет. Например, *Чулуун номоо нүхэнд яаж орсныг бодов* “Чулуун думал о том, как его книга (Ас1аа) попала в яму”.

Примеры на употребление аккузатива:

Базар... Бадарчийг хэрхэн наймаа хийхийг... харж байжээ (Н.Б., 391) “Базар видел, как Бадарч торгует”; *Базар түүнийг дурамжхан байгааг мэдэв* “Базар понял, что он недоволен”; *Таныг ийм алсын бодолтой байгааг би гадарлав* “Я предполагал Вас столь дальновидным”; *Түүнийг ирэхийг сонсчихоод ээж ... хөл алдаж байлаа* “Узнав о нем, что (он) придет, мама сбилась с ног”; *Өнөө эр даргыгаа тийнхүү бухимдан уурлахыг тоосон шинжгүй* (Н.Б., 172). “Нет признака того, чтобы этот мужчина обратил внимание на своего начальника, который так сердился и ругался”; *Түүнийг йинхүү дуугүй яваад байхыг Цэрмаа ажиг* “Цэрмаа наблюдала за ней, как она молча шла”; *Ханд багшийгаа тамхи татаж байхыг ер үзээгүй тул гайхан харлаа* (Н.Б., 500) “Так как Ханд вообще не видела своего учителя курящим, то с удивлением смотрела (на него)”; *Гэвч тэр бүсгүй чухамдаа Батсайханыг захидлаа унишхыг л хүлээжээ* “Но та девушка в действительности ждала Батсайхана, когда (он) прочитает свое письмо”; *Эхний үед аав ээж хоер ахыг ингэж явахыг нь элдвээр дэмжиж байсан* “Первое время родители всячески поддерживали старшего брата, чтобы (он) так жил”; *Түүнийг дээл өмссөн байхыг нь Батсайхан өнөөдөр анх харлаа* “Батсайхан сегодня впервые увидел ее одетой в дэли”; *Ангийнхаа эмэгтэйг үнэхээр сайхан хүүхэн болсныг хэлсэн* (Б.Г., 95) “Сказал об однокласснице, ставшей действительно красивой девушкой”; *Намайг хэн болохыг хамт олон чинь мэднэ* “Твой коллектив знает обо мне, кто (я) такая”; *Чамайг их сургуулийн оюутан болсныг түрүүчийн захианаас сонсоод* (Н.Б., 445) “Из предыдущего письма узнал (букв. узнав) о тебе, что ты стала студенткой университета”.

Хотя аккузативный I актант ЗК обозначает обычно лицо, в нашей выборке имеются примеры на неодушевленный I актант: Амаржаргал тэр модыг босохыг нь хараад “Амаржаргал смотрел на то дерево, как (оно) выросло”; Цэрмаа хөлийг нь доголсныг мэдсэн “Цэрмаа поняла, что (у него) одна нога хромя (букв. хромяет)”. Выбор аккузативного способа оформления I актанта обусловлен нефактивной семантикой ЗК: конструкция, скорее, отвечает на вопрос “о ком (чем думает) (говорит и т.п.)” X в связи с P?”, нежели “что думает (говорит и т.п.) X?”. Именно этим объясняется избранный нами способ переводов примеров – т.е., например, Чамайг оюутан болсныг сонсов “Узнал о тебе, что стала студенткой”, а не “Узнал, что ты стала студенткой”.

Примеры на генитивное оформление I актанта: Жүгдэр Сараагийн дуулахыг чаг-

нав “Жүгдэр прислушивался к пению Сары”; Хангайхүүгийн шүлэг бичдэгийг Чулуунсүх мэддэг “Чулуунсүх знает, что Хангайхуу пишет стихи”.

ЗК с генитивным I актантом имеют семантику фактивности. Допускается инверсия I актанта, при этом Ac1 не теряет своего генитивного оформления: Амаржаргал бүсгүйтэй миний хааяа уулздагийг эд нар мэдэв “Они узнали, что я иногда встречаюсь с девушкой по имени Амаржаргал”.

1.2.2.2. Финитные ЗК

Если позицию аккузативно оформленного II актанта при глаголах знания и мышления заполняет ЗК с финитной формой глагола или эллиптированной связкой, то аффикс винительного падежа присоединяется к служебному слову гэдэг. Последнее слово служит своего рода “буфером” между ЗК и главной частью, принимая те синтаксически необходимые показатели, которые иначе к соответствующей конструкции невозможно было бы присоединить.

Наблюдается два способа оформления I актанта таких ЗК: неформленность (с возможным присоединением аффикса субъектного притяжания) и аккузатив.

Примеры на неформленный Ac1: Хэрэгтэй цагт тус хүргэх хүн бий гэдгийг санаж яваарай “Помни, что есть человек, который поможет в нужное время”; Дорж эхнэрээ уурлав гэдгийг мэдэв “Дорж понял, что его жена рассердилась”; Агваан багш их эртэч хүн гэдгийг Батсайхан мэднэ (Б.Г., 165) “Батсайхан знает, что учитель Агваан – это человек, который очень рано встает”.

ЗК с данным типом оформления Ac1 имеет семантику фактивности. Имя в словарной форме, будучи I актантом ЗК, может принимать аффикс субъектного притяжания, что не свойственно I актанту ЭСК.

Примеры на употребление аккузатива: Намайг дайнд явж байгаа гэдгийг Ханд сайн мэдэж байгаа “Ханд хорошо знает обо мне, что (я) нахожусь на войне”; Ханд тэр хүнийг ноос хулгайлж байна гэдгийг... мэдээд (Н.Б., 409) Ханд поняла (букв. поняв), что тот человек ворует шерсть”; Тэр хоерыг хайр сэтгэлтэй болжээ гэдгийг цехээс нь ердөө гуравхан хүн мэднэ (Н.Б., 343) “Из цеха всего трое знают, что у тех двоих любовь”.

При аккузативно оформленном Ac1 (в ЗК – трансформам связочных конструкций – Ac2) зависимой конструкции свойственна семантика нефактивности: конструкция, скорее, отвечает на вопрос “О ком знает (помнит и т.п.) X в связи с P?”, нежели “что (о каком факте)

знает (помнит и т.п.) X?”. Соответственно, мы переводим, например, Намайг... гэдгийг Ханд мэдэж байгаа “Ханд знает обо мне, что ...”, а не “Ханд знает, что я...”.

Можно предположить, что аккузативно оформленный актант входит в состав темы всего предложения, а остальная часть ЗК составляет рему высказывания. Утверждение Г. Жамбалсурэна о том, что аккузативно оформленный I актант ЗК означает новую информацию (Жамбалсурэн 1987, 32), на нашем материале не подтверждается. Например, в предложении Ханд тэр хүнийг ноос хулгайлж байна гэдгийг мэдэв “Ханд поняла, что тот человек ворует шерсть” I актант в аккузативе тэр хүнийг “тот человек” обозначает не новую, а старую информацию (данное).

1.2.3. ЗК в позиции послеложно оформленного II актанта

Данный тип формируется при глаголах оперирования информацией типа бичих “писать”, мэдэгдэх “сообщать”, сонсох “слышать”. Зафиксировано два типа оформления: неоформленность (с возможным присоединением аффикса субъектного притяжания) и аккузатив.

Примеры на употребление не оформленного падежным аффиксом АсI: Олон хүн дайнд оролцож байгаа тухай хэвлэлд бичиж байгаа (Н.Б., 201) “В печати пишут о том, что много людей участвует в войне”; Норжмаа нөхрөө шархтаад эмнэлэгт ирсэн тухай Хандаас сонсоод (Н.Б., 650) “Норжмаа, услышав от Ханд, что ее муж ранен и попал в больницу...”.

ЗК данного типа являются фактивными: уместно задать вопрос “что (о каком факте) пишет (слышит и т.п.) X?”. Вся ЗК, включая I актант, составляет рему высказывания.

Примеры на употребление аккузатива: Доржийг цэрэгт явсан тухай Ханд аав ээждээ бичээгүй “Ханд не написала своим родителям о Дорже, что он ушел в армию”; Бид хоерыг яваа тухай... сургуулийнхан нааш нь мэдэгдчихсэн (Б.Г., 166) “Школьники сюда сообщили о нас двоих, что (мы) едем”.

ЗК с аккузативно оформленным АсI не имеет семантики фактивности. I актант входит в тему высказывания, поскольку уместнее задать вопрос “о ком пишет/сообщает и т.п. X в связи с P?”.

1.2.4. ЗК в позиции II актанта, оформленного с помощью показателя цитатности гэж.

Данный тип ЗК имеет изъяснительную семантику, поэтому встречается при определенных классах глаголов, а именно: 1) глаголах речи типа хэлэх “говорить”; 2) глаголах

оперирования информацией (знания, мысли, восприятия и т.п.); 3) глаголах эмоциональной реализации типа баярлах “радоваться”. Связующим средством в данном случае выступает служебное слово гэж, а не падежный аффикс, как это было выше. А это влечет за собой ряд специфических особенностей ЗК с гэж, на которых мы остановимся ниже.

Следует подчеркнуть, что ЗК с гэж представляют собой класс второактантных трансформ, обладающих тремя особенностями: 1) отсутствие генитивного способа оформления I актанта ЗК; 2) возможность употребления неодушевленного имени в позиции аккузативно оформленного I актанта, что в целом не свойственно другим, рассматриваемым здесь ЗК; 3) возможность перераспределения компонентов зависимой и главной части, что совершенно не свойственно другим ЗК. Следует оговорить, что последние две возможности имеют место только в случае аккузативного АсI или АсI с субъектным притяжением.

Видимо, перечисленные особенности ЗК с гэж можно связать с происхождением показателя гэж. Но, как справедливо замечает Е.К. Скрибник (Скрибник 1987), тем не менее говорить о “живом” управлении нельзя.

В ЗК с гэж I актант имеет два типа оформления: безаффиксальное (с возможным присоединением показателя субъектного притяжания) и аккузативное.

Примеры на безаффиксальный I актант: Оюун багш миний бэргэн болох нь дээ гэж би бодлоо “Я думал, что учительница Оюун станет моей невесткой”; Эмэгтэй хүн дайны газар явна гэж бодоогүй (Б.Г., 24) “Не думал о том, что женщина может находиться на войне”; Цэрмаа эмнэлгээс гаргахыг яарахгүй байна гэж Дорж бодож байлаа (И.Б., 466) “Дорж думал о том, что Цэрмаа не спешит вытащить (его) из больницы”; Энэ хүүхэд л миний голомтыг сахиж үлдэх ерөөлтэй гэж бодох байжээ “Думал о том, что именно этому ребенку суждено остаться охранять мой очаг”; Хүн ер нь төрсөн газраа л хамгийн сайхан гэж боддог “Человек вообще считает, что родина – это самое прекрасное”.

В рассматриваемых ЗК I актант (в ЗК, восходящих к связочным ЭСК, - II актант) имеет два основных признака I актанта ЭСК: неоформленность и I позиция. Но в отличие от I актанта ЭСК имя в словарной форме в ЗК может принимать субъектное притяжание. причем речь идет как об одушевленных, так и неодушевленных лексемах.

Отсутствие показателя аккузатива при Ас1 (Ас2) ЗК сигнализирует о фактивной семантике конструкции. С семантической точки зрения имеет место нерасчлененность ситуации; вся ЗК составляет рему высказывания. Одним из аргументов в пользу именно такой трактовки может служить то, что при неаккузативном I актанте ЗК может быть употреблена частица *л*, обычно выделяющая центральное слово (ядро) ремы. При аккузативном I актанте эта частица, судя по нашей выборке, не встречается. Это подтверждает высказанное выше предположение о том, что аккузатив не является маркером новой информации.

Примеры на употребление аккузатива: Дорж түүнийг лав алагдсан гэж бодож байсан “Дорж думал о нем, что (он) точно убит”; Би чамайг Зундуйн эхнэр нь байх гэж бодож билээ “Я думала о тебе, что ты – жена Зундуя”; Таныг би үнэн санаагаа ил хэллээ гэж бодож байна “Я думаю о Вас, что (Вы) открыто сказали свое мнение”.

Выбор аккузатива для Ас1 (Ас2) ЗК с гэж обусловлен нефактивной семантикой ЗК, которая выявляется с помощью вопроса “о ком-чем думает (знает и т.п.) X в связи с P?”. Аккузативный I актант входит в тему высказывания и обозначает данное (старую информацию).

I актант в аккузативе может быть вынесен за пределы ЗК путем постановки компонента главной части (I актанта глагола главной части) между Ас1 ЗК и остальной частью зависимой части: Энэ бүхнийг хүмүүс дайны уршиг гэж сайн мэдэж байсан (Н.Б., 199); “Обо всем этом люди знают, что (это) последствия войны”; Чамайг би үхлээ л гэж санасан (Ц., 4.72.69) “О тебе я подумал, что ты умер”.

Таким образом, в трансформах I ступени – второактантных конструкциях – чаще наблюдается два типа оформления I актанта: аккузативное и безаффиксальное (с возможным присоединением субъектного притяжания). Зафиксировано и генитивное оформление Ас1, но оно встречается не столь часто.

1.3. Трансформы второй ступени

К трансформам данного типа мы относим сирконстантные ЗК, т.е. такие конструкции, которые занимают позицию сирконстанта при глаголе главной части. “Ступень трансформации” повышается, т.к. в этих случаях не может сохраниться финитная форма глагола. Сирконстантные ЗК имеют временную, причинную или условную семантику. В первом случае употребляются деепричастные и причастно-последложные ЗК, во втором и третьем – ЗК с

аналитическими элементами типа болохоор, учраас, бол.

Формальное описание ЗК как трансформов ЭСК дает возможность ответить на поставленные вопросы. Исследование способов оформления I актанта в ЗК современного монгольского языка приводит нас к следующим выводам:

1. Во всех рассмотренных выше классах трансформов число способов оформления I актанта ЗК варьирует от 2-х до 4-х, актант имеет морфологическое оформление (субъектно-притяжательное, аккузативное, генитивное) при двух условиях: 1) некорреферентности I актанту глагола главной части и 2) обозначении референтно-определенного лица. Второе условно, впрочем, часто нарушается: позиция I актанта ЗК может занять неодушевленное имя.

2. Иерархия трансформов соответствует иерархии типов оформления I актанта ЗК. Наблюдается следующая тенденция: чем выше “ступень” трансформации, тем ниже по иерархии тип оформления I актанта. Так, трансформы нулевой ступени (самая низкая “ступень” трансформации) характеризуются безаффиксальным типом оформления I актанта (самый высший тип иерархии). С повышением “ступени” трансформации в трансформах I-й и II-й ступени появляется аккузатив, занимающий 2-е место в именной парадигме. В трансформах 3-й ступени (наивысшая ступень трансформации) преобладает генитивное оформление I актанта (генитив – самый “низший” с точки зрения иерархии член парадигмы). Условие персональности имени, занимающего позицию оформленного I актанта, – это также отнесение к высшему уровню соответствующей иерархии. С повышением ступени трансформации допускается нарушение этого условия.

Таким образом, иерархичность оформления I актанта определяется как производное от иерархичности ступени трансформации. Кроме того, устанавливается иерархия в *н у т р* и ступени с точки зрения большей/меньшей типичности того или иного вида оформления I актанта. Так, в трансформах нулевой ступени доминирующий тип оформления Ас1 – безаффиксальный. В трансформах 1-й и 2-й ступени на первый план выходит аккузатив. В трансформах 3-й ступени лидирует либо аккузативный тип оформления (ФОК), либо генитивный (СОК).

3. Выбор между аккузативом, с одной стороны, и неоформленностью и генитивом,

с другой, определяется расчлененностью / нерасчлененностью ситуации, частным случаем этой характеристики можно считать нефактивность / фактивность семантики ЗК. При выборе способа оформления может иметь значение референтный статус имени: конкретное, определенное или неконкретное, неопределенное, обобщенное лицо. Существует определенная тенденция: безаффиксальное употребление имеет место в случае референтно неопределенного статуса имени в позиции I актанта ЗК. Что же касается аккузативно оформленного I актанта, то отмечается следующая закономерность: такой актант входит в состав темы всего высказывания в целом и выражает при этом старую информацию, т.е. характеризуется данностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Принципы моделирования структуры и семантики предложения. Новосибирск, 2004.
2. Скрибник Е.К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке структурно-семантическое описание. – Новосибирск: Наука, 1988.
3. Даржаева Н.Б. Полипредикативные конструкции бурятского языка с подчинительной связью. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.
4. Рагчаа Г. Орчин цагийн монгол хэлний гишүүн өгуулбэрийн өгүүлэгдэхүүний хэл зүйн хэлбэрийн тухай асуудалд // Эрдэм шинжилгээ заах аргын бичиг. Улаанбаатар, 1969.
5. Цэдэндамба Ц. Сопоставительный синтаксис русского и монгольского языков. М., 1978.
6. Касьяненко З.К. Подлежащее в придаточных предложениях в монгольском языке // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Л., ЛГУ, 1971.
7. Орчин цагийн монгол хэлзүй. Улаанбаатар, 1966.
8. Пюрбеев Г.Ц. Формы выражения субъекта в причастных и деепричастных оборотах монгольских языков // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. УБ., 1977.
9. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1964.
10. Карабаева Л.А. Падежные показатели как средство связи структурных частей монгольского предложения // Грамматические исследования по отдельным алтайским языкам. Л., 1989.

При финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-04-92305 а/Г)

ББК 82.3(2РОС)

ОБРАЗ ХОН САГАН ТЭНГРИ В КОНТЕКСТЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ОРНИТОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛЕБЕДИ

Б.С. Дугаров

В статье рассматривается отражение орнитологического культа в мифологии Гэсэриады на примере эпического божества Хон Саган тэнгри.

Ключевые слова: *соларный культ, лебедь, представления, образ, миф.*

The article deals with the reflection of the cult of birds in geseriada mythology on the example of epic God Khon Tsagan Tengri.

Keywords: *solar cult, swan, concepts, figure, mith.*

Значимость орнитологического культа и его отражение в мифологии Гэсэриады демонстрирует существование в эпическом пантеоне божества Хон (Хун) Саган тэнгри («Лебедь Белый небожитель»). Это божество имеет очевидное зооморфное происхождение, восходящее к тотемистическому прошлому предков бурят. Лебедь (в женской ипостаси) считается мифической прародительницей ряда бурятских родов и племен. Во всех тотемистических мифах она является дочерью неба (в ряде случаев указывается имя ее небесного отца - Эсэгэ Малан тэнгри или Хан Хормусты тэнгри, а также Шара Хасар тэнгри). В целом подобного рода культ лебеда относится к ранним формам верований, существующих в остаточном виде в генеалогическом фольклоре и некоторых обрядах бурят.

У эхирит-булагатов, носителей наиболее архаичных мифологических воззрений, сохранился этиологический миф о сотворении Эсэгэ Маланом мироздания, в котором говорится о высших существах - небесных божествах. Бог-демиург поручил им управлять вселенной и человеческим родом, придерживаясь космического порядка и строгих обычаев. В этом божественном пантеоне фигурируют и так называемые птичьи боги, локализирующиеся на юго-западе. Многие из них принимают вид лебедей, отличающихся «весьма благосклонным отношением к хорошим людям». Для этих божеств орнитоморфного происхождения каждый год дважды совершаются обряды подношения: весной преподносятся кобылье молоко, чай, просо и табак, а осенью - валух. О том, что культ белой птицы возводится на теогонический уровень, говорят материалы Ц. Жамцарано, записанные им от приольхонских бурят. Они, по его словам, «почитают лебеда за бога-тэнгри». На наш взгляд, обряды, посвящае-

мые «птичьим божествам» (по описанию Дж. Куртина), схожи с молебствиями в честь сайтинских божеств, которые в иерархии бурятского пантеона относятся к числу западных светлых богов, дарующих людям счастье и благополучие [1]. Во время этих молебствий используются зеленый чай, кобылье молоко, китайская крупа (рис), китайский красный табак - то есть фактически то же самое, что и при подношении «птичьим божествам» (см. выше). Причем в обоих случаях обращает на себя внимание отсутствие спиртного в исполнении обрядов. Согласно представлениям кудинских шаманистов, сайтинские божества, в отличие от других шаманских богов и духов, употребляющих вино, предпочитают чай. Отсюда их название сайтани бурхан - «чайные божества» (сай - чай, бурхан - бог) [2].

Примечательно, что подношения сайтинским бурханам совершают дважды в год: весной во время прилета белых птиц - лебедей и гусей и осенью, когда они улетают в теплые края, на юг или юго-запад, где обитают вышеназванные божества. Встреча и проводы лебедей были делом «богоугодным», так как, эти птицы считались священными [3]. По всей видимости, лебеди являлись своего рода манифестацией, «эпифанией» божественных обитателей неба, оказывающих свое покровительство людям. Согласно записям Хангалова, к сайтинским богам принадлежат Хобоши-хатун, дочь Шара Хасар тэнгрия, принимавшая облик лебеда, и ее муж Хоридой-нойон, считающиеся мифическими предками хори-бурятского племени. Их изображения входят в число пятнадцати онгонов - арбан табан зурагтан, относящихся к культу сайтинских бурханов [4].

Схожий сюжет обнаруживает и легенда хонгодоров, согласно которой их лебедь-родоначальница Хэнхэлэ-хатан после ис-

полнения своего земного материнского долга возносится на небо к сайтинским божествам, вслед за ней к ним присоединяются ее девять дочерей. А девять сыновей, рожденных от нее, становятся хонгодор бурханами [5]. Подобного рода генеалогические легенды о лебеди - дочери неба существуют и в Приангарье - у хангинов и шарайтов. В целом культ лебеда, по замечанию Т.М. Михайлова, вышел за рамки племенного значения и приобрел общебурятский характер [6].

Осмысление концепта лебеда как прародительницы в общебурятском контексте находит оригинальное выражение в фольклоре. В легенде о первопродке бурят - Баргу-Баторе герой в погоне за буир-нурским зубром оказывается на Байкале. Здесь происходит встреча с небесными девами-лебедями, одна из которых становится его женой. Младшему из сыновей Баргу-Батор дает имя Бурят, а его дочь Баргужинго выходит замуж за хори-тумэтского Хоридой Мэргэна. В другом генеалогическом мифе, в котором переплетаются хоринские и западнобурятские мотивы, Хоридой Мэргэн считается сыном божественного пороца Буха-нойона и шаманки Асуйхан. Он женится на девушке-лебеди - дочери верховного небожителя Эсэгэ Малан тэнгрия [7].

Следует принять во внимание, что в ряде мифологических сюжетов, как выше уже было отмечено, лебедь считается дочерью Шара Хасар тэнгрия, в имени которого нетрудно усмотреть эпитет солнечного божества (Шара Хасар - досл. «желтые щеки»). Этот мотив подтверждается текстом призывания к небесному онгону - хозяйке солнца и луны, в качестве одной из ипостасей солнечной богини называется Хун Дангина (Лебедь Красавица) [8]. Стало быть, миф о лебеди восходит к солярному культу - одному из древнейших в тюрко-монгольском мире, если вспомнить о почитании солнца хунну, сяньби и киданями. Предки бурят «лебединого» происхождения могли быть непосредственными носителями этого солярного культа, который трансформировался в легенду о белой лебеди-прародительнице (белый цвет - *сагаан*, так же как желтый - *шара*, является цветовой дефиницией солярной семантики) [9].

Мотивы, основанные на вере в небесную прародительницу лебедь, фигурируют в бурятском фольклоре, в частности эпосе. Так, в хоринском улигере «Хэдээр Мэргэн» дочь небожителя Бугантара спускается в образе лебедицы и становится женой героя [10]. Образ лебедей как дочерей неба рельефно представлен в качестве одного из сюжетообразующих звеньев

в сказании «Сагадай Мэргэн хубуун Ногоодой басаган хоёр». Лебеди-богини выступают в роли небесных покровительниц героев улигера - брата и сестры. Уранический мотив усиливается еще тем, что Хун Дангина (Лебедь красавица) - дочь Эсэгэ Дуряан тэнгрия вступает в брачный союз с Сагадай Мэргэном [11]. Данный улигер ярко отражает «лебединую» тему с ее тэнгристской семантикой, что, по всей видимости, связано с устойчивым бытованием в прошлом тотемистических мифов о лебеди в среде хори-бурят. Следует также сказать, что улигер о Сагадай Мэргэне и его сестре Ногодой был записан писателем Х. Намсараевым от хилокского сказителя Батын Цэбэга и, несмотря на определенную литературную обработку, может служить, на наш взгляд, в качестве одного из источников по хори-бурятской эпической традиции.

Примечательно, что уранический мотив, связанный с лебедью-прародительницей, отчетливо проявляется и в эхирит-булагатских улигерах, считающихся стадияльно ранними. Например, Осоодор Мэргэн - герой одноименного сказания женится на деве-лебеди Алтан Шэбшуур - дочери верховного божества Эсэгэ Малана. Здесь присутствует архаический мотив брака героя с дочерью неба, принимающей зооморфный облик. В этом образе просматривается и связь с тотемным предком в контексте бурятских мифологических представлений. Но данный сюжет не получил широкого распространения в эхирит-булагатских улигерах о сватовстве [12]. Тем не менее, факт его присутствия в сказании об Осоодор Мэргэне свидетельствует о связи эпического нарратива с ураническим мотивом, который реализуется через небесную богиню в образе лебеди, предназначенной стать женой героя.

В данном сюжете можно усмотреть влияние хоринской традиции на эхирит-булагатскую. Однако культовые отголоски образа лебеда прослеживаются и в фольклоре других этнических групп бурят. Так, в сказке «Молодец и его жена-лебедь», записанной от тункинского сказителя А. Д. Онгорхоева из рода шошолок, герой Галдан женится на одной из семи девушек, спустившихся с неба для купания в озере. Она оказывается наделенной волшебными способностями, которые помогают ее мужу исполнить невыполнимые для смертного человека поручения злого Абахай-хана. Оригинальным сюжетным ходом видится посещение героем неба, где он берет дань от сына Звезды и от сына Солнца. Небожители соглашаются пойти ему навстречу в силу того, что они являются родственниками небесной теще героя.

Этот эпизод, повествующий о тэнгриях в связи с лебедью - дочерью неба, представляется особенно интересным, по-своему знаменательным, свидетельствующим об элементах небесной мифологии в сказочном фольклоре [13]. В целом сам уранический сюжет (лебедь - дочь неба и ее сюжетообразующая функция) мог проявиться в достаточно полной форме именно в той этнической среде, где испокон веков бытуют представления о лебеди как о тотемном предке. Таковой ее считают представители рода шошолок, к которому принадлежал сказитель А.Д. Онгорхоев, о чем выше упоминалось.

Ареал распространения мифов, легенд, эпических сказаний и сказок, связанных с лебединой темой, довольно широк в бурятском этнокультурном пространстве - от Онона до Приангарья, от Присаянья до Верхоленья. Вероятно, этот диапазон объясняется существованием здесь «лебединых» родов и племен: хори-бурят, хонгодоров, шошолоков, хангинов и шарайтов (два последних, обитающие в Добайкалье, относятся, возможно, к хоринцам, отделившиеся от них еще в баргуджин-тукумский период истории предков бурят). На наш взгляд, изначальными носителями тотемических представлений о деве-лебеди - дочери неба были, по всей видимости, роды шарайт (плюс хангин) и шошолок. Эти представления в дальнейшем приобрели статус мифа - племенного консолидирующего начала в хори-бурятской и хонгодорской этнической среде [14].

Следует сказать, что мотив лебеди - дочери неба с тотемистическим оттенком отсутствует в ряде фольклорных произведений, в которых обозначена лебединая тема. Так, в сказке «Мальчик Булот-хурэ и его конь», записанной от агинских бурят, лебедь превращается в деву - суженую героя после того, как герой попадает в нее пущенной из лука стрелой (знак избранничества) [15]. Тот же самый прием встречается в унгинском улигере «Моор Мэргэн хубуун», где лебедь приносит своему суженому стрелу, попавшую в нее, и становится его женой [16].

Лебедь как зооморфный персонаж фигурирует в фольклоре не только у бурят, но и у других монгольских народов. В монгольской Гэсэриаде в одном из эпизодов лебедь оказывается в роли небесного помощника богатырей Гэсэра. Причем эта птица является перевоплощением синего ястреба, в котором содержалась душа брата Гэсэра - Цзасы [17]. Здесь обнаруживается влияние буддийского

учения о реинкарнации. Более архаический элемент, связанный с воскрешением героя и его коня небесными девами в облике лебедей, мы встречаем в калмыцком «Джангаре». По замечанию Н.Ц. Биткеева [18], подобный сюжет мог прежде существовать самостоятельно. Подтверждением этому служит дагурский улигер «Алтан Галбарта», в котором манифестация «лебединого» мотива сохраняет мифологический характер. Так же как в хоринском и хонгодорском мифах, небесные белые птицы спускаются на озеро искупаться, превращаясь в красивых девушек. Они оказываются дочерьми Хормусты тэнгрия, который дарует бездетным старику со старухой по их просьбе сына [19].

Итак, рассмотренные нами фольклорно-мифологические тексты показывают довольно широкую распространенность образа лебеди как небесной богини, предстающей знаковым, наделенным магическими способностями антропоморфным персонажем. По всей видимости, почитание белой птицы, носившее у части бурят тотемистический характер, восходит к солярному культу, орнитофанией которого выступает солнечная богиня с ее сакральной манифестацией в облике лебедя. Также нами отмечено, что в пантеоне шаманистических божеств существуют «птичьи» боги, которые идентифицируются с сайтинскими небожителями. В качестве отдельного божества они фигурируют в списках М.Н. Хангалова и С.П. Балдаева под именем Хун Саган тэнгри (Лебедь Белый тэнгри).

Поэтому вполне закономерно лебедь как солярное божество оказывается в пантеоне эпических божеств, представленном в бурятской Гэсэриаде. Но следует оговориться, что лебедь здесь имеет мужскую ипостась. Подобного рода травестизм (перемена пола) характерен для ряда солнечных богинь в ураническом пантеоне, который является исключительно мужским по составу. Это явление более позднего порядка, которое объясняется идеологией патриархального социума, спроецированной на мир богов [20]. Стало быть, Хон Саган тэнгри определяется как мужское божество в составе западных тэнгриев. Как эпический персонаж он относится к категории божеств, играющих второстепенную роль в развитии сюжета, но, тем не менее, в ряде эпизодов проявляются его активность и иерархический статус. Так, Хон Саган тэнгри - участник высшего совещательного органа богов - небесного совета или собрания (тэнгэрийин суглаан). При

решении вопроса, кого из трех сыновей Хан Хормусты отправить на землю для очищения ее от зловредных порождений низвергнутого Атай Улана, Хон Саган тэнгри первым из небожителей предлагает кандидатуру среднего сына - Эрхэ Бэлэгтэ батора (будущего Гэсэра), что находит поддержку у тэнгриев [21]. Хон Саган тэнгри считается покровителем одного из баторов Гэсэра - Солбон Мэргэна. Причем в призывании к нему он упоминается в паре с Заян тэнгрием (Творцом-тэнгрием), одним из наиболее архаичных и актуальных в прошлом богов в бурят-монгольской мифологии:

Заяһан Заян тэнгэришни
Творец твой - Заян тэнгри
Зайлуулан хаража ябаг даа,
Да охраняет тебя,
Хэлгээншни Хон Сагаан тэнгэришни
Создатель твой Хон Саган тэнгри
Хаража манажа байг даа!
Да поддерживаает тебя! [22]

В главах молькинской Гэсэриады, посвященных богатырям Гэсэра, Хон Саган тэнгри предстает в качестве отца небесных богинь, на которых женятся Гэсэровы баторы - сыновья западных тэнгриев. В поэме о Буй дан Улан-баторе Хон Саган тэнгри благословляет свою дочь Хабхархан Гоохан на брак с героем - сыном Буумал Саган тэнгрия. В тексте дается широкое описание сцены сватовства с приглашением на свадьбу небесных подданных. В поэме о Лусан Шумар-баторе герой находит благодаря книге судеб своего отца Лусар Баян тэнгрия суженую Хурабша Тайжу - дочь Хон Саган тэнгрия. Герой едет свататься, знакомится с будущим тестем. Тот устраивает состязания в конных скачках, борьбе и стрельбе для женихов. Во всех испытаниях одерживает верх Лусан Шумар-батор и женится на дочери Хон Саган тэнгрия [23].

Любопытно, что в пантеоне эпических божеств встречается небожитель под именем Хуу Саган тэнгри [24]. Первая часть его теонима, возможно, происходит от тюркского куу - лебедь. В этом видится отголосок былой тюрко-монгольской этнокультурной общности. В тюркоязычной среде, особенно в Сибири, существует немало свидетельств о культе лебедя, сохранившихся в народных верованиях, мифах и преданиях [25] и имеющих выразительные параллели у монгольских народов [26]. Интересные данные о почтительном отношении к лебедю как «белой священной птице», бытующие у казахов, приводятся Р.Ш. Кукашевым. Им отмечается, что образ лебедя

как медиатора между небесным и земным мирами наиболее отчетливо выступает в фольклорных материалах, связанных с шаманскими представлениями кочевников [27]. Примечательно, что в контексте традиционных воззрений казахов лебедь воспринимается как «царь птиц» [28].

Разумеется, «лебединая» тема не исчерпывается материалами нашего исследования. Она имеет более широкие, евразийские параллели и полисемантическое звучание в контексте мифопоэтической традиции. Для нас же было важно показать, что одним из очагов орнитологического культа являлся сибирско-центральноазиатский регион. Это демонстрирует образ лебедя - белой птицы, выступающей в самых различных ипостасях: тотемной прародительницы, земной невесты эпического героя, солярной богини... Ураническая доминанта в тюрко-монгольском мифологическом концепте священной птицы достигает своего логического апофеоза в образе Хон Саган тэнгри, представленного в пантеоне западных светлых божеств бурятской Гэсэриады.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т.1 Улан-Удэ: Буракинигоиздат, 1958. С. 431-436.
2. Михайлов Т.М. О сайгинских божествах в шаманской религии бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 114.
3. Там же. С. 116.
4. Хангалов. Указ соч. С. 472.
5. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962. С. 151-152.
6. Михайлов Т.М. Указ. соч. С. 29.
7. Позднеев А.М. Монгольская хрестоматия. СПб., 1900. С. 264-266; 195-197.
8. Хангалов. Указ соч. С. 350.
9. Дугаров Д.С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993.
10. Намжилова М.Н. Хоринские улигеры. Улан-Удэ, 1997.
11. Намсараев Х. Сагадай Мэргэн. Пер. с бур. В. Мальми. М., 1990.
12. Гомбоин Д.Д. Сюжетообразующие мотивы в эхирит-булагатских улигерах о сватовстве // Эволюция эпических жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1985. С. 96-97.
13. Бурятские народные сказки. Сост., предис., коммент. Б. Дугарова. М., 1990.
14. Бурчина Д.А. Унгинские традиции в творчестве К.М. Доржиева // Мастерство современных бурятских сказителей. Улан-Удэ, 1978.
15. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883.
16. Бурчина Д.А. Указ. соч. С. 79.

-
17. Нармаев Б.М. Формирование монгольских и калмыцких версий Гэсэриады. Дисс. на соиск. уч. ст. к.ф.н. Л., 1987.
18. Биткеев Н.Ц. Героический эпос «Джангар» в свете фольклористических воззрений академика Б.Я. Владимирцова // Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1988.
19. Намжилова М.Н. Указ. соч. С. 26.
20. Дугаров Б.С. Белая птица, истоки связующая // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. Т. 1. Улан-Удэ, 2006. С. 14.
21. Абай Гэсэр Богдо хаан. 1995. С. 80.
22. Там же. С. 307.
23. Там же. С. 147, 227, 230-236.
24. Там же. С. 231.
25. Потапов Л.П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения убитого лебедя у хакасов) // Советская этнография. № 2. 1959. С. 118.
26. Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. М.-Л., 1936. С. 102.
27. Кукашев Р.Ш. К образу лебедя в казахском шаманстве // Этнографическое обозрение. № 6. 2002. С. 38-43.
28. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ, 1959. С. 210.

ШИНЖЭНЭ ӨӨРД МОҢҢЛЫН УРН ЗОКЪЯЛЫН ЗАЛҢЛДАН БОЛН КӨГЖЛТ

Осорин Утнаси

В статье прослеживается история развития ойрат-монгольской литературы в Синьцзяне (КНР).
Ключевые слова: литература, фольклор, писатель, история, развитие, связи.

The article is devoted to the history of the development of Oirat-Mongolian literature of Sintszan.
Keywords: literature, folklor, writer, history, development, relations.

Өөрд моңһлын урн зокъял болхла, эртндэн амн үгэр келгдж ирсн туужта болдг. «Ардын амн зокъял болхла моңһл сойлын эк» гиж келгднэ. Эн эк болсн ардын амн урн үгин зокъялын сүүр деер, түүкин көгжлтиг дахад, бичгин зокъялд орсмн. Тер учрас амн болн бичгин зокъял гиж йилһгдж нерлдгдх болв. Амн үгин урн зокъял болхла, кен зокъяж, кезэ үүдэгдсн ил тодрха биш, амн үгэр келгдж ирсн урн зокъялын төрл зүүл болна. Бичгин зокъял болхла, бичэчин нер усн темдглэтэ, бичгэр бичгдсн бүрн бүтн үүдэвр болна. Болв амн болн бичгин зокъялмуд нигт залһлдата болдг учрас, амн зокъялын байн сээхн келнэ сүүр деер өдгэ цагин урн зокъял үүдэгдж цааранднь батрад шинрэд йовна гиж келх кергтэ.

Шинжэнэ өөрд моңһлын өдгэ цагин урн зокъялнь туужин зокъял, нээрлүл (поэм), шүлг, кинон урн зокъял, күүкдин урн зокъял... мет жанрар ниигмин делгрлт, шин төр, шин түүкиг урнар делгн үзүлнэ. Бас чигн өндр кемжэнэ урлгар күүнэ бээдл жирһлиг гүүнэр таньж, тер тоотан үүдэврэн үзүлнэ. Бичэчин хол төр болхла, төрскэн харсх, оln эмтнэ уханд шин сойлын шим өглһн.

Өдгэ цагин Шинжэнэ өөрд моңһлын урн зокъял, бас чигн китдин төр болн сойлла салшго холвата. Тиим болвчн көдлмр жирһлэр эк булг болв гиж келх йоста. Тер төлэдэн көдлмр жирһлэр хол зэңгли болсн өөрд моңһлын сойлын өвэрцтэ урн зокъял өргжэд йовна. Келхд, өөрд моңһл болхла, ишкэ туурһн (нүүдлч) улс болна. Өвстэ, уста нутг белчэр шилн, мөрнэ нурһн деер дуулж йовн батрдг эн өвэрц бээдл урн зокъялд нигт шингрсн мөн. Эн жирһлин өвэрциг үзүлсн урн зокъялнь ондан келн улсин урн зокъялас йилһрнэ.

УРН ЗОКЪЯЛЫН ЗАЛҢЛДАН

Ода болхла өөрд моңһлчуд «Китдин Шинжэн, Көк нур, Гәнсу, Өвр моңһлын

Алша, Өвр Моңһлын Күлн-Бүр, Моңһл улсин Ховд, Алта аэмг, Орсин холвана ХальмгТаңһч, Америкин Нью-Джерсимет һазрт тархн сууж бээнэ» [1]. Эн оln һазрт бээршж суужасн өөрд моңһл улс, делкэн хамань эмдрн сууж бээсн хол төр биш. Хэрнь эврәннь келн улсин сойл туужан өргжүлж, бээсн-бээсн һазртан, суужасн орн-нутгин туужин өвэрц, урн зокъялын өвэрц, келнэ өвэрцтэ урн үүдэврэн үүдэж, келн сойлан делгрүлһн хол төр. Эн делгрлтнь йовх дутман өмнкэснь батрад, улм цааранднь гүжрэд, чинртэ төрт тоолгджана. Эн чинртэ төр делгрлт авч, оln орн-нутгт тархн суужасн өөрд моңһл улс хоорндан сойлын залһлдаһан батрулад йовна гиж келх кергтэ. Үлгүрлхд, шинжэнэ номт Түдвэн Жамца Хальмг Таңчин нертэ шүлгч Көглтин Даван шүлгүдин хураңһуг тод бичгт буулһж, барлулж Шинжэнэ оln умшачин һарт күргсмн. Хальмгин нертэ бичэч Балакан Алексейин «Һурвн зург» болн «Аав» үүдэврмүдиг шинжэнэ седкүлч (журналист) Намжавин Жигжижав тод бичгт буулһж, «Өрин цолмн» гидг журналын 1994 жилин негдгч тойгт болн «Шинжэнэ өдрин соньн» гидг газетд барлулв. 1933 жил Элстд барлгдсн хальмг бичэч Баснга Баатрин «Булһна тууж» үүдэвриг шинжэнэ номт Т. Бадм тод бичгт буулһж, «Урн зокъял» гидг нертэ журналд барлулв. Баһ наста номт Намжавин Содмн болн Жижэн Эрднь-Байр хойр «Булһна туужиг» худм бичгт буулһж, «Өөрдин сээхн» гидг келврмүдин хураңһуд орулв [2]. Америкин хальмг Муушан һэрэн бичсн шүлгүдиг хальмг шүлгч Буджала Егор цуглулн диглж, 1995 жил Элст балһснд «Теегин салькн» нертэ шүлгүдин хураңһу барлсмн. Хальмг бичэч Бадмин Алексейин бичсн «Цаһан толһа» түүкиг Жижэн Эрднь-Байр тод бичгт буулһж Шинжэнд барлв. Бидн нег үлү оln эмтнэ

болн шин цага дуд, орн-нутгас орн-нутг күртл дуулгдж, седклин сергмж, сойлын залһмж болжасиг бидн темдглх йоста-видн. Онц келхд одахн болхла, Моңһлд «Тод номын герл» гидг журнал барас һарсмн. Эн журналд Китдин Шинжән, Көк нур, Алшан болн Хальмгин тууж сойл таньлдулсн олн шин-шин үүдәврмүд багтасн бөөнә. Эннь сойлын залһлда үзүлжәнә гиж келж болхмн.

ЗОКЪЯЛЫН ЭКЛЛТ

Өдгә цагин өөрд моңһлын урн зокъялын экллитин девсңг 1930-ч жилмүдин чилгчәр, 1940-ч жилмүдәс эклж делгрв. Юңгәд гихлә, «1946 жил ах үйн сегәтн Дашжав болн бичәч Цеднә Өлзә-Батин һардврар Тарвһта әәмгт тод бичгәр «Ардин айһу» гидг нертә соньн (газет) эклж барлснмөн»[3]. «1940-ч жилмүдин чилгчәр «Эрк серл» гидг соньниг сегәтн Дашжав болн Дамба хойр һардж барлснмн» [4].

Цеднә Өлзә Батин «Алтн сурһуль» шүлг (1935 жил), «Һәргтә Бадмжав» ахр келвр болн бичәч Эдән Кензән бичсн «Һәргтә Санжин үлгүр» гидг тууж (1939 жил) эн хойр газетд барлгдв. Эн үүдәврмүд түрүн болж бичгәр газетд барлгдсн үүдәвр гиж тоолгдна. Түүнә хөөн «Моңһл нутг» (1948 жил), «Зун уулын ора деерк Зултс» (1948 жил), «Хашин һолын усн» (1948 жил) шүлгүд барлгдсн. Эн үүдәврмүд, Шинжәнә өдгә цагин урн зокъялын экллитиг үзүлжәнә. Эн цагт ахлад урн зокъялын шин хаалһ сексн бичәчнрәс Цеднә Өлзә Бат, Эдән Кензән неринь зааж болхмн. Эднә үдәврмүдин һол утхнь болхла, хуучн нийгмин хоцрһу талыг шоодсн, байн нойдин дажрһниг илчлж эсргүцсн, үгәтә яду эгл ардыг өр өвдсн, шин сойл делгрүллһнд дуудвр кесн мет төр багтжана. Болв «1930-1940-ч жилмүдин үүдәврмүдәс мана үйд улмжлгдн үлдснь олн биш» болснь харм төрүлнә [5].

Деер келгдсн «Ардын айһу» болн «Эрк серл» гидг соньна багтамжнь орн нутгин чинртә (района кемжәнд) бөөсмн. Болв бичәчнрин үүдәвр эн соньнар дамжн умшачнрлаһан харһх болмж учрулснь ик олзта болснмн.

ДЕЛГРЛТИН ДЕВСҢ

1949 жиләс авн 1966 жил күртл эн арвн долан жилин туршарт Шинжәнә урн зокъял делгрлт авч, сән чинртә үүдәвр олар һарч, өөрд шүлгчнрин баг өргжж

элвгжәд, шүлгин үүдәвр чинржн көгжсн цаг үй болснмн.

1949 жил китд улсин шин йосиг дажж, сойл-сурһмж өргжүллһн улсин зөвшәрләр төрин чинртә керг-үүләр даңсагдж, йосн өөрд моңһл келәр сурһуль босхгдж, тод бичгәр газет, журнал эклж барлгдсн.

1950 жилд тод бичгәр «Шинжәнә соньн» газет эклж барлгдв. 1954 жилд «Шинжәнә өдрин соньн» гиж нерлгдж, урн зокъялын нүр секв. Эн әңд тод бичгәр бичәчнрин үүдәврмүд барлгджасн.

1954 жилд «Урн зокъял» гидг цуврл бичгин хураңһу барас һарсмн. Эннь өөрд моңһлын урн зокъялын түрүн журнал гиж тоолгджана. Хураңһуд ах үйн бичәч Цеднә Өлзә Бат, Эдән Кензә, Хасин Хасгван үүдәврмүд орсн. Бас чигн һазадын орн-нутгин бичәчнрин үүдәврмүдлә таньлцулгдв. Моңһлын бичәч Ц. Дамдинсүрүңгин «Ик китдин ард түмнд зөрүлсн йөрәл» гидг шүлг, орсин шүлгч А.С. Пушкинә «Алтн заһсна үлгүр» болн нань чигн олн үүдәвр тод бичгт орчулгдж барлгдсн.

1957 жилд Шинжәнә өөрдин урн зокъялын журнал «Өрин цолмн» эклж барлгдв. Иигәд төрскн келәрн барлулх газет, журналта болсн йовдл олд темдгтә олн бичәчнр цулһрн һарснь ил. Келхд, тер цагт Цеднә Өлзә Бат, Эдән Кензә, Хасин Хасгва, Көкжгин Дәмринжав, А.Тәәвә, Ма.Тогтх, Хоңһран Бадаһар ахлсн ахмд нег үйн бичәчнр болн Нимжавин Лота, Нимән Сәәрә, Санжин Ара, Самжавин Баазр, Бимбажавин Нимжав, Жакин Батнасн, Доржин Нәәдә мет идр наста билгтә бичәчнр үүдәврмүдәрн һал маннад һарч, 50-ч-60-ч жилмүдин урн зокъялын делгрлтд һол күчн болж йовв. 1950-ч жилмүдин урн зокъялд нурһлж Китдин Коммуна партиг магтн дуулсн шинж илрнә. Үлгүрнь:

Эрднин деед эдлүлж

Эрк жирһл олһсн

Энрлт эв хамт наман

Эгүрт магтн дуулцхана.

Цеднә Өлзә Батин бичсн «Һазрин одн» шүлгт «Эв хамт нам» гидг китдин коммуна партиг «эрк жирһл олһсн» ачиг магтх ил ухт санан уусхгдсн.

1950-ч жилин эклцд арвад шүлгч бәәсн болхла, 1960-ч жилмүдт зу һар шүлгч болад тооһарн өсч, ик түргн делгрлт авч, олн үүдәвр барлгдснь ик байрта керг болснмн. Эн цагт Эдән Кензән «Мана аһу ик эк орн» (1959 ж.), «Хам-

гин алдр герлтэнь кенв?», Эдэн Кензэн «Жирһлин зам», «Нарн аль үзгэс һарв?», «Тал нутгин дуулл» (1965 ж) шүлгүдин болн келврмүдин хураһһус барлгдв.

1960-ч жилмүдин урн үүдәврмүдин һол үзл санань нурһлж шин Китд Улс (государство) тогтсна өмн хөөнк ниигмин бөөдл, ард олна әмдрлин шинрлтин сән-сәәхн болн тер цага Китдин Коммуна партиг магтн дуулсн политическ шинж ил үзгднә. Иим үүдәврмүдәс нернь зааж келхлә, Цеднә Өлзә Батин бичсн «Алтн өлгә эк орн», «Әрә күртсн селгән», Х. Ха-сгва бичсн «Би Мао Жу Шиг үзв [6], Эдән Кензә бичсн «Мана нарн Мао Зе Дун», Нимән Сәәрә бичсн «Зурад бә, дүүнр минь», Нимжавин Лота бичсн «Мөңк цецг» шүлгүд орна.

УРН ЗОКЪЯЛЫН ХООРСН ЦАГ УЙ

1966 жиләс авн 1976 жил күртл арвн жилин туршарт, Шинжәнә өөрд моңһлын ода урн зокъялын хоосрсн цаг гиж келгдженә. Юңгад гихлә, Китдт сойлын ик хүвсхл (культурн революц) гисн кәдлгән әклснәс кәлтә сойлын зүтклтнр (бичәчнр) засгла харһулгдж, «Өрин цолмн» журнал барлгдхнә зогсагдв. «Шинжәнә өдрин сонһна» урн зокъялын шишлң нүр «Талын цецгнә» бас һардган уурв. Иим өршәл уга политическ кәдлгәнәс иштә, келн улсин кезәнәс нааран улмжлад ирсн өнр байн ардын амн зокъялас авн шинәр үүдәгдсн бичгин зокъял күртл цугтан уга кегдж (шатагдж), «урн зокъял уга, дун, шүлг уга, наадм цецгл уга, сойлын сохр харанһу бөөдлд орж, нөкәд авч болшго һаруд учрж» гиж номтнр тоолжана [7]. 1971 жилд урн зокъялын шишлң нүр «Талын цецг» гисн нернь «Зүүнә салькн» гиж сольгдад, зөрм цөөкн кедүн үүдәврмүд барлгдх тедү бәәв.

Харм төрхд, 1966 жиләс авн 1976 жил күртл арв һар жилин туршарт «Нандин белг» (1975 жил) болн «Байрт тал нутг» (1975 жил) гидг шүлгүдин хойрхн хураһһу барлгдсн. Болв арвн жилин шуурһн бичәчнрин билг-әрдмиг нег мөсн шуурдж чадсн уга. Әмд үлдсн ах үйн бичәчнр биирән дәкнәс авх цаг ирсн мөн. Эн болхла сойлын ик хүвсхл төгслһн.

КӨГЖЛТИН ХААЛҺД

1976 жиләс өдгә цаг күртл Шинжәнә өөрд монһлын урн зокъялын үүдәгч бүтәлтин зәңглһин цаг гиж тоолгджана.

Тернь учрта, юңгад гихлә 1976 жиләс авн барлгдхан зогсагдсн урн зокъялын журнал «Өрин цолмн» бас шинәс әклж барлгдв. «Шинжәнә өдрин сонһна» урн зокъялын нүр «Зүүнә салькн» гисн нериг «Һөвин солһн» гиж соляд шинрүлн өргжүлв. Эн урн зокъялын нүүрт бичәчнрин үүдәсн шин үүдәврмүд өдгә цагт ода чигн барлгджана. Нег үлү 1980-ч жилмүдин әклцәс авн Байн һол Моңһл автономн районд «Байн-һол» гисн нертә урн зокъялын журнал, «Байн һолын сонһн» гидг газет барлгдг болв. Бор Тал Моңһл автономн районд «Сәәрм» гисн нертә урн зокъялын седкүл болн «Бор Талын сонһн» гисн сонһн бас әклж барлгдв. Умшачнр чигн эн седкүл болн сонһнар дамжн оныг авлсн шин үүдәврлә танһлдх хөв учрсн бәәнә.

Сүл жилмүдт оln шүлгүдин хураһһус ар-ардасн һарч тооһарн чигн, чинрәрн чигн, төрл зүүләрн чигн бәәхтә олзта болж умшачнриг байрлулжана. Үлгүрнә: Арашин Тәәвә бичсн «Геәдрсн закл (бичг)», Самжавин Баазр бичсн «Зүүднә биилгдл», Жакин Батнасн бичсн «Маңна бөкин магтал», «Торһуд ик нүүдл- цусн зам», Саңһжин Ара бичсн «Алтн ааһин домг», Доржин Нәәдә бичсн «Танһл әмгтә (күүкд күн)», Бимбажавин Нимжав бичсн «Дөрвн ульрлас сурснә», Нимжавин Лота бичсн «Усн болн күүкд», Д. Дуһржав бичсн «Мөңк һал», Нимгрин Жамбл-Дорж бичсн «Нарн, сар, одн», На. Буува бичсн «Нилх седклин сүүдр», Түпән Намжл бичсн «Оңһн хәәрин жиргә», Доржин Нәәдә бичсн «Сальктин давана дун», Альмжан Олцу бичсн «Адргт арһлгдсн седкл», һа. һомба бичсн «Баг хар модн» мет үүдәврмүд. Эн үүдәврмүд оlnд онцлгдн оныг авлн үнлгдж, сән гисн үүдәврмүдин тоод орж ачлгдсиг энд шишлң дурджана.

Ниигмин көгжлт даһад, урн зокъялын кев янзнь бас шинрәд, оln болсинь зааж кергтә. Учрнь юундв гихлә, шин цагин некврәс кәлтә, шүлг бичх дүрмд бәргдл уга оln зүүлин шин әв-арһс үүдәврт олзлн керглх урн дам бичәчнр һартан авсн бәәнә. Үлгүрлхд: чөләтә шүлг, задһа шүлг, бүтү шүлгәс һаза бас шин нерд олзлж «келвәрин талар нег үлү чөләтә болж, хам серл, сана төрк, дүрс хүврүллин арһ келвриг чадмһа ашглн, дам тольдхал, далд шоглл, урн белгдл, утхнә давхцуллын үүднәс шүлгән ухалхиг эркмд үздг шүлгчнр йовх дутм олшрв» [8].

«Цаг цагарн бәәдг уга, цәклдг көкәрн

бээдг уга» гидг үлгүр бээнэ. Сүл жилмүдт нег баһ наста бичэчнр цулһрн һарч, урн зокъялын күрэнд һол күчн болв. Теднэ нернь авч келхлэ: Самтна Эрк-бат, Лакин Намсра, Чимэн Эрнцэ, Нимгрин Жамбл-Дорж, Түпэн Намжл, Пагван Болд Бат, Жамблин Жала, Боран Бат Мөңк... мет бичэчнр урмдта үүлджэнэ. Келхд, Т.Эрнцэ, Утнасна Бат Байр (бичгин нернь Урхн), Оюун (бичгин нернь Көк Мөчр), Тогтхин Самбу, На. Хас, А. Мөңгн Цецг, Н. Буува мет бас нег баг күүкд улс бичэчин билгэн сөрж, урн үүдэврэн олд таньгдж йовна.

Нийгм көгжх дутм, күүнэ үзл ухамср дахлдн деешлж, бичэчнр нег зүүлин далдын ухаһар күүнэ эмдрл жирһлиг гүн таньн меджэнэ. Күүнэ олж үзэд уга, таньж медэд уга эмдрлин йирин болчкад бас йирин биш нуувчиг үүдэвртэн урлн бичх эв арһс олзлжана. Өдгэ цагин нийгмин эмдрлиг тусхларн олд келн улсин сойлын залһлдаг өргнөр багтаснь темдглэтэ. Бас чигн һазадын орн нутгин сэн чинртэ зокъял бичх урн дамиг өөрд улсин зокъял бичх дүрмлэ ирүлцүлж, зокъял бичх арһдан шинрлт кех зөргтэ баһчуд олар һарчана.

Харм төрхд, Шинжэнэ өөрд монһлын өдгэ цагин урн зокъялын түүк, кинон урн зокъял, күүкдин урн зокъял, роман тооһарн цөн бээһэ. Цааранднь цөөкнэсн

олн болх, баргтаһасн сэн болх үүрг залу баһ үйн бичэчнрин ээм деер иржэнэ.

Товчлад келхлэ, Шинжэнэ өдгэ цагин урн зокъялын үүслт, көгжлтин хаалһнь өөрд улсин эмдрл жирһлэс эк авна. Цааранднь түүкин девсцгиг дахад, олд зүүлин һо чигн, бүдрэтэ чигн хаалһд дамшлтан хураж, һар ахр, һанзһ тату бээснэсн хорха көндэм, хужр ханһам байн үүдэвртэ болсн мөн. Өдгэ цагт урн зокъялын алтн терзэр делкэ хэлэх һөөхмшгтэ болмжиг дорас өсчөх баһчуд олһжана.

ЗҮҮЛТ:

1. Эрднь Байр болн Содмн нээрүлсн «Өөрдин сээхн». Өвр Монһлын сурһн күмүжлин барин һазр. 1985 жил.

2. Там же.

3. «Өөрд монһлын ода үйин урн зокъялын түүк // Үрмч. 1999 жил. 2 х.

4. Там же.

5. Ч. Бонда. Шинжэнэ ода үйин урн зокъялын көгжлт // «Өнр цецг» журналын 2004 жилин 7 тойг. 119 х.

6. *Мао жуши - Мао Цзе Дун гисн күүнэ нерн.*

7. Б. Мөңкэ болн Улангерл нээрүлсн «Өөрдин ода үйин ирү нээргин сунһвр». Үрмч. 1995 жил. 5 х.

8. Там же. 8 х.

ЭПИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР КОНФЛИКТА В «ДЖАНГАРЕ»

Н.Б. Пюрвеева

Статья посвящена проблеме эпического характера конфликта на примере калмыцкого эпоса «Джангар».

Ключевые слова: *эпос, Джангар, конфликт, герои, сражение, сюжет.*

The article focuses on the problem of epic conflict in the «Jangar» epics.

Keywords: *epics, Jangar, conflict, heroes, battle, plot.*

Композиция калмыцкого эпоса, совпадая с сюжетом, в то же время гораздо объемнее фабулы, так как нередко включает эпизоды и мотивы, не имеющие прямого отношения к его сюжетному действию. Основу эпического сюжета составляет поединок богатырей Джангара с их противниками. Все, что входит во вступительную часть эпопеи, и ее финал, подчинено законам не сюжетного развития, а структуры. Чтобы возникло действие (событие), необходима ситуация-коллизия, конфликтная ситуация, которую герои различными способами пытались бы изменить. «Каждое событие, - писал Б.В. Томашевский, - должно естественно вытекать из ситуации. Для этого сама ситуация должна вызывать события» [1]. В песнях «Джангара» герои-богатыри поставлены в определенную ситуацию, и их действия направлены на ее изменение.

Объем содержания эпоса определяется по широте и количеству конфликтных ситуаций. В эпосе само повествование выполняет функцию построения сюжета. Образы характеров и обстоятельств, стоящие за действием и обуславливающие его импульсы, обнаруживают себя во всей совокупности фабульных действий: столкновениях, разного рода коллизиях и конфликтах. В эпосе «Джангар» повествование движется неторопливо, предметно-образительная сторона сюжета заключается в некотором замедлении собственно действия за счет введения в него описаний места действия, предметов, пейзажа, портретов, героической «биографии» персонажей.

Борьба Джангара и его богатырей с врагами является главнейшим источником движения и развития эпического действия. Основной конфликт в эпосе «Джангар» разделяет действующих лиц на противостоящие группы и в определенной степени касается каждого персонажа. Раскрытие конфликта

подчинена и композиция, в которой намечена антитеза между положительными и отрицательными героями. В столкновениях противоборствующих сторон раскрывается сущность очень важных общечеловеческих противоречий, имеющих глубокий нравственно-эстетический смысл. Один и тот же конфликт в «Джанагаре» раскрывается в самых различных проявлениях и разных сюжетах песен. Содержание «Джангара» раскрывается в каждой новой песне, с новой тематикой и сюжетом, но с общим структурным стержнем и построением.

Завязка сюжета «Джангара» происходит на княжеском пиру, где бахвальство и решение врага захватить Бумбу и есть момент зарождения враждебного замысла и, по существу, - оскорбление, не только ее богатырям, но и всей стране. В эпосе «Джангар» завязку составляют вспыхивающие в сердцах врагов страны злоба, алчность, зависть. Завязка как бы подводит слушателя к вопросу о том, может ли и должен ли существовать мир, в котором герои-богатыри являются исполнителями злой воли? Развитие действия, начало которому положено завязкой, дает возможность изображения героев в их поступках. Действие-поступок способствует наиболее глубинному раскрытию характера героев народной эпопеи, так как оно обнаруживает их умонастроение и цели. Например, агрессивные намерения Хара-Киняса в песне «О поражении свирепого Хара-Киняса» определяют начало действия (коллизию), то есть последующее течение событий. Они развиваются следующим образом: на пиру у государя-хана Джангара - его предсказатель людских судеб Алтан-Чэджи разгадывает враждебные замыслы противника. Решение Улан-Хонгора вступить в борьбу с вражеским богатырем является толчком для дальнейших действий героя и развития эпического сюжета. Эмоциональ-

ное действенное развитие характера проявляется в такой момент жизни богатыря Хонгора, когда оказываются затронутыми самые важные вопросы кодекса богатырской чести и долга, когда решается судьба и богатыря и его народа. Хонгор готов отстоять свои принципы в смертельном поединке с врагом. Вообще ни один из богатырей «Джангара» никогда не задумывается о возможном поражении, не страшится даже уже предсказанной гибели.

Главная сюжетная коллизия типична для всех песен «Джангара». Она возникает от агрессивного намерения врагов, которые ставят богатырей Бумбы перед необходимостью принятия волевого решения, а конфликт - от решения героя встать на защиту страны от посягательств врага. В решающий момент, когда от героизма богатырей Бумбы зависят свобода и независимость страны, они проявляют неустранимость и мужество, вступают в противоборство с богатырями вражеской стороны, до конца выполняют свой долг, защищают мир и справедливость. Герои эпоса «Джангар» действуют по своей воле, хотя и прислушиваются к мудрым наставлениям своего государя - хана Джангара, а в трудных ситуациях надеются на помощь побратимов.

Кульминация в «Джангаре» - всегда поединок богатырей, описание которого отличается исключительной яркостью. В батальных сценах в бою проявляют активность обе стороны. Богатыри вражеского стана тоже не бездействуют, но герои Бумбы благодаря своей могучей силе, ловкости владения оружием и неустранимости одерживают победу. Такой финал эпического повествования характерен для героического эпоса многих народов. Например, сюжетное повествование нарских сказаний «характеризуется тем, что герой, как правило, всегда побеждает врага» [2].

Кульминация в «Джангаре» непосредственно предшествует развязке - моменту, завершающему действие; развязка - полное поражение врага-агрессора. Разгром вражеского войска и ликвидация угрозы независимости Бумбайской страны означают завершение развития действия. Наступает счастливая развязка, решение всех конфликтных ситуаций, возникших в завязке. Покой и мир снова воцаряются в душах героев эпоса, в стране, в окружающей природе - наступает период общего равновесия. Конфликт в итоге развития действия оказывается сня-

тым, агрессор получает возмездие за прямую вину, за вероломное вторжение, и событие завершается торжеством порядка и воцарением справедливости. Развязка в «Джангаре» играет идейно-определяющую роль. Она дает представление об истинной ценности идеи мира. Идея мира выражена через картину пира. Описание событий, открывшееся картиной богатырского пира, завершается сценой победного пиршества защитников Бумбы. Зачин и концовка в «Джангаре» образует композиционное кольцо. Конфликт как своеобразный аналог определенного жизненного процесса всегда имеет начало, развитие и завершение. Разрешение конфликта является показателем завершенности сюжета.

Итак, основу повествования в народной героической эпопее «Джангар» составляет сюжет; основу сюжета - действие; основу действия - конфликт; основу конфликта - коллизия. Сюжет несет в себе определенную идейно-эстетическую концепцию, в которой нет ничего случайного, лишнего, все закономерно и необходимо, любая деталь направлена на реализацию замысла, каждый эпизод соотнесен с целым, каждый элемент выражает образ.

Сюжетное пространство народной эпопеи «Джангар» - арена борьбы и испытаний героев-богатырей. Все их качества заявлены с самого начала, и на протяжении всего повествования они проверяются и испытываются. Кульминация сюжета - описание поединка богатыря с врагом. Противники обычно встречаются в границах мифологических топосов - на мифической горе Эркю, Болзатин Бор или Мангна цаһан уул, а иногда, на открытом пространстве. Если у героя два противника, то он всегда сразится с более сильным из них. В поединке богатыри применяют мечи, копья, сходятся в рукопашном бою, стреляют из лука. Во время боя джангарчи уподобляют их животным (верблюдам, быкам, орлам, барсам), которые в представлении народа олицетворяют физическую мощь и ловкость.

Приведем описание битвы Хонгора с Тега-Бюсом из репертуара Ээлян Овла:

Бууринәһәр эргдәд,
Как верблюды-самцы кружили они,
Бух кевтә чишклдәд,
Как быки ревели они,
Буур кевтә нүрлдәд,
Как верблюды-самцы грудью сошлись,
Авн-авн сегсрлдәд,

Хватали и встряхивали друг друга.

Ачн-ачн цоклдв.

Через себя бросали друг друга

Уул хатц кемлдэд,

Через горы бросали,

Усн хатц цоклдад.

Через воды бросали.

Бой эпического богатыря с врагом может длиться месяцы и даже годы и бывает очень жестоким, что характеризуется опосредованно. От таких схваток «небо становится багровым, земля желтеет», («тенгрин өнгнь улаһад, һазрин өнгнь шарлад оч гинэл»). От жестоких сражений противников сотрясается природа: «Когда же, единоборствуя, два богатыря, словно две горы среди леса, своими могучими белыми конечностями припали на четвереньки, красной пылью задернуло небо. От двойного, тяжелого стука и грохота содрогнулась земля - золотая поверхность. Всколыхались высокие зрелые сандаловые деревья, хлещут вершинами оземь. А все же никто не осиливал» [3]. Бой богатырей может заканчиваться поединком враждующих ханов и решать исход битвы (песня «О победе Алого Хонгора над Мангна-ханом и подчинение его Джангару»). Исход битвы решает и серия поединков между оставшимися богатырями. Так, в песне «О том, как Хонгор угнал табун темно-рыжих коней с гривами, отливающими кораллом, и жемчужными хвостами у Шар-Кермен-хана, живущего на северной стороне» (репертуар М. Басангова) в поединке сходятся: Хонгор с владельцем черного коня; Санал с богатырем, владеющим стальным мечом; Савар с Догшин-Шар-Мергеном, и сами ханы-предводители. В некоторых песнях противниками богатырей выступают мифологические и фантастические персонажи, олицетворяющие силы, враждебные богатырям. Эпический герой вступает в схватку с шулмусами, мангасами, бесовками, великанами. Они опасны и коварны. Характерна в этом отношении песня «О том, как Хонгор очутился в стране девяти ведьм-бесовок» из репертуара М. Басангова.

В калмыцком «Джангаре» имеется сюжет о бое отца с сыном, бытующий в эпических текстах многих народов. В песне «О том, как Хонгор доставил в страну Бумбу шлем, именуемый «Дун», и меч, «сыплющий искры при атаке» хана ман-

гасов Шар-Бирмис-хана» (репертуар М. Басангова) повествуется о том, как сын Хонгора Хошун выступает на стороне Шар-Бирмис-хана против богатырей Бумбы, среди которых равных ему нет, и побеждает всех. В бой должен, по всей видимости, вступить сам Хонгор, но поединка не происходит: провидец Алтан-Чэджи угадывает в юноше сына Хонгора - по внешним богатырским признакам отца и его деда Шигширги. Алтан-Чэджи советует отозвать юного героя с поля боя, и Хонгор обращается к нему, перечисляя особые приметы, которыми тот был наделен при рождении. В данном случае мы имеем весьма оригинальное использование мотива встречи отца с сыном - без обязательного поединка между ними.

В изображении богатырских подвигов есть немало сходного, вплоть до употребления одних и тех же повествовательных формул. Вот, к примеру, описание поединка в песне «О покорении Строгим Саналом страны мангасов и подчинении их Джангару»:

Әв балтан авад эргж ирэд,
Вынул (Санал) большой бердыш,
Одн Цаһаниг цокад.
Одон Цагану нанес удар,
Хаһһа нәэмн сееринь мөлт цокад,
Огромные его восемь позвонков перерубил,
Күдр хар хавснь кү цокад.
Могучие крепкие ребра, разрубил.

Сравним с описанием поединка в «Песне о покорении Саваром Тяжелоруким Килган-хана и подчинение его Джангару»:

Догшин Килһн хаанд күрэд,
Настиг (Савар) грозного Килга-хана,
Арвн хойр иртә балтар дэврн цокв,
Нанес удар бердышом,
что с двенадцатью лезвиями,
Хаһһа нәэмн сееринь мөлт тусад,
Восемь огромных позвонков (хана)
раздробил,
Күдр хар хавснь кү тусад (одв).
Мощные крепкие ребра ему разрубил.

В эпосе господствует повествовательная последовательность. Эпический певец стремится преодолеть элементы статичности в передаче развивающегося действия, развернуть его во времени, показать как можно больше элементов того или иного события. Он стремится охватить более или менее длительное развертыва-

ние события, передать длящееся время. Временные планы повествования, как и планы изображения, все время сменяют друг друга. Причем эта смена имеет одну и ту же тенденцию - переход от самого общего рассказа к все более подробному рассказу, превращающемуся в непосредственное «сценическое» изображение действия.

Последовательные приемы и способы изобразительного преодоления времени заключаются в последовательном подборе сюжетов (битвы, встречи, единоборства), а также в соединении в одной композиции нескольких сюжетов. Это

зрительно представленное повествование. Зрительная конкретизация повествования эпического певца обычно довольно развернутая: он видит все события масштабно, как бы панорамным зрением: зримо рассказывает - рассказываемое зримо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.-Л., 1931. С. 102.
2. Алиева А.И. Адыгский нартский эпос. М.-Нальчик, 1969. С. 129.
3. Козин С.А. Джангариада. Героическая поэма калмыков. М.-Л., 1940. С. 123.

О СОВРЕМЕННОЙ СКАЗИТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Т.М. Садалова

Статья построена на полевых материалах автора и посвящена актуальной проблеме ареального исследования феномена сказительства у западных монголов.

Ключевые слова: *Западная Монголия, экспедиция, сказитель, эпическая традиция.*

The article is based on field materials of the author and devoted to actual problem of arial investigation of epic telling among the west Mongols.

Keywords: *West Mongolia, expedition, epic teller, epic tradition.*

Сопоставление сибирской сказительской практики с сохранными формами исполнения сказаний у западно-монгольских народов может представить возможность сделать выводы о широкой в этногеографическом отношении единой системе сказительского творчества у центрально-азиатских народов. Поэтому при описании и расшифровке отдельных фрагментов материалов международной научно-комплексной экспедиции в 2000, 2001, 2002 годах в Западную Монголию (в сомоны Баян-Ульгийского, Ховдского аймаков) (из фольклористов участвовала М.А. Демчинова), которые проходили под нашим руководством, мы позволили особо выделить информацию, связанную с современной сказительской традицией.

В период работы экспедиций в Западной Монголии нами был собран достаточно богатый материал по исполнению горлового пения от нескольких исполнителей, разных по уровню мастерства. Мы фиксировали демонстрации форм горлового пения баядами, урянхайцами и тувинцами, а также отдельные фрагменты текстового исполнения крупных эпических произведений, параллельно выясняя способы передачи исполнительства горлового пения от учителя ученику.

В г. Ховд 6 октября 2001 года мы встретились со сказителем (туульч) среднего поколения Дорж Сэсэром (50 лет) (из рода орцг-элкин-сагат). Сказитель вместе со своей семьей живет в войлочной юрте недалеко от центра города. Перед тем, как согласиться исполнить для нас отрывок сказания, сказитель Д. Сэсэр посмотрел на календарь и объяснил, что нельзя исполнять сказание во время «седла дней» (т.е. в день нечетного числа). Затем он облачился в национальный халат белого цвета, перепоясался материей, надел шапку белого цвета из того же мате-

риала, что и халат. После этого сказитель разжег в маленькой ритуальной чашке огонь с благовониями и толченым можжевельником и совершил дымящей чашкой обряд освящения топшура два раза по движению солнца, а также дважды окропляя его молоком. Сказитель объяснил, что перед каждым сказанием исполняется похвала тринадцати вершинам Алтая, что и было им продемонстрировано. Текст самого сказания, который назван «Семь небесных бурханов», по словам сказителя, состоит из семи текстов и посвящен 70000-летнему силачу. Также сказитель подчеркнул, что перед замерзанием земли в середине осени исполняют сказание, чтобы «похвалить землю, горы».

Дорж Сэсэр рассказал нам и о сохранившейся по сей день традиции приглашения сказителя к кому-либо в дом, при которой соблюдался ритуал принесения топшура в этот дом заранее, на два-три дня раньше до прихода самого сказителя. Приглашая сказителя домой, хозяева считали, что исполнение сказания очистит их дом от злых духов, будет способствовать удаче и благополучию семьи. При этом сказитель точно знал, какое из сказаний будет им исполнено именно в этой семье.

В октябре 2002 года в исполнении Д. Сэсэра нами записан отрывок текста сказания «Долон тюмен аста» («Созвездие семи медведиц»), видимо, это был фрагмент того же сказания, который нами фиксировался в 2001 году. Варианты данного сказания в XIX веке были изданы Г.Н. Потаниным в «Очерках...» [1]. Они были записаны им от алтайцев (теленгитов), дёрбетов, киргизов под названиями: «Джетыган», «Итыган», «Долон Бурхан», «Долон Эбугут» с отдельными искажениями. У алтайцев сюжет сказания или сказки о созвездии семи братьев активно

бытует по сей день. В жанре сказки данный сюжет был в числе текстов постоянного репертуара сказителя Т.А. Чачиякова.

Сказания часто исполняют во время Цаган Сар – праздника «Белого месяца», аналогичного алтайскому празднику Чага байрам, когда начинается переход зимы к весне. Один текст героического сказания может исполняться два-три дня.

Среди урянхайцев также бытует представление о том, что исполнение сказания весной может вызвать «джут» (алт. «јут»), непогоду, что грозит падением отощавшего за зиму скота, поэтому сказители остерегаются в этот период исполнять сказание. Данное наделение магическими функциями исполнения сказаний напоминает свидетельство новосибирского музыковеда Кондратьевой Н.В. о том, как в знойное лето в одном из поселений Бурятии ею была произведена запись сказания от 90-летнего сказителя, что стало причиной, по мнению самого исполнителя, неожиданного града. Когда же музыковед поинтересовалась, почему же он не вызвал дождь раньше, то он ответил, что никто его не просил исполнить сказание.

В 2002 году в сомоне Дуут Ховдского аймака, где компактно проживают урянхайцы, нам удалось встретиться с известным урянхайским сказителем Баатр Урт Нацаг (70 лет), который был признан лучшим сказителем в 2000 году на фестивале исполнителей горлового пения монгольских народов в г. Осака (Япония). Баатр Урт Нацаг по своему происхождению принадлежит к династии известных сказителей, являясь сыном третьей дочери сказителя Джилькер, который был одним из исполнителей знаменитого сказания «Гесера» и относился к числу сказителей, «посвященных духами». Было очевидно, что в сомоне Дуут и среди своих сородичей он пользуется очень высоким авторитетом. В 2002 году двое молодых людей

- Нацаг Дамдин-дорж и Тортогтох Монхтор, - назвали учениками сказителя Баатр Урт Нацага, каждый из них проходил разные этапы обучения сказительскому искусству. Ученики сказителя с большими оговорками и особым волнением разрешили нам записать отрывки сказания, исполненные ими, так как не считали себя сказителями. По их информации, если ученик освоил 1-2 текста сказаний в полном объеме и может это продемонстрировать перед слушателями в течение дня и ночи, то к его топшуру привязывается хадак (освященный отрезок ткани белого, синего цветов), что свидетельствует о переходе ученика к статусу сказителя. Традиционная преемственность поколений школы сказительства у урянхайцев в достаточной степени сохранена, чему способствует трепетное отношение и уважение к сказительскому дару у самого народа. В период больших народных празднеств проводятся фестивали народных сказителей, победители награждаются отличительными знаками-медалями различных степеней, лучшим присваивается звание «Народный талант». Следует отметить и то, что сказитель в Западной Монголии всегда был увенчан особым «ореолом» исключительности, уже при жизни становясь легендарной личностью. Об этом свидетельствуют рассказы о Джилькере, М. Парчене, Этен Гончике и т.д.

От Баатр Урт Нацаг и его учеников нами записаны отрывки текстов крупных сказаний: «Бурхн шутлюг», «Нарын».

Таким образом, ареальные исследования сказительства могут дополнить и расширить наши представления об этой традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876-1877 годах по поручению ИРГО Г.Н. Потаниным. Вып. 1-4. СПб., 1881-1883. С. 193-204.

ББК 82.3 (2 РОС=БАШ)

БАШКИРСКИЕ ПЕСНИ О БАТЫРАХ КАК ЖАНР ВОЕННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ

Л.К. Сальманова

В статье дается характеристика башкирских песен о богатырях как жанра военных погребальных обрядов.

Ключевые слова: *песня, герой, обряд, похороны, игра, традиция, война.*

The article is devoted to the definition of Bashkir heroes' songs as a genre of war funeral rites.

Keywords: *song, hero, rite, funeral, play, tradition, war.*

Башкирские песни о батырах, называемые кубаирами (кобайыр), посвящены выдающимся историческим личностям - батырам и вождям (Сюкем-батыр, Баязит-батыр, Тюльген-батыр и др.). Подобно башкирским эпическим сказаниям «Урал-батыр» и «Ак-бузат» они изложены в семисложных стихах тирадной формы. Отличаясь от эпических сказаний исторической тематикой и композиционной сжатостью, песни о батырах состоят из следующих обязательных разделов:

Представление батыра: Тирре-рэм, тирре-рэм, тирр оказывается, Сукан-батыр мужчина оказывается. Тирре-рэм, тирре-рэм, тирр оказывается, Сукан-батыр мужчина оказывается [1].

Нападение врага и призывы к защите родной земли: На этой салыотов (башкирское племя - Л.С.) земле Многочисленные табуны когда ходили,

Этот скот чтобы отнять
Кусем-хан когда напал...
Землю свою любивший человек-батыр
В юрту (разве) войдет, чтобы лежать (спрятаться)? [2].

3) Сборы батыра на войну:
Бобровую свою шапку надев набекрень,
Ук-хадак [3] свой повесив,
Сюкем вышел, боевой клич бросив, На
аргамака верхом сев...[4].

4) Батыр преодолевает препятствия на пути к врагу:
В чаще, где не пройдет трусцой лиса,
Перескакивая, прохожу;
В темном месте (где) не пройдет трусцой лиса,
Ночью я прохожу;
В степи где не пролетит сова,
Один я прохожу,.. [5].

5) Демонстрация силы батыра и его стремление использовать способ оборотничества в схватке с врагом:

Сура, сура [6] я батыр, На тулпара [7]

сев, гору расколов, Против врага я пойду,...
[8] Сивым воробьем обернусь, На ворота (врага - Л.С.) сяду, Из многочисленных врагов Некоторыми из них займусь [9].

6) Боевой подвиг батыра и его восхваление:
Баязит-батыр мужчиной был,
Отражающий нападение мужчиной был,
Ногая-мурзы войско
Как курдючных овец изрубив,
Вызвав сильный страх, искрошив,
На родину возвращающимся мужчиной был [10].

7) Гибель и оплакивание батыра:
Сюкем-батыр мужчиной был,
Зверю подобный мужчиной был.
Среди башкир
Утренней звезде подобно Немеркнувшим мужчиной был [11].

Напевы кубаиров относятся к одному мелодическому типу, в основе которого лежит ангемитонный звукоряд мажорного наклонения в амбитусе ундецимы с центральным положением главного опорного звука. Эта мелодическая модель прослеживается на всей территории, населенной башкирами - в Аургазинском, Хайбуллинском, Баймакском, Учалинском районах Башкортостана, а также в Аргаяшском районе Челябинской области.

Часто цитируемое в башкирской научной литературе наблюдение И.И. Лепехина позволяет говорить о том, что песни о батырах сопровождалась так называемым танцем тела. «Певун наш припевал не только все их жизни достопамятное; но голосом и телодвижениями выражал все их действия, как они увещали своих товарищей, как вступали в бой, как поражали противников, как обремененные ранами ослабевали и испускали дух. Все сие так живо выражал старик, что многие из собеседников плакали...» [12]. Выдвинутое нами предположение, что опи-

сание русского путешественника является описанием именно танцевальных движений башкирского рапсода, может быть подтверждено прямым соответствием изображения И.И. Лепехина особенностям исполнения танца *биелэх* ойратских племен, в котором активно двигаются только торс и руки [13]. Заметим, что сходный танец мог существовать и у других тюркских народов, например, у казахов, о чем свидетельствует запись лечебного сеанса, проведенного казахским шаманом: «Взяв в руки кобыз, ...сел он на ковер, заиграл, запел и начал тихо качаться, а затем делать разные телодвижения. С повышением голоса ускорились и становились труднее его кривлянья. Он бился, вертелся, вытягивался и сгибался, как неистовый...» [14].

Эпосовед М. Сагитов и академик АН Республики Башкортостан Г.Б. Хусаинов считают, что термин *кубаир* имеет более широкое значение, т.е. относится не только к песням о батырах, но и к эпическим сказаниям [15]. Однако профессор А.Н. Киреев принципиально разделял указанные жанры, именуя последние *иртэком* локальным термином, зафиксированным им во время фронтальных экспедиций в Курганской (1959) и Челябинской (1962) областях [16].

Стремление А.Н. Киреева особо выделить кубаиры о батырах можно объяснить, на наш взгляд, их изначальной приуроченностью к моменту прощания с умершим героем. Это подтверждается рядом наблюдений и сведений, хотя и скудных по своему количеству и информативности.

Прежде всего свидетельство об их включенности в погребальные обряды содержится в самом названии песни - термине *кобайыр*, состоящем из двух слов: *оба*, словарное *уба* (курган) и *йыр* (песня).

В данном случае значение лексемы *оба*, видимо, относится именно к кургану, насыпаемому над могилой вождя или батыра, так как сходные слова у других народов (монгольское *обоо*, удмуртское *юбо*, мордовское *юба*, чувашское *йоба* и санскритское *йула* [17] определяются понятием памятный столб, являющийся заместителем умершего, олицетворением его духа. Не случайно информанты предупреждают, что до деревянного столбика или каменной плитки на могилах у башкир нельзя дотрагиваться [18]. Отсюда следует, что кубаир, представляя собой песенное обращение к духу умершего батыра, в прошлом функционировал в каче-

стве способа коммуникации с ним.

Напомним в этой связи о существовании родственного чувашского термина *юла юррисем*, которым именуются поминальные песни [19].

Замечательным примером обращения к духу умершего батыра в момент завершения погребальных действий является кубаир «Карас и Акша». Карас, воздвигнув со своей дружиной курган из камней над могилой батыра Акши, воткнул стрелу над изголовьем покойника и произнес в его честь хвалебные стихи (по всей вероятности музыкально интонируемые), закончив их словами:

Одну стрелу над изголовьем твоим я воткнул,

Пусть скажут «Батыр прошел (в этом месте) до нас» [20].

Связь кубаиров с обрядом похорон представителя башкирской знати подтверждается и содержащимися в текстах песен метафорическими формулами отождествления батыра с небожителями и его уподобления тотемистическим предкам, что является вербальным способом перевода умершего батыра в статус предков-божеств и покровителей:

Ты небесным солнцем был,

Ты ночной луною был ... [21].

Наконец, наши рассуждения можно подкрепить косвенным доказательством о существовании специальных песен, исполнявшихся во время погребения вождей и батыров. Так, у бурят на похоронах знатного человека или знаменитого охотника представители его улуса пели песни, в которых восхваляли его дела и подвиги [22]. Повидимому, тот же смысл имеет и хакасский обычай приглашать певца *хайджи* в жилище, где находится умерший хозяин, чтобы он пел от наступления темноты до рассвета о родовых предках-богатырях [23].

О древности исполнения песен о батырах в сопровождении танцевальных движений можно сказать следующее. Учитывая тот факт, что танец тела имел место в традиционной культуре башкир, казахов и ойратов (калмыков), распространение кубаиров можно датировать эпохой древних тюрков. Обращение к сочинениям Лукиана показывает, что корни обряда исполнения песни в сопровождении танца во время военного погребально-поминального ритуала уходят еще глубже. Так, по записям древнегреческого писателя-сатирика, плясун должен знать все главные античные мифы и уметь изо-

бражать их в пляске, включая восстание гигантов, кражу огня Прометеем, уничтожение Пифона и т.д. [24].

В отношении других обязательных элементов погребальных обрядов в честь вождя или батыра сохранились прямые свидетельства. Например, в башкирском эпосе «Кузыкурпяс и Маяпхылу» говорится о ритуальных скачках вокруг погребального кургана [25]. Отголоски подобных скачек в виде трехкратного обведения коня вокруг могилы отмечены у мари и осетин [26] или просто трехкратного хождения вокруг нее - у чувашей. По доступной нам литературе ритуальные скачки во время похорон прославленного воина зафиксированы в глубокой древности - в эпоху Троянской войны:

«Мы на конях в колесницах, приближемся вес и оплачем Друга Патрокла, почтим «подобающей мертвого честью...» Рек и рыдание начал (Ахиллес - Л.С.);

и все зарыдали дружины.

Трижды вокруг тела

они долгогривых коней обогнали...» [27].

Если в указанном периоде существовал танец, повествующий о военных подвигах героя, то допустимо и то, что в то далекое время складывались и ритуальные песни о погибших воинах.

Таким образом, исходя из предварительного анализа материалов, относящихся к кубаирам, можно заключить, что это жанр, сложившийся в системе военных погребальных обрядов и игр, представляющий собой сугубо мужскую традицию похоронных причитаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Записано в 1962 г. Н. Шункаровым в дер. Норкино Аргаяшского района Челябинской обл от Сафаргали Султанбекова (1905 г.р.).
2. Башкирское народное творчество (далее - БНТ). Эпос. Кн.3 / Сост., автор вступ. статьи и коммент. М.М. Сагитов. Уфа, 1973. (На башк. яз.). С.70-71.
3. *Ук-хадак* - лук с налучником и колчан со стрелами у конного воина. 4. БНТ. Эпос. Кн.3.С.70.
4. БНТ. Эпос. Кн. 3. С. 70.
5. Там же. С.73.
6. Сура-батыр, служащий при ханах и военачальниках.
7. *Тулпар* - крылатый конь.
8. Киреев А.Н. Башкирское народное творчество: Учебное пособие. Уфа, 1982 (на башк. яз.).
9. БНТ. Эпос. Кн. 3. С. 69.
10. Там же. С. 72.
11. Там же. С. 71.
12. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 году. Ч. 2. СПб., 1802. С. 113-114.
13. Бадмаева Т.Б. Калмыцкие танцы и их терминология. Элиста, 1992. С. 8.
14. Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992. С. 148.
15. Сагитов М. Древние башкирские кубаиры. Уфа, 1987 (На башк. яз.). С. 15-16.
16. Киреев А.Н. Указ. соч. С. 91,112.
17. Васильков Я.В. Арийско-финно-угорские параллели в сфере заупокойного ритуала // Изучение культурного наследия Востока. СПб., 1999. С. 21.
18. Юсупов Р.М. Краниология башкир. Л., 1989. С. 56-57.
19. Кондратьев М.Г. Музыкальные особенности народной песни // Чувашская народная поэзия. Чебоксары, 1990.
20. БНТ. Эпос. Кн.3. Указ. соч. С. 78.
21. БНТ. Обрядовый фольклор. Т. 1. Сост., авторы предисл. и коммент. А. Сулейманов и Р. Султангареева. Уфа, 1995 (на башк. яз.). С. 368.
22. Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. Отв. ред. И.С. Гурвич. М., 1980. С. 93.
23. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990. С. 166.
24. Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II вв.н.э. М., 1979. С. 275.
25. БНТ. Эпос. Кн.2 /Сост., автор вступ. статьи и коммент. М.М. Сагитов. Уфа, 1973. (На башк. яз.). С. 77.
26. Васильков Я.В. Указ. соч. С. 21.
27. Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1967. С. 374.

ББК 83.3 (2 РОС=КАЛМ)

ПОРТРЕТ СТАРОЙ КАЛМЫЧКИ В АСПЕКТЕ ИМАГОЛОГИИ: ЛИРИКА МИХАИЛА ХОНИНОВА

Р.М. Ханинова

Статья посвящена анализу образа старой калмычки в лирике Михаила Ханинова в контексте калмыцкой культуры.

Ключевые слова: образ, стихотворение, лирика, поэт, диалог, трубка, старая калмычка.

The article is devoted to the analysis of the figure of old Kalmyk woman in the lyric poetry of Mikhail Khoninov in the context of Kalmyk culture.

Keywords: figure, verse, lyric poetry, poet, dialog, pipe, old Kalmyk woman.

Имагология как средство познания особенностей художественного творчества и интерпретации текста в инонациональном поле перспективна в плане возрождения национальных культур России и в сравнительно-сопоставительном изучении литератур народов России и мира. Это «исследование в литературе образа другой страны, образа инонациональной культуры, объяснение его происхождения и влияния» видит своей задачей прежде всего «концентрацию на функции, вызывающей модификации национальных ауто- и гетероимиджей в процессе литературного восприятия» [1]. Диалектическая связь ауто- и гетероимиджей проявляется в том, что они «взаимно объясняют друг друга: “свое” определяется из контраста с “другим”, “другое” познается как “не свое” или “чужое”» [2].

Так, в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкин, описывая степное семейство в кибитке, обратил внимание на «чужое»: «Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, курия табак. <...> Она подала мне свою трубку и стала завтракать...» (курсив везде наш. - Р.Х.) [3]. В этом эпизоде западный славист Лора Трубецкая, анализируя образы тела в пушкинском тексте, идентифицировала «своеобразное смешение половых различий»: «...уже в начале путешествия молодая калмычка нарушает привычные стереотипы» [4]. Ср. также женский портрет в пушкинском послании «Калмычке», построенный по принципу «свое» и «чужое» («Ты не лепечешь по-французски / Ты шелком не сжимаешь ног...» и т. д.). При этом поэт-путешественник не считал необходимым ввести такую этнографическую деталь, как курение трубки, свидетелем чему был сам. Поль Клаваль утверждал, что до XIX в. в путевых дневниках, заметках, письмах и мемуарах запахи упоминаются крайне редко в связи с тем, что человек ориентируется в пространстве с помощью зрения, а слух и обоняние играют вспомогательную роль: люди, в самом

деле, рассказывают сначала, что видели во время поездки, затем - о том, что чувствовали, и восприятие запахов сливается с оценкой пространства, людей, событий [5].

В то же время в лицейском стихотворении - «Красавица, которая нюхала табак», - не опубликованном при жизни Пушкина, но отредактированном им в 1925 г., юный поэт был удивлен странной во вкусе переменной милой Климены: «Ты любишь обонять не утренний цветок, / А вредную траву зелену, / Искусством превращенну / В пушистый порошок!» [6]. Он полагает, что это приличествует седому профессору («пускай <...> табак толченый / Пухает в длинный нос иссохшейся рукой»), молодому драгуну, который «из трубки пенковой дым гонит сероватый», красавице шестидесяти лет, которая «с верным табаком печали забывает», но не юной прелестнице [7]. Эротическая проказа влюбленного поэта остроумна в желании обратиться в табак, чтобы нежные персты Климены рассыпали его «на грудь под шелковый платок / И даже... может быть...»: «Но что! мечта пустая. / Не будет этого никак. / Судьба завистливая, злая! / Ах, отчего я не табак!..» [8]. Можно сказать, что «запах скорее расстраивает контакты, чем организует их» [9]. Р. Кирсанова объясняла появление этой женской привычки в русском обществе тем, что многочасовые празднества так часто заканчивались обмороками, что понадобилось более сильное средство, чем кельнская вода, - табак. «Он отнюдь не напоминал запах современной сигары или сигареты: в состав нюхательного табака могли входить очень сложные соединения сушеных листьев душистых растений - но табачных листьев в нем могло не быть совсем. <...> Духи же стали широко использовать лишь к середине XIX века» [10]. В этом пушкинском стихотворении женщины нюхают табак, мужчины, кроме того, курят трубку. Смысловая нагрузка в акте коммуникации неконтролируемых ольфак-

торных феноменов (*запах одежды собеседника, его табака*) сводится к тому, что, с точки зрения общественных приличий, человеческому телу лучше вообще не источать бесконтрольных запахов. Д. Захарьин привел показательный пример либеральной щепетильности императрицы Екатерины II, которая стала нюхать табак левой рукой, поскольку правую руку подавала для придворного поцелуя и находила *«непристойным всех душить табаком»* [10].

В национальном сознании образ калмычки прошлых веков атрибутирован курительной трубкой в руке или во рту, кисетом с табаком у пояса (табак также нюхали и жевали). Устойчивость традиции женского курения очевидна и в адресации изделия: были мужские и женские трубки, не говоря уже о «фирменных» (персональных) отличиях мастеров. «Мастера по дереву делали трубки с длинными мундштуками из дуба и клена и украшали их серебром, - сообщал в «Золотом роднике» писатель Константин Эрендженов. Все детали были сделаны предусмотрительно, в особенности - металлический трубоочиститель и металлическая крышка, которой закрывали трубку во время курения, чтобы не вызвать пожара. Все соответствовало своему назначению» [12]. Автор подчеркнул, что «курили трубку пожилые мужчины и женщины» [13].

Это - трубка мира, знакомящая с одной из традиций калмыцкой культуры, когда раньше женщине полагалось для гостя раскурить трубку и подать ему в знак уважения. Этот ритуал есть и в свадебном обряде: невеста «в конце пира <...> угощает присутствующих табаком, а именно приготовляет и подает каждому трубку (кганза)» [14]. Равным образом это делалось для старшего поколения родни, что входило в обязанности невестки. В калмыцких фольклорных песнях есть упоминание женской трубки. Так, в «Песне-прощании матери с дочерью» вещь становится средством самоуспокоения: «Ты пей свой красный чай, / Сны детства - до зари. / *Взгрустнется невзначай - / Ты трубку закури*»; в «Свадебной» поется: «*Хоть и будешь привычную трубку курить, / Позабудь беззаботный сон*» [15]. В исторической легенде «Маньчжурский лук» в эпизоде перекочевки калмыцких улусов из России в Китай у нойона Шеаренга казахи похитили невесту. «Он погнался за ними на чужом коне, но не смог догнать и, *подобрав оброненную курительную трубку своей девушки*, вернулся в печали. Шеаренг сложил грустную песню о ней, о своей верной Джанжушке:

*- Твоя серебристая трубка
В дорожной пыли затерялась.
Милая девушка Джанжушка
Попала к коварным казахам...»*
[16]

В повести В. Хлебникова «Есир» (1918-1919) астраханская калмычка показана без трубки рядом с отцом: «Она помнила, что девушка должна быть *чистой, как рыба чешуя, и тихой, как степной дым...*» [17]. Для Хлебникова, родившегося в калмыцкой степи, важна семантика этого дыма. Это и кизячный дым костра, и ассоциативно - дым девичьей трубки. Но, как и А.С. Пушкин, он не счел необходимым ввести в текст такую экзотическую деталь [18]. Между тем, как писал в этнографических заметках И. Житецкий, с трудами которого был знаком автор «Есира», «трубка составляет *неотъемлемую принадлежность женских вещей*» [19].

В лирике Михаила Хонинова (1919 - 1981) стихотворения «Наши бабки курили трубки», «Пока бабушка раскуривала трубку» в самих названиях манифестируют заявленную тему [20]. В семейном архиве М.В. Хонинова, кстати, хранится калмыцкая мужская трубка, отделанная серебром, хотя сам он никогда не курил трубку, а также есть его фотопортрет с трубкой в руке.

«Наши бабки курили трубки» в переводе Николая Поливина (1966) всегда отмечалось как одно из лучших хониновских творений [14]. Последующая редакция перевода была незначительной («Псы печально во тьме скулили, / Там, где шастал голод-медведь <...> Высекало время морщины, / Прибавляло время заплат...») [21].

Любопытна в этом плане переключка «своего / чужого» в восприятии хониновского текста московскими писателями. Поэт Анисим Кронгауз, принимая участие в Днях калмыцкой литературы в Москве в октябре 1967 года, признался: «...должен сказать, что стихотворение «Наши бабки курили трубки» мне *навсегда запало в память, хотя я никогда не видел бабок, которые курили трубки.* <...> Это яркий поэт, судя по его лучшим стихам» [22]. Поэту Ярославу Смелякову принадлежит одна из прозорливых высоких оценок творчества калмыцкого поэта: «Вот и переводы Поливина “Дед вручил мне старую подкову” или “Наши бабки курили трубки”. Это все те же темы, но тут автор находит *свое отношение.* А иначе поэзия не нужна. Она нужна только тогда, *когда останавливает ваше внимание*» [23]. Это же произведение тогда же отметил

В. Гончаров: «Очень хорошее стихотворение “Наши бабки курили трубки” в переводе Поливиной» [24]. Для М. Скуратова важен общий аспект хониновской темы: «Поэт подумал и о преемственности поколений, о бабках, которые “курили трубки”» [25].

По мнению литературоведа З. Килгановой, знакомой с калмыцкой историей и культурой, это стихотворение актуализирует социокультурный аспект жизни степнячек, когда «единственным утешением для них были трубки» [26]. Д. Чирова-астраханца то же произведение «*потрясает неожиданностью того ответа на вопрос, что сам по себе возникает из заглавия: в самом деле, почему наши бабки курили трубки?* Разглядеть же то, что разглядел в этой привычке калмыцких старух М. Хонинов, дано только поэту:

Зажигали бабушки трубки -
Для избытшей души костры!»
[27].

Главное из отличий перечисленных хониновских произведений - не только в позиционировании «калмычки с трубкой» с женщиной старшего поколения, с бабушкой, но и в неизменной автобиографичности, придающей этой теме личностный характер, теплоту воспоминания о родном человеке.

Интересен прием экфрасиса в стихотворении М. Хонинова «Пока бабушка раскуривала трубку» (1972, пер. О. Шестинского). Два внука, увлекшись рассматриванием рисунков со степным пейзажем (курган, речка, два озера, отара овец, чабан), обращают внимание на то, что «нет на рисунках *трубки нигде прокопченной...*» [28]. То есть, с одной стороны, современный художник не вводит такой этнографический элемент, с другой - мотив узнавания привычного образа этнической жизни не фокусирует обязательного атрибута - бабушкиной трубки.

Старая калмычка, которая «трубку набила, присела у печки, / Дым выдыхает, сверху пускает колечки», слыша ребячьи разговоры, «трубку <...>, улыбаясь, гасит и прячет» [29]. В контексте повествования читателю понятна эта реакция: улыбка (довольна наблюдательностью внуков) и действие (гасит и *прячет*). Бабушка мудро переключает детское внимание приглашением на прогулку: « - Ну, собирайтесь! - / И с нею идут мальчуганы / В степь, где на тоненьких ножках алеют тюльпаны» [30]. Внуки малы для табачной привычки, а объяснения о тяжелой женской доле в старину не встретят у них, современных малышей, должного понимания.

В стихотворении «Портрет калмычки» в переводе А. Николаева (1974) автор, друживший со многими калмыцкими мастерами кисти и резца и посещавший их мастерские и вернисажи, воспроизводит одну из таких встреч с картиной «Калмычка с трубкой» (на самом деле вымышленной). Всмотриваясь в полотно, в котором «все знакомо: солнце, степь и ветер», лирический герой маркирует узнаваемость *калмыцкой* трубки. Авторская мысль далее разворачивается в раскрытии тезиса: «Все зрители увидели в портрете / знакомый и родной оригинал» [31]. Ожидаемый прием - узнавание калмыцкими посетителями выставки в бабушке, изображенной в кибитке после чаепития, своего, близкого человека, - психологичен своим полилогом. В ответ на восклицание тракториста («Да это же, гляди, моя бабуся!») девочка, с трудом разбирая подпись на картине, решительно возражает: «Нет, бабушку свою я не отдам!» [32]. Студентка по своему подхватывает услышанное: «Узнала по кибитке, и по трубке, и по лицу / я бабушку свою» [33].

Казалось бы, теперь и лирический герой должен воскликнуть что-либо подобное в утверждении знакомого прототипа в портрете художника. Однако он решает спор своеобразно, обращаясь к создателю через книгу отзывов: «Я бабушку узнал. / Не помню года, / Когда, художник, были Вы у нас» [34]. Апелляция к памяти творца картины с важной оговоркой («не помню года»), но с убежденностью («были Вы у нас») подкреплена почтительным местоимением «Вы» с заглавной буквы. Это местоимение - знак тождества оригинала и его изображения художником, подтвержденный очевидцем. Следовательно, свидетельство каждого из зрителей становится доказательством подлинности явления - «Калмычка с трубкой» - в мастерстве обобщения.

В главном стихотворении этой лирической «трилогии» «Наши бабки курили трубки» идентификация трубки старой калмычки перерастает во взволнованный гимн поэту старшему поколению. «Наши бабки курили трубки, / Были с виду грубы, но добры...» [35]. Прямо не оговариваемая, но подразумеваемая маскулинность, коррелирующая с курением, тем более трубки - мужской прерогативой в европейском сознании («были с виду грубы»), смягчается начальной констатацией факта («добры») и сразу вносит гендерный и этнический мотивы. Дальнейшее описание в далеком прошлом жизни неумной труженицы, многодетной матери («от работы вспухшие руки столько вынынчи-

ли детворы!») включает генетический код поколения: «Наши бабушки долго жили - / Было некогда им болеть» [36]. «Хрупкие крылья радости» и «острые когти невзгод» не позволяли калмыцким бабушкам справлять «годовщины свадьбы, родов и прочих дат», но обязывали, в свою очередь, в нравственном императиве способствовать продолжению рода и жизни: «Зажигали бабушки трубки - / Для изыбшей души костры!» [37]. И тогда «отступали злые метели / От горящих в ночи костров, / Когда в юртах стелили постели / Наши бабушки для сынов...» [38]. Неслучайно обобщение «бабушки», национальное в семантике определение «наши» и дополнение «для сынов»: фамильная цепочка «мать - сын» в авторском мироощущении определяет доминанту корневого, начального, заглавного.

На первый взгляд, кажется странным, что в этом двучлене отсутствует третий - мужчина (дед - отец - муж). Но в народной педагогике матримониальность напрямую связывала мать и детей. В трехступенчатой иерархии (бабушка - мать - жена) женское начало в жизни мужчины (дед - отец - сын) было определяющим в сохранении домашнего очага, семьи, рода, народа, человечества. Эта преемственность (три поколения под одной крышей - верхним кругом кибитки) обуславливала нерушимый авторитет жизнеутверждающего женского универсума, где костер души, огня, трубки образовывал устойчивую солярную символику круга бытия.

В центральном локусе - в хронотопе стихотворения (юрта / кибитка) отразилась «психокосмограмма» этноса, в номадической культуре которого центрическая планировка жилища была прообразом мира, определяя единство человека и природы в тюрко-монгольском представлении. Очаг огня - круглый дымоход - круглая кибитка повторяли геометрическую фигуру Земли, Солнца, купола степного Неба, соединяя почву - жилище - воздух, горизонталь - с вертикалью через человека, плоть и дух - в бренном и вечном, в профанном и сакральном.

Ольфакторные стереотипы жизни кочевых народов проявились в терпимости к низким, профанным запахам. Поэтому показательно, что ни в одном из анализируемых стихотворений калмыцких авторов нет ольфакторной агрессии, культурной репрессии в отношении табака в любом виде; кроме того, то же жевание табака преследовало гигиенические цели: антисептическое средство, само же курение, скорее всего, стало психотерапи-

ей, будучи наркотическим компонентом.

В «Портрете калмычки» М. Хонинова одорический образ («дым трубки и приятен нам и вкусен»), несомненно, корреспондирует с грибоедовским («И дым отечества нам сладок и приятен»).

«Из сравнительно невинных страстей следует отметить сильно развитую привычку табакокурения, которому предаются положительно все калмыки от мала и до велика, - писал русский этнограф в конце XIX в. - Если нет табаку, то сосут чубук. Женщины курят гораздо более мужчин...» [39]. По нашему мнению, такое инонациональное бытовое поведение побудило русского переводчика найти объяснение «чужому» в заключительном обобщении (трубки как костры для изыбшей души), то, чего нет в оригинале стихотворения М. Хонинова, но что, конечно, подразумевается в подлиннике.

Как известно, «в процессе художественного перевода и в созданном переводчиком тексте “встречаются”, соприкасаются и взаимодействуют не только два разных языка, но и две разные национальные (этнические) культуры: культура, к которой принадлежит данное оригинальное художественное произведение, и культура, к которой относится переводное произведение. Созданное на другом (целевом) языке, оно естественным образом будет отражать соответствующую национальную культуру; ее “присутствие” в нем обязательно, что обусловлено органической связью языка и культуры. Без этого переводной текст не может войти в ряд литературных произведений принимающей культуры. Сложность миссии переводчика заключается в том, что, не отрываясь от родного языка и своей культуры, он может донести до читателя существенные элементы и другой, “чужой” культуры, отраженные в исходном языке и оригинальном художественном тексте» [40].

В оригинале анализируемого стихотворения М. Хонинова «Мана ээжнр ханз татдм» (1966) насчитывается 60 строк (без заглавия) [41], в переводе осталось 26 (без заглавия). Поскольку подстрочник был сделан, как всегда, автором, думается, что здесь есть несколько причин такого «усечения» объема и содержания, наконец, изменения заглавия (из настоящего времени - в прошедшее: «Наши бабушки курят трубки» - «Наши бабки курили трубки»). Во-первых, это ранний пример как совместного творчества Хонинова и Поливина, ставшего одним из постоянных переводчиков поэта, так и начального выхода калмыц-

кого автора к русскоязычному - всесоюзному - читателю. Во-вторых, особенности перевода национальных литератур сопряжены были с презентацией «чужого» менталитета, истории, культуры, традиций, часто непонятных и не востребуемых в силу определенных социокультурных ориентиров. Таким образом, дозировалось то, что казалось якобы неудобным, неуместным, неинтересным т.н. широкому, т.е. русскоязычному читателю. В-третьих, национальному автору приходилось считаться с издательской политикой, переводческой стратегией, иногда идя на компромисс (в иных случаях плодотворный) с обстоятельствами.

Предпринятый нами перевод стихотворения «Наши бабушки курят трубки» (2007) - дань наказу автора-отца дочери-переводчику, кроме того, это очередная наша попытка привнести в переводческую практику произведений М. Хонинова современный взгляд, использовать новые подходы с учетом ментальной сущности переводчика [42]. См. наши переводы поэм «Почему у Совы нет ноздрей», «Сказание о калмычке», «Чигян - пища мира», «Мой путь», а также лирики [43].

В нашем переводе тоже не соблюден объем оригинала: 98 строк против 61-ой строки. Мы стремились максимально использовать все возможности для своеобразного синтеза элементов двух контактирующих национальных (этнических) культур, передать соотношение текстов, а не языковых структур, усилить культурологический аспект художественного перевода. Нам представляется принципиальным сохранение настоящего времени глагола в названии исходного текста. Прошедшее время глагола «курили» должно было, вероятно, по мысли переводчика, подчеркнуть отдаленность событий кочевой старины, отошедшую в прошлое привычку (курение трубки), что, разумеется, имело место в действительности. Но, на наш взгляд, не учитывалась при этом философия стихотворения: трубка - огонь - Человек - Солнце - Вселенная.

Наши бабушки нашим же детям
Незнакомы, как старый рассказ:
Знают, видят, но все же неведом
День их жизни длиной в долгий сказ.
Удивятся и внучки, и внуки,
Сколько в книге такой есть страниц,
Полистаем их вместе без скуки,
Почитаем без глав и границ.

Поднимались все бабушки рано,
Даже жаворонок досыпал,

И спешили к коровам - чигяна¹
Вдоволь надо, чтоб вновь созрел;
И взбивали тут масло мутовкой,
И лепили кизяк для огня,
С таганом обращались так ловко,
Между тем свою трубку куря.
Внуков нянчили не на ладони,
А, как водится встарь, на бедре:
Вот достанут их руки поводья
Аранзала - и быть им в седле.
Были бабушки роду опора,
Мудрость предков вошла в плоть и в кровь:
«Все плохое - проходит скоро,
Если есть почет и любовь».
Было стыдно им обижаться
На судьбу и несчастья свои,
В горе скромно привыкли держаться,
В семьях молча старели они.
Дочек бабушки с детства учили
Ремеслу кочевого житья,
Чтобы девочки получили
Эстафету земного добра.
Если за день они приседали,
Из-за пазухи трубку беря,
Дым густой голубыми клубами
Закрывал там оркó² погода.
Чай невестки им подносили -
Ароматный калмыцкий с огня -
И, йорял³ всем сказав, они пили:
Как лекарство им в бодрость джомба⁴.
Шерсть они терпеливо чесали -
Пахло потом овечьим вокруг, -
Пряли нить они позже часами,
И клубок обретал новый круг.
Сыновьям своим пищу готовя,
Наши бабушки знали в ней толк:
Псы шумели, почуяв застолье,
За кибиткой, умножив свой долг.
Скотоводам в степи был отрадой
Материнский вкуснейший привет;
Ради этого бабушкам надо
Поддержать в очаге пыл и свет:
И без усталости тесто месили -
Сковородке никак не остыть,
Чай в пиалы с улыбкою лили -
Поварешке в кочевке все быть.
Наши бабушки войлок катали,
Ширдык⁵ будут всем, чтобы сесть,
Чтобы спали спокойно и знали:

¹ Чигян – кисломолочный напиток.

² Оркó – верхнее отверстие кибитки.

³ Йорял – благопожелание.

⁴ Джомба – калмыцкий чай лучшего приготовления.

⁵ Ширдык – войлок, шитый в два слоя и украшенный орнаментом.

Шерсть овечья, как мать, - оберег.
В гости бабушки редко ходили:
Далеко за хотóном хотон⁶.
Даже времени их уступили
И болезни, и хвори, и стон.
Поздним вечером все ж отдыхали
Наши бабушки, трубку достав;
Трубку ту серебром украшали
Мастера в старину на заказ.
«Жили-были...», - когда начинали
Наши бабушки сказку, тогда
Собирались в кибитке и знали,
Что потом будут хур⁷ и домбра.
И в руках у них пели так тонко
Струны хура, как матери плач,
Отказавшейся от верблюжонка
И безжалостной, словно палач.
Когда бабушки всем для веселья
Подбирали домбровый мотив,
Руки-ноги плясали донельзя,
За «Хадри́сом» «Хадри́с!»⁸ подхватив!..

Наши бабушки были такими.
За собой они время ведут,
Завтра внуки их встанут за ними,
Завещанье тогда сберегут:
Чтобы помыслам впредь быть большими,
Только чистыми, как молоко,
Наши бабушки нам сохранили
Сокровенную данность легко.
Жить по чести не тягость им - благо,
Их сокровища - род и страна.
Жаль, седеют они очень рано,
Их морщины хранят имена...

Не шумите же, правнуки!.. Снова
Наши бабушки в трубку табак
Набивают задумчиво, словно
После долгой дороги в запас.
[44]

Стихотворение М. Хонинова «Наши бабушки курят трубки» - это степная энциклопедия жизни калмычки, поэтическая этнопедагогика, утверждение бессмертия материнского начала, задушевный разговор с современником и обращение к потомкам.

Трубка «не просто вещь, а вещь высоко одухотворенная», - заметил Илья Эренбург, автор книги новелл «Тринадцать трубок» (1922). - Изгрызанная, обкуренная, она пред-

⁶ Хотон – поселение из нескольких кибиток.

⁷ Хур – 2-струнный смычковый инструмент.

⁸ Хадри́с – возглас одобрения во время исполнения танца.

ставляет из себя жизнь человека, летопись его разноликих страстей, ибо в дереве, в глине или в камне таится след человеческого дыхания. Дых. Дух. Душа. (Задумчивость)» [45]. Свое предисловие к книге русский писатель заключил обращением: «Если читатель, прочитав эту книгу, закурит трубку и предастся раздумиям, как высока и трудна любовь, как быстро проходят годы, как развеивается дым надежд и холодеет пепел воспоминаний, если он, мерно дыша в трубку, предастся, дыша, душе - прилежный труд июньских досугов автора будет оправдан» [46]. Вероятно, подобное предисловие мог написать к своему творению и калмыцкий поэт. Заметим, в записной книжке М. Хонинова есть позднее уточнение: «Наши бабки раньше курили трубки часто, а теперь не расстаются с другой трубкой... телефонной» (из семейного архива М.В. Хонинова).

В очерках В.В. Овечкина «Районные будни» (1952-1956) неженственность героини маркирована деталью: курила как калмычка. Можно согласиться с современным исследователем, предположившим, что «интерпретация произведения инонациональной аудиторией происходит в форме “ассоциативных представлений и чувств” читателей, которые группируются вокруг “стержня” произведения, заданного художником. Актуальным становится вопрос о возможностях автора предвидеть спектр ассоциативных представлений, которые его произведение способно породить у инонациональной аудитории» [47].

В современном изобразительном искусстве портрет старой калмычки с трубкой на гравюре «Вдова чабана» Д. Санджиева, по нашему мнению, является превосходной иллюстрацией произведения М. Хонинова. Искусствоведы единодушны («Курящая трубку старуха, верхом на лошади - реальный символ прошлого»), отмечая, что в серии художника «высвеченными оказываются отдельные моменты жизни, причем моменты общезначимые и поэтому не требующие конкретных расшифровок и уточнений», что это «повествование эпическое, но обращено оно не столько в прошлое, сколько в будущее, говоря со зрителем на языке искусства XX века» [48].

Бабушка, словно пересекающая границы Времени и Пространства, - наследница кочевой культуры предков. В развернутости ее фигуры к зрителю, думается, есть мотив открытости общения, диалога, встречи. Жи-

вописное воплощение архетипа матери в творчестве М. Хонинова («Сказание о закопченном тагане», «Мамина песнь об огне», «Когда плывут облака...» и др.) можно увидеть, глядя на картину Г. Рокчинского «Мать - земля родная». Там у старой женщины нет трубки; и во многих произведениях писателя, посвященных матери, нигде нет упоминания о такой вещи, возможно, это связано с биографическим фактом.

Итак, в авторских интенциях заметна роль гендерного аспекта в идентификации образа калмычки с трубкой: художественная интуиция определяет женскую модель через этнический, этический и историко-культурный компоненты, актуализируя тем самым своеобразие национальной философии бытия в искусстве слова.

При этом существенна роль переводчика в диалоге народов, взаимодействии культур при сохранении своей идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миры образов - образы мира. Справочник по имагологии. Пер. с нем. 2-е изд., доп. Волгоград, 2003. С. 28.
2. Там же. С. 60.
3. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1981. С. 60.
4. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1981. VII. С. 699.
5. Трубецкая Л. Образы тела в «Путешествии в Арзрум» А.С. Пушкина // Тело в русской культуре: Сборник статей / Сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 258.
6. Строев А. Чем пахнет чужая земля // Ароматы и запахи в культуре. Сост. О.Б. Вайнштейн. Книга 2. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 77-78.
7. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1981. I. С. 33.
8. Там же. С. 33-34
9. Там же. С. 33-34
10. Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Ароматы и запахи и в культуре. Сост. О.Б. Вайнштейн. Книга 2. М.: Новое литературное обозрение, 2003. I. С. 280.
11. Кирсанова Р. Аромат родного дома и запах счастья // Ароматы и запахи в культуре. Сост. О.Б. Вайнштейн. Книга 2. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 276.
12. Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Ароматы и запахи и в культуре. Сост. О.Б. Вайнштейн. Книга 2. - М.: Новое литературное обозрение, 2003. I. С. 281, 297.
13. Эрендженов К.Э. Золотой родник: о калмыцком народном творчестве, ремеслах и быте / Пер. с калм. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. С. 46.
14. Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков: Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. М., 1893. С. 22.
15. Калмыцкое устное народное творчество / Сост. Н.Ц. Биткеев. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007;
16. Народное творчество Калмыкии / Сост. И. Кравченко. Сталинград - Элиста: Областное книгоиздательство, 1940. С. 141.
17. Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания / Сост., пер., вступ. ст., коммент. Д.Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 55.
18. Чиров Д. Грани любви. Творческий портрет Михаила Хонинова // Теегин герл. 2003. № 4. С. 114-128; № 5. С. 108-128. (Окончание). См. также: Чиров Д.Т. Грани любви: Творческий портрет Михаила Хонинова. Учеб. пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. Текст парал. рус., калм.
19. Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков: Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. М., 1893. С. 13.
20. См. наши статьи: Ханинова Р.М. «Наши бабки курили трубки...»: образ калмычки в лирике Боси Сангаджиевой и Михаила Хонинова // Элистинская панорама. 2004. 9 сент. С. 15; Подробнее: Хальмг үнн. 2005. 13 июля. С. 2; Проблемы этнолингвистики и этнопедагогики в контексте региональных исследований: Материалы Всероссийской научной конференции. Славянск-на-Кубани, 2005. С. 28-33.
21. Хонинов М.В. Подкова: стихи и поэма / Пер. с калм. М.: Современник, 1977.
22. Неделя калмыцкой литературы в Москве // Теегин герл. - 1967. № 2. С. 46-67.
23. Там же. С. 51.
24. Там же. С. 57.
25. Там же. С. 60.
26. Килганова З. Поэты и время. Статьи о калмыцкой поэзии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. С. 106.
27. Чиров Д. Грани любви. Творческий портрет Михаила Хонинова // Теегин герл. - 2003. № 4. С. 114-128; № 5. С. 108-128. (Окончание). См. также: Чиров Д.Т. Грани любви: Творческий портрет Михаила Хонинова. Учеб. пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. Текст парал. рус., калм. С. 120.

28. Хонинов М.В. Все начинается с дороги: стихи и поэма / Пер. с калм. - М.: Современник, 1972. С. 53.
29. Там же. С. 53.
30. Там же. С. 53.
31. Хонинов М.В. Орлы над степью: стихи / Пер. с калм. - М.: Сов. писатель, 1974. С. 45.
32. Там же. С. 46.
33. Там же. С. 46.
34. Там же. С. 46.
35. Хонинов М.В. Гимн человеку: стихи / Пер. с калм. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. С. 54.
36. Хонинов М.В. Гимн человеку: стихи / Пер. с калм. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. С. 54.
37. Там же. С. 55.
38. Там же. С. 54.
39. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1998. С. 59.
40. Смирнов Л.Н. Отражение взаимодействия культур в художественном переводе // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002. С. 380.
41. Хоньна Михаил. Мана ээжнр һанз татдм // Хоньна Михаил. Цаһан-Нуурин айсмуд. Элст: Хальмг дегрт һарһач, 1966. С. 34-36.
42. Хонинов М. Наши бабушки курят трубки / Пер. Р. Ханиновой // Теегин герл. 2008. № 1. С. 44-46.
43. Хонинов М.В, Ханинова Р.М. Час речи: стихи и поэмы. Элиста, 2002; Хонинов М. Чиган - пища мира. Поэма // Хальмг үнн. 2005. 21 июля. С. 15; То же: Теегин герл. 2006. № 1. С. 10-13; 2-й вариант перевода: Ханинова Р.М., Ханинова Э.М. Этнопедагогическое и этнокультурное наследие в творчестве Михаила Хонинова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. С. 191-197; Хонинов М. Мой путь. Поэма // Хальмг үнн. 2006. 29 нояб. - С. 3; То же: Теегин герл. 2007. № 6. С. 90-94; Окончание: № 7. С. 49-54.
44. См.: Ханинова, Р.М. Калмыцкий компонент в «Есире» В. Хлебникова: мифопоэтика и культура // Творчество В. Хлебникова и русская Литература Материалы Международных XI Хлебниковских чтений. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2005. С. 281-286; Она же: Калмыцкий компонент в творчестве В. Хлебникова // Творчество Велимира Хлебникова и русская литература XX века: поэтика, текстология, традиции. Материалы X междунар. Хлебниковских чтений. Астрахань, 2008. С. 316-319.
45. Хонинов М.В. Орлы над степью: стихи / Пер. с калм. М.: Сов. писатель, 1974.
46. Эренбург И. Необычайные похождения: проза. - СПб.: Кристалл, 2001.
47. Маликова Т.А. Имагология как средство познания особенностей художественного творчества и интерпретации текста в инонациональном поле // Русская литература XX-XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Второй Международной научной конференции: 16-17 ноября 2006 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 337-339.
48. Графика Дмитрия Санджиева // [Электронный ресурс] <http://69.90.67.194/hayhill/docs/sandjie3.htm>

РЕЦЕНЗИИ

ББК 83.3 (5)

НОВАЯ КНИГА О МОНГОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
Л.К. Герасимович. Монгольская литература XIII - начала XX вв.
Элиста, 2006, 361 стр. ISBN 5-94587-053-9

Лызжима Халоупкова

Рецензия посвящена анализу книги о монгольской литературе, написанной известным монголоведом Л.И. Герасимович. Автор даёт краткое описание содержания рецензируемого труда.

Ключевые слова: монгольская литература, переводы, автор, тибетский язык, шаманские тексты, буддизм.

The review is devoted to the book about the Mongolian literature written by famous mongolist L. Gerasimovich. The author gives a short description of the contents of the reviewed work.

Keywords: Mongolian literature, translations, author, Tibetan language, shamanic texts, Buddhism.

В юбилейном году празднования 800-летия образования монгольского государства вышла новая книга профессора Л.К. Герасимович, которая посвящена монгольской литературе XIII - начала XX вв. Профессор Герасимович Л.К. - автор статей и книг, посвященных современной монгольской литературе; многие годы работала заведующей кафедры монгольской филологии ЛГУ и преподавала монгольскую литературу (1953-1999 гг.). Ее первая монография «*Литература Монгольской Народной Республики*» (1921-1964) была переведена на английский язык в 1970 г. Вторая книга, в которой рассматривается период 1965-1985 гг., была издана в 1991 г. Ее докторская диссертация, посвященная экспериментально-фонетическим исследованиям монгольского стихосложения, была опубликована в 1975 году.

Книга Л.К. Герасимович имеет 7 глав. Первая глава посвящена творчеству известных русских монголоведов, таких как А.М. Позднеев (1851-1920), Б.Я. Владимирцов (1884-1931), С.А. Козин (1879-1956), которые занимались памятниками монгольской письменности и переводили легенды и эпические повествования. Автор, к примеру, рассматривает труды академика С.А. Козина, который перевел «Сокровенное сказание», «Гесериаду» и «Джангариаду». Профессор Герасимович далее пишет об изучении монгольской литературы в Монголии (Ц. Дамдинсурэн, Б. Ринчэн, Ш. Гаадамба, Д. Цэрэнсодном, Л. Хурэлбаатар и др.), на Западе (П. Пеллио, Э. Хэниш, Л. Лигети, П. Поуха, Ф.В. Клифс, В. Хайсиг и др.) и на Востоке (Рагху Вира, Л. Чандра, Т. Кобаяши, Ш. Ивamuра, Ш. Хаттори и др.).

Вторая глава посвящена литературе XIII-

XIV веков. Автор освещает историю возникновения «Сокровенного сказания» (1240 г.), анализирует поэтические средства и главные персонажи этой хроники, которая является и литературным, и историческим памятником. Далее в этой главе рассматриваются легенды и повествования XIII-XIV веков: Поучения Чингис-хана и «Ключ разума», «Шастра о мудром мальчике-сироте и девяти сподвижниках Чингис-хана», «Легенда о победе над тремястами тайчиудцами», «Легенда об Аргасун хорчи», «Повесть о двух скакунах Чингис-хана», «Надпись на бересте», «Плач Тогон Тэмюра» и т.д.

Третья глава посвящена переводной литературе XIII-XIV вв. В Монголии в этот период познакомились с конфуцианской и буддийской литературой, а также персидскими авторами, писавшими о монгольских ханах. Чойжи-Одсэр (1250-1320) был известным поэтом и переводчиком, который перевел на монгольский язык буддийские сутры, такие как «Бодичария аватара» (1305), «Банзрагч» (1308), написал обширный комментарий к «Бодичария аватаре» (1312), «Восхваления Махакале» и «Двенадцать деяний Будды» и т.д. «Драгоценная сокровищница изящных речений» («Субашид») Сакья-пандиты Гунгажалцана (1182-1251), по мнению автора монографии, была переведена с тибетского на монгольский язык Соном-Гарой в конце XIII или в начале XIV вв.

Четвертая глава посвящена монгольской литературе в XV-XVII вв. В период феодальных смут, с конца XIV в., началось длительное противостояние между восточными и западными феодалами, имели место кровопо-

литные халхасско-ойратские войны. В Монголии очень популярна легенда о мудрой ханше Мандухай и Даян-хане, который объединил Монголию в XV веке. Далее в книге говорится о шаманской литературе и о символах шаманской веры. Здесь приведены такие образцы шаманского фольклора, как жертвоприношение огню, юрте, знамени и другие восхваления. Автор книги констатирует, что шаманская литература «сохранила самый дух художественного мышления древних монголов», в ней полностью отсутствует влияние других литератур. Шаманская литература до сих пор недостаточно изучена даже в самой Монголии. Отдельные шаманские тексты были изданы проф. Б. Ринчэном на Западе в 1975 г.

Пятая глава посвящена монгольской литературе XVII-XVIII вв. Монгольская версия эпоса о Гэсэре была опубликована в Пекине в 1716 г. С тех пор ученые стали заниматься эпосом о Гэсэре, сравнивали разные его версии и вели дискуссии о главных персонажах, сюжете, исторических корнях и влиянии религии. Следующим весьма интересным памятником являются «Надписи на скалах халхасского Цогт-тайджи» (1581-1637), известного литератора, представителя школы Сакьяпа в Монголии. Стихи были вытесаны на скале и сохранились для потомков как образец лирических стихов в Монголии с XVII века. Уратский Мэргэн гэгэн (1717-1766) был талантливым поэтом, писателем и переводчиком во Внутренней Монголии, написал много дидактических стихов, ввел монгольский язык как язык литургии в монастырях Внутренней Монголии. Его полное собрание сочинений издано в пяти томах.

Шестая глава посвящена переводной литературе в XVII - XVIII вв. Монгольский буддийский канон Ганджур был переведен с тибетского на классический монгольский язык в 1629 г. Почти сто лет канон распространялся в рукописных вариантах и потом позже был издан ксилографическим способом в 1717-1720 гг. В Ганджуре имеется 108 томов, напечатанных красной краской (киноварью). Тибетский канон Данджур состоит из 225 томов и более 3400 сочинений, был переведен на классический монгольский язык в 40-е годы XVIII века. В переводе Данджура приняло участие более 200 переводчиков. Перевод Ганджура и Данджура способствовал большому развитию монгольской терминологии, становлению науки. В эти энциклопедические со-

брания включены в основном буддийские тексты, но имеются также словари, грамматики и другие литературные произведения, которые еще недостаточно изучены. Проф. Герасимович в своей книге рассказывает о наиболее популярных произведениях, таких как «Повесть об Эндүүрэл хане», «Повесть о Нарангэрэл», «Биография Нэйж тойна» и «Биография Жанжы» и др. С проникновением буддизма в Монголию появилась монгольская литература, написанная на тибетском языке. Ее авторами были буддийские монахи, которые много лет обучались в Тибете, после возвращения в Монголию основали монастыри и занимались переводческой деятельностью. К ним относятся Өндөр гэгээн Занабазар (1635 -1723), Зая пандита Лувсанпринлэй (1642 -1715), Сумба хамбо Ишбалжир (1704-1788), Цахар гэвш Лувсанцүлтэм (1740-1810), Алашанский Дандар лхарампа (1759-1842) и др.

Седьмая глава посвящена монгольской литературе XIX - начала XX вв. и возникновению новых демократических тенденций в Монголии. В течение более чем 200 лет маньчжурского господства и усиливающегося влияния буддийской церкви в Монголии в народе пробудилось национальное самосознание и возникла оригинальная монгольская литература демократического направления. В это время появились стихи и поучения таких поэтов, как Агваанхайдав (1779-1838), Хуульч Сандаг (1825-1860), Ишданзанванжил (1854-1907), Гэндэн мэйрэн (1820-1882), Гэлэгбалсан (1846-1923) и др. В этом столетии также проявилось влияние китайской литературы на произведения монгольских авторов во Внутренней Монголии. Например, братья Ванчинбалы хорошо знали китайский, монгольский, тибетский и маньчжурский языки и тщательно изучали исторические труды на этих языках. Самым известным писателем Внутренней Монголии был Инжаннаш (1837-1892), который продолжил дело своего отца и закончил начатый им исторический роман о возникновении рода Чингисхана. Роман первоначально должен был иметь 120 глав, однако сохранилось всего 69 глав. Этот большой исторический роман в трех томах был переведен с классического на современный монгольский язык в 2006 г. и стал достоянием многих монгольских читателей. Книга проф. Герасимович заканчивается творчеством Д. Равжаа (1803-1856), который писал свои стихи на монгольском и тибетском языках. Он основал монастыри в Гоби и пер-

вый монгольский театр при монастыре Хама-рын хийд в Гоби.

В конце книги имеется словарь имен и терминов, список сокращений и библиография работ на русском, монгольском и европейских языках, указатель имен и географических названий. Книга предназначена студентам востоковедных вузов и других гуманитарных направлений и всем тем, кто интересуется монгольской литературой. В этом ценном учебнике имеется обзор всех литературных жанров и главных литературных памятников

в Монголии за период более чем 800 лет. В книге цитируются произведения монгольских и западных монголистов. Профессор Л.К. Герасимович перевела отдельные монгольские стихи и благопожелания на русский язык, тем самым донесла аромат степных просторов до современного читателя. Л.К. Герасимович воспитала многих студентов и аспирантов, внесла весомый вклад в мировую монголистику. Ее книги вызывают широкий читательский интерес, приближая к нам шедевры монгольской литературы.

**УЧЕНЫЕ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ КАЛМЫКИИ
(XVII-НАЧАЛО XX ВВ.)**

**Биобиблиографический указатель / Сост. П.Э. Алексеева, Л.Ю. Ланцанова /
Научн. ред. Н.Г. Очирова. Элиста, 2006.- 251 с.**

А.А. Бурыкин, А.М. Решетов

Рецензия интересна дополнительной информацией об исследователях Калмыкии и основывается на материалах библиографического указателя, изданного в Элисте в 2006 г.

Ключевые слова: *библиографический указатель, биография, ученый, исследователь, Калмыкия.*

The review contains a very interesting information about the famous researchers of Kalmykia based on the materials of bibliographical guide published in Elista in 2006.

Keywords: *bibliographical guide, biography, scientist, researcher, Kalmykia.*

Новый биобиблиографический указатель, подготовленный авторским коллективом сотрудников Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, продолжает издание полезных биобиблиографических справочников, освещающих историю изучения истории, этнографии, искусства калмыков и калмыцкого языка. Ранее сотрудниками этого научного учреждения были изданы Биобиблиографический словарь «Ученые Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН» (2001) [1], а также библиографические указатели по джангароведению [2], по калмыцкому фольклору [3], по калмыцкому языкознанию [4] и по истории ойратов и калмыков с древнейших времен до 1917 года [5], пользующиеся большой популярностью у специалистов и ставшие ценным источником научной информации.

Рецензируемый труд включает в себя 82 статьи, представляющие краткие биографические справки о тех ученых, чья деятельность была так или иначе связана с изучением Калмыкии и калмыцкого народа.

Статьи, посвященные биографиям и трудам отдельных ученых, размещены в справочнике по алфавиту. Однако, если придерживаться хронологического порядка в освещении истории изучения Калмыкии и калмыцкого народа в приведенных в книге персоналиях, то, наверное, придется начать с Н. Витсена, выдающегося голландского географа и путешественника. Заметное место по количеству статей и их объему в справочнике занимают статьи, посвященные ученым-энциклопедистам и путешественникам XVIII века - это И.Г. Георги, И.Г. Гмелин, С.Г. Гмелин, Ю. Клапрот, И.И. Лепехин, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, Ф.И. Страленберг, В.Н. Татищев, И.Э. Фишер. Достаточно подробно освещается

деятельность крупнейших ученых XIX столетия, таких, как К.М.Бэр, Г.Е. Грумм-Гржимайло, П.И. Кеппен, И.В. Мушкетов, Г.Н. Потанин, Д.А. Клеменц, Ф. Эрдман. Особое место - и это понятно - в справочнике занимают статьи о классиках и основателях отечественного монголоведения - эта плеяда ученых представлена в справочнике такими именами, как А.А. Бобровников, В.В. Бартольд, К.Ф. Голстунский, О.М. Ковалевский, В.Л. Котвич, Г.И. Рамstedt, А.Д. Руднев, Я.И. Шмидт, и другие. Отраднo, что в новом издании освещена жизнь и научная работа тех ученых, чья судьба по разным причинам оставалась недостаточно известной широкой научной массе - это Б.В. Долбежев, В.А. Рязановский, В.А. Казакевич. Мы уже привыкли к тому, что научная деятельность представителей Русской православной церкви в наши дни получает заслуженную высокую оценку - в рецензируемый справочник вошли статьи о тех деятелях православной церкви, которые внесли большой вклад в развитие русской гуманитарной науки - прежде всего географии, этнографии и истории: это Н.Я. Бичурин (Иакинф), Н.В. Львовский (Мефодий), А.И. Степанов (Гурий). Конечно же, данное издание немислимо без внимания к тем ученым, кто занимался истoрией, языком и культурой калмыков, тем, чьи работы стали в наши дни ценными источниками и и заслужили признание как фундаментальные исследования в области истории и этнографии калмыков - к их числу относятся В.М. Бакунин, Я.П. Дуброва, И.А. Житецкий, А.М. Листопадов, Г.С. Лыткин, П.И. Небольсин, Н.Н. Пальмов. Наконец, ряд статей справочника посвящен жизни и научной деятельности представителей калмыцкого народа, стоявших у истоков современного образования, письменности, собирания фольклорных

и этнографических материалов, тех, кто может признаваться основоположником региональной науки - М.В. Бадмаев, Н.Б. Бадмаев, Н.О. Очилов, Э. Хара-Даван, Е.Ч. Чонов.

Надо сказать, что жизнь и научная деятельность тех ученых, сведения о которых вошли в указатель, освещена в трудах по истории науки, энциклопедиях и иных справочных изданиях, а также в специальных публикациях очень неоднородно. Вполне понятно, что биографии классиков науки, проявивших себя во многих областях знаний, в рецензируемом издании имеют характер кратких рефератов, хотя и весьма содержательных - в конце концов компилирование и реферирование объемного материала для справочников со строгой формой изложения есть своего рода искусство, и авторы им владеют. Что же касается тех ученых, кому принадлежат публикации по географии, истории, демографии, разнообразные этнографические наблюдения из жизни калмыков XVIII-XIX веков, то здесь авторы брали на себя труд вести кропотливые разыскания - и этот труд также увенчан успехом. Эти статьи отличаются оригинальностью и свежестью материала, и их наличие придает всему труду особую и непреходящую ценность. Нет сомнений в том, что изданный справочник будет стимулировать дальнейшие исследования в области истории калмыковедения и истории науки о народах России в ее персоналиях.

Понятно, что рецензия на такое издание, как биобиблиографический указатель, не может состояться без замечаний и дополнений.

Начать, наверное, стоит с того, что указание дат жизни ученых-исследователей Калмыкии должно было быть единообразным. Прежде всего, если есть возможность, надо было ставить точные даты рождения и смерти (а не только годы), и места упокоения. В ряде случаев даты жизни ученых не указываются, см. статьи о В.М. Бакуanine, Х. Барданесе, Я.П. Дуброва и др. - тут можно было бы поставить на месте дат жизни вопросительные знаки. В сложившейся практике указание на год рождения после буквы «р.» относится к ныне здравствующим ученым, в то же время в справочнике мы находим такие указания: Ф.А. Бюлер (р. 1821), Б.В. Долбежев (р.1881), И.А. Житецкий (р. 1851) и т.д. В подобных случаях на месте времени смерти надо было бы ставить знак вопроса.

В статье о Н.Я. Бичурине не отмечена его публикация «Замечания по поводу спора о монгольской надписи времен Монгкэ-хана (СПб., 1846), а также книга «Собрание сведе-

ний по исторической географии Восточной и Средней Азии (Сост. Л.Н. Гумилев и М.Ф. Хван. Чебоксары, 1960) и сборник его работ «Ради вечной памяти. Поэзия. Статьи, очерки, заметки, письма» (Чебоксары, 1991) [6] - такие материалы обычно очень важны для характеристики личности ученого. В статье о Н. Витсене не учтен изданный русский перевод его книги «Путешествие в Московию» [7], и в статье допущен ряд ошибок - так, перевод отрывков книги «Северная и Восточная Тартария» описан так, как будто бы 1-е издание его 1867 г. вышло позже второго, изданного в 1705 г. (видимо, имеется в виду второе голландское издание сочинения). Не учтен репринт известной книги И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...» [8], которым по праву могут гордиться современная наука и издательская практика.

Описание могильного памятника С.Г. Гмелина, сохранявшегося по крайней мере до середины XX века и почитаемого местными жителями как культовое место, было в одной из работ Л.И. Лаврова [9] «Этнография Кавказа» (Л., 1982).

В статье о В.А. Казакевиче не сказано, что этот ученый был репрессирован и расстрелян, и не учтена посвященная ему литература. В дальнейшем авторам таких справочников нужно учитывать имеющийся специальный словарь [10], где, в частности, есть статья о В.А. Казакевиче [11].

В статье о В.Л. Котвиче имеется указание на издание писем В.А. Казакевича к Котвичу, однако же, во-первых, это указание отсутствует в статье о самом В.А. Казакевиче, во-вторых, в указании не назван публикатор этих писем.

К сожалению, в соответствующей статье словаря не полностью учтена литература, посвященная Д.А. Клеменцу, и то же можно сказать в применении к литературе о А.Д. Рудневе. Из числа работ, посвященных жизни, трудам и научному наследию этих и многих других ученых-востоковедов, надо назвать работы А.М. Решетова, недавно обобщенные в библиографии его научных работ [12].

В статье о В.Л. Котвиче не указан год отъезда ученого в Польшу, и, что совсем странно, не учтено его издание «Калмыцкие загадки и пословицы» [13].

В статье о Н.В. Кюнере пропущено подготовленное им издание источников, продолжающее источниковедческие публикации, начатые переизданием трудов Н.Я. Бичурина [14].

В статье, посвященной Г.Ф. Миллеру, в указаниях на издания его «Истории Сибири»

указан 2000 год - между тем первый том «Истории Сибири» был переиздан в 1999 г., второй том вышел в свет в 2000 г, третий - в 2005 году одновременно с первым томом третьего издания [15].

В статье о П.С. Палласе даже не назван его знаменитый «Сравнительный словарь всех языков и наречий...» (СПб., 1787-1789), стимулировавший изучение языков народов Российской империи и языков всего мира учеными из России и Европы.

В статье о Г. Рамстедте не нашлось места упоминанию об издании им двух выпусков «Калмыцких сказок» [16]. Не учтено и оригинальное издание его труда «Einführung in die altaische Sprachwissenschaft» [17], изданное в Хельсинки после смерти ученого, и репринтное издание «Калмыцкого словаря» [18], а также издание «Путешествий», попавшее в библиографический указатель работ по истории калмыков.

Литература о И.Э. Фишере в посвященной ему статье справочника полностью отсутствует - мы можем указать на одну специальную публикацию, посвященную этому ученому [19], и, что немаловажно, вышедшую в свет в одном из томов, из которых можно в дальнейшем почерпнуть много полезной информации о российских ученых немецкого происхождения и о русско-германских научных связях за минувшие три столетия.

В статье о Э. Хара-Даване пропущена его статья «Кочевой быт» [20] // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Париж, 1931, кн. 7, на которую ссылается в своей монографии Т.Г. Борджанова [21].

Очевидно, кроме использованного при работе над справочником «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, ныне широко доступного в электронной версии, следовало бы также учесть не менее знаменитый «Энциклопедический словарь Товарищества Гранат», издававшийся до второй половины 1940-х годов, а также «Русский биографический словарь» [22], доступный ныне в репринтных изданиях.

Сделанные замечания прежде всего подчеркивают объективные трудности при сборе биографической и библиографической информации, с которыми в наши дни сталкиваются ученые из регионов России - они связаны прежде всего с отсутствием необходимой научной и справочной литературы в регионах, небольшими тиражами научной литературы в последние 10-15 лет и проблемами в распространении сведений о научных изданиях по всей территории России.

Рецензируемый указатель бесспорно полезен всем, кто занимается историей, этнографией и языком калмыков и других монголоязычных народов, а также тем ученым, чьим предметом является география и история южных регионов России. Нет сомнений в том, что он будет востребован специалистами и научными коллективами за пределами Республики Калмыкия. Было бы желательно в ближайшее время осуществить новое, исправленное и дополненное издание этого указателя, который с полным правом можно было бы назвать биобиблиографическим словарем-справочником.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ ПО ИСТОРИИ ОЙРАТОВ И КАЛМЫКОВ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1917 ГОДА

Сост. П.Э.Алексеева / отв. ред. Н.Г.Очирова, зам. отв. ред. Э.У.Омакаева.

Элиста, 2004.- 432 с.

А.А. Бурыкин, А.М. Решетов

Авторы рецензии отмечают большую ценность рецензируемого труда, указывая вместе с тем на отдельные недочеты.

The authors of the review discuss the great value of the Bibliographical guide on the history of the Oirats and the Kalmyks since the ancient times till 1917. The review contains some remarks concerning related problems.

Рассматриваемый указатель, составленный известным калмыцким ученым-историком и библиографом П.Э. Алексеевой, в основной своей части состоит из 13 разделов - «Библиография», «Источники и архивные материалы. Историография», «Го-

сударство и право», «История (с подробной рубрикой)», «Археология», «Этнография. Этнология. Антропология», «Статистика. Народонаселение», «Естественно-исторические условия (с дальнейшей рубрикой)», «Экономика. Сельское хозяй-

ство», «Культура и искусство Калмыкии» (с несколькими разделами), «Наука. Образование», «Религия» (с конфессиональной классификацией), «Медицина. Здравоохранение». Особый, не имеющий своего номера раздел составляют работы на иностранных языках, очевидно, не дифференцированные по предметному содержанию. Книга, открываемая словами «Посвящается калмыцкому народу», содержит два предисловия, одно из которых написано В.П. Санчириным (он является одним из рецензентов издания), второе - составителем П.Э. Алексеевой. Завершает издание указатель имен, список сокращений и указатель использованной литературы, содержащий печатные библиографические справочники по Калмыкии, ставшие библиографической редкостью, и рукописные библиографические справочники, недоступные для большинства специалистов.

В указателе с должной скрупулезностью и с большой научной ответственностью учитывается все, что связано с калмыцким народом и территорией, на которой он проживает уже более четырех столетий. Весьма полезно, что составитель библиографии учитывает не только сами публикации, но и рецензии на них, что, во-первых, весьма полезно само по себе, во-вторых, возможны случаи, когда рецензии оказываются более доступными для пользователей, нежели сами труды. Достоинством указателя является и то, что содержание некоторых публикаций раскрывается в специальных пояснениях.

Библиографический указатель - это такой жанр, что законченная работа обречена на полезное служение ученым. В этом плане задуманный труд, составленный опытейшим библиографом калмыцкой науки П.Э. Алексеевой, сослужит хорошую службу тем, кто занимается этнографией и историей Калмыкии и калмыцкого народа. Однако же составление библиографии - это и большая ответственность, и пользователям нового указателя трудно воздержаться от замечаний.

Первое, что нужно отметить - содержание указателя не полностью отвечает его названию. Вопреки ожиданиям, связанным с заглавием книги, в указатель оказались включены все работы по дореволюционной истории калмыков, включая монографии и статьи, опубликованные в 1920-х-2000-х годах, все научные и научно-популярные публикации по традиционной культуре калмыков - понимание термина «Этнография»

нашло весьма своеобразное преломление в этом указателе, и согласно ему все проблемы этнической культуры относятся к истории калмыков начала XX века.

У рецензентов есть некоторые замечания по поводу порядка расположения материала в указателе. На третье место по порядку надо было бы поставить раздел, посвященный литературе по археологии, далее разместить исторический раздел, куда по логике могли бы попасть и вопросы государственности, а литература по проблемам права должна, как нам кажется, следовать за разделом «Статистика. Народоведение».

К большой досаде для историков науки и библиографов следующих поколений, в указателе не выделен раздел «Персоналии», который должен был быть востребован при составлении Биобиблиографического указателя «Ученые-исследователи Калмыкии» (XVII-начало XX вв.) (Элиста, 2006). Целесообразно было бы выделить неопубликованные архивные материалы, указанные в издании, в отдельный раздел - который, безусловно, будет пополняться, поскольку едва ли автором учтены все без исключения архивные материалы по калмыкам.

2-е издание труда Я.П. Дуброва (с.185, № 2677) следовало бы указывать после рецензии Н.Н. Харузина на первое издание, иначе у читателя может сложиться впечатление, что рецензировалось второе издание, а еще вероятнее - читатель не найдет второго издания.

Под № 3837 приведена публикация Г. Рамстедта «Мои путешествия на земли калмыков» // Рамстедт Г. Путешествия 1898-1912 гг. Блумингтон. 1978, С. 102-126, но всей этой книги нет в перечне работ на иностранных языках. В заключительный раздел указателя не включены публикации калмыцких сказок и текстов, осуществленные Г. Рамстедтом и хорошо известные калмыцким ученым-языковедам и фольклористам [23].

Под № 3475 допущена досадная опечатка: «антропо-логический очерк».

Новый указатель полезен всем - историкам, политологам, правоведам, археологам, этнографам, географам, краеведам и педагогам, работающим в средних, средне-специальных и высших учебных заведениях Республики Калмыкии. Ученые, живущие в других регионах, должны быть признательны своим калмыцким коллегам за составление и издание столь подробного, солидного по объему и изящно изданного указателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ученые Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН / Сост. П.Э. Алексеева, Е.Н. Бадмаева, М.Б. Байсхланова, В.Ш. Санжиева. Элиста, Джангар, 2001 435 с.
2. «Джангар» и джангароведение. Библиография / Сост. П.Э. Алексеева. Элиста, 1988. 2-е издание. Элиста, 2001.
3. Калмыцкий фольклор / Сост. Т.Г. Борджанова, Н.Б. Уластаева, О.Б.Бадгаева. Элиста, 1991.
4. Библиография по калмыцкому языкознанию / Сост. П.Э.Алексеева, Е.Н.Жемчуева. Элиста, 1984.
5. Библиографический указатель работ по истории ойратов и калмыков с древнейших времен до 1917 года / Сост. П.Э.Алексеева / Отв. ред. Н.Г.Очирова, зам отв. ред. Э.У.Омакаева. Элиста, 2004. 432 с.
6. Бичурин Н.Я. (Иакинф) 1) Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии / Сост. Л.Н.Гумилев и М.Ф.Хван. Чебоксары, 1960; 2) Ради вечной памяти. Поэзия. Статьи, очерки, заметки, письма. Чебоксары, 1991.
7. Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664-1665: Дневник / Пер. со староголландского В.Г. Трисман; Амстердам. ун-т, Ин-т Вост. Европы. - СПб.: Симпозиум, 1996. 265 с.
8. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / [предисл. и прим. В.А. Дмитриева] - [перепеч. с изд. 1799 г. с испр. и доп.]. - Санкт-Петербург: Русская симфония, 2005. 799 с. (Серия «Книжные памятники из фондов БАН»; Вып. 4).
9. Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л., 1982.
10. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в советский период (1917-1991) / Подгот. Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербург востоковедение, 2003. 495 с.
11. Люди и судьбы. С. 197-188.
12. Библиография А.М. Решетова // Проблемы общей и региональной этнографии. К 75-летию А.М.Решетова. СПб., 2007. С.375-429.
13. Котвич В.Л. Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста, 1972.
14. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
15. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. 630 с.; Т. 2. М., 2000. 795, [1] с.; Т.3. М., 2005 598 с.; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. Изд. 3-е. М., 2005. 630 с.
16. Ramstedt G. J. 1) Kalmückische Märchen. Helsingfors, 1909; 2) Kalmückische Sprachproben, gesammelt und hrsg. von G. J. Ramstedt, 1-2 Teil, Helsingfors, 1909-1919. 237 S.
17. Ramstedt G.J., 1) Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft, II Formenlehre, MSFOu. 104;2, 1952. 2) Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, Teil I, Lauthlere // Helsinki, 1957.
18. Ramstedt G.J. Kalmukisches Wörterbuch. Helsinki. 1976. Именно это издание было использовано А.Б. Лиджиевым в его диссертации (Лиджиев А.Б. Развитие гласных первого слога в маньчжурском языке. Дис. ...канд. филол. наук. М., 2005).
19. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. И.Э. Фишер - исследователь истории и древностей Южной Сибири XVIII в. // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII-XIX века): биографический аспект. <<http://web1.kunstkamera.ru/library/MAE9202.files/ch74.htm>> СПб., 2005. Вып. 3. С. 35-43. Библиогр. в примеч.: с. 42-43.
20. Хара-Даван Э. Кочевой быт // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. 7. Париж, 1931.
21. Борджанова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста, 2007. С. 423.
22. Русский биографический словарь / Под ред. А.А.Половцова. СПб., 1896-1918.
23. См., в частности: Бураева Т.В. Язык калмыцких народных сказок (на материале «Калмыцких сказок» Г.И.Рамстедта), Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Элиста, 2006.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Институт в 2007 г. явился организатором и соорганизатором ряда международных, российских, региональных и республиканских научно-практических конференций:

1. Международная научная конференция «Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая» (9-14 мая 2007 г., г. Элиста), в рамках Плана основных мероприятий, посвященных празднованию 400-летия Добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. В работе конференции приняли участие более 100 ученых, в том числе ученые из Китая, Монголии, Казахстана, академических институтов Москвы и Санкт-Петербурга. В числе зарубежных гостей - академики Академии наук Монголии Т. Дорж, Л. Тэрбиш, доктор Д. Мөнхбаатар, доктор Ордосского университета АРВМ КНР Сарангоо, доцент Казахского гуманитарно-юридического университета У.Ш. Шапак, руководитель Центра «Тод номин гэрэл» Б. Бат-Амгалан и др.

В ходе научной конференции были рассмотрены вопросы этнической истории ойратов и калмыков, этнокультурных и исторических контактов ойратов и калмыков с народами России, Монголии и Китая, эпического и литературного наследия монгольских народов, язык и письменность калмыков и ойратов, социально-экономические и экологические проблемы. Ученые пришли к единодушному мнению, что современные условия глобализации, расширения культурного, политического и экономического информационного поля, способствуют более глубокому изучению вопросов взаимодействия народов России и Центральной Азии, имеющих общее историко-культурное наследие и стратегические перспективы развития в будущем. В рамках научной конференции были организованы встречи гостей из Монголии и Китая с представителями творческой интеллигенции республики, властями, студенчеством, культурными центрами. Обсуждены перспективы дальнейшего творческого сотрудничества в области, науки, культуры и образования.

2. Российская научно-практическая конференция «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе» (12-13 января 2007 г., г. Элиста). Конференция была посвящена 50-летию восстановления национальной государственности репрессированных народов России и перспективам их развития на современном этапе.

3. Международная научная конференция «Феномен личности Давида Кугультинова – поэта, философа и гражданина», посвященная 85-летию юбилею известнейшего калмыцкого поэта современности (17-21 апреля 2007 г., г. Элиста). В ходе конференции были обсуждены вопросы общественно-политической деятельности Д.Н. Кугультинова, актуальные проблемы литературы и фольклора, языка и культуры в полиэтнической среде.

4. Общероссийская научная конференция «О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России» (19-20 ноября 2007 г., г. Элиста). Конференция проводилась в рамках Года Русского языка в России, при финансовой поддержке РГНФ. В ходе работы научного форума обсуждались вопросы взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в исторической ретроспективе и на современном этапе, анализировались возможные варианты их развития в будущем, а также методы решения острых проблем, возникающих в настоящее время и возможных в будущем.

5. Научная сессия по итогам работы Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН в 2006 году (11 января 2007 г., г. Элиста). Сессия посвящена 115-летию со дня рождения профессора Бориса Клементьевича Пашкова, стоявшего у истоков становления и развития академической науки Республики Калмыкия.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В 2007 году учеными Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН было произведено 14 групповых и индивидуальных научно-поисковых экспедиций при базовом бюджетном финансировании, а также при финансовой поддержке РГНФ, Программ фундаментальных исследований президиума РАН и отделений РАН: «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», «Изучение системы традиционного природопользования населения аридной зоны Евразии», в рамках совместных международных проектов. Основной целью экспедиций являлись выявление, сбор и изучение полевого

лингвистического, фольклорно-этнографического, археологического материала, а также изучение экологической ситуации в республике, традиционной культуры и природопользования.

1. В рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и Международного проекта «Генография: генетическое изучение коренного населения мира» этнологи совершили выезды в Целинный, Кетченеровский, Малодербетовский, Октябрьский, Приютненский, Ики-Бурульский, Яшкульский, Черноземельский, Лаганский, Юстинский районы Республики Калмыкия. В ходе экспедиций были выявлены ценные материалы по этногенезу и структуре калмыцких родов, семейной обрядности, материальной и духовной культуре калмыков. Результаты полевых исследований послужат основой для написания коллективной работы сектора этнологии «Калмыки» в серии «Народы и культуры».

2. В 2007 году сектором археологии были успешно проведены научно-исследовательские работы в зоне строящегося газопровода в Сарпинском и Малодербетовском районах Республики Калмыкия. Совместно с Евразийским Отделением Германского археологического Института было продолжено осуществление международного проекта «Степь как жизненное пространство в преистории». В ходе выполнения проекта проведены спасательные раскопки кургана 13 могильника «Ергенинский».

3. С 24 июля по 14 августа 2007 года Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН совместно с Центром по изучению истории, культуры и языка ойратов «Тод номин герл» (Монголия) провели комплексную научную экспедицию в Монголию «Ойраты России и Монголии: история и современность», посвященную 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства и 100-летию экспедиции академика Б.Я. Владимирцова. В составе экспедиции с российской стороны принимали участие 17 человек, ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, Калмыцкого

государственного университета, журналисты СМИ республики. Члены экспедиции проехали по экспедиционному маршруту академика Б.Я. Владимирцова, который сто лет назад исследовал северо-западные окраины Монголии. Маршрут пролегал по территории двух аймаков Западной Монголии – Увс и Ховд. Во время экспедиции были посещены города Улаангом, Ховд, сомоны (населенные пункты) - Сагил, Түргэн, Бөрхмөрөн, Ховд, Өлгий, Тариалан и др. В результате экспедиции изучены и зафиксированы современное состояние языка, устного народного творчества, культуры, быта ойратских этнических групп, компактно проживающих на территории западной Монголии и сохранивших традиционный уклад жизни. Выявлены и перенесены на цифровые носители образцы старописьменных памятников, архивные источники. В рамках экспедиции были проведены встречи с администрацией двух аймаков, сомонов, заключен договор сотрудничества с Кобдоским государственным университетом. Результаты проведенного исследования будут иметь важное практическое значение в деле сохранения и возрождения калмыцкой культуры, языка, истории, традиций и обычаев, укрепления тесного сотрудничества с Монголией.

4. В рамках ежегодной фольклористической экспедиции были собраны новые материалы в Ики-Бурульском районе (предания, легенды, а также устные рассказы, сказки и др.), которые дополняют источниковую базу при составлении фундаментального труда «Свода калмыцкого фольклора».

5. В 2007 году сотрудники исследовательской группы по экологии КИГИ РАН (рук. к.б.н. Л.Н. Ташнинова) совершили 8 экспедиционных выездов в районы Черных земель Прикаспия (изучались процессы сукцессии) и Кумо-Маньчской впадине (объекты изучения – природные экосистемы, приближенные к экотонной зоне).

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Международное сотрудничество осуществлялось в форме совместных исследовательских проектов, участия сотрудников КИГИ РАН в работе международных конференций, симпозиумов, семинаров. Проводились встречи с зарубежными коллегами на которых обсуждались актуальные вопросы современного востоковедения.

Совместные проекты:

1. В рамках подписанных соглашений о сотрудничестве между Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН и Цен-

тром по изучению истории, культуры и языка ойратов «Тод номин герл» (Монголия) В 2007 г. были осуществлены следующие совместные международные проекты:

- Издательский проект по выпуску 5-го номера журнала «Библиотека Ойратика» на монгольском языке в г. Улан-Батор (Халимаг түүх, соёл. УБ., «Соёмбо принтинг» хэвлэх үйлдвэр. 2007, 212 х.), в который вошли работы ученых КИГИ РАН.

- Международная научная конференция «Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая», 9-14 мая 2007 г., г. Элиста, Калмыкия.

- Российско-монгольская международная научная экспедиция в Монголию «Ойраты России и Монголии: история и современность», посвященная 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства и 100-летию экспедиции академика Б.Я. Владимирцова (24 июля - 14 августа 2007 г.).

- подписано соглашение о сотрудничестве между Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН и Кобдоским государственным университетом (г. Кобдо, Монголия).

2. Совместно с Евразийским Отделением Германского археологического Института осуществлялся международный археологический проект «Степь как жизненное пространство в преистории».

3. Совместно с Центром «Северная Евразия» проекта «Генография» и Медико-генетическим научным центром РАМН осуществлялся международный проект «Генография: генетическое изучение коренного населения мира».

Стажировки, консультации с зарубежными коллегами:

1. В мае 2007 года была проведена консультация по сотрудничеству в области науки и образования с членами делегации Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики (Адъя – Глава делегации, начальник главного управления Комитета по делам национальностей АРВМ КНР; Алата – директор Комитета по делам национальностей АРВМ КНР и др.)

2. В сентябре 2007 года была проведена консультация по сотрудничеству в области науки и образования с членами делегации Тибетского автономного района (ТАР) Китайской Народной Республики (руководитель делегации - председатель Общества по культурному обмену с зарубежными странами ТАР КНР Цуй Юйин). Встреча состоялась в рамках Дней Тибета в Республике Калмыкия.

Участие сотрудников КИГИ РАН в международных научных мероприятиях:

1. Международный конгресс «Der Skythenkongress. Reitenomadische Eliten der Eurasien Steppe. Berlin 2007», Германия, г. Берлин, июль 2007 г.

2. Конференция «Барун Монголын шашжин, соелын ярилцах хурал», Монголия, г. Ховд, август 2007 г.

3. 38-й Международный конгресс востоковедов (38th International Congress of Asian and North African Studies), Турция, г. Анкара, сентябрь 2007.

4. Международная научная конференция «Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации», Казахстан, г. Алматы, ноябрь 2007 г.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

В 2007 году аспирантами, соискателями и сотрудниками Института защищены 1 докторская и 6 кандидатских диссертаций.

14 июня 2007 года на заседании Диссертационного совета Д 002.18.02 в Институте российской истории РАН (г. Москва) успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности «07.00.02 – Отечественная история» Очиров Уташ Борисович. Тема диссертации - «Калмыкия в период революции и гражданской войны (1917-1920 гг.)».

18 апреля 2007 года на заседании Диссертационного совета № Д. 002.011.02 при Институте социологии РАН успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности «22.00.04 – Социальные структуры, социальные институты и процессы» Нусхаева Байрта Басанговна. Тема

диссертации - «Неполная семья как институт социализации детей (на примере Республики Калмыкия)».

4 мая 2007 года на заседании Диссертационного совета при Ставропольском государственном университете успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности по специальности «07.00.02 – Отечественная история» Дорджиева Данара Александровна. Тема диссертации - «Репрессии против духовенства в Калмыкии 1917-1940 гг.».

26 мая 2007 года на заседании Диссертационного совета № КМ. 212.009.02 при Астраханском государственном университете успешно

защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «07.00.02 – Отечественная история» Лиджиева Ирина Владимировна. Тема диссертации - «Основные этапы реабилитации репрессированных народов (на материалах Калмыкии)».

26 мая 2007 года на заседании Диссертационного совета № КМ. 212.009.02 при Астраханском государственном университете успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «07.00.02 – Отечественная история» Довгополов Дмитрий Сергеевич. Тема диссертации - «Отраслевые органы государственного управления и их деятельность в годы становления национальной автономии Калмыкии (1918-1941 гг.)».

7 июля 2007 года на заседании Диссертационного совета № К 212.305.01 при Калмыцком

государственном университете успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности «10.02.22. – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки)» Салыкова Валерия Васильевна. Тема диссертации - «Лексико-стилистические особенности языка синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар».

3 ноября 2007 года на заседании Диссертационного совета № КМ. 212.009.02 при Астраханском государственном университете успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «07.00.02 – Отечественная история» Бугаев Андрей Иванович. Тема диссертации - «Калмыкия в период новой экономической политики (1921-1929 гг.)».

ПРИСУЖДЕНИЕ УЧЕНЫХ ЗВАНИЙ

В 2007 году Высшей аттестационной комиссией были присуждены ученые звания доцента по специальности:

1. Кандидату филологических наук Омакаевой Элларе Уляевне по специальности «10.02.22. – Языки народов зарубежных стран Европы,

Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки)».

2. Очирову Уташу Борисовичу по специальности «07.00.02 – Отечественная история».

3. Сартиковой Евгении Викторовне по специальности «07.00.02 – Отечественная история».

ЮБИЛЕИ

В 2007 году исполнилось 60 лет ведущему научному сотруднику отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук, кандидату исторических наук, члену Президиума Общества монголоведов РАН, Заслуженному деятелю науки Республики Калмыкия Санчирову Владимиру Пе-

тровичу. Основная тема исследований В.П. Санчирова – Ойратский период истории калмыцкого народа. Он опубликовал более 50 научных работ, постоянный участник ряда научных форумов, в том числе Международных конгрессов востоковедов (ICANAS); Международных конгрессов монголоведов и др.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

85 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора Мергена Лиджиновича Кичикова. Известный историк, специалист в области истории Калмыкии М.Л. Кичиков большое внимание уделял изучению и вводу в научный оборот новых источников и архивных документов. Особое место в научном наследии ученого занимают исследования по Великой Отечественной войне. Он автор более 50 работ, в том числе 3 монографий, 3 коллективных трудов.

70 лет со дня рождения кандидата исторических наук Аркадия Исаевича Наберухина. А.И. Наберухин около тридцати лет проработал в Калмыцком НИИЯЛИ (ныне КИГИ РАН), многое сделал для развития исторической науки в Респу-

блике Калмыкия, принимал деятельное участие в становлении молодых ученых. Автор, редактор, составитель более 50 научных трудов, в том числе и монографий. Внес большой вклад в восстановление и развитие архивного дела, в возрождение архивных учреждений Калмыкии.

70 лет со дня рождения доктора исторических наук, академика РАЕН К.П. Шовунова. Основная тема исследований – калмыки в системе военной организации России. К.П. Шовунов сыграл значительную роль в реальном возрождении калмыцкого казачества, а его труды по проблеме казачества явились достойным вкладом в российскую историческую науку. Автор более 60 научных работ.

НАГРАДЫ В ОБЛАСТИ НАУКИ

В 2007 году за многолетний и плодотворный труд Почетной грамотой Правительства Республики Калмыкия отмечена старший библиограф научной библиотеки КИГИ РАН Байсхланова Маргарита Борисовна.

ЮБИЛЕИ

ББК 81.2 (2 РОС=КАЛМ)

**О научной деятельности главного научного сотрудника
отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН д.ф.н.,
проф. Пюрбеева Григория Цереновича**

А.А. Дарбеева

Статья, посвященная многогранной научной деятельности известного российского монголоведа проф. Г.Ц. Пюрбеева, содержит не только анализ его основных работ, но и обзор главных направлений исследований ученого.

Ключевые слова: *научная деятельность, Пюрбеев, монгольские языки, фразеология, синтаксис, терминология, лексикология, лексикография, язык фольклорных текстов, культура.*

The article devoted to multifaceted scientific activity of famous Russian mongolist prof. G. Pyurbееv contains not only analysis of his main works, but also review of chief directions of his researches.

Keywords: *scientific activity, Pyurbееv, Mongolian languages, phraseology, syntax, terminology, lexicology, lexicography, language of folklore texts, culture.*

В семидесятых годах прошлого столетия на одном из юбилейных торжеств известного ученого-монголоведа, профессора Санжеева Гармы Данцарановича в Институте востоковедения АН СССР, среди выступлений маститых ученых нашей страны привлекла внимание речь красивого молодого человека, показавшая его острый ум и оригинальность в восприятии отдельных проблем монгольского языкознания, освещенных в трудах Гармы Данцарановича.

Вскоре этот молодой человек, Григорий Пюрбеев, поступил на работу в группу монгольских языков Института языкознания АН СССР в качестве аспиранта к профессору Трофиму Алексеевичу Бертагаеву.

Близкое знакомство с жизнью аспиранта показало, что он – человек сложнейшей судьбы, переживший годы высылки калмыков в Сибирь. Его детство и юность прошли в ссылке. Пропустив через себя многомерное восприятие реальности психологической травмы, он в юности познал истинную цену доброты и человеческой порядочности. И эта важнейшая черта человека стала основой его поведения в повседневной жизни, включая и научную деятельность. Григорий Церенович – прекрасный семьянин, вырастивший двух замечательных дочерей.

В процессе учебы в аспирантуре Григорий проявил свои лучшие качества исследователя и человека и в 1967 году был принят в группу монгольских языков Института языкознания АН СССР в должности младшего научного сотрудника. Г.Ц. Пюрбеев прошел

все ступени профессионального роста от младшего до главного научного сотрудника, а с 1987 году стал руководителем группы монгольских языков отдела урало-алтайских языков ИЯ АН СССР.

Говоря о творческом пути, следует сразу оговориться, что здесь мною не ставится задача осветить все проблемы, над которыми работает профессор Г. Пюрбеев. Остановлюсь лишь на отдельных фактах научного творчества, которые остались вне обозрения.

Основные направления научной деятельности Григория Цереновича – это фразеология, синтаксис, терминология, лексикология, лексикография, язык фольклорных и письменных памятников, традиционная культура монгольских народов. В рамках этих исследований им были опубликованы монографии, статьи и крупные разделы в коллективных трудах Института.

Г.Ц. Пюрбеев активно участвовал в выполнении программ фундаментальных исследований Института и Отделения РАН. Во время работы над трехтомной энциклопедией «Языки Российской Федерации и соседних государств» им были написаны вводный раздел «Монгольские языки» и статья «Калмыцкий язык». Григорий Церенович Пюрбеев был руководителем, автором и ответственным редактором фундаментального международного лексикологического проекта по составлению четырехтомного «Большого академического монгольско-русского словаря», который был создан совместными усилиями ученых Института языка и литературы АН Монголии и

ученых Института языкознания РАН и издан в 2000-2002 гг. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

В списке научных трудов Григория Цереновича значительное место занимают работы, в которых получил разностороннее освещение фольклорный материал. Это монографии «Эпос «Джангар». Язык и культура» (Элиста, 1993); «Жанһр дуулвр: сойл болн келн» (Элст, 2004), и отдельные статьи: «О некоторых архаических явлениях и семантике эпоса «Джангар» (Элиста, 2001); «Особенности синтаксической организации предложения в эпосе «Джангар» (М., 2004); «Социальная структура и хозяйственная деятельность в кочевом государстве (по данным ойрат - калмыцкого героического эпоса «Джангар»» (Элиста, 2002) и др.

Григорий Церенович много внимания уделяет редактированию и рецензированию филологических работ. В соавторстве с Д. Дорж им отрецензирован «Толковый словарь монгольского языка» (М., 2001).

Труды по калмыцкой литературе и эпосу также прошли редакцию Г.Ц. Пюрбеева: Н.Б. Сангаджиева «Поэтика героического эпоса «Джангар» (Элиста, 2003. 15 п.л.); Р.А. Джамбинова «Литература Калмыкии. Проблемы развития» (Элиста, 2003. 14 п.л.).

В порядке оказания помощи Калмыцкому институту гуманитарных исследований РАН, им отредактированы труды Б.Х. Тодаевой, основанные на материалах, собранных ею в Китае: «Словарь языков ойратов Синьцзяна». (40 п.л.); «Эпос «Джангар» синьцзянских ойратов КНР» в трех томах.

Обращает внимание исключительная работоспособность ученого, который не сбавляет темпа работы даже в больном состоянии. После перенесенной сложнейшей операции Григорий Церенович в кратчайший срок отредактировал 1-ый том («Калмыцкий героический эпос «Джангар») «Свода калмыцкого фольклора» (составитель, вступительная статья, комментарии Э.Б. Овалова).

В научной деятельности профессора Г. Пюрбеева встречаются обзорно-информационные работы о трудах зарубежных монголоведов не только по лингвистике, но и в других сферах монголоведения. В статье «Новые исследования по топонимике Монголии» автор дает обзор двух книг монгольского ученого О. Сухэ-Батора: «Монголын газар усны нэрийн домог» («Легенды и предания, связанные с топонимией Монголии»). Улан-Батор, 2001, 294 х.; «Монголын тахилгат уул

усны судар оршвой», («Сутры о священных местах Монголии») Улан-Батор, 2001, 213х., изданных на монгольском языке. Отмечая большую ценность сбора и публикации легенд и преданий, относящихся к названиям священных мест и ритуально-культурных объектов Монголии, сохранившихся в народной памяти, изложенных в первой книге О. Сухэ-Батора, Григорий Церенович делает обзор основного содержания монографии и выражает свои пожелания. В частности, он заметил, что при анализе и этимологизации топонимических названий необходимо привлекать данные разных наук: лингвистики, географии, этнографии, религиоведения, истории и культурологии. В обзоре ценным представляется не только подробное освещение сути этих сутр, краткая история их обнаружения и соавторства, а также то, что обозреватель представил полный список 33 сутр и перевод их названий на русский язык с последующими своими комментариями к отдельным сочинениям.

В статье Г.Ц. Пюрбеева «Важный источник по истории буддизма в Монголии» (М., 2005 г.) изложено содержание работы старейшего монгольского ученого Ч. Банзрагч и молодого исследователя Б. Сайнхуу «Монголын хүрээ хийдийн түүх (эмхэтгэл)» («Сборник документов и материалов по истории монастырей и храмов в Монголии») (Улан-Батор, 2004, 437 х.). В книге приведены архивные документы и материалы по истории храмов, даны сведения о буддийских школах, религиозных праздниках, богослужении, а также характеризуется экономическая и хозяйственная деятельность монастырей. Учитывая то, что буддийские монастыри представляют огромное культурное наследие монгольского народа, и что в них хранятся уникальные произведения монгольских скульпторов, ювелиров, мастеров-иконописцев, зодчих и т.д., выход в свет этой книги рассматривается как важнейшее событие в религиозной, культурной и научной жизни страны.

Особая ценность обозреваемых трудов, с нашей точки зрения, заключается в том, что в них широко раскрывается духовный мир монголов, их древнейшая история, культура бытования, которые стали доступными для восприятия читателями России.

Работа Г.Ц. Пюрбеева «Проблемы монгольского синтаксиса в трудах профессора Ш. Лувсанвандана» (М., 2005 г.) в соавторстве с Э. У. Омакаевой посвящена синтаксическим воззрениям монгольского академика Ш. Лув-

санвандана по его трудам: «Өгүүлбэр хэмээгч юу вэ?» - Улан-Батор, 1939 г.; «Монгол хэлний өгүүлбэрийн дэд гишүүдийн асуудалд» - Улан-Батор, 1956 г.; «Орчин цагийн монгол хэлний өгүүлбэрийн бүтцийг судлах тухай асуудалд» - Улан-Батор, 1956 г.; «Нийлмэл өгуулбэр» - Улан-Батор, 1980 г. и т.д.

Обозреватели отмечают, что профессор Ш. Лувсанвандан поднимает ключевую проблему синтаксиса – проблему дефиниции предложения, и что именно автор впервые исследовал структуру монгольского предложения методом непосредственно составляющих (НС). По мнению монгольского ученого, грамматика непосредственно составляющих имеет ряд преимуществ в отличие от других теорий. Анализ по ней дает информацию и о порядке слов в данном предложении. Однако, с точки зрения авторов статьи, принцип линейного членения может нарушить существующие между элементами синтаксические связи, так как в качестве НС могут быть выделены словоформы, которые явно не имеют самостоятельной роли в синтаксической структуре предложения. Кроме того, они полагают, что теория НС не отражает иерархичности синтаксической системы. В таких случаях требуются правила другого характера, отражающие дистантные зависимости между составляющими, то есть трансформационные правила. Одна из работ Ш. Лувсанвандана «Хэлний өнгөн бүтэц, гүн бүтцийн тухай асуудалд» - Хөх-Хот, 1984 г. как раз посвящена изучению глубинной (гүн) и поверхностной (өнгөн) структур. Исследователи отмечают, что ученым более детально разработан синтаксис сложного предложения (Лувсанвандан, 1980) и его работа была переведена Э.У. Омакаевой на русский язык и издана в Элисте в 1988 г. Вместе с тем авторы статьи подчеркивают, что по теории и типологии сложного предложения в алтайских языках опубликованы монографии и статьи (см. Касьяненко, 1966; Пюрбеев, 1979; Черемисина, Колосова, 1987; Скрибник, Подлеская, 1993; Кузьменков, 1996 и др.), в которых обнаруживаются значительные расхождения во взглядах, связанных со сложностью объекта исследования.

Привлекая обширный фактический материал из трудов Ш. Лувсанвандана и анализируя его взгляды на разные типы монгольского сложного предложения, Г.Ц. Пюрбеев и Э.У. Омакаева полагают, что сфера сложного предложения нуждается в дальнейшем исследовании с использованием свежих материалов и

с учетом последних достижений синтаксической науки. Такой вывод представляется вполне закономерным явлением, учитывая время публикации анализируемого труда и постоянный процесс развития языка и науки о языке.

В статье Григория Цереновича «Заметки об издании сводного текста калмыцкого эпоса «Джангар» в Китае» (Элиста, 2005 г.) рассматривается публикация калмыцкого эпоса в переводе на монгольский письменный язык китайским монголоведом Б. Дамринжавом в его работе «Халимаг «Джангар». Текст харгуулал хигээд үгсийн тайлбар». – Бэйжин, 2002 он, 1337 х. («Калмыцкий «Джангар». Сверка текста песен и толковый словарь». – Пекин, 2002 г., 1337 с.). По признанию Г.Ц. Пюрбеева, Б. Дамринжав весьма существенно продвигает текстологическое изучение калмыцкого эпоса «Джангар», дает богатый лингвистический материал, особенно для диалектологов, лексикологов и лексикографов. Он считает, что для эпосоведения опыт Б. Дамринжава по составлению, переводу и подготовке к изданию сводного текста «Джангара» имеет большое значение.

Немало работ Г.Ц. Пюрбеева посвящено рецензированию трудов по разным областям алтаистики. В статье «Вклад в маньчжуристику» дана рецензия на работу Л.М. Гореловой «Грамматика маньчжурского языка» (625 с.), опубликованную на английском языке в Кельне в 2002 году. Г.Ц. Пюрбеев, высоко оценивая рецензируемую монографию, признает, что исследователем решена важная проблема - создание современной научной грамматики маньчжурского языка с учетом важнейших достижений общего и восточного языкознания, в первую очередь данных сравнительно-исторического изучения алтайских языков. Вместе с тем рецензент заметил, что в книге неоднократно говорится об алтайской семье, т.е. общности языков, но фактически эта общность не показана на конкретном материале, нет содержательной критики теории их генетического родства. В заключении им высказывается пожелание коллеге об издании этой монографии на русском языке.

В статье «Эпическая стилистика: опыт исследования» Г.Ц. Пюрбеев обстоятельно анализирует работу А.В. Кудиярова «Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири» - М., 2003 г., 372 с. Ученый отмечает, что в монографии исследуется актуальная проблема текстологии и стилистики классиче-

ских образцов эпического творчества халха-монголов, бурят и калмыков, с одной стороны, и алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев и якутов, с другой. Впервые в монгольской и тюркской филологии ставится задача более полного осмысления художественного содержания, стилевой систематики сказительского повествования, а также адекватного перевода эпического текста. По мнению рецензента, исследователь справился с поставленными задачами. Как положительное явление рассматривается регулярное использование сопоставительного материала из наиболее ранних письменных памятников, в частности, «Сокровенного сказания монголов» и древнетюркских надписей в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука. В рецензии отмечено много ценных и интересных наблюдений, что позволило оценить монографию А.В. Кудиярова как значительное явление в отечественном эпосоведении последних лет.

Монографии Э.-Б. Гучиновой, в которых рассматриваются интересные и абсолютно не изученные проблемы – «Улица Kalmuk Road. История, культура и идентичности в калмыцкой общине США» - СПб., 2004 г., 340 с.; «Постсоветская Элиста: власть, бизнес и красота. Очерки социально-культурной антропологии калмыков». – СПб., 2003 г., 180 с., — получили одобрение в рецензии Г.Ц. Пюрбеева «Исследования по истории и социально-культурной антропологии калмыков». По мнению рецензента, в монографиях Э.-Б. Гучиновой нашли свое решение актуальные и наиболее болезненные проблемы этнополитической истории калмыков в 20 веке, в связи с вынужденным переселением (эмиграцией и депортацией), Г.Ц. Пюрбеев полагает, что вводимый в научный оборот материал, во многом ранее неизвестный и недоступный для пользования, существенно расширяет возможности изучения политической истории и социальной антропологии калмыков.

Ряд работ исследователь посвятил доброй памяти ушедших коллег, друзей, их творческим изысканиям. Памяти Эдгема Рахимовича Тенишева посвящены статьи: «Реализация характеризующей функции номинации персонажей русских и монгольских волшебных сказок» - М., 2005 г.; 90-летию со дня рождения профессора Юлдашева посвящена статья «Ахнеф Ахметович Юлдашев – ученый и человек» - Уфа, 2002 г. Опубликована также работа «Памяти Зои Васильевны Шеверниной» (Элиста, 2002 г.). К столетию со дня рождения А.А. Реформатского опубликована статья

«Действие интонационного фактора в предложении монгольских языков» (М., 2004 г.)

Особо следует остановиться на работе «Э.Р. Тенишев и монгольское языкознание» (Уфа, 2006 г.). В ней Григорий Церенович пишет, что непосредственный интерес к монгольским языкам возник у Эдгема Рахимовича еще в 50-е годы 20 века, когда он был командирован Президиумом АН СССР в Китай для оказания помощи китайским коллегам в описании неизученных тюркских и монгольских языков. В результате полевого обследования языка, быта, культуры югуров в провинции Ганьсу Китая было установлено, что часть югуров, именующих себя сарыг югурами, говорит между собой по-тюркски, а часть из них, известных под названием шира югуры, – по-монгольски (см. Э.Р. Тенишев, Б.Х. Тодаева «Язык желтых уйгуров» - М., 1966 г.). Будучи заведующим сектором тюркских языков, куда входила и группа монгольских языков, Эдгем Рахимович одним из первых в научной литературе рассмотрел особенности фонетики, морфологии и лексики языка иссык-кульских калмыков (см. Э.Р. Тенишев «Иссык-кульских калмыков язык» - М., 1997 г.).

Эдгем Рахимович, возглавляя почти 30 лет сектор тюркских и монгольских языков, уделял большое внимание развитию российского монголоведения, был учителем и наставником многих калмыцких лингвистов – докторов филологических наук Р.П. Дороевой-Харчевниковой, Д.А. Сусеевой, А.Л. Каляева, М.У. Монраева. По инициативе Э.Р. Тенишева в отделе урало-алтайских языков были выполнены крупные коллективные труды по монголистике. Под его редакцией были опубликованы работы А.А. Дарбеевой «Русско-монгольские контакты в условиях двуязычия» - М., 1984; «Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика» - М., 1996; Г.Ц. Пюрбеева «Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания» - М., 1993; М.Н. Орловской «Язык «Алтан Тобчи»; Р.П. Харчевниковой «Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке» - Элиста, 1995; Д.А. Сусеевой «Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингво-социологического исследования» - Элиста, 2003 и др. В заключении вышеуказанной работы Г.Ц. Пюрбеев отмечает, что тюрколог с мировым именем, член-корреспондент РАН, профессор Э.Р. Тенишев сыграл исключи-

тельно важную роль в развитии современного монгольского языкознания в России.

Много сил и внимания Григорий Церенович уделяет проблемам взаимодействия монгольского и русского языков в монгольскоязычной среде в процессе обучения русскому языку как иностранному. Об этом свидетельствуют его выступления на защитах кандидатских и докторских диссертаций монгольских ученых (Чимедиин Туул, Банзрагч Туул, Энхтуя Церендоржийн и др.) в Институте русского языка имени А.С. Пушкина.

Из поля зрения исследователя не выпадают и вопросы истории языка. В статье «О синтаксических особенностях «Монгольского словаря Мукаддимат ал-Адаб», который представляет разговорную речь монголов 13-14 вв, очень близкую к наречию афганских моголов, Григорий Церенович обнаружил очень интересные факты в синтаксисе предложения. В частности: 1) явления инверсии в порядке слов, даже вставку сказуемого между определением и определяемым, например: *ebečin ügei alaba temeni* «зарезал не больного (здорового) верблюда»; 2) сказуемое (преимущественно глагольное) может принимать тюркский аффикс множественного числа *-лар/-лер*: *bog ubalar* «пили вино»; 3) в составе предложения и словосочетания встречается употребление сочинительного союза *dayi/taui*, заимствованный из тюркских языков: *dülaba ege dayi köögçeken qailaba* «мужчина пел, а голубь ворковал»; 4) встречаются случаи согласования в числе подлежащего и сказуемого в форме имени: *yaqça tede bügüde emes* «только те все женщины» и т.д.

В статье «Об одной неизвестной рукописи библиотеки АН Грузии» Г.Ц. Пюрбеев рассказал о том, что к Эдгему Рахимовичу Тенишеву обратились из АН Грузии за помощью в идентификации одной восточной рукописи. И по просьбе коллеги Г.Ц. Пюрбеев определил, что это была монгольская рукопись, написанная на старомонгольской письменности. Дальше он изложил содержание и свое мнение о характере и происхождении этой рукописи, основанное на предварительном текстологическом анализе ксерокопии трех листов. Автор отмечает, что в рукописи отражается влияние стиля маньчжурского письма в отношении употребления диакритики и способа ее размещения. По мнению Григория Цереновича, рукопись была создана во Внутренней Монголии, т.е. в северо-восточной части Китая, где живут баргу-буряты.

Продолжая свою работу по истории язы-

ка, Григорий Церенович приступает к разработке индивидуальной темы «Язык монгольского памятника феодального права 18-го века «Халха Джирум».

Итак, научная деятельность, содержание трудов профессора Г.Ц. Пюрбеева, широкий диапазон его творческого потенциала и высокая продуктивность в разностороннем, многоплановом изучении различных проблем в самых разных сферах монголоведной науки в России характеризуют личность исследователя как лидера современного российского монголоведения в области языкознания.

Учитывая большой личный вклад Г.Ц. Пюрбеева в отечественное и мировое монголоведение, коллектив ученых головного Института страны неоднократно выдвигал кандидатуру профессора Пюрбеева в члены-корреспонденты РАН.

О профессиональном, научном авторитете ученого также свидетельствуют приглашения Григорию Цереновичу различными научно-исследовательскими организациями: Институтом мировой литературы РАН, Институтом востоковедения РАН, Институтом этнологии и антропологии РАН, Институтом русского языка им. А.С. Пушкина и др. в качестве официального оппонента при защите кандидатских и докторских диссертаций по разным проблемам алтаистики.

Выступления с интересными докладами на международных, всероссийских, региональных научных форумах в Улан-Баторе, Москве, Ташкенте, Ашхабаде, Фрунзе, Элисте также являются фактом востребованности ученого в научном мире. В частности, по приглашению Международного Института по изучению кочевых цивилизаций (IISNC), находящегося в Улан-Баторе, и Института языка и литературы АН Монголии профессор Г.Ц. Пюрбеев в августе 2004 г. участвовал в работе Международной научной конференции «Диалог между культурами и цивилизациями в глобализованном мире». В работе научного форума участвовали ученые из 19 стран, которые в соответствии с программой конференции обсуждали различные аспекты кочевой культуры и цивилизации в странах Африки и Азии на таких примерах, как Кения, Сомали, Эфиопия, а также Иран, Афганистан, Монголия, Казахстан, Киргизия, Китай, Индия и Россия. Доклад Г.Ц. Пюрбеева был посвящен теме «Социальная структура и хозяйственная деятельность населения в кочевом государстве (по данным ойрат-калмыцкого героического эпоса «Джангар»).

Для международного конгресса монголоведов, состоявшегося в августе 2006 г. в Монголии, Г.Ц. Пюрбеев представил доклад на тему «Монгольские улыбки как невербальные средства общения», в котором он на конкретном текстовом и лексикографическом материале показал реальную картину их функционирования и важную роль как невербальной единицы общения носителей монгольского языка и культуры.

Профессор Г.Ц. Пюрбеев ведет активную научно-организационную работу. Он является членом Ученого совета Института языкознания РАН, экспертом ВАК РФ по филологии, экспертом РГНФ по языкознанию, членом диссертационных советов в Институте языкознания РАН и Калмыцком государственном университете, профессором кафедры калмыцкого языка и монголистики, Института калмыцкой филологии КГУ, руководителем исследовательского проекта РГНФ «Большой русско-монгольский словарь». Он также является членом комиссии по сотрудничеству РАН и АН Монголии в области общественных наук, членом бюро Правления общества монголоведов РАН, членом редколлегии Бюллетеня «Российское монголоведение» и серии «Языки народов мира».

Профессор Г.Ц. Пюрбеев занимается подготовкой молодых кадров через аспирантуру и докторантуру Института языкознания РАН и Калмыцкого госуниверситета. В январе 2006 г. в Институте языкознания защитил докторскую диссертацию его ученик В.Н. Мушаев, ныне проректор КГУ. Под его научным руководством 10 аспирантов защитили кандидатские диссертации.

Григорий Церенович оказывает помощь

стажерам, специалистам из Калмыкии, Бурятии, Монголии.

Научная и общественная деятельность Г.Ц. Пюрбеева отмечена многими российскими и зарубежными наградами: медалью «800 лет Москвы», Почетной грамотой Правительства Республики Калмыкия (2000), Благодарностью Президента РАН Ю.С. Осипова в связи с 275-летием АН России (1999), Почетным званием «Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия», медалью «Найрамдал» (5.01.2001, Улан-Батор), медалью «800-летие Великого Монгольского государства» (10.07.2006, Улан-Батор), Академическим почетным знаком АН Монголии «Хубилай-хан – основатель Монгольской Академии» (10.07.2006, Улан-Батор), орденом «Серебряная звезда» Академии Юмжагийна Цеденбала (12.07.2006, Улан-Батор).

Резюмируя вышесказанное о научной деятельности профессора Г.Ц. Пюрбеева, необходимо отметить и некоторые факты из творческой библиографии исследователя. Высокая продуктивность в создании трудов, характеризующая обширный диапазон творческого потенциала ученого, способствовала широкой популярности его имени не только в монголоведении, но и в алтаистике в целом. Немалую роль в этом сыграли личные качества характера Григория Цереновича, скромного труженика, смело и умело решающего сложнейшие проблемы монголоведения.

Большим уважением Г.Ц. Пюрбеев пользуется и в кругу своих коллег по Институту языкознания РАН, которые желают ему дальнейших творческих успехов в монголоведной науке.

ББК 81.2 (2 РОС=КАЛМ)

Убушаев Николай Надбитович - ученый-лингвист**М.У. Монраев**

Статья посвящена описанию жизни и научной деятельности известного камлыцкого лингвиста Н.Н. Убушаева.

Ключевые слова: лингвистика, фонетика, диалектология, лексикология, лексикография, камлыцкий язык.

The article is devoted to the description of the life and scientific activity of well-know kalmyk linguist N. Ubushaev

Keywords: linguistics, phonetics, dialectology, lexicology, lexicography, kalmyk language.

В 2006 г. филологическая наука Калмыкии отметила 70-летие со дня рождения старшего научного сотрудника отдела языкознания Камлыцкого института гуманитарных исследований РАН, кандидата филологических наук, доцента Николая Надбитовича Убушаева.

В 1962 году окончил историко-филологический факультет (камыцкое отделение) Ставропольского государственного педагогического института по специальности «преподаватель камлыцкого языка и литературы, русского языка и литературы». В том же году поступил в аспирантуру Института народов Азии АН СССР. С 1965 по 1978 гг. научный сотрудник Камлыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ). В 1974 году защитил диссертацию «Фонетика торгутского говора камлыцкого языка» на соискание ученой степени кандидата филологических наук. С 1978 года по 1980 годы работал старшим преподавателем на кафедре сценической речи «Государственного института театрального искусства имени А.В. Луначарского (г. Москва), затем старшим научным сотрудником Камлыцкого НИИИФЭ. С 1982 года по 2000 год – заведующий Камлыцкой лабораторией Института национальной школы Министерства народного образования РСФСР, потом зам. директора по научно-методической работе в базовой экспериментальной школе «Алтн Гасн». С 2001 года работает старшим научным сотрудником отдела языкознания КИГИ РАН.

Научные интересы Н.Н. Убушаева связаны с исследованием проблем фонетики, диалектологии, морфологии, лексикографии, этнографии. Широкому кругу специалистов он известен как крупный лексикограф, диалектолог. Н.Н. Убушаев является одним из составителей «Слова-

ря общественно-политических терминов» (1969 г.), «Словаря спортивных терминов» (1996), «Камлыцко-русского словаря» под редакцией Б.Д. Муниева (1977 г.), автором «Школьного тематического камлыцко-русского словаря». Активно участвовал в разработке новых правил орфографии с восстановлением на письме редуцированных гласных и составлении «Орфографического словаря камлыцкого языка» («Хальмг келнэ чикэр бичлнэ зокал болн толь» 1999, 2000 г.).

Будучи зав. лабораторией ИНПО (Институт национальных проблем образования МО РФ), Н.Н. Убушаев стоял у истоков возрождения национальных классов в общеобразовательных школах республики, национальных групп в детских садах. В этой связи стали активно разрабатываться новые программы, учебники, методические пособия по камлыцкому языку и литературе для школ и дошкольных образовательных учреждений. Он является автором (соавтором) ряда программ, учебников камлыцкого языка.

Необходимо отметить, что диалектология всегда была в центре внимания ученого как магистральное направление научно-исследовательской деятельности. Впервые торгутский говор монографически описан Н.Н. Убушаевым в его работе «Фонетика торгутского говора камлыцкого языка» (1979 г.). В данном исследовании показаны фонетическое и лексическое своеобразие говора, устойчивость языковых особенностей. Автором сделан критический анализ разнообразных взглядов монголистов на диалектные особенности камлыцкого языка.

Впервые на эту проблему обратил внимание А. Бобровников, отметив, что «отличия в словах и словоупотреблении можно заметить даже между улусами кал-

мыцкими». Этот важный научный вывод поддержал впоследствии П. Небольсин. В историю изучения калмыцкого языка внес свой посильный вклад также Н. Очиров, который на небольшом, но конкретном материале показал наличие в калмыцком языке двух основных говоров - торгутского и дербетского и выявил их некоторые аспекты фонетического и частично лексического несходства. Н.Н. Убушаев подвергает обстоятельному анализу исследование В. Котвича, вполне обоснованно полагает, что «Опыт грамматики...» занимает особое место и является крупной вехой в развитии калмыцкой диалектологии. Исследователь правомерно считает, что калмыцкая диалектология началась с В. Котвича, сумевшего выявить не только диалектные особенности говоров, но и подробно описать то общее, что их сближает. Автор обращает внимание на работу Б.Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия», полностью разделяет точку зрения автора монографии на классификацию монгольских наречий и говоров. Вызывает сомнение, как считает Н.Н. Убушаев, достоверность утверждения некоторых калмыцких диалектологов о близости языка киргизских калмыков к языку донских калмыков.

Принципиально важно и то, что Н.Н. Убушаев, вполне соглашаясь с некоторыми положениями работы Д.А. Павлова «Современный калмыцкий язык», не разделяет его мнения о том, что уральские, оренбургские, донские калмыки и калмыки, некогда проживавшие по Куме и Тереку, перекочевали в Калмыкию в двадцатых годах нашего времени. Н.Н. Убушаев справедливо считает преждевременным отрицать существование говора, в частности, донских калмыков, представители которого расселены в основном на территории Городовиковского района и в известной степени не утратили своей компактности.

При определении отдельных фонем и фонематической системы в целом, автор придерживается широко распространенного взгляда на фонему как на звук человеческой речи, который отличается от других звуков данного языка своими артикуляционно-акустическими свойствами и, противопоставляясь в данном языке всем другим, может использоваться в смысловых различительных целях.

Н. Убушаев подробно останавливается

на образовании долгих гласных, в диахроническом плане рассматривает комплексы «гласный-согласный-гласный», которые в результате выпадения интервокального согласного, дали долгие гласные. Аргументирован и обоснован вывод о характере взаимодействия между такими языковыми явлениями, как выпадение интервокального согласного и образование долгого гласного (причинно-следственная связь). Для подтверждения своей научной точки зрения внимания он привлекает работы Г.А. Бариновой, пролившие свет на причины редукции и выпадения интервокального согласного и последующего образования долгих гласных, т.е. процесс образования долгих гласных из комплекса ГСГ начинался именно с редукции интервокального согласного и удлинения второго гласного комплекса. Это положение подтверждается автором многочисленными примерами из литературных данных о монгольском письменном языке.

Довольно большое место в работе уделено неясным (редуцированным) гласным. В целом соглашаясь со своими предшественниками по данному вопросу, автор признает позиционную неустойчивость неясных гласных, разную степень их проявления и т.д. Таким образом, рассматриваются диалектные слова, сыгравшие определенную роль в пополнении лексики литературного языка.

Значительным вкладом в калмыцкое языкознание является монографический труд Н. Убушаева «Диалектная система калмыцкого языка» (2006). В исследовании привлечен богатый материал, собранный им в фольклорно-диалектологических экспедициях, который способствует восприятию целостной картины диалектной системы калмыцкого языка, территориально изолированного от других монгольских языков. В работе показано формирование и функционирование диалектов, дается сравнительно-историческое описание фонетических и морфологических особенностей.

Работа Н.Н. Убушаева дает достаточно целостное и объемное представление о диалектной системе калмыцкого языка, отдельные вопросы которой рассматривались в исследованиях Номто Очирова, Д.А. Павлова, А.Ш. Кичикова и др. В данной монографии раскрывается своеобразие фонетических, морфологических и лексических черт торгутского, дербетского, бузавского говоров и ряда подговоров некогда географически

изолированных от основного этнического массива. По этой проблематике в различных научных изданиях им опубликованы интересные и содержательные статьи, получившие в целом положительный отзыв.

Н.Н. Убушаев является одним из ведущих специалистов не только в области диалектологии, как было отмечено выше, но и лексикографии, морфологии, этнографии. Он внес заметный вклад в разработку таких сложных вопросов, как образование долгих гласных, ударение, происхождение неясных гласных. Большое внимание в своих работах исследователь уделяет вопросу о долгих гласных. Как подчеркивает автор, по данному вопросу нет единого мнения. Н. Убушаев сумел по-иному взглянуть на природу долгих гласных и, опираясь на факты старокалмыцкой письменности и современного калмыцкого языка, показал, что образование долгих гласных – это результат, в одних случаях, выпадения интервокального согласного, в других – перемены позиции этого согласного с одним из соседних гласных, между которыми он находился (метатеза).

В отдельной главе рассматривается значение и происхождение некоторых этнонимов (хошуд, бузавы и др.), сыгравших важную роль в формировании и становлении калмыцкой нации и её литературного языка. Этимология отдельных этнонимов разъясняется (истолковывается) реконструкцией первичных форм с использованием междисциплинарных связей и комплексных методов исследования.

Под влиянием литературного языка и ряда экстралингвистических факторов произошло заметное размывание границ говоров и подговоров. Опираясь на различные источники и полевые материалы, собранные автором в 60-90-е гг. прошлого столетия, он наглядно показал, что различие между торгутским, дербетским и бузавским говорами незначительно, за исключением частных случаев на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях, которые не влияют на статус литературного языка, являющегося продуктом консолидации торгутского и дербетского говоров.

И наконец, как мне представляется, на данном этапе стирание диалектных границ стало настолько очевидным фактом, что говорить о существовании подговоров не приходится, а утрата территориальной замкнутости привело к их смешению в языке. Внутренние миграционные процессы (не говоря о тех калмыках, которые покинули республику) ускорили процесс смешения этнических групп на данной территории. Об этом красноречиво свидетельствуют рост численности населения г. Элисты и прилегающих к ней населенных пунктов (Троицкое, Аршань, Солнечное), названия улиц нашей столицы: Кетченеровская, Лаганская, Ойратская и т.д. В реальности происходит консолидация этнических групп.

Заметное место в научной деятельности Н.Н. Убушаева занимает редактирование словарей, монографий, художественных произведений, научно-популярных изданий на калмыцком языке.

Н.Н. Убушаев неоднократно выступал на региональных и международных конференциях и форумах. Он имеет более 80 публикаций, в том числе 2 монографии.

В настоящее время он в составе авторского коллектива работает над составлением «Калмыцко-русского словаря». Н.Н. Убушаев проводит большую общественную работу, принимает активное участие в пропаганде калмыцкого языка, выступает на страницах республиканских газет, участвует в теле- и радиопередачах. Он является руководителем методологического семинара филологического направления КИГИ РАН.

За заслуги в научно-педагогической деятельности и многолетний плодотворный труд Н.Н. Убушаев награжден нагрудным знаком «Отличник народного просвещения РСФСР», медалью «Ветеран труда», удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки РК».

Н.Н. Убушаев находится в расцвете своей творческой деятельности. Пожелаем ему доброго здоровья и успехов в научных поисках!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

---

1. **Абсалямова Юлия Аликовна**, мнс Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, Уфа
2. **Александрова Елена Андреевна**, кандидат культурологии, доцент Московского городского психолого-педагогического университета, Москва
3. **Бадгаев Николай Боктаевич**, к.ф.н., нс КИГИ РАН, Элиста
4. **Бадмаева Екатерина Николаевна**, к.и.н., доцент, заместитель директора по научно-организационной работе КИГИ РАН, Элиста
5. **Басхаев Арлтан Николаевич**, к.и.н., Элиста
6. **Бурыкин Алексей Алексеевич**, д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
7. **Галкина Е.В.**, аспирант Ставропольского государственного университета, Ставрополь
8. **Гунаев Евгений Александрович**, нс КИГИ РАН, Элиста
9. **Дарбеева Анна Ангадыковна**, д.ф.н., Москва
10. **Дорджиева Галина Шираповна**, к.и.н., Элиста
11. **Дугаров Баир Содномович**, д.ф.н., внс Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ
12. **Иванов Дмитрий Владимирович**, хранитель фондов Зарубежной Азии МАЭ (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
13. **Измайлова Е.И.**, аспирант Ставропольского государственного университета, Старополь
14. **Корнилова Ирина Михайловна**, к.и.н., доцент КГУ, Элиста
15. **Максимов Константин Николаевич**, д.и.н., зав отделом истории КИГИ РАН, Элиста
16. **Мацакова Наталья Петровна**, к.и.н., ст.препод. КГУ, Элиста
17. **Маюрова Жаргалма Дагбажалсановна**, к.ф.н., доцент Иркутского государственного технического университета, Иркутск
18. **Монраев Михаил Убушаевич**, д.ф.н., снс КИГИ РАН, Элиста
19. **Мулаева Нина Михайловна**, к.ф.н., нс КИГИ РАН, Элиста
20. **Настинова Галина Эрдниева**, д.географ.н., профессор КГУ, Элиста
21. **Омакаева Эллара Уляевна**, к.ф.н., доцент, зав. отделом языкознания КИГИ РАН, Элиста
22. **Осорин Утнасун**, мнс КИГИ РАН, Элиста
23. **Очирова Нина Гаряевна**, к.пол.н., директор КИГИ РАН, Элиста
24. **Пюрвеева Надежда Басанговна**, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой КГУ, Элиста
25. **Решетов Александр Михайлович**, к.и.н., Санкт-Петербург
26. **Садалова Тамара Михайловна**, к.ф.н. доцент Горно-Алтайского гос. университета
27. **Сальманова Лилия Кутлухужевна**, нс Института истории, языка, литературы УНЦ РАН, Уфа
28. **Санджиев Николай Джамбулович**, кандидат культурологии, доцент Калмыцкого государственного университета, Элиста
29. **Сартикова Евгения Викторовна**, к.и.н., снс КИГИ РАН, Элиста
30. **Тугужекова Валентина Николаевна**, д.ф.н., директор Хакасского научно исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан
31. **Ушницкий Василий Васильевич**, к.и.н., нс Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН, Якутск
32. **Халоупкова Лыгжима**, нс Института тибетских исследований, Прага (Чехия)
33. **Ханинова Римма Михайловна**, к.ф.н., доцент КГУ, Элиста
34. **Хохлов А.Н.**, к.и.н., снс Института востоковедения РАН, Москва

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются результаты фундаментальных исследований в области гуманитарных наук.

Материалы принимаются в бумажном варианте (1 экз.) и в электронном (только на диске или по e-mail) в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала, на странице 28 строк, в строке 60 знаков, включая пробелы. При наборе использовать только стандартные гарнитуры шрифтов: Times New Roman Суг./ Times Halm Win. Электронный вариант статьи должен строго соответствовать бумажному. В электронном варианте допускается расстановка только ав томатических переносов. Страницы обязательно должны быть пронумерованы. После названия статьи обязательно указываются Ф.И.О. автора(ов). Распечатка статьи должна быть завизирована «живыми» подписями всех авторов. Электронный вариант должен состоять из трех файлов: статья, реферат, сведения. Названия файлов должны состоять только из фамилии автора и «статья, реферат, сведения». Например: Иванов-статья.doc, Иванов-сведения.doc, Иванов-реферат.doc. Если в статье несколько авторов, название файлам дается по первому автору.

Рисунки предоставляются на диске отдельными файлами (в форматах jpg (без сжатия), tiff) с распечаткой и перечнем подрисовочных подписей или в редакторе Word внутри текста статьи (только если рисунки сделаны в самом Word). Все обозначения на рисунках должны быть четкими и хорошо отличимыми друг от друга.

Все таблицы должны быть пронумерованы, привязаны к тексту и иметь названия. Принимаются только таблицы, созданные в редакторе Word.

Литература должна быть затекстовая. Вся литература обязательно должна быть привязана к тексту. Нумерация - по мере упоминания в тексте в квадратных скобках. Оформление интернет-источников производится в соответствии с ГОСТом. В литературе при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге. При ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка. Ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи. Статьи без списка литературы не принимаются.

К материалу прилагаются: реферат на русском и английском языках (с использованием рефератных оборотов - анализируется, показано, автор приходит к выводу и т.д. - и обязательным переводом на английский названия статьи); УДК, ББК; ключевые слова; сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); научная степень; научное звание; должность (с указанием полного названия кафедры и ВУЗа); телефоны (кафедры, домашний, сотовый) с указанием кода города; почтовый адрес (домашний и вуза) с указанием почтового индекса; e-mail, паспортные данные. Все сведения и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках.

Сведения предоставляются не в виде анкеты, а одним предложением:

Иванов Иван Иванович - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Южного федерального университета, адрес..., тел..., e-mail... На английском языке точно также.

Ключевые слова даются в 1 строчку - отдельная строка для русских, отдельная для английских.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции: 358000, Республика Калмыкия, ул. Илишкина, д. 8

Тел. (84722) 3-55-06, факс: 2-37-84 .

E-mail: kigiran@elista.ru

Адрес в Интернете: www.kigiran.com

**Вестник
Калмыцкого института гуманитарных
исследований РАН**

№1, 2008

Сдано в набор 10.11.2008. Подписано в печать 24.12.08. Формат бумаги 60x84 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13.5. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель: Учреждение Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Отпечатано в КИГИ РАН, Республика Калмыкия 358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8